

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

на правах рукописи

Шульга Даниил Петрович

**ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО
ШЁЛКОВОГО ПУТИ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В
КОНТЕКСТЕ ТРИАДЫ КИТАЙ-НОМАДЫ–
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ**

07.00.03 – Всеобщая история (История цивилизации, стран, народов, регионов)

Диссертация на соискание степени доктора исторических наук

Новосибирск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Определение Великого Шёлкового пути и история его изучения 16

Раздел 1.1. Определение и хронологические рамки Великого Шёлкового пути 16

Раздел 1.2. Нарративные источники изучения ранних кочевников 36

Раздел 1.3. История изучения кочевников раннего железного века 40

Раздел 1.4. История исследования проблематики Великого Шёлкового пути 51

Раздел 1.5. Специфическая лексика, применяемая в китайских источниках, антиковедении и византистике 62

Глава 2. Кочевники Северного Китая накануне сложения Великого Шёлкового пути 79

Раздел 2.1. Археологические культуры ранних кочевников Северного Китая 80

Раздел 2.2. Хозяйственный тип населения Северного Китая в раннем железном веке 91

Раздел 2.3. Политическая организация кочевников Северного Китая в раннем железном веке (в контексте взглядов на «скотоводческую цивилизацию») 105

Раздел 2.4. Взаимосвязь археологических культур Северного Китая и проблема соотнесения их с этносами 129

Раздел 2.5. Искусство как источник изучения культуры населения Северного Китая V – нач. II вв. до н. э. 152

Раздел 2.6. Уход скифоидных культур – этнополитические последствия для Северного Китая 174

Глава 3. История развития Великого Шёлкового пути 202

Раздел 3.1. Кочевой мир, Греко-Бактрийское царство и Китай: этнокультурная ситуация на юге Центральной Азии в III–II в. до н. э. 202

Раздел 3.2. Полюсы Шёлкового пути: Римское государство и Ханьский Китай во II в. до н.э. – III в. н.э. 219

Раздел 3.3. Эллинистические артефакты в Китае 230

Раздел 3.4. Ромейские монеты в Китае 240

Раздел 3.5. Прозелитические религии на Великом Шёлковом пути между Средиземноморьем и Центральной равниной 293

Раздел 3.6. Монголы, ромеи и Китай: последний расцвет Великого Шёлкового пути 311

Заключение 328

Список литературы 336

Приложение 1: развёрнутая аннотация к иллюстрациям 292

Приложение 2: Иллюстрации

Приложение 3 403

Введение

Актуальность. Великий Шёлковый путь (ВШП), будучи целой сетью маршрутов в Евразии, сыграл огромную роль в социально-политическом и этнокультурном развитии региона. Речь идёт не только о дальневосточных тканях, шедших в Средиземноморье или римском золоте, распространившемся в бассейне Хуанхэ. Влияние ВШП было заметно в религиозной жизни (несторианство, манихейство, буддизм и др.), искусстве (античные образы в Восточной Азии), политогенезе (развитие государственности в Западном крае, на севере Китая и сопредельных регионах) и иных сферах. Всё вышесказанное касается и ряда территорий, ныне входящих в Российскую Федерацию и другие страны постсоветского пространства.

В русскоязычной науке существует интерес к феномену Великого Шёлкового пути, особенно в последние два десятилетия. Ряд вопросов (развитие несторианства в Центральной и Восточной Азии, интерпретация нарративных источников о Шёлковом пути на разных языках, предметы китайского импорта у кочевников Южной Сибири и др.) неплохо изучен в статьях и монографиях. При этом немало материалов (например, восточно-римские монеты в Китае), увы, остаются за рамками исследований. Кроме этого, в постсоветской исторической науке сохраняется и тиражируется ряд не вполне доказательных концепций, предположений и гипотез (начиная от удревления сложения ВШП чуть ли не до эпохи развитой бронзы, заканчивая «легионерами Марка Красса в Китае»).

Настоящее диссертационное исследование, за счет привлечения новых источников (в первую очередь, эпиграфических, археологических и нарративных), их систематизации и анализа позволит существенно расширить и скорректировать бытующие представления о Великом Шёлковом пути. Автор доказательно представит сложение и развитие ВШП как результат совместной деятельности трёх «миров»: греко-романского, китайского и кочевого, заостряя внимание на тех моментах, которые до сих пор в русскоязычной науке изучаемы практически не были.

Кроме вышесказанного, изучение Великого Шёлкового пути актуально и в свете современной геополитической ситуации, когда КНР провозглашает инициативу «Один пояс – Один путь». Адекватное восприятие подобных шагов Китая на международной арене возможно лишь при наличии глубоких исследований исторического ВШП¹.

Объект исследования – Великий Шёлковый путь как этнокультурный и социально-политический феномен.

Предмет исследования – реконструируемые на основе эпиграфических, письменных источников, погребального обряда, вещевого комплекса этнокультурные и социально-политические процессы в VI в. до н.э. – XIV в. н.э., связанные со становлением и развитием ВШП.

Можно выделить основную **цель** настоящей работы: на основании нарративных, археологических и эпиграфических материалов дать анализ движущих сил, принимавших участие в становлении и развитии ВШП. Выполнение цели предполагает решение следующих **задач**.

1. Дать анализ источниковой базы и охарактеризовать её особенности.
2. На основе анализа литературы выявить степень научной разработанности темы.
3. Систематизировать археологический материал скифоидных

¹ Сделанные в ходе работы выводы еще раз доказывают, что торговля по Великому Шёлковому пути отличалась как от современного китайского (свойственного капитализму вообще) экспорта огромных объёмов ТНП средней ценовой категории, так и от известной по отечественной истории стратегии «недоедим, но вывезем» (например, с целью форсированного привлечения средств или технологий). Найденные артефакты показывают, что по ВШП циркулировали «высокомаржинальные товары» (шёлк, фарфор, изделия из драгоценных металлов, нефрит), в то время как бытовые предметы (в т.ч. продукты питания, например, вина или зерно) обычно делались в пределах одного государства или региона. Таким образом, можно говорить, что жизненно необходимое продолжало изготавливаться по принципу «автаркии» (о котором говорили не только античные авторы, но также китайские легисты и конфуцианцы), пусть уже не в пределах полиса (либо удельного китайского царства), но в рамках единого культурного пространства («хуася» или эллинского), а позднее – империи (китайской или римской). Более предметно данные вопросы изучались (применительно к эллинистическому и римскому периодам): *Aperghis G. The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. New York: Cambridge University Press, 2004. 379 p.*; *Temin P. The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press, 2013. 320 p.*

культурнаселения Северного Китая.

4. Реконструировать основные черты хозяйственного комплекса и социальной организации населения Северного Китая в раннем железном веке и гунно-сарматское время.

5. Исследовать связь между археологическими культурами ранних кочевников и народами (в первую очередь – сюнну, сяньби и юэчжи), повлиявшими на становление ВШП (через создание на рубеже древности и средневековья государств в Центральной Азии и Северном Китае).

6. Проанализировать предметы греко-романского происхождения в Китае (предметы искусства, монеты), в том числе в контексте их ориентализации.

7. Охарактеризовать особенности распространения в Китае «внешних» религий (манихейство, несторианское христианство).

8. Рассмотреть параллели в парадигмах внешнеполитических отношений с кочевниками у китайцев и ромеев².

Географические рамки исследования соотносятся с территорией современных Нинся-Хуэйского автономного района, автономного района Внутренняя Монголия, провинций Ганьсу и Шэньси. Они определяются территорией распространения и степенью изученности сначала археологических памятников культур маоцингоу, янлан и шацзин, а затем расположением раннесредневековых государств, династии которых имели кочевое (в первую очередь – сяньбэйское) происхождение (прежде всего, Тоба-Вэй и Северная Чжоу). Из анализа археологических данных ясно, что Синьцзян, с одной стороны, и северо-восток Китая (Дунбэй) – с другой, и в период формирования предпосылок к сложению Шёлкового пути (кон. VI–II вв. до н.э.), и в эпоху непосредственного функционирования ВШП заметно отличались от изучаемого нами региона. Синьцзян имел отношение скорее к Центральноазиатскому культурному кругу, а Дунбэй был сравнительно мало

² Здесь и далее наименования «ромейский», «восточно-римский» и «византийский» используются как синонимы.

вовлечён в деятельность на ВШП. Это доказывает даже численность наиболее ярких маркирующих категорий инвентаря (рисунок 54³).

Северный Китай в настоящем исследовании выступает, таким образом, как территория, наследие которой маркирует связи Центральной Азии и Дальнего Востока со Средиземноморьем (т.е. ареалом греческой, римской и ромейской культур). Не имея возможности в рамках одной работы рассмотреть весь гигантский объём материалов по Шёлковому пути (такой труд занял бы множество томов⁴), мы сосредотачиваемся на одном регионе, демонстрируя через его историю развитие ВШП в целом.

Хронологические рамки работы отражают два периода. С одной стороны, это время существования культур скифского времени кон. VI–III вв. до н.э., представленных в восточной части степного пояса Евразии пазырыкской, уюкско-саглынской, тагарской культурами, а также культурами плиточных могил (КПМ), маоцингоу, янлан, шацзин и другими (рисунок 1). Начало этого периода на территории от Причерноморья до Тувы и восточной части Синьцзяна приходится примерно на втор. пол. VI в. до н.э., когда там полностью угасают культуры раннескифского облика. В относительно изолированной восточной части скифоидного мира от Забайкалья до Хуанхэ этнокультурные процессы происходили не столь резко, но культуры янлан, маоцингоу, и, по-видимому, шацзин также появляются в конце VI в. до н.э. и существовали синхронно культурам Синьцзяна и Саяно-Алтая в VI–III вв. до н.э. Именно этот период, судя по приводимым в диссертационном исследовании материалам, стал временем, когда активно формировались предпосылки для формирования Великого Шёлкового пути (интенсивное

³ Здесь и далее даются отсылки к рисункам в Приложении 2, подробные аннотации к которым содержатся в Приложении 1.

⁴ Артефакты Великого Шёлкового пути географически распространены чрезвычайно широко, один из примеров – находка в Болгарии (Стара Загора) в погребении катафрактария I–II вв. н.э. меча с нефритовыми вставками в ханьском стиле (более подробно: *Gontier É., Kostov R. I., Strack E. A Han-dated 'hydra'-type nephrite scabbard slide found in Chatalka (Bulgaria): the earliest and most distant example of Chinese nephrite distribution in Europe // Arkéolog, 2014. Vol. 65/4. Pp. 5-12.*).

политико-экономическое развитие кочевников, войны в Китае за объединение, постепенное продвижение хуннов на восток в ходе колонизации и войн с персами). С другой стороны, рассматривается функционирование ВШП в поздней древности и раннем средневековье⁵, т.е. анализируются материалы II в. до н.э. – VIII вв. н.э. Наконец, для того, чтоб проследить последствия начавшихся еще в раннем железном веке процессов, автор привлекает события «высокого азиатского средневековья» (XI–XIV вв.).

Источниковая база. В процессе анализа, интерпретации археологических данных и реконструкции систем хозяйствования и мировоззрения широкопривлекались:

1) археологические материалы, опубликованные в статьях и монографиях, посвящённых различным аспектам изучения культуры населения Центральной Азии и сопредельных территорий;

2) музейные коллекции артефактов, зафиксированные автором в КНР (Провинциальные музеи Ганьсу, Шэньси, музей материальной культуры СУАР, музеи г. Пекин, комплекс Мавзолея Первого императора в г. Сиань), а в российских музеях (Государственный Эрмитаж, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, музей археологии Алтайского государственного университета);

3) письменные свидетельства древних авторов (Сима Цянь («Исторические записки»), Геродот («История»), Страбон («География»), Цзя И⁶ (предположительно, «Синь шу», а также различные доклады, в первую очередь, императору Вэнь-ди, который правил в 180–157 гг. до н.э.), Чжугэ Лян («Вертоград полководца»)⁷, Фань Е («История династии Поздняя Хань»), Чэнь Шоу («Записи о Трёх царствах»), Бань Гу («История династии Хань»),

⁵ Делая акцент на наименее изученных темах, подробнее см. разд. 1.4. настоящего исследования.

⁶ Его наставления по поводу взаимоотношения с «варварами» подробно рассматриваются в разделе 3.6.

⁷ Трактат этого автора «Вертоград полководца» переводился нами лично и подробно разбирается во второй главе.

Вэй Шоу («Книга Вэй», *имеется ввиду династия Тоба-Вэй или Северная Вэй, правившая в 386–535 гг., в раздробленном состоянии – до 550-х гг.*), Юй Хуань («Вэй шу», *также имеется ввиду Тоба-Вэй*), Фан Сюаньлин («Книга Цзинь», *имеется ввиду династия Цзинь, правившая в 265–420 гг.*), Яо Сылянь («Книга Лян», *имеется ввиду Южная Лян, правившая в 557–589 гг.*), Лю Сюй («Ранняя история Тан»), Оуян Сю («Новая история Тан»), Токто («Хроника династии Сун»), Ма Дуаньлинь (энциклопедия «Вэньсянь Тункао» и др.), Чжао Жуко («Описание иноземного»)⁸ и др.);

4) религиозно-философские источники Древнего Ирана, Индии (Авеста, Ригведа, несторианские и манихейские тексты);

5) этнографические материалы по культуре кочевников-скотоводов Центральной Азии;

6) нумизматические материалы Единой (в период домината) и Восточной Римской империи, обнаруженные в КНР;

7) эпиграфические источники (в основном, раннесредневековые китайские эпитафии, переведённые, в т.ч., с классического китайского языка, вэньяня, Д.П. Шульгой).

Более подробный анализ источников (в том числе, переведенных лично автором диссертации) произведён в разделах диссертации.

Методология и методы исследования. Автор исходит из принципов исторического материализма, представлений об экономическом базисе и его влиянии на развитие иных сфер общественной жизни. Историки и археологи советской эпохи (а также исследователи из Китайской Народной Республики

⁸ Значительная часть указанных авторов является создателями летописных историй от Хань до Сун, в трудах которых есть фрагменты с упоминаниями китайско-римских контактов, а также описание быта кочевников. К счастью, некоторые подобные разделы переведены на русский (Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука. 1984. 486 с.) и английский языки (Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Records. Munich: Georg Hirth, 1885. Pp. 35-96).

– с 1950-х гг. и до настоящего времени⁹⁾ провели значительную работу по адаптации классического марксизма к специфике обществ Евразии¹⁰⁾. Сейчас отношение к наследию «исторического материализма» неоднозначно, однако автор настоящего диссертационного исследования видит возможность проследить постепенное развитие производительных сил и производственных отношений на основании имеющихся источников.

С середины прошлого века значительно выросла источниковая база для исторических исследований (в том числе, по теме диссертации). Распространение приобретают работы, затрагивающие проблемы интеграции данных археологии, нарративной истории и этнографии. Иногда идёт речь об отдельной дисциплине «этноархеологии», которая может достичь больших успехов в изучении социокультурных явлений¹¹⁾. Автор настоящей работы не склонен к подобному радикализму, но данные этнографии в значительной степени способствуют пониманию социально-экономической жизни ранних номадов. Это объясняется тем, что устойчивые системы ведения хозяйства среди кочевников и полукочевников, сохраняются не зависимо от этнической и языковой принадлежности.

В рамках методологии и методики реконструкций материальной и духовной культуры на основе широкого круга источников использовались: 1) общетеоретические основы отечественной археологической науки (например, В.В. Генинг); 2) элементы структуралистского подхода к культуре любого общества как к системе взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, обладающих предметным и семантическим значением¹²⁾ (К. Леви-Стросс,

⁹⁾ Яркий (и отнюдь не единственный) пример – цитирование Ф. Энгельса в статье о зарождении конницы (*An Zhongyi. The beginning and development of cavalry in pre-Qin period* // *Kaogu Yu Wenwu*, 2003. №4. Рр. 34–39.)

¹⁰⁾ Один из примеров применения марксистской методологии к обществам Евразии при изучении их истории (на основании как археологических, так и письменных источников) демонстрируется в сборнике: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. М.: Наука, 1987. 242 с.

¹¹⁾ Более подробно см., напр., Н.А. Томилов. *Этноархеология: новое направление российской науки* // *Вестник ОмГУ*, 1999. Вып. 2. С. 5–9.

¹²⁾ Данный подход применяется при работе с эпиграфикой, переводимой автором, а также при анализе искусства.

Ю.М. Лотман); 3) общее представление о соотношении «базиса» и «надстройки» в рамках марксистской науки в её современном состоянии (уровень хозяйственного развития предопределяет социально-политические процессы); 4) методологический инструментарий современной исторической компаративистики¹³.

В процессе сбора различных источников и их первичной обработки, а также историографического анализа литературы применялись специальные методы истории, археологии, этнографии, источниковедения (системно-структурный, стратиграфический, типологический, статистический, сравнительно-исторический, ситуационный, системный, историко-хронологический, диалектический, историко-генетический, метод периодизации, идеографический, ретроспективный). В рамках применяемого подхода отдельные артефакты и комплексы исследуются как нечто целое, состоящее из отдельных элементов, способных развиваться, не изменяя характеристик системы. В работе, в зависимости от характера оценочных процедур дана внешняя и внутренняя критика источников, которая состоит из определения подлинности и выяснения достоверности содержащейся в них информации. Мы опираемся на принципы историзма и объективности, а также на антропологический подход (история повседневности и микроистория).

Необходимо особо отметить, что, несмотря на активный анализ материальной культуры древних обществ (и использование соответствующих методик), наше исследование является по своей сути историческим¹⁴, а не археологическим (например, автор не ставит цели

¹³ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2015. 248 с.

¹⁴ Подобный подход описывается в классической работе Владислава Петровича Бузескула, первоначально изданной в Харькове в 1910 г. (переиздание: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.). Например, в разделе «3. Памятники вещественные». Из числа видных исследователей современности этой проблемы касался, например, А.И. Иванчик (Иванчик А.И., Куланда С.В. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза. Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сборник научных трудов. Москва: Институт истории СССР, 1991. С. 192-216.).

установить эволюцию той или иной категории инвентаря). Опора на археологические источники является вынужденной, т.к. значительная часть изучаемого нами периода очень слабо описана в письменных памятниках.

Научная новизна. В предлагаемой диссертации воссоздана картина хозяйственного и культурного развития населения Северного Китая в VI–III вв. до н.э. Веден в научный оборот и систематизирован значительный объём нового материала, прежде не доступного русскоязычному исследователю. Например, новые и малоизвестные погребальные памятники¹⁵.

Проведен сравнительный анализ с культурами скифского времени Саяно-Алтая и Синьцзяна, в том числе артефактов с чертами скифо-сибирского звериного стиля, где удалось выделить ряд существенных характеристик в русле хронологической и культурной принадлежности (в том числе, в контексте продвижения групп населения с севера на юг Китая в IV–III вв. до н.э.).

Впервые в европейской науке автор публикует объемное исследование по римским монетам в Китае, в котором не только приведены их физические характеристики и место обнаружения, но также реконструированы сфера их распространения и социальный статус владельцев.

В научный оборот введены новые материальные и эпиграфические источники, указывающие на заметное влияние на ВШП эллинистического искусства и христианства (подчас существовавших параллельно).

В данной работе Великий Шёлковый путь представлен не как абстрактный феномен межкультурной коммуникации, а как результат конкретный процессов в чётко очерченный период, с явной преемственностью

¹⁵ Наша диссертация, таким образом, дополняет и развивает (на базе новых материалов) научное направление, истоки которого лежит еще в Новом Времени (например, в 1648 г. Я. Готфрид издал «Полное описание мира и народов» - *Expositio totius mundi et gentium*, римский нарративный памятник сер. IV в. н.э.). В рамках современной науки по данной тематике уже в сер. прошлого века выходили такие монументальные работы как, например: *Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М; Л: изд-во Академии наук СССР, 1951. 410 с. + илл.*

и причинно-следственными связями. Автор создал непротиворечивую концепцию сложения Шёлкового пути, в рамках которой рассматривается не только период непосредственного функционирования Великого Шёлкового пути с эпохи Хань (многие эпизоды истории которого неплохо уже изучены), но и «подготовительный этап» – процессы, происходившие в раннем железном веке. В диссертационном исследовании удалось показать, что номады, обитавшие к северу от Хуанхэ, были не просто внешней агрессивной силой, жаждущей дани от Китая, но и важным созидательным элементом (во всяком случае, для ВШП). Вышедшие из «круга скифоидных культур» сюнну и сяньби не просто создавали мощные кочевые империи. Их представители основывали династии на территории Поднебесной (Тоба-Вэй, Суй, Тан и др.). Именно в период их правления торговля на ВШП расцветала, увеличивалось количество импортных изделий (например, римские монеты, предметы искусства в греко-романском стиле), в Поднебесную проникали новые религиозные учения, распространяясь среди населения как самого Китая, так и его соседей. Примечательно, что подобную закономерность можно проследить вплоть до Монгольской эпохи.

Апробация работы. По теме диссертации опубликован ряд публикаций в журналах из списка ВАК (23), SCOPUS (12), WoS (20)¹⁶. Автор принимал участие в более чем пятидесяти конференциях в России (Сибирь, Крым, Санкт-Петербург, Москва), Беларуси, Японии, Китае (Урумчи, Ланьчжоу, Сиань), ЛНР и ДНР¹⁷, где последовательно представлял результаты своих исследований. В 2021 г. на базе Сибирского института управления РАНХиГС под руководством автора был выполнен внутренний исследовательский грант по теме «Этнополитические образования на территории Восточной России и сопредельных территориях (на рубеже древности и средневековья)», в итоге получивший положительную оценку как в СИУ, так и со стороны внешнего

¹⁶ Полный список работ представлен в Приложении 3.

¹⁷ По официальным документам РФ, в «отдельных районах Луганской и Донецкой областей Украины».

эксперта, доктора исторических наук П.К. Дашковского (Алтайский государственный университет)¹⁸.

Положения, выносимые на защиту:

1). Скифоидные культуры Северного Китая в VI–III вв. до н. э. традиционно эпохи бронзы поддерживали тесные связи в меридиональном направлении с кочевниками Монголии, Забайкалья, и, опосредованно, с Минусинской котловиной. В финале раннего железного века эти связи распространялись на юг до бассейна Янцзы.

2). Контакты в западном направлении с населением современного Синьцзяна до кон. III – нач. II в. до н. э. практически не фиксируются. В частности, не выходила на запад за пределы Ганьсу культура шацзин.

3). Хозяйство носителей культур маоцингоу и янлан, судя по археологическим и письменным источникам, в основном базировалось на скотоводстве. Культура шацзин имела более выраженный земледельческий компонент в экономике. Во всех трех культурах наблюдалось социальное и имущественное неравенство.

4). На границах государств Центральной китайской равнины (ЦКР) в VI–IV вв. до н. э. существовало несколько полуварварских государств типа Чжуньшань, служивших передаточным звеном между Центральной равниной Китая и степью, и оказывавших заметное влияние на эти стороны.

5). В течение VI–IV вв. происходило неуклонное продвижение земледельческого населения китайских царств «хуася» в северном и западном

¹⁸Кроме этого, автор в качестве исполнителя принимал участие в следующих проектах: РГНФ, 2012-2014, № 12-01-00301а «Хронология и синхронизация погребальных памятников VIII–III вв. до н. э. кочевников Саяно-Алтая и Северного Китая»; РГНФ, 2014-2016, № 14-01-00477а «Переходный период от Древности к Средневековью на территории Китая (по археологическим данным)»; РНФ, 2014-2016, № 14-18-03124 «Влияние популяций Южной Сибири и Центральной Азии на генофонд сарматского населения»; РФФИ, 2018-2020, № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»; РФФИ, 2021-2022, № 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

направлениях, к III в. до н. э. вытеснявшего и ассимилировавшего скотоводческое население наиболее плодородных земель в районе Ганьсу, Ордоса и Нинся.

6). Время кон. VI–III вв. до н.э. (период Чжаньго в Китае, «скифское время» Сибири, классический и ранний эллинистический периоды в Греции) стало прологом Великого Шёлкового пути, когда складывались его основные акторы. В кон. II в. до н.э. Центральная равнина Китая объединилась под властью империи Хань, у кочевников сложились государства сюнну и сяньби, в этот же период Рим добился гегемонии в Средиземноморье.

7). Римская империя (сначала Единая, а затем – Восточная) воспринималась в Китае как «уравновешивающая» держава, что выразилось в наименовании «Великая Цинь», которое понималось как «империя на западе, подобная Китаю».

8). Предметы искусства в эллинистическом стиле бытовали в Китае как минимум до VII в. н.э., отличаясь степенью ориентализации. Монеты Восточной Римской империи играли огромную роль в экономике Великого Шёлкового пути (по крайней мере, в V–VIII вв. н.э.), являясь, по сути, единственной золотой валютой в регионе. Китай и Восточная империя действительно имели целый ряд сходных черт, выражавшихся, помимо «имперской идеи», в аналогичных методах взаимодействия с кочевниками.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, трёх глав и заключения. В *первой главе* на основе анализа научной литературы автор выявил степень изученности научных проблем, связанных с тематикой исследования. В ней выделяются части (разделы и параграфы) в соответствии с особенностями источников и исследовательской литературы. Кроме этого, исследованы некоторые терминологические вопросы. Темой *второй главы* является культурная, хозяйственная и социально-политическая жизнь кочевников скифского времени в Северном Китае. Источниками для реконструкции стали погребальный обряд и инвентарь, сообщения древнекитайских авторов, искусство и широкий круг аналогий из пояса степей

Евразии. Смысл этой главы – продемонстрировать важнейшие (и в то же время, весьма малоизученные ¹⁹) для формирования ВШП социальные, культурные, хозяйственные и политические процессы. *Третья глава* посвящена наименее исследованным в отечественной науке, но, вместе с тем, важнейшим объектам наследия Великого Шёлкового пути, как материальным (предметы искусства с эллинистическими сюжетами, ромейские монеты, эпиграфика), так и нематериальными (политические традиции и религиозные учения). В *заключении* подводятся итоги диссертационного исследования. В *приложении 1* вынесены развёрнутые аннотации к иллюстративному материалу, в то время как *приложение 2* содержит сами рисунки (66 шт.). Наконец, *приложение 3* является списком статей (BAK, WoS и SCOPUS) автора диссертации.

¹⁹ В сравнении с синхронными событиями кон. VI–III вв. до н.э. в Греции или на Центральной равнине Китая.

Глава 1. Определение Великого Шёлкового пути и история его изучения

Раздел 1.1. Определение и хронологические рамки Великого Шёлкового пути

Вопросам функционирования Великого Шёлкового пути (ВШП) посвящено огромное количество публикаций, но специальных работ по периоду его становления сравнительно немного. Неразработанность этого вопроса особенно заметна в русскоязычной литературе. Касаясь предыстории собственно Шёлкового пути, большинство исследователей ограничиваются констатацией уже известных фактов, как правило, следуя концепции Е.И. Лубо-Лесниченко, дополненной изысканиями Е.А. Кузьминой по III–II тыс. до н. э. Накопленный в последние десятилетия массив археологических данных, а также антропологических и генетических исследований по Древнему Китаю, окружающим его скифоидным культурам, Синьцзяну и Южной Сибири почти не используется. Прежде всего, это касается периода IX–III вв. до н. э., непосредственно предшествовавшего реальному началу функционирования Шёлкового пути через Синьцзян. Зарубежные исследователи (в том числе из Китая) более активно привлекают археологические материалы и результаты естественнонаучных исследований, но почти над всеми из них также довлеет образ уже сложившегося Великого Шёлкового пути, каким он был в I–XIV вв. н. э. Априори считается, что если в I тыс. н. э. Синьцзян пересекался кочевниками и караванами во всех направлениях, то подобная ситуация была и до этого – в III–I тыс. до н. э., только в меньших масштабах. С этих позиций многим представляется несомненным, что через Синьцзян кратчайшим путём с Запада в Древний Китай во II тыс. до н. э. проникали европеоиды с колесницами и металлургия меди, а в I тыс. до н. э. уже происходили интенсивный обоюдный обмен и

торговля, в которых участвовали народы от Китая до Индии, Рима и Причерноморья, а также располагавшиеся в Синьцзяне оазисные города-государства²⁰.

Помимо этого, в Китае во всё большем количестве появляются работы (в том числе, по результатам антропологических и генетических исследований) о проникновении монголоидного населения в эпоху бронзы в район Хами и далее на запад, а также о значительной доле монголоидной примеси на памятниках восточной части Синьцзяна²¹. Всё это создаёт ощущение существования в Синьцзяне встречного движения монголоидов с востока на запад. Не удивительно, что подавляющее большинство исследователей даже не замечает имевшей место с III–II тыс. до н. э. по III–II вв. до н. э. поляризации европеоидов Синьцзяна и монголоидов, заселявших Китай и Ганьсуйский коридор. Лишь немногие отмечают эту важную этнокультурную особенность региона, характерную и для Монголии²².

Для сторонников указанных взглядов проблема видится лишь в получении новых данных для обоснования ранних этапов Шёлкового пути в III–I тыс. до н. э. С таким односторонним подходом нельзя согласиться, как по причине гипотетичности этих взглядов, так и потому, что они формируют

²⁰ Недавно вышедшая работа об активном участии в становлении Шёлкового пути местных оазисов и появившихся в Синьцзяне с V в. до н. э. городов-государств, представляет несомненный интерес (См.: *Høisæter T. Politics and Nomads: The Emergence of the Silk Road Exchange in the Tarim Basin Region During Late Prehistory (2000–400 BCE)* // *Bulletin of SOAS, University of London*. 2017. Vol. 80. № 2. P. 339–363). Однако, автор ограничился археологическими материалами лишь двух районов у озера Баграшколь и реки Керия. Этих данных для построения обоснованной концепции явно недостаточно.

²¹ См.: *Wei Lanhai, Li Hui, Xu Wenkan. The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics*. In: M. Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illés (eds.) *Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture, June 25–29th, 2013*. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 277–300.

²² В качестве примера можно привести мнение китайского учёного Линь Мэйцуня о ситуации в эпоху бронзы в Синьцзяне: «монголоидные культуры в Ганьсу просто остановили европейских мигрантов от проникновения дальше на восток. В противном случае, их влияние было бы более заметным в китайской культуре». См.: *Jan Romgard. Questions of Ancient Human Settlements in Xinjiang and the Early Silk Road Trade, with an Overview of the Silk Road Research Institutions and Scholars in Beijing, Gansu, and Xinjiang* // *Sino-Platonic Papers*. 2008. № 185. 123 p.

ложное представление о феномене возникновения Шёлкового пути. Подобные научные работы и апеллирующие к ним СМИ, совместно создают мнение о существовании Шёлкового пути задолго до нашей эры с хорошими безопасными дорогами, по которым на запад двигались многочисленные караваны с шёлком.

Более приемлемой выглядит точка зрения таких известных специалистов, как Никололо Ди Космо и Виктор Маир, разделяющих взгляды о существовании ранних периодов формирования Шёлкового пути в III–II тыс. до н. э., но указывающих, что собственно Шёлковый путь начинает функционировать только в I в. до н. э.²³ Однако, и здесь мы видим необоснованное распространение понятия «Шёлковый путь» на лишь предполагаемые контакты народов через Синьцзян в III–I тыс. до н. э.

Судя по имеющимся историческим источникам, а также данным археологии, антропологии и генетики, фактические процессы в Синьцзяне существенно отличались от вышеизложенных, а собственно Шёлковый путь с торговлей шёлком из Китая через Синьцзян формируется не ранее I в. до н. э. Особое значение представляют археологические материалы из Синьцзяна, где в последние десятилетия исследовано и опубликовано значительное количество могильников скифского времени, большая часть которых располагается в Притяньшанье у северной трассы ВШП²⁴. В данном разделе приведены основные положения концепции формирования Шёлкового пути и его северных направлений в I тыс. до н. э., а также рассмотрены спорные точки

²³ См.: *Di Cosmo N.* A note on the formation of the ‘Silk Road’ as long-distance exchange network. In: M. Bulut (ed.) *ReSilkroad*. Istanbul: Istanbul Sabahattin Zaim University Publications, 2014. P. 17–26.; *Tansen Sen, Victor H. Mair.* Traditional China in Asian and World History // *Ke Isue in Asian Studie*. 2012. № 9. 108 p.

²⁴ См.: *Хань Цзянье.* Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цзаотеци шидай вэньхуа [韩建业. 新疆的青同时代和早铁器时代文化. 北京: 文物出版社] Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэнь У чубаньшэ 2007. 128 с.; *Шульга П.И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.; *Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи.* Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执. 新疆莫呼查汗墓地. 北京: 科学出版社] Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с.

зрения по данному вопросу российских и зарубежных исследователей из Европы, США, Китая и Южной Кореи.

Сторонники концепции раннего формирования ВШП из Китая в западном и северном направлениях через Ганьсу и Синьцзян исходят из сведений о существовании «лазуритового» и «нефритового» путей с II тыс. до н. э., случаев обнаружения китайских (?) шёлковых тканей к западу от Синьцзяна²⁵, античных письменных источников, а также известных маршрутов уже сложившегося Шёлкового пути в I тыс. н. э. В русскоязычной литературе наиболее развёрнутое обоснование становления ВШП с III–II тыс. до н. э. в своё время предложил Е.И. Лубо-Лесниченко²⁶. Им же были намечены и частью описаны реальные и предполагаемые торговые пути, шедшие из Китая и Передней Азии через Синьцзян в северном направлении в Южную Сибирь. Судя по имеющимся научным и научно-популярным публикациям, выводы и предположения Е.И. Лубо-Лесниченко в той или иной мере принимаются практически всеми русскоязычными специалистами²⁷. Как правило, цитируются его положения о раннем становлении ВШП, распространении шёлка на запад уже в первой половине I тыс. до н. э., существовании в Китае «западного меридионального» торгового пути и сведений о находках китайских изделий IV–III вв. до н. э. за его пределами. Иногда упоминаются

²⁵ Очевидно, что не все в разное время обнаруженные на Западе в памятниках VI–IV вв. до н. э. шёлковые ткани достоверно являются китайскими. Датировки этих памятников нуждаются в уточнении. См.: *Франкфор А.П.* Существовал ли Великий Шёлковый путь во II–I тысячелетии до нашей эры. В: Массон В.М. (отв. ред.) *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Сборник научных статей.* Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 203–217.

²⁶ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М.: Наука, 1975. 170 с.; *Лубо-Лесниченко Е.И.* «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии. Труды Государственного Эрмитажа XXVII (Культура и искусство народов Востока. 9). Л.: «Искусство». 1989. С. 4–9; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с.

²⁷ Необходимо отметить, что какой-либо критический анализ этих выводов отсутствует, что отчасти связано с научно-популярной направленностью многих работ. См.: *Латов Ю.В.* Великий шёлковый путь — Пролог мировой экономики глобализации (к 2130-летию его «открытия») // *Историко-экономические исследования.* 2010. Т.11. №1. С. 123–140.

торговые отношения Китая с Южной Сибирью в IV-III вв. до н. э. по «киргизскому» и «уйгурскому» путям. Однако развёрнутых исследований по их функционированию I тыс. до н. э. пока нет, в том числе в работах «западных» учёных, анализировавших торговые (обменные) отношения северных царств Китая с Южной Сибирью²⁸.

Прежде всего, кратко остановимся на правомерности отнесения к раннему этапу становления ВШП «лазуритового» и «нефритового» путей²⁹, а также миграций европеоидов, продвигавшихся по территории Синьцзяна с запада на восток в III-II тыс. до н. э.³⁰ Разнонаправленные «лазуритовый» и «нефритовый» пути не были связаны между собой, а предположение об их слиянии в середине V в. до н. э.³¹ требует конкретных доказательств. Необходимы и более обоснованные данные о времени добычи и количестве нефрита, поступавшего в Китай из Хотана. О соединении «нефритового» и «лазуритового» путей уходившими на запад юэчжами пишет А. Мамадазимов³². На наш взгляд, юэчжи, действительно, после поражений от сюнну, в первой половине II в. до н. э. первыми проложили путь через Синьцзян в Среднюю Азию. Однако, по всем данным, они двигались намного северней по оазисам Тянь-Шаня, а не на юге вдоль Кунь Луня. Надо учитывать,

²⁸ См.: *Bunker E.C.* The Chinese Artifacts among the Pazyryk Finds // Source. Notes in the History of Art. 1991. Vol. X. №. 4. P. 20–24; *Bunker E.C.* Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1992. Vol. 6. P. 99–115; *Juliano Annette L.* The Warring States Period – the State of Qin, Yan, Chu, and Pazyryk: A Historical Footnote // Source. Notes in the History of Art. 1991. Vol. X. № 4. P. 25–29; *Di Cosmo N.* A note on the formation of the 'Silk Road' as long-distance exchange network. In: M. Bulut (ed.) *ReSilkroad*. Istanbul: Istanbul Sabahattin Zaim University Publications, 2014. P. 17–26.

²⁹ См.: *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с.

³⁰ См.: *Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига. 2010. 240 с.

³¹ См.: *Латов Ю.В.* Великий шёлковый путь — Пролог мировой экономики глобализации (к 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. 2010. Т.11. №1. С. 123–140.

³² См.: *Мамадазимов А.* Расширение торговых связей между крупными центрами цивилизации древности до шёлкового пути // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. №2. С. 7–13.

что письменные свидетельства об указанных путях кратки и относятся к позднему времени, а рисуемая картина для III–II тыс. до н. э. есть результат реконструкций.

Нельзя согласиться и с основанным на материалах III–II тыс. до н. э. заключением Е.Е. Кузьминой, что «древнее открытие Великого шелкового пути подтверждается миграцией в восточном направлении европеоидного населения в Синьцзян»³³. Указанный автор полагала: «По будущим трассам Великого шелкового пути происходило распространение людей, вещей и идей. С миграционными процессами людей связано появление афанасьевцев в Сибири и Синьцзяне, предположительно соотносимых с тохарами ...»³⁴. С последующим влиянием андроновцев связывается проникновение в Китай через Синьцзян металлургии бронзы и колесниц³⁵, и делается вывод, что «Установленное начало контактов степных племен с востоком по трассе будущего Великого шелкового пути с рубежа III–II тыс. до н. э. позволяет отодвинуть время формирования восточного маршрута в глубокую древность»³⁶. Необходимо отметить, что точка зрения об отнесении начального этапа шёлкового пути в эпоху бронзы в различных вариациях принята и большинством «западных» исследователей³⁷, в том числе американскими исследователями: «...из археологических и текстологических источников ясно, что обширные межкультурные сети, включающие движение людей, товаров и идей, связывали центральную равнину с широким миром задолго до того, как был создан знаменитый Шелковый путь. На севере и северо-западе Китай поддерживал контакты с кочевыми племенами, которые способствовали передаче металлургии бронзы и железа. Эти племена также

³³ См.: Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига. 2010. 240 с.

³⁴ См.: там же, с. 117.

³⁵ См.: там же, с. 105.

³⁶ См.: там же, с. 106.

³⁷ См.: Høisæter T. Politics and Nomads: The Emergence of the Silk Road Exchange in the Tarim Basin Region During Late Prehistory (2000–400 BCE) // Bulletin of SOAS, University of London. 2017. Vol. 80. № 2. P. 339–363.

передавали навыки верховой езды и технологии, необходимые для изготовления колесниц, людям на центральной равнине³⁸.

Действительно, данные антропологии, генетики и археологии в Синьцзяне однозначно указывают на близость части исследованных там памятников эпохи бронзы культурам Средней Азии (прежде всего Казахстана) и Западной Сибири. И это вполне естественно, поскольку данная территория заселялась пришедшими с запада европеоидами. Тогда как сколько-нибудь заметных связей с культурами Древнего Китая или Ганьсуйского коридора в то время не наблюдается. Имеются лишь отдельные предметы из Китая, обычно встречающиеся вне комплексов. Иными словами, европеоиды Синьцзяна в III–II тыс. до н. э. в той или иной мере поддерживали связи с родственными культурами в западном и северном направлениях. Аналогичная ситуация сохранялась до III–II вв. до н.э. Преимущественно европеоидное население Синьцзяна продолжало контактировать на границах с родственными культурами Казахстана, Саяно-Алтая и Монголии. Однако, до конца III в. до н. э. связи с Китаем так и не были установлены, в том числе с самой ближайшей с востока культурой шацзин в Ганьсу³⁹. Да, на открытой к западу и к северу территории Синьцзяна имели место инфильтрации⁴⁰ и культурное взаимовлияние⁴¹, но было бы неверно называть эти процессы этапом становления Шёлкового торгового пути.

³⁸ См.: *Tansen Sen, Victor H. Mair. Traditional China in Asian and World History // Ke Issue in Asian Studie. 2012. № 9. 108 р.* Обратим внимание, что в данной работе, упоминается и северное направление, но предпочтение, всё же, отдаётся западному (северо-западному) через Синьцзян. При этом авторы отводят кочевникам роль передаточного звена.

³⁹ См.: *Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.*

⁴⁰ См.: *Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Саэнсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // Труды Государственного Эрмитажа. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. Т. 77. С. 512–533.*

⁴¹ См.: *Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры. Китай в эпоху древности. В: История и культура востока Азии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. С. 101–107.*

Вопроса о возможности функционирования Шёлкового пути со II тыс. до н. э., посредством участия проживавших по его трассе скотоводов (кочевников), касался и французский учёный А.П. Франкфор. Отметив невозможность существования такой системы на столь протяжённом пути, он писал: «В связи с этим можно уверенно сказать, что *гипотеза о древнем шёлковом пути чисто умозрительная* (выделено автором), хотя и можно отметить, что контакты в то время имели место. Парадокс в том, что настоящий шёлковый путь – международная трасса громадной торговли между Востоком и Западом – появился в I в., когда номады (парфяне и кушаны) осели в регионе между Китаем империи Хань и Римской империей»⁴².

Более подробно остановимся на концепции Е.И. Лубо-Лесниченко о существовании в IV в. до н. э. торговых путей из Китая в Южную Сибирь через Ганьсу и Синьцзян, а также из Передней Азии в Южную Сибирь через Турфан в VI-IV вв. до н. э. В основе этой концепции лежит тезис о существовании в Китае «западного меридионального» торгового пути (рисунок 1). По мнению указанного автора, этот путь связывал юго-восток Китая с Ганьсу и Синьцзяном (до Турфана). Далее, согласно Е.И. Лубо-Лесниченко, из Турфана в IV в. до н. э. по трассе «киргизского» пути расходились «дороги» на север в Минусинскую котловину и Горный Алтай (преимущественно, территория Республики Алтай, Россия)⁴³. Не обойдён был вниманием и импорт из Передней Азии. Главным путём, который в то время связывал Южную Сибирь с древними цивилизациями Передней Азии, был определён путь, ведущий из ахеменидского Ирана через север Восточного Туркестана до Тувы, Алтая и Минусинской котловины. Его северная часть от Турфана названа

⁴² См.: Франкфор А.П. Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тысячелетии до нашей эры. В: Массон В.М. (отв. ред.) Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Сборник научных статей. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 203–217.

⁴³ См.: Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии. Труды Государственного Эрмитажа XXVII (Культура и искусство народов Востока. 9). Л.: «Искусство». 1989. С. 4–9; Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с, рис. 116.

«киргизским» путём. Расцвет торговли по этому пути относён к VI–IV вв. до н.э. Начало «киргизского» пути, судя по Е.И. Лубо-Лесниченко, соприкасалось в районе г. Турфана с северной частью «западного меридионального» пути, по которому в Южную Сибирь из государства Чу проникали шёлковые ткани и вышивки, шуские холсты и чуские зеркала. Автором также сделано предположение о связи указанного «киргизского» пути со «степным» путём, описанным Геродотом (рисунок 2).

Итак, Е.И. Лубо-Лесниченко полагал, что ещё до VI в. до н. э. через Турфан функционировал торговый путь из Ирана в Южную Сибирь, достигший в VI–IV вв. до н. э. расцвета. В IV в. до н. э. этот путь, согласно построениям Е.И. Лубо-Лесниченко, должен был соединяться с западным отрезком «западного меридионального» пути, поскольку, тот также выходил (по мнению указанного автора) в район Турфана и продолжался на север по «киргизскому» пути (рисунок 2). Фактически, согласно концепции Е.И. Лубо-Лесниченко, в IV в. до н. э. уже присутствовала основная трасса Шёлкового пути из двух соединявшихся в Турфане отрезков: 1) из государств Китая через Ганьсу до Турфана, 2) из Передней Азии до Турфана. От Турфана должен был отходить и гипотетический «степной» путь на запад в казахстанские степи. При этом, путь из Передней Азии через Турфан на Алтай, по Е.И. Лубо-Лесниченко, существовал, по меньшей мере, с VII в. до н. э., поскольку с VI в. до н. э. отмечается его расцвет. Впрочем, вытекающий из всего этого вывод о сложении разветвлённой трассы ВШП уже в IV в. до н. э. автор так и не сделал, поскольку явно видел его противоречивость⁴⁴.

⁴⁴ Следует добавить, что в отношении Шёлкового пути имеются и более радикальные предположения. Согласно одному из них «завоевания Александра Македонского были мотивированы желанием контролировать торговлю шёлком.» (См.: *Франкфор А.П.* Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тысячелетии до нашей эры. В: Массон В.М. (отв. ред.) Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Сборник научных статей. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С.214), а другому – Китай и саки уже в IV в. до н. э. торговали между собой шёлком и лошадьми (См.: *Кан Ин Ук.* Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути. В: Онгарулы А. и др. (отв. ред.). Золото властелинов Казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Сеул: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея. 2018. С. 404.

Логика начертания Е.И. Лубо-Лесниченко направлений ВШП и его ответвлений довольно проста и понятна: на юге располагались Китай и страны Передней Азии с их товарами; а на севере, в Южной Сибири обнаружены китайские и переднеазитские товары в погребениях кочевников, датируемых в рамках V – начала III в. до н. э. Очевидно, что на север эти товары попадали по каким-то путям, из которых наиболее вероятными для Е.И. Лубо-Лесниченко выглядели уже известные средневековые маршруты через Синьцзян. В этом последнем допущении, на наш взгляд, и заключается основная ошибка. Обратим внимание, что в приведённых выше построениях Е.И. Лубо-Лесниченко для VI–IV вв. до н. э. материалы из самого Синьцзяна не приводятся, что вполне естественно, поскольку письменных источников того времени по Синьцзяну нет, а археологические раскопки активно ведутся там лишь последние десятилетия.

Несомненный интерес относительно вероятности реальных контактов по Притяньшанью (северная трасса Шёлкового пути там сложилась к рубежу эр) представляет работа двух учёных из Китая и США, основанная на пока единственных в своём роде находках из Мацзяюань⁴⁵. Могильник Мацзяюань (Majiauyan) исследован недалеко от г. Тяньшуй на юго-востоке провинции Ганьсу (Китай). В нескольких захоронениях обнаружено значительное количество своеобразных изделий, выполненных в «зверином стиле»⁴⁶. Указанные специалисты не без оснований предположили, что по стилистике и технологии производства они близки изделиям из знаменитого кургана Иссык на юго-востоке Казахстана⁴⁷. Сделано допущение, что в могиле M13 с высокой концентрацией таких предметов могла быть погребена женщина с Тянь-Шаня

⁴⁵ См.: Yang J., Linduff M. K. A Contextual Explanation for «Foreign» or «Steppic» Factors Exhibited in Burials at the Majiauyan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor // *Asian Archaeology*. 2013. № 1. P. 73–84.

⁴⁶ См.: Шульга П.И., Шульга Д.П., Хаснулина К. А. Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2019. Т. 18. № 4: Востоковедение. С. 19–29.

⁴⁷ См.: Yang J., Linduff M. K. A Contextual Explanation for «Foreign» or «Steppic» Factors Exhibited in Burials at the Majiauyan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor // *Asian Archaeology*. 2013. № 1. P. 74.

со своим приданым⁴⁸. На основании данных об имевшем место перемещении в эпоху бронзы монголоидного населения в район Хами, авторы предположили существование между Семиречьем и Китаем древнего пути вдоль Тянь-Шаня, по которому с эпохи бронзы артефакты из запада Евразии и из Ганьсуйского коридора «медленно проникали в Синьцзян с запада и Востока. Перекресток, вероятно, был в Хами»⁴⁹. Следует подчеркнуть, что указанные исследователи для эпохи бронзы пишут не о сквозных торговых путях через Синьцзян, а лишь о контактах с западом и востоком народов, проживавших по Тянь-Шаню. Относительно более поздних находок в Мацзяюань, датируемых ими около III–II вв. до н. э., и хронологически сближаемых с Алагоу (Синьцзян) и курганом Иссык (Казахстан), сделано предположение о прямых передвижениях людей из Тянь-Шаня на территорию государства Цинь (Мацзяюань): «Горы Тянь-Шаня, по-видимому, в это время уже становятся каналом обмена – прелюдией к Шелковому пути более поздних периодов»⁵⁰. Не все положения авторов могут быть приняты, но, в целом, основанное на находках в Мацзяюань мнение о возможном проникновении отдельных групп людей в III–II вв. до н. э. с Тянь-Шаня на границы государства Цинь, вполне допустимо.

Развёрнутое обоснование сложения Шёлкового пути с V в. до н. э., и продвижения саков в Китай недавно предложил южнокорейский археолог Кан Ин Ук. Он исходил из тех же находок в Мацзяюань и положений вышеуказанных авторов. Помимо этого, он дополнительно выделил на территории Китая цепочку памятников с «сакскими» золотыми украшениями от Ганьсу до района Пекина. Удревнив часть из них, Кан Ин Ук пришёл к более категоричному заключению «...данные археологии доказывают наличие еще в V в. до н. э., задолго до образования Империи Хань, активных торговых контактов между Северным Китаем и Центральной Азией. Посредством

⁴⁸ См.: там же, с. 81.

⁴⁹ См.: там же, с. 79.

⁵⁰ См.: там же, с. 81.

торговли золотые изделия сакского облика попадали на территорию китайских царств эпохи Чжаньго. Вероятно, какая-то группа саков даже переселилась в Китай. ... ювелирное искусство и роскошные золотые изделия саков получили на территории Северного Китая практически повсеместное распространение»⁵¹. Как видим, материалы Мацзяюань позволили Ян Цзяньхуа и Кэтрин Линдафф предположить небольшие перемещения людей между Тянь-Шанем и востоком Ганьсу в III–II вв. до н. э. Кан Ин Ук трактует их уже как торговые отношения с V в. до н. э., сопровождаемые целенаправленным перемещением групп саков на варварскую периферию Северного Китая. Для обоснования этого положения, к памятникам сакского круга Кан Ин Ук отнёс и другие наиболее яркие погребальные комплексы с золотыми изделиями в зверином стиле. В Китае сакскими также признаны изделия «найденные на памятниках среднего–позднего Чжаньго (IV–III вв. до н. э.) Сигоупань, Алучайдэн и других объектах на плато Ордос ...», которые, по мнению указанного автора, попадали в Северный Китай «не из степей Сибири, а из Центральной Азии, где существовала культура саков»⁵².

По мнению исследователя «Культура саков продвинулась на восток до района современного Пекина. Типичным ее памятником здесь считается исследованное при раскопках Нижней столицы царства Янь элитное погребение Синьчжуантоу М30»⁵³. Эти выводы, на первый взгляд, выглядят довольно интересными, однако, при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики, поскольку лишены доказательной базы и вытекают из вольных трактовок автора. Важно подчеркнуть, что в работе Кан Ин Ука к сакам относятся и находившиеся в Южной Сибири пазырыкская культура Горного Алтая и полумифические динлины⁵⁴. Столь расширительное

⁵¹ См.: Кан Ин Ук. Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути. В: Онгарулы А. и др. (отв. ред.). Золото властелинов Казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Сеул: Национальный научно–исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея. 2018. С. 410.

⁵² См.: там же, с. 395.

⁵³ См.: там же, с. 401.

⁵⁴ См.: там же, с. 406.

толкование перечня народов и культур сакского мира автоматически предполагает и расширительное толкование содержания «сакского» искусства⁵⁵. Такой подход позволяет отнести к «сакскому искусству» как собственно сакские изделия из Казахстана, так и изделия из Южной Сибири и Монголии, что противоречит как реалиям, так и вышеприведённому высказыванию автора о проникновении этого «искусства» именно из Казахстана через Синьцзян.

На наш взгляд, этнокультурные процессы в Синьцзяне происходили иначе, а сравнительно позднему Шёлковому пути через Синьцзян (с I в. до н. э.) предшествовали торговые отношения северных царств Китая с кочевниками Южной Сибири в IV-III вв. до н. э. и поставки Хань шёлка хуннам во II в. до н. э. В значительной мере предлагаемая концепция основана на археологических материалах. До 80-х гг. археологических данных с территории Синьцзяна было явно недостаточно для сколько-нибудь внятной и обоснованной характеристики культур этого региона в I тыс. до н. э.⁵⁶ За прошедшие годы в ходе масштабных раскопок (особенно, в Притяньшанье) получен представительный материал по интересующему нас периоду. Значительная часть его опубликована, в том числе, и в монографических изданиях. Соответственно, появилась возможность комплексного изучения проблемы становления Шёлкового пути, с привлечением археологии, не ограничиваясь китайскими историческими источниками и сделанными на их основе умозаключениями. Результаты обработки имеющихся данных можно сформулировать в следующих положениях.

Согласно имеющимся данным, население Синьцзяна, прежде всего, наиболее хорошо изученной его северной части от Тяньшаня до Алтая, было

⁵⁵ Следует отметить, что погребение Синьчжуантоу М30 трактуется А.А. Ковалёвым по звериному стилю как близкое пазырыкцам Горного Алтая, тогда как Кан Ин Ук видит в нём сакское искусство.

⁵⁶ См.: *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 4–28.

преимущественно европеоидным с III тыс. до н. э. до II в. до н. э. Монголоидная примесь была незначительной и, в основном в восточной части Синьцзяна⁵⁷. Подавляющее количество российских, китайских и «западных» исследователей полагают, что, начиная с III тыс. до н. э., с территории стран Средней Азии и Российского Алтая в Синьцзян несколькими волнами проникает европеоидное население, в том числе представители афанасьевской и андроновской культур. По большей части их потомки проживали в Синьцзяне и в IX–III вв. до н. э. Европеоидами были и обитавшие в Синьцзяне юэцжи и усуни, достоверно известные китайцам со II в. до н. э.

Наиболее хорошо исследована территория в районе городов Урумчи, Турфан, Хэцзин и Куча, находившихся по трассе ВШП. Исследованные там памятники относятся к культуре чауху и субейси⁵⁸. Северная часть Синьцзяна ещё недостаточно хорошо изучена, но в последние 10–15 лет там также получен значительный материал. Самой известной и представительной в южных предгорьях Тянь-Шаня является преимущественно земледельческая культура чауху, существовавшая с IX по VI–V вв. до н. э. К ней относятся очень крупные могильники, насчитывающие до 250–700 захоронений. Из них полностью раскопаны самый ранний Мохучахань IX–VIII вв. до н. э. (235 могил)⁵⁹ и Чаухугоу-4 VIII–VI вв. до н. э. (248 могил), что помогло понять

⁵⁷ См.: Wei Lanhai, Li Hui, Xu Wenkan. The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics. In: M. Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illés (eds.) Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture, June 25–29th, 2013. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 277–300.

⁵⁸ См.: Хань Цзянье. Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цзаотеци шидай вэньхуа [韩建业. 新疆的青同时代和早铁器时代文化. 北京: 文物出版社] Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэнь У чубаньшэ 2007. 128 с.; Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.; Комиссаров С.А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР). В: Молодин В. И., Хансен С. (отв. ред.) «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2011. 121–129 с.

⁵⁹ См.: Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执. 新疆莫呼查汗墓地. 北京: 科学出版社] Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с.

материалы других частично исследованных могильников, а также проследить эволюцию погребального обряда и материальной культуры в IX–VI вв. до н. э. Могильники культуры субейси VIII–V вв. до н. э. значительно меньше, поскольку оставлены подвижным населением, но, благодаря замечательной сохранности органики, они не менее информативны⁶⁰. Обе культуры (особенно, чауху) характеризуются специфическим погребальным обрядом и керамическими сосудами, не известными на соседних территориях. Значительная часть инвентаря в чауху и в других культурах Синьцзяна IX–V вв. до н. э. относится к типам, широко распространённым в Южной Сибири и Казахстане. Это детали конского снаряжения, поясная фурнитура, украшения, зеркала, некоторые формы ножей, оружие, оселки и пряслица.

Следует обратить внимание на факты длительного сохранения в этих районах Синьцзяна погребальных конструкций и обрядов. Стабильность культур в Синьцзяне (в отличие от Казахстана и Южной Сибири) объясняется отсутствием на данной территории значительных миграций населения и устойчивостью сформировавшихся хозяйственных типов. Эта особенность требует отдельного изучения, но, в любом случае, она указывает на определённую изолированность проживавших в предгорьях Тянь-Шаня человеческих коллективов. Важно подчеркнуть, что, несмотря на территориальное соседство, в Синьцзяне не выявлено ни одного представительного погребального комплекса VIII–IV вв. до н. э., относящегося к культурам Северного Китая и Ганьсу. Учитывая большое количество исследованных по Тянь-Шаню памятников, можно констатировать, что *в скифское время с территории государств Древнего Китая, а также с его заселённых кочевниками западных и северных границ, заметных миграций на Тянь-Шань не было*. Особые погребальный обряд и керамика однозначно указывают на существование в районах городов Хами,

⁶⁰ См.: Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 135–140.

Турфана и Хэцзина археологических культур, формировавшихся в IX–VIII в. до н. э. на местной основе и сохранявшихся без принципиальных изменений в обрядности примерно до середины V в. до н. э., а иногда и до III–II вв. до н. э.

Несмотря на общность происхождения и сходство инвентаря, известные нам культуры населения центральной части Восточного Тянь-Шаня в VIII–VI вв. до н. э. были относительно изолированными и от родственных европеоидных народов Казахстана, Южной Сибири и Монголии. Расположенные по периферии Джунгарии племена, конечно же, взаимодействовали с указанными народами, но за исключением бассейна р. Или и округа Алтай, эти территории археологически почти не исследовались. Тем не менее, в граничащих с Монголией районах известно значительное количество оленных камней монголо-забайкальского, саяно-алтайского и евразийского типов, однозначно указывающих на присутствие народов с территории Монголии. Имеется и пример более далёкой миграции из Центрального Казахстана. Сравнительно недавно на могильнике Саэньсаи близ г. Турфана выявлены подкурганые погребения VIII–VII вв. до н. э., близкие тасмолинским Центрального Казахстана⁶¹. Оставившая эти курганы группа населения сохранила погребальный обряд, но восприняла не свойственный тасмолинцам обычай ставить в могилу керамические сосуды. При этом по форме и раскраске сосуды традиционно местные. Обнаружение в Южном Притяньшанье на могильнике Мохучахань специфических псалиев аржанского типа и сходство погребального обряда с Горным Алтаем указывает на определённые контакты населения этой части Синьцзяна с Тувой и Горным Алтаем и несколько раньше – в IX в. до н. э.

Несомненный интерес представляет наличие в Синьцзяне захоронений V–III вв. до н. э., детально изученной в Горном Алтае (Республика Алтай, Россия) и Восточном Казахстане собственно пазырыкской культуры, а также

⁶¹ См.: Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Саэньсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // Труды Государственного Эрмитажа. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. Т. 77. С. 512–533.

близких ей по погребальному обряду и инвентарю. Они найдены на севере в округе Алтай и на Тянь-Шане (район Турфана). В округе Алтай на севере Синьцзяна обнаружено значительное количество погребений IV – начала III в. до н. э., совершённых по пазырыкскому обряду. Судя по погребальному обряду и инвентарю, они оставлены носителями пазырыкской культуры, проникавшими в это время в Синьцзян через Укок (Республика Алтай, Россия). Видны свидетельства их смешения с местным населением, следствием чего стали многочисленные вариации захоронений с лошадьми⁶². Отмечено и незначительное обратное проникновение из Синьцзяна в Горный Алтай. На основании этих данных можно говорить о существовании на севере Синьцзяна ещё одного центра пазырыкской культуры. С этим центром так или иначе было связано население на Тянь-Шане, обитавшее в районе г. Турфана, оставившее захоронения в могильнике Цзяохэ Гоубей. Два выделяемых там типа погребений фактически являются разновидностями пазырыкского погребального обряда, предполагавшего захоронение ориентированных в восточный сектор человека с лошадью на приступке. Снаряжение многих лошадей в Цзяохэ включало роговые сбруйные наборы, подобные найденным на Алтае⁶³, но особенности погребального обряда, керамика и инвентарь не оставляют сомнений в местном характере рассмотренного памятника. Других подобных могильников там пока неизвестно, но многие черты погребального обряда, инвентарь, одежда и искусство в других культурах по Тянь-Шаню очень близки пазырыкцам⁶⁴. Все эти примеры показывают наличие контактов

⁶² См. Шульга П.И., Слюсаренко И.Ю. Датировка погребальных комплексов на периферии пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 473–477; Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т.16. №4: Востоковедение. С. 24–29.

⁶³ См.: Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с, рис. 88, 89.

⁶⁴ См.: Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна. В: Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.) Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии

между культурами Синцзяна и родственным населением Казахстана и Саяно-Алтая.

Судя по многочисленным исследованным могильникам в Притяньшанье и в южных предгорьях Алтая на территории Синьцзяна, снаряжение лошади и воина, оружие, многие категории инвентаря и украшений в IX–III вв. до н. э. там близки, или идентичны синхронно существовавшему вещевому комплексу культур Казахстана и Саяно-Алтая. Вместе с тем, погребальный обряд и керамические сосуды однозначно демонстрируют своеобразие местных культур Синьцзяна, прошедших долгий путь самостоятельного развития.

В погребальных памятниках IX–III вв. до н. э. в Синьцзяне до сих пор не обнаружено ни одного представительного комплекса из Древнего Китая или из окружавших его с севера и запада культур «варваров». Не известно даже захоронений существовавшей в это время в Ганьсу культуры шацзин, хорошо идентифицируемой по погребальному обряду и инвентарю. Очевидно, что монголоидное население Ганьсу и более восточных территорий в скольконибудь заметном количестве в это время не проникало в оазисы Синьцзяна. Также нет данных и о заметных миграциях европеоидного населения из Синьцзяна Китай. Единственным исключением, являются находки изделий в зверином стиле из Мацзяюань. Однако, они вовсе не являются копией сакских и найдены в захоронениях, совершённых по местному обряду и с «местным» инвентарём, включающем китайские изделия. Из всего этого следует вывод, что до продвижения хунну в Синьцзян в первой половине II в. до н. э. (вслед за уходившими на запад юэчжами), и последующего проникновения Хань с конца II в. до н. э., культуры Синьцзяна почти не контактировали не только с народами Северного Китая, но и примыкавшего с востока Ганьсуйского коридора⁶⁵.

и этнографии СО РАН. Т. IV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 337–343; *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005.

⁶⁵ Вместе с тем, мы не можем полностью отрицать вероятность существования в IV–III вв. до н.э. ограниченных обменных отношений через продвинувшихся к востоку юэчжей.

Между тем, имеются многочисленные и достоверные археологические данные о существовании активных культурных и торговых отношений между Древним Китаем и Южной Сибирью (включая Горный Алтай) напрямую из Северного Китая через Монголию. Из Монголии расходились ответвления на Горный Алтай, Туву, Минусинскую котловину и Забайкалье. Важно отметить, что этот путь примерно соответствует «уйгурскому» пути, справедливо названному «старой дорогой центральноазиатских кочевников»⁶⁶ (рисунок 1, рисунок 2). По этому пути население Минусинской котловины, Забайкалья и Монголии контактировало с Северным Китаем с эпохи поздней бронзы (карасукские бронзы). Имеются все основания говорить о существовании в I тыс. до н. э. между Байкалом и Ордосом «восточной» историко-культурной общности монголоидов, характеризующейся взаимопроникновением культур в меридиональном направлении, сходством погребального обряда и инвентаря⁶⁷. С этой общностью были тесно связаны и европеоидные племена Минусинской котловины. Здесь проходил меридиональный («уйгурский») торговый путь (Китай – Южная Сибирь), основанный на тесных связях, существовавших с эпохи поздней бронзы (XII–X вв. до н. э.). Движение по нему резко активизировалось в IV в. до н. э., и достигло расцвета в конце IV – начале III в. до н. э. Он следовал из района Ордоса, находившегося тогда в сфере интересов и влияния государств Цинь, Чжао и Янь, а далее через Монголию – на запад в Горный Алтай и Верхнее Приобье, и на северо-запад – в Минусинскую котловину. Можно предположить, что основное количество шёлка в IV–III вв. до н. э. попадало в Среднюю Азию, в Синьцзян и далее на

Однако, согласно некоторым исследованиям, юэцжи не заселяли Ганьсуйский коридор, и не имели прямого контакта с государством Цинь. Их столкновения и контакты с хунну происходили в районах к северу и северо-западу от Ганьсу.

⁶⁶ См.: Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 262.

⁶⁷ См.: Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 27–28.

запад по «уйгурскому» пути из Северного Китая через Монголию в Горный Алтай.

По результатам проделанного исследования можно сделать заключение, что широко распространённое в русскоязычной и зарубежной научной литературе мнение о формировании и даже функционировании Великого Шёлкового пути, начиная с III–II тыс. до н. э., или с VI–III вв. до н. э., нельзя считать обоснованным.

Во-первых, анализ известных ранее и массива новых исторических, антропологических и археологических данных позволяет с высокой степенью уверенности говорить об отсутствии до III–II вв. до н. э. фактических доказательств существования торговых (обменных) связей между преимущественно европеоидными культурами Синьцзяна и монголоидами Ганьсуйского коридора, а также более восточных территорий, включая земледельцев Древнего Китая и «варваров». Концепция Е.А. Лубо-Лесниченко и многих других исследователей о функционировании различных торговых путей через Синьцзян в VI–III вв. до н. э. не находит подтверждения.

Во-вторых, можно с уверенностью говорить о существовании двух меридиональных торговых путей между располагавшимися на юге земледельческими цивилизациями (Передняя Азия и Китай) и северными кочевниками Сибири и Монголии. Первый (западный) путь из Передней Азии через казахстанские степи на Горный Алтай (Республика Алтай, Россия), Верхнее Приобье и Южный Урал складывается в VI в. до н. э. с образованием Ахеменидской державы, и угасает в начале III в. до н. э. после восточного похода Александра Великого. Второй меридиональный путь из Северного Китая в Южную Сибирь проходил через Монголию по трассе, сложившейся ещё в эпоху поздней бронзы.

В-третьих, собственно шёлковый путь через Синьцзян на запад из Китая при непосредственном участии китайцев, начинает функционировать только в I в. до н. э., когда Хань ценой больших усилий удаётся установить контроль над этой территорией.

Раздел 1.2. Нарративные источники изучения ранних кочевников

В контексте рассматриваемой темы представляется важным обратить внимание на четыре древнекитайских письменных источника. Три из них переведены востоковедами на русский язык: «Исторические записки» (109–91 гг. до н. э.) Сыма Цяня, охватывающие события от мифического Желтого императора до Западной Хань; «История династии Поздняя Хань» автора Фань Е – продолжение исторической хроники Ханьшу, охватывающее события 25–200 гг. н. э.; «Троецарствие» (не роман) историка Чэнь Шоу (период с 189 по 280 гг. н. э.). Все три исторических труда входят в канон китайской традиции «Двадцать четыре истории».

Помимо названных, в ходе написания книги использовался письменный источник на китайском языке, авторство которого приписывается деятелю эпохи Троецарствия Чжугэ Ляну. В 2016 году вышла книга «Вертоград полководца Чжугэ Ляна на стыке дисциплин», где предложен вариант перевода и анализ источника. В контексте темы исследования в «Вертограде полководца» более всего нас интересует редкий для жанра военных трактатов раздел «Краткая характеристика окружающих народов». Соседи Китая рассматриваются в главах трактата Чжугэ Ляна: 47 – «Восточные и»; 48 – «Южные мань»; 49 – «Западные жуны»; 50 – «Северные ди»⁶⁸. На этих страницах автор описывает соседей Китая: их обычаи, нравы, хозяйство; отдельно подчёркивает «слабые места», методы обороны и нападения на них.

Сыма Цянь (145–86 гг. до н. э.), Фань Е (398–445 н. э.), Чжугэ Лян (181–234 гг. н. э.) и Чэнь Шоу (233–297 гг. н. э.), будучи государственными деятелями, все в разной степени известны своими описаниями соседей Поднебесной. Хотя они не были современниками описываемых ими событий, в их трактатах содержится много информации, ценной для исследователей. Китайские авторы довольно подробно описывают жизнь «северных варваров».

⁶⁸ См.: *Чжугэ Лян*. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮。诸葛亮兵书。北京：北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. С. 140–144.

И эти сведения дают информацию для анализа, сопоставления с собственно археологическими данными, могут быть полезны для выводов и реконструкций разного рода. У китайских специалистов-археологов традиция использования древних летописей устойчива, что представляется вполне допустимым и полезным. Однако при этом необходим критический подход к сведениям летописцев. Например, стоит изначально очень осторожно относиться к «этническим» наименованиям, которые можно почерпнуть из трудов древнекитайских историков. На наш взгляд, это проистекает из характера самих источников. Нельзя забывать того факта, что интерес летописцев был сугубо политическим, а не этнографическим. Народы внезапно пропадали из записей, не обязательно из-за истребления, а потеряв силу, став не интересными для внешней политики государств Центральной равнины. Скажем, сообщения о *киданих* учащаются сообразно увеличению их мощи⁶⁹. Когда хунну ослабили, про них стали меньше писать. Но то, что они в V в. н. э. создали своё государство Ся, было отмечено, так как имело влияние на ситуацию в Поднебесной. Избранные нами для рассмотрения археологические культуры *янлан* и *маоцингоу* куда более дискуссионны с этнической точки зрения, чем соседствующая и родственная обеим культура *юйхуанмяо*, относящаяся к северо-восточному ареалу.

Показательны и рассуждения Чжугэ Ляна с описаниями «варваров» четырёх сторон света. Все они представлены алчными и воинственными, не имеющими постоянной государственности. Вот описание «восточных *и*» и «южных *мань*»: «Особенности восточных народов: пренебрежение ритуалами, отсутствие добродетелей и воинственность. Они скоры на расправу. Проживая рядом с горами и морями, они используют этот рельеф для обороны. Внутри их страны царит мир и согласие. Простой народ живёт в благоденствии, поэтому они никогда не замышляют нападений. Если среди знати происходит

⁶⁹ См.: Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука. 1984. С. 48–50.

мятеж, то среди простого народа начинают проявляться сепаратистские настроения. В такой ситуации можно начинать заниматься подрывной деятельностью, что приведёт их к расколу. Затем можно использовать гуманность и добродетель для привлечения их на свою сторону или же напасть на них с мощной армией, что непременно приведёт к победе...»; «Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить. Они постоянно образуют союзы племён, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга <...> Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду – на западе до хребта Куньлунь, на востоке – до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто заболевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться...» Из этих достаточно схематичных описаний делается *сугубо военно-политический вывод*: «Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании расстроить планы противника»⁷⁰.

Иногда китайские «летописцы» давали очень дробное деление одного «народа». Проследим это на примере цянов. «Сяньлин-цяны», самая крупная из общностей, селившаяся в долинах по берегам рек на территории современного уезда Гуйнань Хайнань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай. В китайской письменной традиции можно найти сведения о том, что «сяньлин» после крушения Восточной Хань на Центральной

⁷⁰ См.: Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮。诸葛亮兵书。北京：北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. С. 141–143.

равнине Китая переселились в Тяньшуй (совр. провинция Ганьсу), Фуфэн (запад совр. провинции Шэньси) и Лунси (запад провинции Ганьсу).

«Шаодан-цяны», или просто «шаодан» были одной из выделившихся из конгломерата западных цянов. Можно предположить, что от их обособления до конца Западной Хань прошло около века. Обитали «шаодан» (если интерпретировать письменные источники) предположительно на северо-востоке уезда Гунхэ провинции Цинхай (недалеко от границы с Ганьсу). Позже значительная часть переселилась в уже упоминавшийся регион Лунси. Другая часть из-за карательных походов Хань вынуждена была переселиться в район истока Хуанхэ, смешавшись с уже жившими там родственными «фа-цянами».

«Шаохэ-цяны» изначально обитали в районе современного городского округа Чжанье провинции Ганьсу, однако потом, под давлением одной из ветвей хунну (лушуйху) были вынуждены мигрировать в окрестности современного города Хуанюань в Цинхае.

«Ханьгань-цяны» исторически пасли стада на территории нынешнего уезда Хуанчжун (городского округа Синин провинции Цинхай), во времена У-ди (157–86 гг. до н.э.) сюда стали совершаться походы китайской армии, в результате чего «ханьгань-цяны» раскололись – часть ушла в коридор Хэси, другие откочевали к северному берегу озера Кукунор.

«Лэцзе-цяны» совершили постепенное переселение с территории современного уезда Пинань округа Хайдун в Цинхае, достигнув западной части нынешней провинции Ганьсу.

Стоит отметить, что ряд цянских объединений освещены куда скромнее. Кроме уже упомянутых «фа-цянов», к этой категории относятся «бэйнань-цяны» (ареал – современный уезд Пинань округа Хайдун, Цинхай), «чжун-цяны» (сосуществовали с «шаодан-цянами», обитали вплоть до уезда Миньсянь городского округа Динси провинции Ганьсу), «дяньлин-цяны» и «лао-цяны» (и те, и другие сперва жили в верховьях Хуанхэ, позднее переселились в центральную часть современной провинции Шэньси), «лэйцзе-цяны» (ареал

их расселения попадает в границы нынешнего Хайнань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай), «байлань-цяны» (в III–IV вв. н.э. проживали на территории Цайдамской впадины) ⁷¹ . Насколько все вышеописанные «цяны» воспринимали друг друга соплеменниками – вопрос чрезвычайно сложный. Существование одновременно весьма общих и предельно дробных «этнонимов» доказывает их условность и ограниченную применимость (что не означает, разумеется, полного отказа).

Раздел 1.3. История изучения кочевников раннего железного века

Российские исследователи древностей ещё в середине XX в. заметили, что вещи *карасукского* типа лишь незначительно распространяются к западу от места их основного скопления – Минусинской котловины. Однако они относительно большим числом фиксировались в Забайкалье, Монголии и Северном Китае вплоть до Хуанхэ (Аньян). Исходя из высокого уровня развития бронзолитейного производства в Древнем Китае, многие склонны были видеть истоки карасукских бронз в культурах, контактировавших с древним Китаем или на севере Китая. Так, С.В. Киселёв, на основании имевшихся археологических материалов и мнения антрополога Г.Ф. Дебеца, предполагал, что карасукская культура Минусинской котловины сформировалась в результате прихода значительных масс населения из Северного Китая⁷². В ходе дальнейших антропологических исследований это не подтвердилось⁷³. Однако наличие связей (вероятно, опосредованных) между указанными территориями сомнений не вызывает. Особенно близкими они должны были быть у населения Минусинской котловины с *культурой*

⁷¹ См.: Тан Хуэйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа [汤惠生、张文华。青海岩画。— 北京：科学出版社 2001] Петроглифы Цинхая. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. С. 11.

⁷² См. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 115, 142–143.

⁷³ См.: Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.

плиточных могил (КПМ) Монголии, для которой характерны как изделия «карасукского» облика, так и схожие надмогильные оградки из плит с угловыми камнями. По мнению Э.А. Новгородовой⁷⁴, исходной территорией карасукских бронз была Монголия, откуда они распространились на юг и север. Так или иначе, сходство инвентаря «карасукского» типа вызвало большой интерес к материалам Северного Китая, сохраняющийся по сей день⁷⁵.

«Карасукская проблема» актуальна не только для эпохи поздней бронзы, но непосредственно касается и проблематики скифо-сибирского мира.

Во-первых, многие исследователи не оставляют попыток найти в карасукской культуре истоки скифского искусства, что вполне естественно, поскольку последнее следует непосредственно за «карасуком» во времени и на той же территории.

Во-вторых, по изображениям оружия, ножей и других предметов на оленных камнях Монголии было установлено, что эти предметы изготавливали с эпохи поздней бронзы и почти весь раннескифский период, (т.е. с IX до конца VII в. до н. э.). Соответственно, так называемая *культура оленных камней* соединяет обе указанные эпохи и культуры к северу и югу от Монголии.

В-третьих, было сделано предположение, что некоторые вещи карасукского облика продолжали производиться в Монголии, Северном Китае и в скифское время⁷⁶. Мнение Н.Л. Членовой о ножах и кинжалах не подтвердилось, но некоторые украшения действительно сохранялись на указанной территории от Забайкалья до Северного Китая даже в V в. до н. э.

⁷⁴ См.: Новгородова, Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука. ГРВЛ, 1970. 191 с.; Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 384 с.

⁷⁵ См.: Варёнов А.В. Чуцзяюй – комплекс с «карасукским» ножом в уезде Шилоу пров. Шаньси в северном Китае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. 15. С. 167–172.

⁷⁶ См.: Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 7. С. 49–77.

Значимое предположение о связи Забайкалья и Монголии с Северо-Восточным Китаем в первой половине I тыс. до н. э. было сделано известным китаеведом В.Е. Ларичевым, отметившим наличие в *культуре плиточных могил* (КПМ) характерных для Китая триподов и сходство погребального обряда с культурами Дунбэя (Северо-Восточного Китая). По его мнению, КПМ сложилась при участии мигрантов из Дунбэя в Монголию и Забайкалье⁷⁷. Эта точка зрения впоследствии была оспорена некоторыми исследователями⁷⁸. Между тем с накоплением материалов близость памятников Забайкалья и юга Маньчжурии и наличие между ними связей в раннем Чуаньцзю (VIII–VII вв. до н. э.) становятся всё более заметными⁷⁹.

Заметным стимулом к изучению древностей Северного Китая в скифское время послужила и проблема происхождения *хунну* (匈奴 *сюнну*), хотя на территории России большая часть памятников хунну значительно позже скифских, и они слабо соотносятся между собой. По легендарным сведениям из китайских источников, возникновение этого народа было связано с переселением в среду «варваров» знатных выходцев из Китая ещё в XI в. до н. э. Археологические материалы, по мнению многих зарубежных (в том числе – китайских) специалистов, также указывают на довольно раннее

⁷⁷ См.: Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 1. С. 63–73.

⁷⁸ См.: Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. С. 44; Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья: историческая литература. АН СССР, Институт археологии. М.: Наука, 1981. С. 26.

1. ⁷⁹ См.: Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 58–60; Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 42; Алкин С.В. К вопросу о связи культуры плиточных могил Забайкалья и культур эпохи раннего металла внутренней Маньчжурии // Евразийское культурное пространство: Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии. Иркутск, 2010. С. 8; Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.

формирование хунну⁸⁰. С ними связывается археологическая культура *маоцингоу* V–III вв. до н. э. (в непосредственной близости к Ордосу), в свою очередь, восходящая к культуре *юйхуанмяо* VII–VI вв. до н. э. (рисунки 21; 22; 24). Поэтому многие занимающиеся хунну специалисты обращаются к материалам Северного Китая скифского времени. В этом отношении показательны статьи А.А. Ковалёва о происхождении хунну, а также авторов сборника, посвящённого 100-летию гуннской археологии, обратившихся к Северному Китаю скифского времени⁸¹ и даже эпохи бронзы⁸².

Несомненный интерес китайские материалы представляют для российских скифологов, но в начале XX в. они привлекались эпизодически, поскольку Южная Сибирь и Северный Китай были крайне слабо изучены. Долгое время в СССР основным источником была изданная в 1933 г. книга А. Салмони по коллекции случайно найденных в Северном Китае вещей⁸³. Целенаправленно к китайским древностям обратились после раскопок курганов пазырыкской культуры, в том числе, собственно, в урочище Пазырык, где впервые были обнаружены импортные вещи из Китая: зеркало с

⁸⁰ См.: *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.; *Чжун Кань, Хань Кунлэ.* Нинся наньбу чуньцю чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа [钟侃, 韩孔乐. 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化] Культура бронз периода Чуньцю-Чжаньго в южной части Нинся. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 1985. 253 с.

⁸¹ См.: *Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб: 2002. С. 150–194; *Постнова Т.А.* К проблеме хронологии культуры Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 55–58; *Коновалов П.Б.* О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 58–63; *Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 89–94.

⁸² См.: *Варёнов А.В.* Датировка оружия, изображённого на оленних камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сюнну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 3–6.

⁸³ См.: *Salmony A.* 1933. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. Paris: C.T. Loo. 119 p.

«Т-образным» знаком, шёлковые ткани и лаковые изделия⁸⁴. Но по причине языкового барьера и затруднённого доступа к китайской литературе значительных исследований не проводилось.

Ситуация существенно стала меняться только с начала 90-х гг. XX в. Одним из первых было исследование Е.И. Лубо-Лесниченко, где найденный в Пазырыке импорт рассматривался на основании доступных ему китайских источников. Е.И. Лубо-Лесниченко пришёл к выводу, что зеркала и шёлковые ткани поступали на Алтай и в Минусинскую котловину в IV–III вв. до н. э. из южнокитайского государства Чу по Западному Меридиональному пути и его ответвлению – Кыргызскому пути⁸⁵ (рисунок 2). Чуть раньше вышел тематический сборник статей американских археологов, посвящённый датировке импортных изделий из Пазырыка, где Э. Банкер привела близкие данные, но с опорой на археологическую литературу⁸⁶. Именно после выхода этого сборника в России началась длительная работа по пересмотру хронологии пазырыкской культуры в сторону её омоложения. Начало процессу было положено статьёй К.В. Чугунова⁸⁷. Нужно сказать, что в публикациях Е.И. Лубо-Лесниченко и Э. Банкер анализу найденного в Пазырыке импорта отведено сравнительно немного места, но работы впервые базировались на довольно большом количестве китайских источников. Рассматривались лишь ремесленные центры и другие памятники, оставленные земледельцами китайских царств.

⁸⁴ См.: *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.; *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953; *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1960.

⁸⁵ См.: *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 222.

⁸⁶ См.: *Bunker E.C.* The Chinese Artifacts among the Pazyryk Finds // Source. Notes in the History of Art. 1991. Vol. X. №. 4. P. 20–24.

⁸⁷ См.: *Чугунов К.В.* Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 167–169.

Собственно археологические материалы – как правило, из могильников «варваров», обитавших на границах китайских царств от Ганьсу до Маньчжурии, – иностранные и отечественные учёные начали анализировать также довольно поздно – с 90-х гг. XX в. Причина в том, что систематические и достаточно крупные раскопки скифоидных памятников «варваров» начались в Китае сравнительно недавно – в 70–80-х гг. XX в., и только в 80–90-х гг. их начали публиковать. Значительная часть материалов была представлена в объёмном сборнике «Ордосские бронзы» (1986 г.)⁸⁸. По нему в 1992 г. группа немецких специалистов переиздала на немецком языке один из наиболее ярких скифоидных памятников – могильник Маоцингоу V–III вв. до н. э. К сожалению, эта, несомненно, нужная публикация оказалась малодоступной для российских археологов и редко цитируется. Из зарубежных работ особо следует отметить монографию вышеупомянутой американской исследовательницы Э. Банкер⁸⁹, подготовленную как своеобразный вводный курс к обширной коллекции бронзовых изделий А. Саклера из Северного Китая. Автор впервые в популярной форме обобщила все известные к тому времени материалы по скифоидным памятникам, выделив четыре района их концентрации (рисунок 3). Эта легко написанная, но содержательная работа имеет различные оценки в кругу русскоязычных археологов. Причиной тому может служить особенность углублённого изучения материалов из Китая, поскольку масштабные раскопки в Южной Сибири после некоторого спада также возобновились в 70–80-х гг. XX в. Осмысление их и издание монографических работ началось в 1990–2000-е гг. Другим известным в

⁸⁸ См.: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фасяньдэ цзинь иньци [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Золотые и серебряные предметы, найденные в могильнике Алучайдэн // Бронзы ордосского стиля Пекин: Вэньу, 1986. 402 с.

⁸⁹ См.: Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.

России, Европе и Китае специалистом по древностям раннего железного века является британская исследовательница С. Дж. Роудсон.⁹⁰

Из российских учёных с археологическими материалами Северного Китая наиболее последовательно, начиная с 80-х гг., работали новосибирские востоковеды А.В. Варёнов и С.А. Комиссаров. Занимаясь культурами эпохи бронзы, они касались и более поздних периодов. В частности, статью С.А. Комиссарова по культуре верхнего слоя Сяцзядянь IX–VII вв. до н. э. можно считать первой достаточно крупной, сугубо археологической работой по памятникам Северного Китая данного периода⁹¹. Одну из первых статей с использованием материалов Северного Китая подготовила Н.В. Полосьмак, предположив участие тасмолинской культуры Центрального Казахстана в формировании культуры хунну⁹². Вскоре это предположение было справедливо пересмотрено, но указанная работа заметно оживила интерес к данной теме⁹³. В 90-е гг. на скифоидные культуры Северного Китая обращают внимание и археологи из Санкт-Петербурга⁹⁴. В частности, А.А. Ковалёвым была издана подборка изображений в зверином стиле, имеющих аналогии на Саяно-Алтае⁹⁵.

⁹⁰ См.: *Rawdson J.* Carnelian Beads, Animal Figures and Exotic Vessels: Traces of Contact between the Chinese States and Inner Asia, с. 1000–650BC // *Archaeologie in China*. 2010. Vol. 1: Bridging Eurasia. P. 1–42.

⁹¹ См.: *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.

⁹² См.: *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // *Китай в эпоху древности*. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 101–107.

⁹³ См.: *Варёнов А.В.* Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сборник научных статей*. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 150–163.

⁹⁴ См.: *Савинов Д.Г.* Могильник Бертек-33 // *Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок)*. Новосибирск, 1994. С. 39–49; *Хаврин С.В.* Карасукская проблема? // *Петербургский археологический вестник*. 1994. Вып. 8. С. 104–113; *Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // *Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов*. СПб: 2002. С. 150–194.

⁹⁵ См.: *Ковалёв А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82.

Как видим, начиная с 90-х гг., материалы из Китая в русскоязычной (как и в зарубежной) археологической литературе фигурируют довольно часто, но специальных исследований скифоидных культур Северного Китая не проводилось. Фактически имеется лишь одна (упомянутая выше), написанная четверть века назад вводная статья по культуре «верхнего слоя Сяцзядянь»⁹⁶. Значительное внимание этой культуре уделил и А.А. Ковалёв⁹⁷, но в развёрнутом виде на русском языке использованные им материалы по данной культуре не были опубликованы. Им же для решения различных вопросов периодически публикуются рисунки некоторых изданных в Китае изделий или инвентарных комплексов⁹⁸. Довольно часто российскими исследователями привлекаются или упоминаются материалы культуры маоцингоу, в частности, в полемических работах А.В. Варёнова⁹⁹. Этот автор впервые опубликовал на русском языке краткий свод наиболее известных скифоидных памятников Северного Китая¹⁰⁰ (рисунки 4). С накоплением материалов в последнее десятилетие стало очевидно, что скифоидные культуры Южной Сибири были тесно связаны с культурами Китая и Монголии, а потому для понимания историко-культурной ситуации в регионе и датирования необходимо изучать

⁹⁶ См.: *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.

⁹⁷ См.: *Ковалёв А.А.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб: Культ-информ-пресс. 1998. С. 122–131.

⁹⁸ См.: *Ковалёв А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82; *Ковалёв А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 138–180; *Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб: 2002. С. 150–194.

⁹⁹ См.: *Варёнов А.В.* Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сборник научных статей. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 150–163.

¹⁰⁰ См.: *Варёнов А.В.* Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т.9. Вып. 4: Востоковедение. С. 39–46; *Варёнов А.В.* Погребальные памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яшьяшань, в Нинься и Ганьсу // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 27–35.

и вводить в научный оборот материалы по скифоидным культурам Китая. Не останавливаясь более на историографии данного вопроса, отметим главное: ни в одной работе на русском языке нет публикаций представительных погребальных комплексов с полным описанием захоронений, инвентаря и соответствующими рисунками, тогда как для исследователя важны именно эти базовые материалы.

Наиболее крупным источником информации являются научные публикации из КНР. В 1986 г. вышел целый ряд статей по раскопкам могильника Маоцингоу Тянь Гуанцзиня и Го Сусинь, где культура маоцингоу рассматривалась в широком контексте смежных с ней родственных образований¹⁰¹. Был сделан вывод о самобытности культуры маоцингоу, автономном развитии различных категорий инвентаря, появилось понятие «артефакты типа маоцингоу». В 1992 г. профессор У Энъ опубликовал труд «Артефакты культур малых народов Северного Китая эпохи Восточная Чжоу», сделавший значительный вклад в изучение памятников¹⁰². Речь шла о том, что народы к востоку от коридора Хэси (дословно: *к западу от реки*) делятся на пять районов. Был проведён сравнительный анализ районов, сделаны предварительные выводы об их отношении к различным народам. Несхожесть прослеживается в форме могил, погребальном обряде, украшениях, искусстве, способе производства и других сферах. В 1993 г. Тянь Гуанцзинь в работе «Исследования взаимного влияния культур, сопредельных с районом Великой стены, во Внутренней Монголии» высказал мысль, что в Ордосе (куда отнесли и территорию степного пояса к северу от гор Иньшань) существовал «тип Таохунбала», в горах Баотоу – «тип Сиюань», в районе Дайхай – «тип Маоцингоу». Предполагалось, что «тип Таохунбала» относится к чисто

¹⁰¹ См.: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фасяньдэ цзинь иньци [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Золотые и серебряные предметы, найденные в могильнике Алучайдэн // Бронзы ордосского стиля Пекин: Вэньу, 1986. 402 с.

¹⁰² См.: У Энъ. Лунь вого бэйфан гудай дунъу вэньши дэ юаньюань [乌恩. 论我国北方古代动物纹饰的渊源 // 考古与文物] Происхождение древних украшений северной части Китая, орнаментированных в зверином стиле // Каогу юй вэньу. 1984. № 4. С. 52.

степной культуре. Погребения в подбое «типа Сиюань» соотносились с материалами из Нинся. «Тип Маоцингоу» был назван скотоводческим с второстепенным по значению земледелием¹⁰³. В 2004 г. Ян Цзяньхуа опубликовала работу «Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго»¹⁰⁴. В районе Внутренней Монголии ею выделено две зоны (западная и восточная), где Маоцингоу, Инъюнгоу и Госяньяоцзы представляются этапами развития населения восточной зоны.

В 1985 г. китайский исследователь Чжун Кань с коллегами издал монографию «Культуры эпохи бронзы периода Чуньцю на юге Нинся». Это было первое комплексное исследование по данному региону, что делает его весьма ценным. Там же сделана попытка систематизации бронзовых изделий. Было высказано предположение о связи рассматриваемого материала с «культурой сюнну»¹⁰⁵. В 1990 г. Ло Фэн в соавторстве издал статью «Северные бронзы, найденные в последние годы в уезде Гуюань, Нинся». Основная суть его рассуждений сводилась к анализу распределения мест захоронений, к изучению хронологии и периодизации, особенностей бронзового инвентаря из Гуюаня и проблемам этнической атрибуции. В целом проведено комплексное исследование, заслуживающее пристального внимания¹⁰⁶.

¹⁰³ См.: Тянь Гуанцзинь. Нэймэнгу чанчэн дидай бутун ситун каогусюэ вэньхуадэ фэньбу цюйюй цзи сяньху инсян [田广金. 内蒙古长城地带不同系统考古学文化的分布区域及相互影响 // 中国生存环境历史演变规律研究] Исследования взаимного влияния культур, сопредельных с районом Великой стены, во Внутренней Монголии // Чжунго шэнцунь хуаньцзин лиши яньбянь гуйлюй яньцзю (Исследование исторического развития условий жизни в Китае). 1993. № 1. С. 123–126.

¹⁰⁴ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 219 с.

¹⁰⁵ См.: Чжун Кань, Хань Кунлэ. Нинся наньбу чуньцю чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа [钟侃, 韩孔乐. 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化] Культура бронз периода Чуньцю-Чжаньго в южной части Нинся. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. 253 с.

¹⁰⁶ См.: Ло Фэн, Хань Кунлэ. Нинся Гуюань цзиннянь фасянь дэ бэйфанси цинтунци [罗丰, 钟侃, 韩孔乐. 宁夏固原近年发现的北方系青铜器 // 考古] Северные бронзы, найденные в последние годы в уезде Гуюань, Нинся // Каогу. 1990. № 5. С. 403–414.

Среди научных работ китайских авторов, писавших о раннем железном веке в Нинся-Хуэйском автономном районе, выделяется коллективная монография «Китайская археология: период двух Чжоу». В ней кратко, но ёмко описываются основные погребальные памятники культур *янлан*, *шацзин*, *юйхуанмяо*, *таохунбала* и *маоцингоу*. Также даются размеры и устройство захоронений, их количество и категории погребального инвентаря, сопоставляются мнения исследователей по поводу этнической принадлежности культур. Часть разделов подготовил к публикации известный китайский специалист по ранним номадам У Энъ¹⁰⁷.

Исследование Сю Чэна, Ли Цзинцзэна, Вэй Чжуна, Хань Сяомана, Янь Шичжуна «Могильник бронзовой культуры янлан в уезде Гуюань в Нинся» содержит подробное описание могильника Мачжуан, самого крупного по наличию захоронений и погребального инвентаря в них. Именно в этой статье, благодаря археологическим раскопкам в д. Мачжуан, был введён в оборот термин «культура янлан»¹⁰⁸.

Также необходимо отметить статью Чжун Каня и Чэн Сяохуа «Могильник Юйцзячжуан в дер. Пэнъян, уезде Гуюань, Нинся». В ней подробно описаны устройство погребений комплекса Юйцзячжуан, останки жертвенных животных, погребальный инвентарь¹⁰⁹. Ещё одно исследование, на которое стоит обратить внимание, содержит вопрос об этнической принадлежности захоронений культуры янлан и захоронений могильника

¹⁰⁷ См.: У Энъ. Янлан вэньхуа // Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [乌恩。杨郎文化 // 中国考古学。两周卷]. Культура Янлан // Археология Китая. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 540–548.

¹⁰⁸ См.: Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан вэньхуа муди [许成, 李进增, 卫忠, 韩小忙, 延世忠. 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 // 考古学报] Могильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся // Каогу сюэбао. 1993. № 3. С. 13–56.

¹⁰⁹ См.: Чжун Кань, Чэн Сяохуа, Янь Шичжун. Нинся Пэнпу Юйцзячжуан муди [钟侃, 陈晓桦. 宁夏彭阳于家庄墓地 // 考古学报] Могильник Юйцзячжуан в волости Пэнпу уезда Гуюань, Нинся // Каогу сюэбао. 1995. № 1. С. 79–107.

Маоцингоу. Это статья Сю Чэна и Ли Цзиньцзэна «Бронзовая культура жунов и ди в период Восточное Чжоу»¹¹⁰.

В 2007 г. вышла обобщающая монография У Эня «Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века». В ней на основании накопленного материала были описаны все скифоидные культуры эпохи раннего железа в Северном Китае, высказывались точки зрения на хронологию, культурные особенности и связь с сопредельными регионами¹¹¹. Эти выводы были существенно дополнены на более широком фоне в обобщающей монографии «Сравнительные исследования археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до периода ранних сунну»¹¹².

Раздел 1.4. История исследования проблематики Великого Шёлкового пути

Если эпоха ранних кочевников, как мы видели выше, исследована не слишком подробно (особенно в российских и англоязычных исследованиях), взаимодействие государств Средиземноморья (эллинистические царства, Рим, Римейская ¹¹³ империя) с Китаем достаточно неплохо представлено в

¹¹⁰ См.: Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн. Дунчжоу шици дэ жунди цинтун вэньхуа [许成, 李进增. 东周时期的戎狄青铜文化 // 考古学报] Бронзовая культура жунов и ди в период Восточного Чжоу // Каогу сюэбао. 1993. № 1. С. 1–11.

¹¹¹ См.: У Энь. Бэйфан цаюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

¹¹² См.: У Энь. Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзяо яньцзю – цинтун шидай чжи цзаоци сунну шици [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化比较研究–青铜时代至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: С эпохи бронзы до периода ранних сунну. Пекин: Кэсюэчубаньшэ 2008.

¹¹³ См.: Stouraitis Y. Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions. Transformations of Romanness in the Early Middle Ages: Early Medieval Regions and Identities // Millennium Studies. 2018. № 71. P. 123–139.

европейской науке. Это неудивительно, так как на английском¹¹⁴, немецком¹¹⁵, китайском¹¹⁶ и французском¹¹⁷ и иных¹¹⁸ языках в принципе выходит очень немало литературы по греко-романской культуре¹¹⁹, политике и военному делу¹²⁰. Для того, чтобы в своем исследовании не повторять предшественников, мы очень кратко рассмотрим основные исследуемые темы.

Некоторые работы по античной экономике, не будучи напрямую посвящены Великому Шёлковому пути, тем не менее весьма полезны для изучения уровня торговых отношений. Яркий пример – монография Г. Апергиса¹²¹ 2004 г. о хозяйстве Селевкидов. Показательно, что в столь обстоятельной работе практически нет упоминаний о Великом Шёлковом пути и Китае, что еще раз доказывает точку зрения, что ВШП оформился только во II–I вв. н.э., т.е. фактически в римское время. Имей место какая-то развитая регулярная торговля Поднебесной со Средиземноморьем раньше (V–III вв.), она неминуемо бы отразилась на экономике обширного Селевкидского государства. К слову, в эпоху реального функционирования ВШП районы Передней Азии активно были вовлечены в торговлю и межкультурное

¹¹⁴ См.: *Bogdanović J.* The Relational Spiritual Geopolitics of Constantinople, the Capital of the Byzantine Empire // *Political Landscapes of Capital Cities*. 2016. P. 97–153.

¹¹⁵ См.: *Brüggemann T.* Vom Machtanspruch zur Herrschaft. Prolegomena zu einer Studie über die Organisation königlicher Herrschaft im Seleukidenreich // *Studia Hellenistica et Historiographica. Festschrift für Andreas Mehl*. 2010. P. 19–57; *Tinnefeld F.* Byzanz und Osteuropa – Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen // *Ringvorlesung WS 2003/04: Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter*. 2003. P. 1–20.

¹¹⁶ См.: *Proceedings of the International Symposium on “Byzantine Gold Coins in the World of Late Antiquity”*. 2017. P. 78.

¹¹⁷ См.: *Thierry F.* Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // *Res Orientales*. 1993. Vol. V. P. 89–139.

¹¹⁸ См.: *Leontsini M.* Proceedings of the first International Conference of Sino-Greek Studies “Relations between the Greek and Chinese world”. *Byzantine Mixed*. 2011. Vol. 20. P. 349–355 (в греческом оригинале: Πρακτικά του Α΄ Διεθνούς Συνεδρίου Σινο-Ελληνικών Σπουδών «Σχέσεις Ελληνικού και Κινεζικού κόσμου». Βυζαντινά Σύμμεικτα. 2011. Vol. 20. P. 349–355).

¹¹⁹ См.: *Svenshon H.* Das Bauwerk als “aistheton soma” // *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. 2010. Vol. 2(1). P. 59–90.

¹²⁰ См.: *Stouraitis Y.* State War Ethic and Popular Views on Warfare // *A Companion to the Byzantine Culture of War*. 2018. Vol. 3. P. 59–91.

¹²¹ См.: *Aperghis G.* The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. New York: Cambridge University Press, 2004. 379 p.

взаимодействие¹²². Выводы о практически полном отсутствии контактов эллинистического мира с Китаем (за исключение Греко-Бактрии¹²³, и то в финале её существования¹²⁴) подтверждает диссертация К.А. Ларсон о производстве и распространении стекла в государствах диадохов и их потомков¹²⁵, где речь о Китае идёт только в контексте процессов, происходивших после рубежа эр (напр., на стр. 241).

Другая работа, посвящённая детальному изучению экономики античного государства, на сей раз Римского, вышла в 2013 г. за авторством П. Тэмина¹²⁶. В ней Великий Шёлковый путь справедливо упоминается, есть прямое указание на торговые связи Рима и Китая (напр., стр. 11), но уделено данному вопросу не так много внимания (основное внимание работы сосредоточено на внутреннем рынке империи). Похожая ситуация, только «с другой стороны», наблюдается в монографии Чэнь Биньина, который, анализируя взаимоотношения Китая с кочевыми соседями, попутно говорит и о Риме¹²⁷ (в контексте сложившегося при Хань Великого Шёлкового пути).

Далее разумно рассмотреть работы, посвящённые непосредственно взаимоотношениям Поднебесной и античных государств (в первую очередь, Рима). Таковых немало, и объем их варьируется от кратких рецензий¹²⁸ и

¹²² См.: *Li Qiang*. A Reflection of the Global History: The Persian Empire's Role in the Relations between the Roman Empire and China (1st – 7th century CE) // *Journal of Research in Education and Training*. 2016. Vol. 9. P. 141–149; *Thierry F.* Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // *Res Orientales*. 1993. Vol. 5. P. 89–139.

¹²³ См.: *Jones R.A.* Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // *The Silk Road Journal*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 23–32.

¹²⁴ См.: *Горин А.Н., Девуреченская Н.Д.* Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Ташкент, Издательство журнала “San‘at”. 2018. Вып. 11. С. 87.

¹²⁵ См.: *Larson K.A.* From Luxury Product to Mass Commodity: Glass Production and Consumption in the Hellenistic World // Doctor of Philosophy dissertation, University of Michigan. 2016. P. 350–388.

¹²⁶ См.: *Temin P.* The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press, 2013. 320 p.

¹²⁷ См.: *Чэнь Биньин*. Гудай ми́ньцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 67, 127.

¹²⁸ См.: *Xinru Liu*. The Silk Road in World History // *China Review International*. 2011. Vol. 18. № 4. P. 530–532.

скорее научно-популярных статей¹²⁹ до масштабных трудов. Пожалуй, одной из самых пространных является книга Л. Маклафлина¹³⁰. В ней на основе огромного массива информации рассматривается широкий круг вопросов, связанных с ВШП. Автор подробно разбирает Великий Шёлковый путь «с римской точки зрения», и это чрезвычайно важно, т.к. многие, в т.ч. отечественные исследователи нередко видят в Шёлковом пути китаецентричное явление (отсюда, видимо, и происходят попытки некоторых коллег отнести к предпосылкам ВШП любые контакты между населением Китая и кем бы то ни было).

Несколько меньший объем имеет труд Л. Христопулоса, вышедший в 2012 г. в журнале «Sino-Platonic papers»¹³¹. В нем автор, анализируя в основном письменные и эпиграфические источники, разбирает историю взаимодействия греко-романского мира с Китаем от III в. до н.э. до развитого средневековья¹³². Разумеется, довольно скромный объём (для таких обширных хронологических рамок) делает в некоторых случаях разбор не слишком детальным. Однако комбинация античных и китайских свидетельств, привлечение данных археологии, делает работу весьма интересной. Стоит отметить, что труд Л. Христопулоса в целом созвучен нашему диссертационному исследованию в том смысле, что период V–II вв. до н.э. воспринимается как некий подготовительный этап для основных акторов ВШП – Китая, кочевников и античных обществ. Похожий подход также наблюдается и в ряде статей, в т.ч.

¹²⁹ См.: *Campbell D.B.* Did the Romans have links with the Far East? // *Ancient Warfare*. 2016. Vol. 10. № 2. P. 45–49.

¹³⁰ См.: *McLaughlin R.* The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd., 2016. 468 p.

¹³¹ См.: *Christopoulos L.* Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 1–90.

¹³² Похожий временной охват имеет и работа по горному делу на ВШП. См.: *Sevillano-López D., González F.J.* Mining and Minerals Trade on the Silk Road to the Ancient Literary Sources: 2 BC to 10 AD Centuries // *History of Research in Mineral Resources*. International Commission on the History of Geological Sciences. 2011. P. 43–58.

на французском¹³³ и немецком языках¹³⁴. Не одинок Л. Христопулос и в своем представлении о важной роли кочевников, по этой теме выходят в кон. XX¹³⁵ и нач. XXI¹³⁶ вв. неуклонно выходят специальные статьи.

Нельзя не отметить вклад в исследование связей античного мира и Китая, внесённых венгерской исследовательницей Кристиной Хоппал. Наибольшую важность имеют её работы 2011¹³⁷ и 2016¹³⁸ гг. На основе анализа различных типов источников (в первом случае – нарративных, во втором – археологических) К. Хоппал показывает взаимные связи двух держав (Китай и Рим) на различных уровнях – вещественном и культурном. К счастью, исследование нарративных источников на стыке с археологией в восточноевропейской науке прослеживается довольно часто¹³⁹. Интересно, что существует работа, «зеркальная» по отношению к статье 2011¹⁴⁰ г. (К. Хоппал рассматривает китайский взгляд на Рим, А. Буэно изучает римские воззрения по поводу Поднебесной).

Отдельно можно выделить группу исследований, применяющих методику исторической компаративистики, в рамках которых идёт сопоставление различных древних обществ, прежде всего, в контексте нашей

¹³³ См.: *Jean-Noël Robert*. Les relations entre le monde romain et la Chine: la tentation du Far East. 2002. URL:

https://www.clio.fr/BIBLIOTHEQUE/pdf/pdf_les_relations_entre_le_monde_romain_et_la_chine_la_tentation_du_far_east.pdf

¹³⁴ См.: *Chung-Yang Kim*. Um das Antikebild auf der Seidenstraße zu gewinnen // Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät. 1997. Vol. 18. № 3. P. 109–114.

¹³⁵ См.: *Ecsedy I.* Links between China and Rome through Byzantium and Persia: the Nomadic Mediation // *Studia Uralo-Altaica*. 1997. Vol. 39. P. 99–106.

¹³⁶ См.: *Green J.* The Silk Road and Ancient Trade: Crash Course World History // World History Project. 2012. № 9. P. 1–5; *J. Rome and China: Connections between Two Great Ancient Empires* // The Roman Republic and Empire. American Military University. 2014. P. 1–23.

¹³⁷ См.: *Hoppal K.* The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources // *Acta Antiqua*. 2011. Vol. 51. № 3. P. 263–306.

¹³⁸ См.: *Hoppal K.* Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations // *Acta Archaeologica*. 2016. Vol. 67. № 1. P. 99–114.

¹³⁹ См.: *Żuchowska M.* “Roman Textiles” in the Hou Han Shu. A 5th Century Chinese Vision versus Roman Reality // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2015. Vol. 6. P. 216–238.

¹⁴⁰ См.: *Bueno A.* Roman Views of the Chinese in Antiquity // *Sino-Platonic papers*. 2016. №. 261. P. 1–21.

тематики, Китай и Рима. Критерием для сравнения может выступать уровень жизни¹⁴¹, денежная система¹⁴² или сразу несколько моментов¹⁴³.

Часть работ сфокусирована на переходе от античности к средневековью, и развитию китайско-римских контактов в этот период. Очевидно, первой крупной работой такого плана можно считать монографию Ф. Хирта 1885¹⁴⁴ г. В дальнейшем мы будем ссылаться на эту и другие¹⁴⁵ работы германско-американского исследователя, здесь лишь отметим, что данный автор совершил огромную (особенно для своего времени) работу с нарративными источниками, переведя многие из них на английский язык, а также приведя ряд собственных концепций (в т.ч. по интерпретации топонимов). Ввиду такого весомого вклада, трудно упрекать Ф. Хирта в том, что его работы иной раз сложно «сходу» понять, т.к. в его время еще не сложилось единой системы передачи китайских названий на английский, и он, очевидно, многие из них транскрибировал по своему разумению. Даже сейчас уже в отечественной науке среди историков без знания китайского данная проблема стоит довольно остро. В выдающейся работе «Каталог монет крепости Узун-Дара», когда авторы привлекают переводы китайских текстов, к сожалению, в ряде случаев вызывает вопросы уже передача китайских названий кириллицей¹⁴⁶. Так или иначе, в современности процессы на ВШП в поздней античности¹⁴⁷ без

¹⁴¹ См.: *Leeuwen B., Li J., Pirngruber R.* The Standard of Living in Ancient Societies: A Comparison between the Han Empire, the Roman Empire, and Babylonia // *Working Papers*. 2013. Iss. 0045. P. 1–29.

¹⁴² См.: *Scheidel W.* The Monetary Systems of the Han and Roman Empires // *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*. 2008. P. 1–55.

¹⁴³ См.: *Richey J.L.* Teaching Early China and Ancient Rome Comparatively // *Education about Asia*. 2008. Vol. 13. № 2. P. 38–43.

¹⁴⁴ См.: *Hirth F.* China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as Represented in old Chinese Records. Munich: Georg Hirth, 1885. 368 p.

¹⁴⁵ См.: *Hirth F.* The Mystery of Fu-lin // *Journal of the American Oriental Society*. 1913. Vol. 33. P. 193–208.

¹⁴⁶ См.: *Горин А.Н., Двуреченская Н.Д.* Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Ташкент, Издательство журнала “San‘at”. 2018. Вып. 11. 176 с.

¹⁴⁷ См.: *Brown P.* The Silk Road in Late Antiquity // *Reconfiguring the Silk Road: New Research on East – West Exchange in Antiquity*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 2014. P. 15–22.

внимания не остаются, в том числе и среди англоязычных китайских исследователей¹⁴⁸.

Немало работ посвящено и ВШП в средневековье. Впрочем, провести чёткую грань между «Римской» и «Константинопольской» эпохой не так просто, ведь бывший Византий стал столицей еще в 330 г. н.э., в то время как италийские центры, Рим и Равенна, находились в составе Восточной империи еще в нач. VIII в. Так или иначе, фигуре Юстиниана (которого можно считать как последний великим императором Древнего Рима, так и первым выдающимся басилевсом средневековых ромеев) в контексте Великого Шёлкового пути посвящено сразу несколько обстоятельных работ. Из вышедший в XXI в. стоит выделить две. Работа Х. Фэлтхама посвящена в первую очередь роли Шёлковому пути в эпоху Юстиниана¹⁴⁹, в то время как Дж. Фриволт¹⁵⁰ акцентирует свое внимание на отношениях Поднебесной и Средиземноморья в этот период. Темы эти, как мы видели выше, тесно взаимосвязаны. Имеются исследования этого периода с опорой на археологические источники¹⁵¹. Среди таковых нельзя не упомянуть диссертацию на степень PhD У Цзюймани¹⁵², который весьма подробно на английском языке проанализировал погребальную культуру раннесредневекового царства Северная Чжоу. Данное государство играло важную роль в структуре Шёлкового пути, так что в его некрополях хранится заметное количество артефактов иноземного происхождения. Данные

¹⁴⁸ См.: *Li Qiang*. Roman Coins Discovered in China and their Research // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2015. Vol. 51. P. 279–299.

¹⁴⁹ См.: *Feltham H.B.* Justinian and the International Silk Trade // *Sino-Platonic papers*. 2009. № 194. P. 1–34.

¹⁵⁰ См.: *Freewalt J.* Justinian and China Connections between the Byzantine Empire and China During the Reign of Justinian I // *Late Antiquity and Byzantium*. American Military University. 2015. P. 1–8.

¹⁵¹ См.: *Harris A.* Archaeological Methodology and Long-distance Contacts in the Sixth Century // *Reading Medieval Studies*. 2006. № 32. P. 91–104.

¹⁵² См.: *Jui-Man Wu*. Mortuary Art in the Northern Zhou China (557-581 CE): Visualization of Class, Role, And Cultural Identity // Doctor of Philosophy dissertation, University of Pittsburgh. 2010. 245 p.

археологии также позволяют пролить свет на социальную жизнь активно вовлечённых в торговлю на ВШП согдийцев¹⁵³ и тюрок¹⁵⁴.

Много работ разного объёма посвящено политике на ВШП. Здесь выделяется книга К. Бекуита «Империи Шёлкового пути»¹⁵⁵. Безусловно, автор проанализировал немало важного материала, но, ввиду широчайших временных рамок (от поздней бронзы до нового времени), нельзя сказать, что все периоды рассмотрены одинаково профессионально и непредвзято. Гораздо более глубокими в частных вопросах выглядят статьи, затрагивающие конкретные эпизоды межгосударственного взаимодействия на Шёлковом пути как в ранне средневековье¹⁵⁶, так и в более поздние эпохи¹⁵⁷. Исследуется отдельно культурное¹⁵⁸, экономическое и политическое влияние Восточной Римской империи на ВШП¹⁵⁹. Здесь обращает на себя статья Ли Цяна¹⁶⁰, в которой китайский ученый на английском языке кратко, но ёмко анализирует роль византийских монет в торговле на Шёлковом пути вообще и, в особенности, на степных его ответвлениях. Более подробная статья на схожую

¹⁵³ См.: *Rong Xinjiang*. New Light on Sogdian Colonies along the Silk Road: Recent Archaeological Finds in Northern China // *Berichte und Abhandlungen*. 2009. №. 10. P. 147–160.

¹⁵⁴ См.: *Lin Ying, Bilig S.* Ethnicity and Rank: A Preliminary Study on the Tomb of the Turkic Murals in Bayan Nur, Mongolia // *Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology*. 2017. P. 1–5.

¹⁵⁵ См.: *Beckwith C.I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present // Princeton University Press. 2009. 472 p.

¹⁵⁶ См.: *MacMaster T. J.* News from the East: The seventh century crises as reflected in western sources. Classics and Archaeology Masters Programme Dissertation. University of Edinburgh, 2011. P. 1–63.

¹⁵⁷ См.: *Boulnois L.* La «route de la Soie»: Histoire du commerce et des transferts de techniques avant le XIe siècle // *Ingénieur de recherche au CNRS*. 2008. P. 1–5.

¹⁵⁸ См.: *Schreiner P.* Byzanz – die Brücke zum Osten // *Proceedings of the International Conference*, Vienna. 2012. P. 11–29.

¹⁵⁹ См.: *Muthesius A.* Byzantine Influences along the Silk Route: Central Asian Silks Transformed // *Contact, Crossover, Continuity: Proceedings of the Fourth Biennial Symposium of the Textile Society of America*. 1994. P. 181–191.

¹⁶⁰ См.: *Li Qiang*. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road // *Steppe Cultural Relics*. 2016. № 1. P. 109–112.

тему (с большим акцентом на историю международных отношений) вышла у того же исследователя через два года (в 2018 г.) в соавторстве¹⁶¹.

Естественно, особняком стоит весьма богатая на события эпоха монгольских завоеваний и владычества. Среди прочих нельзя не указать на монографию монгольского исследователя Д. Баярсайхана о державе Хулагуидов¹⁶². В ней автор детально представляет все перипетии отношений Ильханов с сородичами-Чингизидами, ромеями Трапезунда и Никеи, тюрками, европейцами и мамлюками. К сожалению, данная работа пока издана лишь на монгольском, что несколько затрудняет знакомство с ней ученым, не владеющим языком (либо не имеющим возможности найти переводчика, как это сделал автор диссертации). Вообще стоит отметить, что исследователи из Монголии в XXI в. достаточно активно исследуют политическую историю империй потомков Темучина, применяя современные подходы и концепции¹⁶³. Весьма полезной для автора диссертации оказалась статья уже упоминавшегося Д. Баярсайхана о византийско-монгольских связях¹⁶⁴. Естественно, период владычества Чингизидов в Азии исследуется не только на их исторической прародине. Из последних работ по этой теме хотелось бы отметить крупную статью В. дэ Граафа¹⁶⁵, где автор, среди прочего, анализирует источники средневекового серебра и проводит детальное сравнение монет.

Ряд работ по истории XIII–XIV вв., хотя и мало говорят о Дальнем Востоке, полезны в контексте изучения ВШП, т.к. демонстрируют положение экономики и международных отношений на западе Азии в

¹⁶¹ См.: Li Qiang, Kordosis S. The Geopolitics on the Silk Road: Resurveying the Relationship of the Western Türks with Byzantium through Their Diplomatic Communications // *Medieval Worlds*. 2018. Vol. 8. P. 109–125.

¹⁶² См.: Баярсайхан Д. Хүлэгү хаанаас Абу Са'ид хүртэл: Ил-Хаадын тухай өгүүлүүд. МУИС Пресс Хэвлэлийн Газар. 2016. 245 с.

¹⁶³ См.: Минжун Л. Их Монгол улсаас эрхшээлдээ байсан орнуудад явуулсан бодлого, геополитикийн асуудлууд // Монголын эзэнт гүрний логистик ба зам тээвэр. 2014. P. 33–54.

¹⁶⁴ См.: Баярсайхан Д. Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII-XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. T. XII. Fasc. 3. P. 33–48.

¹⁶⁵ См.: de Graaf W. J. The Silk Road in the Mongol Era // *Tilburg University research*. 2018. P. 1–30.

означенный период. Особого внимания здесь заслуживают крупные статьи Никола Ди Космо¹⁶⁶ и более ранняя, но до сих пор не утратившая актуальности работа А. Томадакиса¹⁶⁷.

В контексте изучения монголов нельзя не упомянуть целого пласта работ, посвящённых распространению несторианства в Азии, в т.ч. в степях к северу от Китая. Тема это довольно востребована в самой Монголии¹⁶⁸, где акцент делается на период развитого средневековья. Есть работы и по развитию несторианства во втор. пол. I тыс. н.э., например, крупная статья А.Д. Комнено, общеизвестная для специализирующихся на данной теме¹⁶⁹. Из более поздних работ можно выделить статью М. Дикенса¹⁷⁰, в которой он высказывает ряд спорных, но интересных предположений (например, о роли Тимура в судьбе несторианства). Среди религий на ВШП, естественно, исследуется не только христианство, но и, например, буддизм¹⁷¹.

Надо упомянуть о работах, в которых изучаются результаты культурного обмена Запада и Востока¹⁷². Учитывая, что подобная коммуникация была весьма разносторонней, тематика исследований также весьма широка. Пожалуй, наиболее «новыми» с точки зрения решаемых вопросов стали труды по искусствоведению, в которых анализируются образы, традиционно в Китае соотносимые со страной «Фулинь» (т.е. Восточной Римской империей или её отдельными регионами). При этом мнения авторов нередко расходятся. Если

¹⁶⁶ См.: *Di Cosmo N.* Black Sea Emporia and the Mongol Empire: A Reassessment of the Pax Mongolica // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2010. Vol. 53. № 1–2. P. 83–108.

¹⁶⁷ См.: *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980. Vol. 34/35. P. 177–222.

¹⁶⁸ См.: *Түмэнбаяр Г.* Христитгэлийн дэлгэрэлт: Үечлэл ба нэршлийн асуудлууд // *Historia Mongolarum*. 2013. V. XII. Fasc. 8. P. 169–181.

¹⁶⁹ См.: *Maria Adelaide Lala Comneno.* Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence // *Journal of the Assyrian Academic Society*. 1997. Vol. 11. № 1. 20–67.

¹⁷⁰ См.: *Dickens M.* Nestorian Christianity In Central Asia [Online]. URL: https://www.academia.edu/398258/Nestorian_Christianity_In_Central_Asia (дата посл. обр. 17.10.21)

¹⁷¹ См.: *Gupta A.* An outline of ancient silk route in central Asian region: Reference with Buddhism // *Journal of Advances in Humanities and Social Sciences*. 2020. № 6(1). P. 19–26.

¹⁷² См.: *Debin Ma.* The Great Silk Exchange: How the World was Connected and Developed // *Textiles in the Pacific, 1500–1900*. 2005. Vol. 12. P. 1–32.

А. Уолкер склонен скорее видеть в «фулиньской птице» некоторые византийские черты¹⁷³, обстоятельно анализируя источники в своей крупной статье, то настрой А. Ливери¹⁷⁴ куда более скептический (чему также приводятся аргументы). Работ по византийским монетам на ВШП, к сожалению, на европейском языке не очень много, имеющиеся зачастую написаны китайцами¹⁷⁵ (литературу на китайском языке мы подробно рассмотрим в соответствующем разделе третьей главы настоящей диссертации).

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить ряд тем, которые по той или иной причине были обойдены вниманием. *Во-первых*, это участие кочевников в становлении Великого Шёлкового пути на раннем этапе его существования. Речь здесь не столько об отсутствии публикаций, сколько об особенностях подходов. Не слишком глубокое знакомство многих исследователей с археологическими материалами к северу от Хуанхэ (а также аналогиями из Сибири) заставляет делать подчас весьма странные выводы¹⁷⁶. К сожалению, исследователи Китая, Европы и Америки, постсоветского пространства работают в известной мере изолированно. Первые прекрасно знают материальную культуру и письменные памятники Поднебесной, но, за редким исключением¹⁷⁷, достаточно слабо знакомы как с античными материалами Средиземноморья, а также комплексами кочевников Сибири и Центральной Азии. Вторые, напротив, опираются на традиции изучения европейских обществ, при этом не имея большого количества обобщающих

¹⁷³ См.: Walker A. Patterns of Flight: Middle Byzantine Appropriation of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2010. Vol. 37. P. 188–216.

¹⁷⁴ См.: Liveri A. Fu-lin dances in medieval Chinese art – Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. P. 69–94.

¹⁷⁵ См.: Lin Ying. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road // *The Silk Road Journal*. 2005. Vol. 3. № 2. P. 16–19.

¹⁷⁶ Нечто подобное иной раз демонстрируют и китайские исследователи, когда обращаются к античным материалам.

¹⁷⁷ Li Qiang. A Reflection of the Global History: The Persian Empire's Role in the Relations between the Roman Empire and China (1st – 7th century CE) // *Journal of Research in Education and Training*. 2016. Vol. 9. P. 141–149.

работ по Центральной и Восточной Азии. Выборочный характер публикаций крайне затрудняет анализ материалов. Не удивительно, что С.-К. Псаррас допустила грубую ошибку, отнеся культуру «верхнего слоя Сяцзянянь» ко эпохе сюнну¹⁷⁸. Русскоязычные исследователи в массе не владеют китайским языком, так что далеко не всегда могут адекватно привлекать китайские материалы для интерпретации находок на собственной территории.

Во-вторых, за пределами интереса европейских (а также отечественных и американских) исследователей оказалась целая группа источников (нумизматических, эпиграфических, письменных). Потому в диссертационном исследовании мы сосредоточим свое внимание на вводе в научный оборот и анализе новых (по крайней мере, для российской и европейской науки) материалов по изучаемым вопросам.

Раздел 1.5. Специфическая лексика, применяемая в китайских источниках, антиковедении и византистике

Китайская и романская цивилизации имели между собой пусть и опосредованные (будучи разделены, например, Тюркским каганатом, с которым взаимодействовали с двух сторон¹⁷⁹), но продолжительные по времени контакты. Интерес к этим взаимоотношениям есть как со стороны

¹⁷⁸ Psarras S.-K. Han and Xiongnu: a reexamination of cultural and political relations // Monumenta Serica, 2003. Vol. 51. Pp. 55-236.

¹⁷⁹ См.: Го Юньян. Лунь Мэнгуго Баяннээр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 //草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаоюань взньу (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 115–123.

китайской¹⁸⁰, так и со стороны европейской науки¹⁸¹. К сожалению, в отечественной науке подобных работ не много (нередко даже у весьма добросовестных авторов информация о ромейских монетах и их имитациях в погребениях даётся лапидарно¹⁸²).

Необходимо указать ряд особенностей китайской византистики. Дело в том, что большая часть исследований касается не устройства государства со столицей в Константинополе (культуре, социуму, политике, военному делу), а найденным в КНР артефактам, либо изготовленным в пределах Восточной Римской империи, либо несущим на себе ромейское влияние. Подобные работы, в свою очередь, можно условно разделить на три категории. *К первой* можно отнести публикацию материалов с археологических памятников, где, среди прочего, были найдены, например, византийские монеты (или их имитации). Нередко в таких публикациях содержится лишь очень краткое описание вещи, нередко без фотографии или рисунка¹⁸³. *Ко второй* принадлежат работы по несторианству, которое в сознании средневековых

¹⁸⁰ Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзялю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 111–125; Ли Сяоцун. Чжунго цюйюй лиши дили [李孝聰。中国区域历史地理—地缘政治、区域经济开发和文化景观。北京：北京大学出版社 2004] Региональная историческая география – геополитика Китая, региональное экономическое развитие и культурный ландшафт. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2004. 503 с.; Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社 2004] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 515 с.

¹⁸¹ Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China // Sino-Platonic Papers, 2012, Vol. 230. 79 p.; Hirth F. The Mystery of Fu-lin // Journal of the American Oriental Society, 1913, Vol. 33. P. 193–208; Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as Represented in old Chinese Records. Munich: Georg Hirth. 1885. 368 p.

¹⁸² Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. 324 с.

¹⁸³ Лю Бинь, Янь Хуэй. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньу (культурное наследие). 2016. №7. С. 4–14.

китайцев не теряло связи с римским востоком (разумеется, мы берем работы на китайском, так как работаем с терминологией именно этого языка). Таких работ довольно много (даже если мы рассматриваем первый период расцвета религии при Тан и опускаем монгольскую эпоху). Они касаются как узких источниковедческих вопросов (эпиграфики на китайском¹⁸⁴ и тюркских¹⁸⁵ языках), так и более обобщающих проблем (социального положения носителей несторианства¹⁸⁶, межкультурной коммуникации¹⁸⁷ и т.д.). Наконец, третья категория – статьи о ромейских монетах, найденных на территории Китая. Эта тема в КНР является довольно популярной в Китае, по ней, например, была посвящена диссертация Го Юньяня, защищённая в 2006 г.¹⁸⁸. Существует и немало работ по более «дробным» вопросам: изготовлению имитаций «солидов» на Шёлковом пути¹⁸⁹, систематизации нумизматических

¹⁸⁴ Ян Гунлэ. «Дацинь цзинцзяо люсин чжунго бэй» жогань шиши као си [杨共乐。《大秦景教流行中国碑》若干史实考析 // 史学史研究 2009 年第 2 期] Анализ некоторых исторических фактов о несторианской стеле в Китае // Шисюэши яньцзю. 2009. №2. С. 120–121.

¹⁸⁵ Ню Жуцзи. Чжунго туцзюэ юй цзинцзяо бэймин вэньсянь гай шо [牛汝极。中国突厥语景教碑铭文献概说 // 民族语文 2000 年第 4 期] Обзор тюркских несторианских надписей в Китае // Миньцзу юйвэнь. 2000. №4. С. 62–67.

¹⁸⁶ Гэ Чэньюн. Тандай Чанань игэ сутэ цзятин дэ цзинцзяо синьян [葛承雍。唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 // 历史研究 2001 年第 3 期] Несторианские верования согдийской семьи в Чанане в период династии Тан // Лиши яньцзю. 2001. №3. С. 181–186.

¹⁸⁷ Чжан Сюйшань. Цзинцзяо дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山。景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 // 世界历史 2005 年 6 期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае // Шицзе лиши. 2006. №6. С. 76–88.

¹⁸⁸ Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай. 2006. 286 с.

¹⁸⁹ Ло Фэн. Гуаньйой си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь [罗丰。关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 // 中国钱币 1993 年 4 期] Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане // Чжунго цянби. 1993. №4. С. 17–19.

находок в том или ином крупном погребении¹⁹⁰ или могильнике¹⁹¹. Особняком стоят работы собственно по Восточной Римской империи, коих, впрочем, немного. Чаще всего среди соавторов в таких статьях фигурирует исследователь Ли Цян, который анализировал «Книгу епарха»¹⁹² и иные вопросы (более подробно соотношение используемых г-ном Ли наименований можно видеть в таблице №1). Данный автор является учеником известной китайской исследовательницы Сюй Цзялин. Её наследие мы в данной работе не затрагиваем, так как оно отчасти издано на английском языке¹⁹³, что выпадает из нашей тематики, а китайская часть ее работ не слишком доступна.

При всё вышеописанном многообразии тематик, опорой для китайских исследователей византийского наследия так или иначе являются письменные источники. Здесь мы рассмотрим три традиционных названия, которые обычно применяли авторы классических китайских исторических трудов (в поздней древности и раннем средневековье) для Римской империи (в т.ч. и Восточной). Во-первых, это Фулинь (拂菻, Fúlǐn), во-вторых, Дацинь (大秦, dà qín), в третьих – Хайсиго (海西国, Hǎi xīguó). С точки зрения языка весьма примечательно, что эти топонимы построены по различному принципу.

Проще всего объяснить последний (он сравнительно редок и известен прежде всего по «Хоу Ханьшу»). Хайсиго можно перевести как «Страна западного моря» (либо как «государство морского запада», т.к. определение в

¹⁹⁰ Ло Фэн. Бэйчжоу Ши Цзюнь мучуту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжи пиньси [罗丰. 北周史君墓出土的拜占庭金币仿制品析 // 文物 2005 年第 3 期] Анализ имитаций византийских золотых монет, обнаруженных в гробнице Шицзюня эпохи Северная Чжоу // Вэньбу. 2005. №3. 57–65.

¹⁹¹ Линь Ин. Цзюсинху юй Чжунъюнань дицзюй чуту дэ фанчжи байчжаньтин цзиньби [林英. 九姓胡与中原地区出土的仿制拜占庭金币 // 欧亚学刊 2004 年第 4 辑] Варвары и имитации византийских золотых монет, обнаруженных на Центральной равнине // Оуя сюэкань. 2004. Вып.4. С. 119–129.

¹⁹² Мао Синьсинь, Ли Цян. Байчжаньтин «Шичжэнь гуань фа» ичжу [毛欣欣、李强. 拜占庭《市政官法》译注 // 古代文明 2012 年第 3 期] Перевод и аннотация византийской "Книги епарха" // Гудай вэньмин. 2012. №3. С. 13–34.

¹⁹³ Xu Jialing. Narratives of the Roman-Byzantine World in Ancient Chinese Sources // Byzantine Narrative. Papers in Honor of Roger Scott. Edited by J. Burke et al. (Melbourne), 2006. P. 497–504.

китайском ставится перед управляемым словом)¹⁹⁴. Так или иначе, перед нами «описательный» топоним, в котором явно указывается на Средиземное море, игравшее огромную роль в жизни Римской империи (как единой, так и, впоследствии, Восточной).

Несколько сложнее дело обстоит с «Дацинь». Этот топоним, на наш взгляд, есть попытка «китаизировать» Римскую империю, сопоставив её с одной из великих династий Поднебесной. Династия Цинь, объединившая царства Центральной равнины во втор. пол. III в. до н.э., хотя и просуществовало очень недолго, сыграла решающую роль в трансформации Китая в единую империю. «Дацинь» дословно переводится как «Великая Цинь». Очевидно, семантика данного топонима была примерно следующей: «Великое государство на западе, подобное Китаю» (ассоциации с западом проистекали из того факта, что исторически династия Цинь происходила с западных рубежей Поднебесной). Примечательно, что именно этот вариант названия Римской державы стал связан с христианством (прежде всего, несторианского толка), и сохранялся весьма долго¹⁹⁵.

Наконец, топоним «Фулинь», вероятнее всего, является попыткой транскрибировать изначальное название. Но здесь надо учитывать, что за основу бралось не оригинальное латинского или греческое наименование, а вариации, приходившие из языков Передней и Средней Азии. На это указывает явное сходство топонима (а также его вариаций: 普嵐 – «Пулань» из «Истории Вэй», созданной в 550-х гг и 伏卢尼 – «Фулуни» из «Истории Северных династий», составленной к 659 г.) с ирано-язычными названиями (из согдийского, парфянского и среднеперсидского): Frōm, Prom Hrōm или Hrūm, которые, в свою очередь, являются искаженной передачей топонима Roma¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China // Sino-Platonic Papers, 2012, Vol. 230. P. 43.

¹⁹⁵ Wu Changxing. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text. Journal for the Study of Christian Culture. 2015. № 34. P. 187–215.

¹⁹⁶ Мин Вэнь, Линь Чжан. Гомэнь говай [明闻, 林张. 国门国外. 北京: 中国环境科学出版社 2006] За рубежами Китая. Пекин: Чжунго хуаньцзин кэсюэ чубаньшэ, 2006. С. 14–69.

Здесь, к слову, вспоминается ситуация, когда вытеснившие ромеев турки-сельджуки продолжали использовать топоним «Рум».

Достаточно большой вклад в уточнение смыслов «Дацинь» и «Фулинь» внёс немецкий синолог Фридрих Хирт (1845–1927 гг.). Более ранние исследователи, такие как Жозеф дё Гуине (встречается менее близкий к французскому оригиналу вариант произнесение имени «Жозеф де Гинь», 1721–1800 гг.) в своей книге «История хуннов» и немецкий китаевед Фердинанд фон Рихтгофен (1833–1905 гг.) в своей книге «Китай» определяли Дацинь как Рим¹⁹⁷. Ф. Хирт же был близок к тем, кто локализовал «Дацинь» на территории Сирии. Такие суждения первоначально базировались на «несторианской стеле» из Сианя (которую, впрочем, некоторые крупные востоковеды XIX–нач. XX в. считали подделкой, например, С.Э. Жюльен). Логика здесь была довольно проста. Несторианство было результатом деятельности антиохийских богослов, Антиохия располагается в Сирии, несторианская стела называлась «大秦景教流行中国碑», т.е. «Каменная стела о распространении сияющей религии из Дацинь». Вывод – Дацинь есть Сирия. Ф. Хирт же проанализировал большое количество письменных источников («Исторические записки», «Хоу Ханьшу», «Записи о Трёх Царствах», «Новая история Тан», «Старая история Тан», «Всеобъемлющие разыскания по литературным источникам», «Записи о дальних народах»). В результате этого он сформулировал свою, более широкую, точку зрения так: «Я прихожу к выводу, что древнее царство Дацинь, в средние века называвшееся Фулинь, было не Римской империей со столицей в Риме, а только ее восточной частью, а именно Сирией, Египтом и Малой Азией»¹⁹⁸.

При этом исследователь признавал, что различные китайские источники могут понимать под Фулинь разное. Во-первых, это может быть центр

¹⁹⁷ Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as represented in old Chinese Records. Munich: Georg Hirth. 1885. P. 28.

¹⁹⁸ Чэн Лун. Дэго ханьсюэцзя Сядэ цзи цичжун госяо яньцзю [程龙。德国汉学家夏德及其中国学研究 // Social Science Journal, 2011 年第 5 期] Немецкий синолог Ф. Хирт и его исследования Китая // Social Science Journal. 2011. №5. С. 170.

антиохийского богословия – Сирия. Во-вторых – места пребывания эмигрировавших несторианских предстоятелей на территории Персии. В-третьих, Восточная Римская империя вообще. Примечательно также, что Ф. Хирт приводит альтернативную этимологию топонима «Фулинь». В своей работе 1909 г. «The Mystery of Fu-lin» он высказывает точку зрения, что исходным «транскрибируемым» словом мог стать Вифлеем (родина Христа, с именем которого пришли вышеупомянутые несториане)¹⁹⁹.

Стоит отметить, что, исходя из современных наработок, трактовать топоним «Фулинь», сужая его до Сирии и Палестины было бы неверно (по крайней мере, во многих случаях). Ряд сюжетов в искусстве, проникший в Китай из «Фулинь» носит явно античный греко-романский, дохристианский характер²⁰⁰.

На основе приведённого выше краткого исследования можно сделать вывод об известной «ситуативности» значений рассматриваемых топонимов в нарративных источниках (время которых, подчас, различается более чем на полтысячелетия). При этом в современной научной китайской литературе «Дацинь» (если не брать исследования несторианства) нередко это имя собственное из источников трактуется как Римская империя вообще²⁰¹.

Довольно интересная ситуация с терминологией сложилась и в связи с нумизматикой. Во-первых, китайские авторы не всегда разделяют такие классы монет как «аурей» (лат. Aureus, «золотой») и «солид» (от лат. solidus «твёрдый, прочный; массивный»). Зачастую для тех и других обобщённо применяется название 金幣 (досл., «золотая монета»). При этом в китайском языке существует отдельно транскрипционная передача как для солидов – 索

¹⁹⁹ Hirth F. The Mystery of Fu-lin // Journal of the American Oriental Society. 1913. Vol. 33. P. 199.

²⁰⁰ Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍。“醉拂菻”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае // Вэньу. 2018. №1. С. 58–69.

²⁰¹ Li Qiang. A Reflection of the Global History: The Persian Empire's Role in the Relations between the Roman Empire and China (1st – 7th century CE) // Journal of Research in Education and Training. 2016. Vol. 9. P. 141–149.

利都斯, так и для ауреев - 奧婁斯. Применяются они, впрочем, в исследовательской литературе не часто. Даже если они даются, то обычно в скобках указывается название монеты латиницей. Вот пример: «“二分之一的索里得” (semissis, 塞米塞斯) и “三分之一的索里得” (tremissis, 崔米塞斯)»²⁰². Здесь мы видим, что дробные денежные единицы поздней Римской империи сперва описываются «по смыслу», а их транскрипция даётся лишь после, в скобках и вместе с латинским названием.

Похожая ситуация наблюдается и в передаче имён римских императоров. Обычно вслед за иероглифической транскрипцией имени, например, Феодосий II – 狄奧多西斯二世 – даётся написание латиницей, например, «Theodosius II»²⁰³.

Одной из причин здесь является принципиальная возможность в китайском языке использовать разные омофонные знаки для передачи имен собственных. И это прослеживается даже в работах одного автора.

В монографии²⁰⁴ проф. Ло Фэн записывает имя императора Анастасия (491–516 гг.) иероглифами везде одинаково: 安那斯塔修斯 (Ān nà sī tā xiū sī). Но в одном месте, при кратком описании правителей даётся пояснительная подпись латиницей «Anastasias» (с. 126), в описании же монет мы видим «Anastasius» (с. 133). При этом в статье того же автора 2004 г. используется

²⁰² Го Юньянь. Лунь Мэнгуго Баяннээр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 // 草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаоюань вэньу (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 117.

²⁰³ Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае // Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 80.

²⁰⁴ Ло Фэн. Хухань чжицзянь [羅丰。胡漢之間“絲綢之路”與西北歷史考古。北京: 文物出版社 2004] Меж китайцами и иноземцами. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2004. 515 с.

совершенно иная иероглифика (с чтением *Ā nà sī tǎ xiū sī*) и латиница «阿纳斯塔修斯一世 (Anastasios I)»²⁰⁵.

Присутствует вариативность в случае императора Маврикия. В одном случае китайский автор пишет «莫里斯 (Maurice, 公元 582~602 年)», а через двадцать страниц – «莫里斯 (Mauerce, 公元 582~602 年)». Одинаковая иероглифика (чтение *Mòlǐsī*) и годы правления чётко указывают, что речь идёт об одном и том же государе. При этом латиница заметно разнится²⁰⁶

Можно вспомнить и Тиверия (Тиберия II). В одном случае идёт иероглифическая запись 梯拜流斯 (*Tī bài liú sī*)²⁰⁷, а в другом – 提比里烏斯 (*Tí bǐ lǐ wū sī*)²⁰⁸. Пояснить это можно лишь тем, что в одном случае имя императора встречается в сноске (梯拜流斯), после которой следует ссылка на работу другого автора. Так что можно предположить, что Ло Фэн просто привёл вариант записи, принадлежавший коллеге.

Иногда имя басилевса даётся только иероглифами и без порядкового номера, но с указанием годов правления, например, о Юстине указывается: «查士丁 (518~527 年)»²⁰⁹, что позволяет понять, про какого из государей идёт речь (нивелируя, таким образом, и проблемы от разнописи).

Что касается названий государства со столицей в Константинополе, то здесь нам также предварительно удалось уловить некоторые закономерности. Отметим сразу, что автору практически не известны попытки передачи в

²⁰⁵ Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае // Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 78–103.

²⁰⁶ Ло Фэн. Хухань чжицзянь [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社 2004] Меж китайцами и иноземцами. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2004. С. 124; 146.

²⁰⁷ Там же, с. 114.

²⁰⁸ Там же, с. 146.

²⁰⁹ Чэнь Вэй. Нинся Гуянь Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟。宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуянь, Нинся // Вэньу. 2012. №10. С. 60.

китайском языке терминов «ромеи» и производных от него. Очевидно, причиной тому является специфика китайского языка, который в силу слогового устройства не слишком гибок для транскрибирования. К тому же, попытки подобной передачи создали бы путаницу со словом «Румыния» (罗马尼亚, Luómǎníyǎ) и Рим (罗马, Luómǎ, как в значении Римской Империи, так и в значении столицы Италии).

К чести китайских авторов, они регулярно используют наиболее адекватное с точки зрения самоназвания наименование – 东罗马帝国, Dōng luómǎ dìguó, т.е. Восточная Римская империя. Наряду с ним, применяется и китайская передача слова «Византия» – 拜占庭, Bàizhàntíng (напомним, что сам этот термин вошёл в оборот в Новое время, уже после падения Константинополя в 1453 г.). В некоторых случаях топоним «Восточный Рим» (东罗马, Dōng luómǎ, сокращение от «Восточная Римская империя») является единственным. Примером может служить работа Ма Цзяньцзюня по монетам, найденным в Нинся-Хуэйском АР (здесь топоним 东罗马 встречается 15 раз)²¹⁰. Той же позиции по терминологии, очевидно, придерживается Чэнь Вэй²¹¹.

Впрочем, привычное наименование «Византия» также имеет своих приверженцев – у Го Юньяня понятие 东罗马帝国 (Восточная Римская империя) встречается всего 1 раз, а 拜占庭 (Византия) – 45 раз²¹². В уже упоминавшейся выше диссертации того же автора диспропорция еще больше

²¹⁰ Ма Цзяньцзюнь. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычюу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао [马建军。宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 // 中国钱币 2016 年第 6 期] Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся // Чжунго цянъби. 2016. № 6. С. 31–35.

²¹¹ Чэнь Вэй. Нинся Гуянь Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟。宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуянь, Нинся. Вэнь. 2012. №10. С. 58–65.

²¹² Го Юньянь. Лунь Мэнгуто Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 // 草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаоюань вэнь (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 115–123.

(Восточная Римская империя – 96 упоминаний, Византия – 1817, на 286 страниц иероглифического текста²¹³). Некоторые авторы применяют оба названия примерно в равной мере. Например, в обобщающей статье Ло Фэна «中國境內發現的東羅馬金幣» топоним 东罗马 («Восточный Рим») встречается 73 раза, а 拜占庭 – 97²¹⁴. Схожее соотношение и в обобщающей монографии этого автора: 197 упоминаний «Восточного Рима» и 135 – у «Византии»²¹⁵.

Отдельно хочется поговорить об уникальном в своем роде сборнике конференции 2017 г. «古代晚期世界的拜占庭金币» («Византийские золотые монеты в поздней античности»). Все тезисы здесь публиковались на английском и китайском языках. Преобладают работы иностранных специалистов (их 13 против восьми от китайских авторов). Единственным из всех авторов, употребивших топоним «Восточный Рим» (东罗马) был Ван Юншэнь из Китайского музея нумизматики (его работа называлась «Культурный смысл и ценность монет Шелкового пути»)²¹⁶. Все остальные авторы в тематическом сборнике по ромейским монетам пользовались наименованием «Византия».

Уже упоминавшиеся архаичные наименования, вроде 大秦 (Да Цинь) или 拂菻 (Фулинь) в современной исследовательской литературе, насколько мы

²¹³ Го Юньян. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай. 2006. 286 с.

²¹⁴ Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянби. 2004. №3. С. 78–103.

²¹⁵ Ло Фэн. Хухань чжицзянь [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京: 文物出版社 2004] Меж китайцами и иноземцами. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2004. 515 с.

²¹⁶ Ван Юншэнь. Сычоу чжилу цянби дэ вэньхуа нэйхань цзи ци цзячжи [王永生。丝绸之路钱币的文化内涵及其价值 // 古代晚期世界的拜占庭金币。长春: 东北师范大学] Культурный смысл и ценность монет Шелкового пути // International Symposium on “Byzantine Gold Coins in the World of Late Antiquity”. Чанчунь: Северо-восточный педагогический университет. С. 62–69.

можем судить, используются только в цитатах средневековых китайских источников, либо как сознательный архаизм с довольно широкой палитрой смыслов, связанных с культурой греко-римского ареала. Например, в статье Гэ Чэньюна «“醉拂菻”：希腊酒神在中国», что примерно можно перевести как «Хмельной средиземноморец: эллинистический Бахус в Китае» (к слову, топоним 拜占庭 здесь упомянут 11 раз, 东罗马 – 2 раза, и оба в списке литературы, 罗马 (Рим) – 22 раза, в т.ч. в сочетаниях 希腊罗马 (греко-римский), 拂菻 – 34 раза (в обобщающем значении и цитатах источников), 大秦 – 0)²¹⁷. При этом, 大秦 достаточно часто упоминается в исследовательских работах по несторианству в Китае, даже на английском языке²¹⁸. Основная причина – традиционным названием этой религии в Поднебесной стало 大秦教, т.е. «Римская религия» (например, известнейшая стела в Сиане 大秦景教碑, «Стелла римской сиятельной религии»). Примечательно, что расцвет несторианства в Китае произошёл уже после арабского нашествия²¹⁹, нанесшего решающий удар по контактам Константинополя с Поднебесной (например, византийских монет со второй половины VII в. в Китае становится всё меньше, практически перестают они проникать после VIII в.). В приводившейся выше обобщающей монографии Ло Фэна топоним «Да Цинь» встречается 29 раз, а «Фулинь» – 39²²⁰. В диссертации Го Юньяня «Да Цинь» присутствует в тексте 38 раз, а «Фулинь» – 34 раза.

²¹⁷ Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍. “醉拂菻”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае // Вэньу. 2018. №1. С. 58–69.

²¹⁸ Wu Changxing. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text. Journal for the Study of Christian Culture. 2015. № 34. P. 187–215.

²¹⁹ Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. [魏坚、张晓玮. 阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究]. Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. 2013. Вып. 4. С. 193–212.

²²⁰ Ло Фэн. Хухань чжицзянь [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社 2004] Меж китайцами и иноземцами. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2004. 515 с.

В результате мы можем сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, в китайской традиции изначально существовали различные по своему принципу термины для обозначения Восточной Римской империи (транскрипция, если принять этимологию «Фулинь» от «персидских» искажений названия Roma, и «адаптация» в виде топонима «Да Цинь»).

Во-вторых, на данный момент традиционные названия вытеснены из исследовательской литературы новыми – «Восточный Рим» (东罗马) и «Византия» (拜占廷). В работах специалистов по ромейским древностям эти термины обычно сосуществуют в той или иной пропорции. Однако в отчётах, где византийские артефакты присутствуют среди прочих категорий инвентаря, обычно превалирует «Восточный Рим». Связано это, очевидно, с рядом моментов. С одной стороны, восточноримские вещи (в основном – монеты) в подавляющем большинстве случаев относятся к ранневизантийскому периоду, когда грань между единой и Восточной империями была не столь очевидна. С другой стороны, для археологов, не очень привычных к собственно византийской тематике термин «Восточный Рим» выглядит, видимо благозвучнее и привычнее (в слове 拜占廷 в ряд три редких, используемых для транскрибирования иероглифов; в 东罗马 первый знак выступает в качестве определения «восток/восточный», далее идёт транскрипция топонима «Рим», который сам по себе куда чаще используется, да и иероглифы в этом слове куда более «обиходные», например, 马 – это «лошадь»).

**Таблица 1: используемые в китайской исследовательской литературе
наименования Римейской империи**

Название статьи	东罗马 <i>Восточный Рим</i>	罗马 Рим	拜占庭 <i>Византия</i>	大秦 <i>Великая Цинь</i>	拂菻 <i>Фулинь</i>
<i>Ли Сяоцун.</i> Чжунго цюйюй лиши дили — диюань чжэнчжи, цюйюй цзинцзи кайфа хэ вэньхуа цзингуань [李孝聰。中国区域历史地理—地缘政治、区域经济开发和文化景观] Региональная историческая география-геополитика Китая, региональное экономическое развитие и культурный ландшафт // Пекин: Издательство Пекинского университета. 2004. 503 с.	0	8	1	0	0
<i>Ло Фэн.</i> Хуханьчжицзянь: «сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古] Между Ху и Хань: «Шелковый путь» и история и археология Северо-Запада // Пекин: Издательство культурных реликвий. 2004а. 515 с.	198	0	139	0	0
<i>Ло Фэн.</i> Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣] Золотые монеты Восточной Римской империи, обнаруженные в Китае // «Синьцзянские монеты». 2004б. №3. С. 78-103.	66	106	0	1	0
<i>Ма Цзяньцзюнь.</i> Нинся цзиннэй каогу фасяньдэ сычоу чжилу гуго цзиньиньби цзянькао [马建军。宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考] Краткое исследование золотых и серебряных монет древней страны Шелкового пути, обнаруженных археологами в Нинся // China Coins. 2016. №6. С. 31–35.	15	3	0	0	0
<i>Чэнь Вэй.</i> Нинся гуюань цзюлуншань суйму фацзюэ цзяньбао [陈伟。宁夏固原九龙山隋墓发掘简报] Бюллетень раскопок гробницы Суй в	5	0	0	0	0

Цзюлуншане // Гуаюнь: Культурные реликвии. 2012. №10. С. 58–65.					
Сунь Уцзюнь. Бэй чао суй тан жухуа сутэжэнь муцзан тусяндэ вэньхуа юй шэньмэй яньцзю [孙武军. 北朝隋唐入华粟特人墓葬图像的文化与审美研究。西北：西北大学] Докторская диссертация на тему «Культурно-эстетическое исследование изображений согдийских гробниц времен Северных династий, династий Суй и Тан» // Северо-Западный университет. 2012.	7	35	10	0	6
Чэн Лун. Дэго ханьсюэцзя сядэ цзи ци чжунгосюэ яньцзю [程龙. 德国汉学家夏德及其中国学研究] // Немецкий синолог Ф. Хирт и его исследования китаеведения // Social Science Journal. 2011. №5. С. 169–174.	1	8	2	0	14
Шэнь Жуйвэнь. Тайюань цзиньшэнцунь тан му цзайяньцзю [沈睿文. 太原金胜村唐墓再研究] Реструктуризация гробниц Тан в деревне Цзиньшэн, Тайюань // Сборник публикаций «Исследования Шелкового пути». Т. 2. Пекин: The Commercial Press. 2017. С. 7-32.	7	0	0	0	1
Ци Дунфан. Вайлай вэньхуа хоцзэн инсян ечэн [齐东方. 外来文化或曾影响邳城//中国社会科学报 2012 年 8 月 17 日第 5 版] Как иностранная культура могла повлиять на Ечэн // China Social Science News (газета). 2012, вып. 17.08. С. 5.	7	0	0	0	0
Линь Шэнчжи. Бэйчжоу канье мувэй пинши гуаньчуан яньцзю [林圣智. 北周康业墓围屏石棺床研究//粟特人在中国：考古发现与出土文献的新印证，北京：科学出版社，2016] Исследование ложа саркофага в гробнице Канье во времена династии Северная Чжоу / «Согдийцы в Китае: новое подтверждение археологических открытий и раскопанных документов» // Пекин: Science Press. 2016. 71 с.	1	0	0	0	0

<i>Ли Цян.</i> Лунь пэйтэла цаочжи вэньсянь чжэнли цзай байчжаньтинсюэ яньцзючжундэ и'и [李强。论佩特拉草纸文献整理在拜占庭学研究中的意义 //世界史 2018 年 04 期] О значении папирусной литературы Петры в изучении византистики // World History. 2018. №4. С. 53–61.	0	5	77	0	0
<i>Ли Цян.</i> Иньчжан : лицзе байчжаньтин диго шэньфэньдэ ичжун луцзин [李强。印章：理解拜占庭帝国身份的一种路径//外国问题研究 2016 年 02 期] Печать: способ понять самобытность Византийской империи // Исследования зарубежных проблем. 2016. №2. С. 97–103.	0	0	45	0	0
<i>Ли Цян.</i> Байчжаньтин цзиньби де дунфан чжи люй [李强。拜占庭金币的东方之旅 //《光明日报》(2017 年 08 月 14 日 14 版) 浏览] Восточное путешествие византийских монет // Guangming Daily (газета). 2017, вып. 14.08. С. 14.	0	2	41	0	0
<i>Ли Цян.</i> Цун цаочжи дао чжи: байчжаньтин диго шусе цайляодэ яньбянь [李强。从草纸到纸：拜占庭帝国书写材料的演变//经济社会史评论 2016 年第 1 期] От папируса к бумаге: эволюция письменных принадлежностей в Византийской империи // Обзор экономической и социальной истории. 2016. №1. С. 74–79.	0	4	72	0	0
<i>Ли Цян.</i> Оуя цаоюань сылу юй шамо лючжоу сы лушан фацзюэ дэ байчжаньтин цянби яньцзю шу лунь [李强。欧亚草原丝路与沙漠绿洲丝路上发掘的拜占庭钱币研究述论//草原文物 2016 年第 1 期] О византийских монетах, найденных на степных и пустынных участках Шёлкового пути // Цаоюань вэнь. 2016. №1. С. 109–114.	4	0	125	0	4
<i>Ван Цяо, Ли Цян.</i> Байчжаньтин «шибинфа» ичжу [王翹、李强。拜占庭《士兵法》译注//古代文明 2011 年 4 期] Перевод с комментариями	0	18	29	0	0

византийского «Закона о войнах» // «Древняя цивилизация». 2011. №4. С. 38–48.					
Мао Синьсинь, Ли Цян. Байчжаньтин «шичжэнгуаньфа» ичжу [毛欣欣、李强。拜占庭《市政官法》译注//古代文明 2012 年第 3 期] Византийская «Книга эпарха»: перевод с примечаниями // Древняя цивилизация. 2012. №3. С. 13-34.	0	1	34	0	0
Ван Цяо, Ли Цян. Байчжаньтин «нунъефа» ичжу [王翹、李强。拜占庭《农业法》译注//古代文明 2011 年 10 月] Византийский «Аграрный закон»: перевод с примечаниями // Древняя цивилизация. 2011. С. 21–36.	0	16	47	0	0

Глава 2. Кочевники Северного Китая накануне сложения Великого Шёлкового пути

Исследование Великого Шёлкового пути немыслимо без изучения его предыстории. Автор настоящего диссертационного исследования, в отличие от ряда коллег²²¹, не склонен относить к прямым предпосылкам сложения ВШП становление производящего хозяйства в Евразии, миграции индоевропейцев или изобретение колесниц и приручение лошади (что, как показывают последние исследования, само по себе содержит целый ряд проблем, заставляющих пересмотреть привычные представления²²²). Эти важнейшие этапы социально-экономического развития касаются человечества вообще, и в равной степени могут быть отнесены к предпосылкам большинства феноменов общемировой истории (по крайней мере в Старом Свете)²²³. Более обоснованной выглядит попытка на основании письменных и археологических²²⁴ источников рассмотреть сравнительно короткий период (втор. пол. I тыс. до н.э.), когда скифоидные общества Северного Китая в V–III вв. до н.э. активно развивались²²⁵, вступая в тесный контакт с царствами Центральной Равнины²²⁶, результатом чего стало формирование из

²²¹ См.: Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига. 2010. С. 26–30; Линь Мэйцунь. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути / Пер. с кит. Перловой А.А. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2017. С. 13–42.

²²² См.: Семененко А.А. Эталон колесничного погребения или почему уралоказахстанские погребения с повозками эпохи бронзы не являются колесничными? Воронеж: Электронная монография на правах рукописи, 2020. 677 с.

²²³ Иными словами, подобный подход (при доведении его до крайности) может предполагать, например, рассмотрение антропогенеза как одной из первопричин Шёлкового пути.

²²⁴ Данное диссертационное исследование является скорее историческим, потому археологические материалы привлекаются ограниченно. Более подробный анализ вещей и погребального обряда, представлен, например, в монографии: См.: Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 259 с.

²²⁵ В этот же период в самом Китае шёл процесс централизации, приведший к формированию первых империй.

²²⁶ Вместе с тем, обобщающих монографических работ с серьёзным анализом литературы и источников по данной тематике не много.

раннекочевого населения в III–I вв. до н.э. известных по нарративным источникам юэчжей, сюнну и сяньби, которые, в свою очередь, оказали непосредственное воздействие на ВШП.

Раздел 2.1. Археологические культуры ранних кочевников Северного Китая.

§2.1.1. Хронологическая дифференциация культур

Вопросы датирования памятников и отдельных изделий скифоидных культур в Северном Китае всё ещё далеки от разрешения, несмотря на соседство с государствами эпохи Чжоу. Причин тому несколько. *Во-первых*, китайские изделия встречаются в захоронениях «варваров» не так часто, как это может показаться. Так, в Ганьсу в культуре шацзин их пока не обнаружено. В Ганьсу они появляются только в прилегающей к Цинь восточной части и на позднем этапе – в памятниках III в. до н. э. типа Мацзяюань²²⁷. Подобная ситуация и в Ордосе, где в могильниках Алучайдэн и Сигоупань (рисунки 13; 14), относимых к «культуре таохунбала», были найдены золотые и серебряные предметы, изготовленные в мастерских Цинь, Чжао и Янь. Они обнаружены в погребениях, совершавшихся с конца IV по конец III вв. до н. э.²²⁸ Нет китайских изделий и в культуре янлан, а в маоцингоу известно всего несколько клевцов. К востоку от Ордоса китайские изделия зафиксированы в основном только в памятниках VIII–VI вв. до н. э. культур верхнего слоя Сяцзядянь и юйхуанмяо. *Во-вторых*, среди изделий, изготовленных в чжоуских государствах (или близких им «полуварварских» государственных образованиях типа Чжуншань), узко датируемыми являются только

²²⁷ См.: Ван Хуэй. Ганьсу фасяньдэ лянчжоу шицидэ «ху жэнь» синсян [王 辉. 甘肃发现的两周时期的“胡人”形象//考古与文物] Найденные в провинции Ганьсу изображения «варваров ху» эпохи Чжоу // Каогу юй вэньу. 2013. № 6. С. 59–68.

²²⁸ См.: Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. P. 51.

бронзовые ритуальные сосуды и некоторые изделия с надписями. Таковые встречаются редко. Например, их совсем нет в памятниках VI–IV(III) вв. до н. э. основных хорошо изученных культур шацзин, янлан и маоцингоу. В-третьих, в погребениях указанных культур отсутствовали или не сохранились стволы деревьев большого диаметра, по которым можно сделать дендрохронологическую шкалу значительной протяжённости, датируемую по методике «wiggle-matching»²²⁹. Имеющиеся в настоящее время в Китае немногочисленные радиоуглеродные даты по костям, остаткам дерева и углям из погребений скифоидных культур, как правило, дают разброс в несколько столетий, и пока могут привлекаться с большой осторожностью²³⁰.

Наибольшую сложность представляет датирование памятников культуры шацзин из Ганьсу. Они отличаются своеобразием и не содержат деталей конского снаряжения, которое помогло бы синхронизировать их с соседней культурой янлан. Согласно сравнительно недавно вышедшей обобщающей работе, китайские исследователи датируют культуру шацзин (включая могильники) в рамках поздняя Западная Чжоу – начало Чжаньго (IX–V вв. до н. э.)²³¹. Однако детали поясной фурнитуры из подробно опубликованных могильников Сиган и Чайваньган (бабочковидные и шестисекционные бляшки, пряжки с выступающим вперёд носиком и др.) (рисунки 14; 15; 20; 21; 25) в Южной Сибири датируются в рамках конца VI – начала IV вв. до н. э. При этом на Верхней Оби бабочковидные и шестисекционные бляшки бытовали в первой половине этого периода, а пряжки – во второй²³². Примерно так они датируются и в Туве, тогда как в Минусинской котловине и Забайкалье,

²²⁹ См.: Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая. Новосибирск, 2010. 34 с.

²³⁰ См.: Шульга П.И., Гирченко Е.А., Шульга Д.П. О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 316–325.

²³¹ См.: Институт археологии Китайской академии общественных наук. Чжунго каогусяо. Лян чжоу цзюань [中国考古学. 两周卷] Археология Китая: период Чжоу. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 514.

²³² См.: Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

входивших в сферу влияния Северного Китая, бабочковидные бляшки могли использоваться и позже – в III в. до н. э. Аналогичная ситуация и со специфическими рифлёными трубочками с округлым расширением посередине (рисунки 10, 8; 20, 18–20). В Туве подобные встречаются в захоронениях V–IV вв. до н. э.²³³ Между тем, в Синьцзяне такая трубочка найдена в захоронении VII в. до н. э. на могильнике Чаухугоу-1²³⁴. Таким образом, указанные пряжки и трубочки в культуре шацзин появились примерно на 300 лет раньше, чем в Туве и Верхнем Приобье. На раннее время этих комплексов указывают и бронзовые ножи из Сигана и Чайваньгана (выгнутообушковые с кольчатым навершием, с «хвостатым» лезвием, и др.), бытовавшие в Юйхуанмяо, Синьцзяне и Южной Сибири в (VIII)VII–VI вв. до н. э.

Более раннее появление некоторых категорий вещей в Северном Китае по сравнению с Южной Сибирью демонстрируют материалы могильника «северных варваров» Юйхуанмяо (см. ниже). Материалы этого недавно опубликованного, самого крупного и информативного в Северном Китае могильника (400 могил, 18 тысяч бронзовых изделий)²³⁵ однозначно показали, что поясные пряжки с носиком появляются на севере Китая не в V–IV вв. (как на Саяно-Алтае), а уже в VII в. до н. э. Там же зафиксированы костяные накладки на лук и свистунки стрел, появившиеся на Саяно-Алтае только через 500 лет, во II в. до н. э. Следует признать, что в отличие от Синьцзяна, привлечение материалов из Южной Сибири для датирования памятников Северного Китая если и приемлемо, то с оговорками.

²³³ См.: *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. Рис. 34–2; 59–2.

²³⁴ См.: *Шульга П.И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. Рис. 4.

²³⁵ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушаньмуди: Юйхуанмяо [北京市文物研究所编。军都山墓地: 玉皇庙。北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо Пекин: Вэнь У чубаньшэ (в 4-х томах) 2007. 1660 с.

В культурах янлан и маоцингоу значительно больше общих черт. К тому же последняя связана с более ранней и сравнительно хорошо датированной археологической культурой юйхуанмяо. Взгляды китайских и российских исследователей на хронологию культур янлан и маоцингоу близки. Культура янлан возникает раньше и в VI в. до н. э. сосуществует с культурой юйхуанмяо, носители которой в конце VI – начале V вв. до н. э. переместились на 250 км к западу и, вероятно, заложили основу культуры маоцингоу. Несколько позднее в культуру маоцингоу вливаются и отдельные группы населения культур шацзин и янлан (рисунок 16, 1). В конце IV–III вв. до н. э. номады Ордоса и прилегающих территорий испытывают значительное влияние культур Саяно-Алтая, наиболее ярко проявившееся в зверином стиле²³⁶. В III в. до н. э. памятники типа янлан и маоцингоу исчезают, но не столь внезапно, как скифоидные культуры в Синьцзяне, Верхнем Приобье, на Алтае и в Туве. По-видимому, некоторые могильники, относимые к «культуре таохунбала» и захоронения в Мацзяюань, могли функционировать почти до конца III в. до н. э., когда Китай был объединён царством Цинь.

§2.1.2. Культура шацзин

Культура шацзин получила своё название по одноимённому археологическому памятнику в уезде Миньцин в провинции Ганьсу. В русскоязычной литературе культура кратко рассматривалась в работах Н.А. Сутягиной²³⁷, а также А.В. Варёнова, приведшего в своде общее описание могильников Сиган и Чайваньган²³⁸. Начало полевым исследованиям

²³⁶ См.: *Bunker E.C.* The Chinese Artifacts among the Pazyryk Finds // *Source. Notes in the History of Art.* 1991. Vol. X. №. 4. P. 20–24; *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.

²³⁷ См.: *Сутягина Н.А.* Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР) // Всероссийский археологический съезд. Суздаль, 2008. С. 76–78.

²³⁸ См.: *Варёнов А.В.* Погребальные памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яшьяшань, в Нинься и Ганьсу // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 27–35.

памятников культуры шацзин было положено шведским учёным Ю.Г. Андерссоном. В 1923 г. экспедиция под его руководством проводила археологические изыскания на северо-западе Китая, в Монголии и Тибете, в поисках памятников, аналогичных Яншао, и проверки предположения о контактах населения северных территорий Китая с Ближним Востоком²³⁹. Во время экспедиции Ю.Г. Андерссон получил информацию о находках керамики и других предметов в районе оазиса Чжэньфань (совр. уезд Миньцин). В ходе проверки этих сведений он посетил деревню Шацзин, где были обнаружены керамика и другие предметы, относившиеся к широкому временному промежутку от периода правления династии Хань до династии Сун. В следующем 1924 г. на этой территории были проведены археологические раскопки нескольких памятников, в том числе форта Люхутун и могильников Шацзин-S (южный) и Шацзин-E (восточный). На основании полученных материалов выделен одноимённый этап (Шацзин) в развитии традиции изготовления керамики на территории провинции Ганьсу (ганьсуский вариант Яншао). Анализ собранных данных позволил Ю.Г. Андерссону выделить шесть этапов в развитии региона: от поздненеолитического периода до раннего бронзового века. Первоначально хронологические рамки этого культурного явления определялись периодом 3500–1700 гг. до н. э., а «этап Шацзин» датировался 2000–1700 гг. до н. э., но в 1943 г. был «омоложен» до 700–500 гг. до н. э.²⁴⁰ В 1948 г. в провинциях Ганьсу и Цинхай проводил разведки Пэй Вэньчжун, автор находки синантропа. В ходе изысканий учёный обнаружил в Миньцине целый ряд памятников культуры шацзин. Позже был опубликован отчёт об этих работах, современное название культуры введено в научный оборот. В 1958 г. рядом с древним поселением Люхунь (материалы с эпохи Шан до Чжоу) раскопали несколько погребений культуры

²³⁹ См.: *Andersson J.G. Researches into the Prehistory of the Chinese*. Stockholm: BMFEA, 1943. Р. 9–15; *Сутягина Н.А. История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР). Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2008. С. 133–137.

²⁴⁰ См.: *Сутягина Н.А. История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР). Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2008. С. 134.

шацзин. Масштабные исследования памятников этой культуры начались в 70-х гг. и охватили всю центральную часть провинции Ганьсу. В 1979–1981 гг. в уезде Юндэн был изучен могильник Юйшугоу, но основные работы шли в уезде Юнчан на городище Саньцзяо и могильниках Хамадунь, Сиган, Чайваньган, Шантугоуган.

§2.1.3. «Культура таохунбала»

Скифоидные «северные бронзы» из Ордоса получили известность за рубежом ещё в первой половине XX в. Большое число этих находок вывезли за рубеж, так что многие западные музеи тогда приобрели коллекции «бронз ордосского стиля». Разумеется, далеко не все из этих артефактов происходят именно из Ордоса, но закрепилось это название и географическая привязка²⁴¹. Часто «ордосские бронзы» считают классической принадлежностью т.н. «культуры таохунбала». Она, как и другие, прошла свой путь изучения. Стоит отметить публикацию о связи «культуры таохунбала» с сюнну, ставшую одной из первых об этой культуре как таковой²⁴². Большую работу по систематизации имевшихся на западе коллекций проделали китайский археолог У Энь и американская исследовательница Э. Банкер, обработавшие, в частности, собрание галереи Саклера в США, содержавшее тысячи бронзовых изделий²⁴³. Некоторая часть находящихся в коллекциях

²⁴¹ См.: *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.; *Salmony A.* 1933. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. Paris: C.T. Loo. 119 p.; У Энь. Бэйфан цаююань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

²⁴² См.: Тянь Гуанцзинь. Таохунбала дэ сюнну му [田广金。桃红巴拉的匈奴墓 // 考古学报] Сюннуский могильник – Таохунбала // Каогу сюэбао. 1976. №1. С. 138–142.

²⁴³ См.: *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.; У Энь. Бэйфан цаююань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

депаспортизированных вещей предположительно отнесена к «культуре таохунбала». Следует подчеркнуть: несмотря на проводимые раскопки в Ордосе, «культура таохунбала» остаётся довольно условным названием для группы довольно разнородных и асинхронных памятников в северной части излучины Хуанхэ (рисунок 3а, 3б, 4). Важно отметить элитный характер многих захоронений. Известно, что в погребениях такого статуса могут преобладать престижные вещи, не характерные для рядовых могил, а потому их трудно систематизировать и соотнести с уже известным массовым материалом. Ситуация осложняется аварийным состоянием большинства исследованных погребений «культуры таохунбала». Зачастую известно лишь, что та или иная коллекция найдена на определённой глубине с костями человека или без них. Погребальная конструкция, положение умерших, их ориентация, а также места расположения инвентаря остаются не зафиксированными. Фактически имеется много разнородных высокохудожественных изделий (в том числе из золота и серебра), найденных местными жителями в разрушенных погребениях северной части Ордоса (излучины Хуанхэ) (рисунки 4; 8–15). Известные же немногочисленные захоронения имеют черты культур янлан и маоцингоу (рисунок 7). Вполне вероятно, что относимые к «культуре таохунбала» могилы суть погребения археологических культур янлан и маоцингоу. Так или иначе, определения «культура таохунбала» или «памятники типа таохунбала» вошли в большую часть научных и популярных изданий, а многие из найденных предметов хорошо известны широкому кругу специалистов во многих странах и представляют собой яркие высокохудожественные изделия скифоидных культур. По этой причине мы приводим краткую характеристику данных памятников, хотя пока они дают достаточно противоречивую информацию для понимания этнокультурных процессов на территории Северного Китая в VI–III вв. до н. э.

«Культура таохунбала» получила своё название по могильнику Таохунбала, расположенному в 3 км от населённого пункта Таохунбала в хошуне Хангин нынешнего городского округа Ордос (рисунок 7, 1). В 70-е гг.

XX в. в этой местности найдено большое количество бронзовых изделий скифоидного облика, после чего исследования приобрели систематичный характер. К настоящему времени китайскими археологами к «культуре таохунбала» отнесено 12 погребальных памятников и один клад²⁴⁴.

§2.1.4. Культура маоцингоу

Наиболее известной в России археологической культурой скифоидного облика из Северного Китая остаётся *маоцингоу*. В реальности российские и зарубежные исследователи, как правило, оперируют материалами одного могильника Маоцингоу – первого оперативно опубликованного крупного памятника V–III вв. до н. э.²⁴⁵ Из захоронений Маоцингоу получена крупная коллекция инвентаря, включавшего оружие, поясную фурнитуру, керамику, конское снаряжение и другие изделия, многие из которых имеют явные аналогии в Южной Сибири. Интерес к указанному могильнику изначально усиливался предположением о его принадлежности к ранним хунну²⁴⁶.

²⁴⁴ См.: См.: Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.; У Энь. Бэйфан цаоюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. С. 322–356.

²⁴⁵ См.: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фасяньдэ цзинь иньци [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Золотые и серебряные предметы, найденные в могильнике Алучайдэн // Бронзы ордосского стиля Пекин: Вэньу, 1986. 402 с; Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb.. Mainz am Rhein. 1992. 127 p.

²⁴⁶ См.: Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 101–107; Миняев С.С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 122–124; Варёнов А.В. Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сборник научных статей. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 150–163; Ковалёв А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб: 2002. С. 150–194.

Подавляющее число памятников этой культуры – грунтовые могильники, локализующиеся к северо-востоку от излучины Хуанхэ, к югу от гор Маньханышань (район оз. Дайхай). Наибольшая концентрация могильников наблюдается в аймаке Улан-Цаб в уезде Лянчен. Масштабные раскопки и обследования погребений были начаты в 1979 г., а уже в 1986 г. вышел отчёт по раскопкам Маоцингоу Тянь Гуанцзиня и Го Сусинь. Изученные памятники были выделены в особую археологическую культуру *маоцингоу*, получившую название по опорному могильнику Маоцингоу²⁴⁷. В этих же работах рассмотрен характерный для маоцингоу инвентарь, проведена его систематизация и предложена типология. В 2004 г. вышло монографическое исследование Ян Цзяньхуа «Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго». В районе Внутренней Монголии исследовательница выделила две части (западная и восточная), где могильники Маоцингоу, Инъюнгоу и Госяньяоцзы рассматривались как этапы развития восточной общности²⁴⁸. Особенности этой работы являются отказ от выделения археологических культур и группировка материалов по территориальному признаку. Подобным образом памятники кочевников Северного Китая рассматривались и Э. Банкер, выделившей четыре крупных культурных района от Ганьсу (памятники типа Янлан) до Маньчжурии (памятники типа Юйхуанмяо и верхнего слоя Сяцзядянь)²⁴⁹ (рисунок 3). Наиболее последовательно памятники «типа Маоцингоу» как отдельная культура рассматривались У Энем в ряде статей и двух монографиях²⁵⁰.

²⁴⁷ См.: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фасяньдэ цзинь иньци [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Золотые и серебряные предметы, найденные в могильнике Алучайдэн // Бронзы ордосского стиля Пекин: Вэньбу, 1986. С. 351–362.

²⁴⁸ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2004. 219 с.

²⁴⁹ См.: См.: См.: Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.

²⁵⁰ См.: У Энь. Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзяо яньцзю – цинтун шидай чжи цзаоци сюнну шици [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化比较研究—青铜时代至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до периода ранних сюнну. Пекин: Кэсюэчубаньшэ 2008; У Энь. Бэйфан цаоюань

В указанных публикациях У Эня дана характеристика культуры, рассмотрены вопросы хронологии и контактов с соседними культурами, а также культурами Южной Сибири, предложена классификация и типология инвентаря. В последующее время исследования в ареале культуры маоцингоу продолжались. В частности, у оз. Дайхай на трёх близко расположенных могильниках были получены чрезвычайно интересные материалы, демонстрирующие совместное проживание и поразительное смешение на одной территории населения культур маоцингоу, шацзин, янлан и юйхуанмяо²⁵¹. Значимые результаты выявились и в ходе сравнительного анализа антропологического материала юйхуанмяо и маоцингоу, показавшего их сходство²⁵². На основе этих данных получена возможность глубже понять особенности формирования культуры маоцингоу, её взаимодействия с соседними и даже такими отдалёнными культурами, как шацзин.

За пределами Китая подробно публиковались только материалы могильника Маоцингоу, и на немецком языке в специализированном сборнике, подготовленном группой специалистов из разных стран²⁵³. Мало

каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

²⁵¹ См.: Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэн сянь синьдяньцзы муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县新店子墓地发掘简报 // 考古] Отчет о раскопках могильника Синьдяньцзы в уезде Хорингер Внутренней Монголии // Каогу. 2009. № 3. С. 3–14; Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэнсянь Синьчжоуяоцзы муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县忻州窑子墓地发掘简报] Отчет о раскопках могильника Синьчжоуяоцзы в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. 2009. № 3. С. 28–48; Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэнсянь Сяошуан гучэн муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县小双古城墓地发掘简报 // 考古] Отчет о раскопках могильника у городища Сяошуан в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. 2009. № 3. С. 15–27.

²⁵² См. Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地.葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著.一北京:文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. 850 с.

²⁵³ См.: Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm.T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb.. Mainz am Rhein. 1992. 127 p.

используются материалы, изданные на китайском языке, но чаще, чем данные по другим скифоидным культурам из Северного Китая²⁵⁴. Поэтому культура маоцингоу, фактически единственная, широко известная российским специалистам, занимающимся скифской и хуннской проблематикой. Из вышеуказанных работ особо следует отметить статью А.В. Варёнова, где автор опубликовал керамику из этого могильника, тщательно проанализировал погребальный обряд в Маоцингоу, сопоставил его с другими могильниками «варваров» и Китая. Иные материалы (планы могил и инвентарь) могильника Маоцингоу на русском языке почти не публиковались. Сравнительно недавно вышла краткая сводка наиболее значимых могильников культуры маоцингоу, но также без рисунков инвентаря и планов могил²⁵⁵.

²⁵⁴ См.: *Миняев С.С.* К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 122–124; *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 101–107; *Варёнов А.В.* Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сборник научных статей. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 150–163; *Ковалёв А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82.

²⁵⁵ См.: *Варёнов А.В.* Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т.9. Вып. 4: Востоковедение. С. 39–46.

Раздел 2.2. Хозяйственный тип населения Северного Китая в раннем железном веке

§2.2.1. Единство кочевого мира древней Евразии

Традиционно в российской и китайской науке население Южной Сибири, Монголии, северной полосы Китая от Тяньшаня до Пекина в эпоху раннего металла относилось кномадам. Проблема в том, что только в Южной Сибири есть достаточное число исследованных поселенческих памятников, которые дают материал, подтверждающий эти выводы²⁵⁶. Вопрос о социальном развитии населения азиатских степей и лесостепей чаще всего поднимается также в контексте изучения развития кочевых обществ²⁵⁷. Китайские исследователи в целом говорят о населении вышеописанного региона и носителях археологических культур Северного Китая как о кочевниках и в обобщающих работах²⁵⁸, и в отдельных статьях²⁵⁹. Исходя из того факта, что мы видим крайне мало поселенческого материала не только в Северном Китае, но и на сопредельных территориях²⁶⁰, речь о реконструкции хозяйственного

²⁵⁶ См.: *Шульга П.И.* Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 48–57.

²⁵⁷ См.: *Мартынов, А.И.* Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 5–12.

²⁵⁸ См.: *Ян Цзяньхуа.* Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньчуаньшэ, 2004. 219 с.; *У Энь.* Бэйфан цаюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化研究: 青铜时代至 早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

²⁵⁹ См.: *Цай Давэй, Тан Чжовэй, Чэнь Цюаньцзя, Хань Лу, Чжоу Хуэй.* Чжунго мяньян цюаньдэ фэньцзы каогусюэ яньцзю [蔡大伟, 汤卓炜, 陈全家, 韩璐, 周慧. 中国绵羊起源的分子考古学研究 // 边疆考古研究] Молекулярные исследования возникновения домашних овец в Китае по археологическим материалам // Археологические исследования приграничных регионов. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2010. С. 291–300.

²⁶⁰ См.: *Шульга П.И.* Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 1991. С. 155–159.

уклада населения этих земель в эпоху раннего железа возможно вести по большей части на основе материалов погребений и письменных источников.

Евразийский степной пояс позволяет привлекать достаточно широкие аналогии из Синьцзяна, северо-восточных территорий Китая и из Южной Сибири. Южносибирские материалы для нас наиболее доступны²⁶¹. Помимо аналогий из соседних регионов, могут привлекаться и материалы последующих эпох, ведь феномен номадизма, при всём своём развитии, имел достаточно консервативную экономическую систему. Ещё в шанских гадательных надписях на панцирях черепах и лопатках животных северо-западные соседи иньцев именуются «во множестве разводящими лошадей цянами». Позднее, в эпоху Чжоу, название *цянь* становится весьма редким, и население соседних территорий именуются *жунами*. Северные и северо-восточные соседи названы *ди*, но они появляются в поле зрения китайской историографии лишь при описании событий VII–IV вв. до н. э.²⁶² Как уже отмечалось выше, эпоха Хань (гунно-сарматское время в отечественной историографии) и последовавшее за ней средневековье породили гораздо больше дошедших до нас письменных свидетельств о «северных варварах», чем эпохи Чуньцю и Чжаньго, примерно соответствующие скифскому времени. В рамках подобных исследований большое значение имеет изучение состава стада по находкам жертвенных животных из погребений.

Примерно в VII в. до н. э. население Северного Китая уже вступило в эпоху кочевого скотоводства, хотя на прилегающей территории Монголии это произошло значительно раньше. В русле интересующей нас темы стоит

²⁶¹ См.: Абсалямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. 1977. Вып. 9. С. 37–40; Бородавский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катуне (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2001. № 7. С. 58–61.

²⁶² Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 346 с.

отметить работы китайских коллег на стыке археологии и естественнонаучных дисциплин. В своей статье группа учёных из Цзилиньского университета провела исследования, взяв 53 образца из различных археологических объектов Северного Китая, датирующихся примерно 2000–500 гг. до н. э. Сюда вошли *Сяохэ* в Синьцзяне, *Дашаньцянь* во Внутренней Монголии, *Канин* в Цинхае. Были проанализированы нуклеотидные последовательности фрагмента митохондриальной ДНК овец. Дело в том, что именно около VI в. до н. э. появляется новая линия преемственности (С), которая отличается от двух более ранних (А и В). До III-го тыс. до н. э. самой многочисленной является группа А²⁶³. Но именно от линии С происходят современные китайские домашние овцы, которых разводят на севере страны. Примечательно, что овцы линии С были распространены в Центральной Азии²⁶⁴. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что именно в скифскую эпоху происходит усиление связей Северного Китая с более западными регионами Азии. В то же время очевидно, что происходит усиление селекции с привлечением внешних пород. Всё это ещё раз говорит как *в пользу объективного существования единого кочевого мира в степях Евразии*, так и о развитости, важности скотоводства для населения исследуемого региона, что стало в науке аксиомой.

§2.2.2. Территориальные особенности уклада

Для удобства анализа будем оперировать тремя субрегионами в рамках северного и северо-восточного Китая: восточный субрегион охватывает территории к югу и северу от гор Яньшань (провинции Хэбэй и Шаньдун);

²⁶³ См.: Цай Давэй, Тан Чжовэй, Чэнь Цюаньцзя, Хань Лу, Чжоу Хуэй. Чжунго мяньян цюаньдэ фэньцзы каогусяо яньцзю [蔡大伟, 汤卓炜, 陈全家, 韩璐, 周慧. 中国绵羊起源的分子考古学研究 // 边疆考古研究] Молекулярные исследования возникновения домашних овец в Китае по археологическим материалам // Археологические исследования приграничных регионов. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010. С. 300.

²⁶⁴ Там же, с. 298.

центральный субрегион соответствует Ордосу с прилегающими уездами Шаньси и Шэньси; западный субрегион соотносится с современными Нинся-Хуэйским АР и провинцией Ганьсу.

В Хэбэе основное количество жертвенных животных – собаки и крупный рогатый скот. На археологическом памятнике Лишугоумэнь (уезд Луаньпин, пров. Хэбэй) почти нет жертвенных овец. В районе Тайшаня овец достаточно много, но в поздних памятниках возрастает число крупного рогатого скота, а овец становится меньше. В Хэбэе и в Шаньдуне лошади относительно редки. На территории Ордоса в погребениях главным образом встречаются останки лошадей. В Нинся и Ганьсу на первом месте по распространённости кости мелкого рогатого скота, на втором – лошади²⁶⁵.

Если смотреть на соотношение погребений с жертвенными животными и без таковых, то в районе гор Тайшань и в Хэбэе оно составляет примерно 50 на 50 процентов. А в каждой могиле памятника Маоцингоу в среднем по три черепа животных, местами – до десяти. В районе Ордоса процент могил, где обнаружены те или иные части жертвенных животных, приближается к ста. В Нинся и Ганьсу – около девяноста²⁶⁶. Во всех случаях находок жертвенных животных наиболее распространёнными являются черепа. В могильниках Ордоса и Ганьсу систематически встречаются захоронения, где число черепов жертвенных животных доходит до нескольких десятков. В Хэбэе массово обнаружены черепа с копытами, нередко в сочленении. Вероятно, вместо целой лошади укладывалась шкура.

Расположение жертвенных животных в погребениях культур различных субрегионов неодинаково. В Хэбэе и восточной части Внутренней Монголии останки жертвенных животных нередко обнаруживаются в заполнении могил, в районе верхней половины костяка человека. В Ордосе кости животных также

²⁶⁵ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 125.

²⁶⁶ См.: там же, с. 126.

зачастую в заполнении могил, нередко их можно зафиксировать и на уступах. В районе Гуюаня (Нинся-Хуэйский АР) достаточно много случаев находок такого рода на дне ямы или в подбое²⁶⁷. Носители культуры маоцингоу вели полуоседлый образ жизни, одновременно сочетая охоту, скотоводство (как основной тип хозяйства) и земледелие. Во-первых, в погребениях этой культуры обнаружено много останков жертвенных животных. Главным образом – черепа и копыта лошадей, крупного рогатого скота и овец (рисунки 17; 21; 24; и др.). В некоторых могилах найдены также лопатки мелкого рогатого скота. Хотя количество останков жертвенных животных в маоцингоу уступает таковым в культурах таохунбала и янлан (рисунок 5), но всё же оно остаётся внушительным. Например, в Маоцингоу М6 найдены два черепа крупного рогатого скота и 12 черепов овец. На могильнике Дяньцзысян в одном элитном погребении обнаружили 44 черепа жертвенных животных: 18 – крупного рогатого скота, 4 – лошадей и 22 черепа овец. Это яркое свидетельство развития и роли скотоводства. Значительная часть памятников культуры маоцингоу – могильники (титульный могильник, могильник Инъюгоу и другие). Ряд поселений вблизи могильников, очевидно, имели к некрополям некоторое отношение. На поселениях обнаружены остатки ям, печей и жилищ, что указывает на оседлость проживания части населения. Среди жертвенных животных обнаружены останки собак и свиней. Например, на могильнике Госяньяоцзы в погребении М8 помимо останков крупного рогатого скота найдено по пять черепов собак и свиней. В М19, помимо черепов крупного рогатого скота, обнаружено 10 черепов свиньи и 6 черепов собаки. В Инъюгоу М9 также были черепа свиней. Общеизвестно, что свиноводство есть явный признак оседлости. В Инъюгоу М9 найден череп лисы. В погребениях М5, М6, М21 могильника Госяньяоцзы найдены черепа

²⁶⁷ См.: У Энь. Янлан вэньхуа // Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [乌恩。 杨郎文化 // 中国考古学。两周卷]. Культура Янлан // Археология Китая. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 541–547.

марала. Очевидно, что охота продолжала оставаться важным подспорьем в хозяйстве²⁶⁸.

Примечательно: на могильнике Маоцингоу найдено 12, а на Инъюгоу – 6 погребений с меридиональной ориентацией (север-юг). В таких захоронениях отличается погребальный обряд, ориентация умерших, сопроводительный инвентарь (рисунок 18). В Маоцингоу М25 и в Инъюгоу М8 наличествуют гробы. Нет жертвенных животных. В погребениях обнаружены поясные крюки. Данный обряд очень напоминает принятый у соседних земледельческих оседлых общностей. В то же время он идёт вразрез с основной массой «местных» погребений Маоцингоу. Учитывая, что погребения с меридиональной ориентацией относятся к поздней стадии периода Сражающихся царств, очевидно: население с Центральной равнины начало проникать в ареал культуры маоцингоу. Складывалась ситуация, когда местная кочевая традиция сосуществовала с пришлой земледельческой одновременно, образовываясь своеобразный симбиоз.

Судя по находкам в погребениях, в Нинся и Ганьсу преобладало овцеводство; коневодство и разведение крупного рогатого скота было второстепенным. В Ордосе коневодство выступало на передний план. В районе Тайшаня было распространено разведение крупного и мелкого рогатого скота при относительно скромных масштабах коневодства. В Хэбэе главной отраслью являлось разведение крупного рогатого скота. По многочисленным останкам собак можно предположить здесь важную роль собаководства. *Данные хроник Сыма Цяня, Фань Е и других ещё раз подтверждают мнение о возможности соотнесения числа останков жертвенных животных в погребениях с реальным составом стада.*

См.: ²⁶⁸ У Энъ. Бэйфан цаюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至 早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. С. 317.

Известно, что мелкий рогатый скот в стаде нередко преобладает, так как является основным источником мяса. Это связано с тем, что овцы очень хорошо плодятся, отлично приспособливаются к новым природно-климатическим условиям, могут в короткие сроки восстановить популяцию. Более крупные животные – коровы и лошади – размножаются медленнее и приспособляются хуже. Таким образом, при развитии именно кочевого хозяйства мелкий рогатый скот закономерно должен был преобладать. Овцы дают мясо и шерсть, козы дают молоко, но в то же время требуют наиболее тщательного контроля со стороны пастуха ввиду уязвимости мелкого рогатого скота для нападений хищников. К сожалению, в большей части погребений по публикациям неясно: овца обнаружена или коза. Имеются только данные по могильнику Госяньяоцзы (уезд Лянчэн городского округа Уланчаб автономного района Внутренняя Монголия), где кости этих двух видов мелкого рогатого скота примерно равны по количеству²⁶⁹. В пользу совместного выпаса овец и коз говорит тот факт, что овцы при поедании травы не очень стремятся к передвижению, но из среды коз может выделиться вожак, побуждающий стадо перемещаться. Разумно предполагать, что номады бронзового и раннего железного веков в Северном Китае выращивали и коз, и овец.

Мобильность лошадей значительно выше, чем других домашних животных, так что они могут выпасаться на более отдалённых выгонах. Им нет необходимости бороться за траву с крупным и мелким рогатым скотом. Кони могут эффективнее овец тебеневать, им более доступен подножный корм зимой, который они могут добывать при глубине снега до 40–60 см.²⁷⁰

²⁶⁹ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньчуаньшэ, 2004. С. 127.

²⁷⁰ См.: Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1973. С. 207–222.

Этнографические изыскания во Внутренней Монголии показали, что один пеший пастух может контролировать 150–200 овец; если он на коне, то может пасти стадо в 500 голов, а двум конным пастухам под силу управиться более чем с тысячей овец²⁷¹. Лошадь применялась для охоты, войны и работы. Крупный рогатый скот не может перемещаться так быстро, как лошадь, но в хозяйственных целях нередко в истории использовались воловь упряжки. Таким образом, все три основные группы домашних животных дополняют друг друга. *В Инъюгоу, в восточной части Внутренней Монголии, обнаружены останки свиньи.* Данные этнографии свидетельствуют, что свиньи могут существовать только при оседлом образе жизни населения. Поросянок вскоре после рождения не может, как овца, быстро самостоятельно перемещаться. Свинья и кочевой образ жизни несовместимы и потому ещё, что способность переваривать волокнистые растения у свиньи ограничена, гораздо лучше для неё подходит пища вроде орехов, грибов, растений, корней, а также поедание насекомых или мелких грызунов. Следовательно, люди должны дополнительно снабжать свинью кормами, чтобы она набирала вес. С крупным и мелким рогатым скотом, с лошадьми, самостоятельно добывающими пропитание, ранним кочевникам легко удавалось расширять свой ареал и перемещаться на огромные расстояния.

Размер стада, естественно, может быть максимальным и минимальным. Максимум главным образом зависит от возможности контроля пастуха. Об этом говорилось выше. Минимальное стадо рассмотрим на конкретных исторических примерах. В 1776 г. у семьи кочевников из пяти человек могло иметься 8 кобыл, 1 жеребец, 10 коров, 1 бык. В 1881 г. у небогатой казахской семьи было в среднем 5–6 лошадей, 10 баранов, 6 коров. К 1894 г. средняя семья имела 50–100 голов различного домашнего скота. В 2002 г. в Хулунбуире у семьи из семи человек было около сотни овец, 20 коз, 12

²⁷¹ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华。春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 126.

лошадей и около 40 голов крупного рогатого скота, которых пастухи кормили покупным зерном. При этом владельцы вышеописанного хозяйства считали свой гурт относительно небольшим. У наиболее состоятельных скотоводов может быть около 2000 голов овец²⁷². Приведём ещё один пример из этнографии. Он будет скорее показателен для восточного субрегиона. У средней по достатку семьи закаменских бурят численность крупного рогатого скота достигала 100 голов. У зажиточных гурт насчитывал до 200 голов и выше. Бедные буряты могли обходиться стадом в 5–6 коров. У средней семьи мог быть табун в 50–100 лошадей, у богатой – 100–200. Наиболее состоятельные семьи владели табунами в 500 лошадей. Бедные семьи зачастую обходились одним или двумя конями. Овец в Закамне было немного, так как местные природные условия не способствовали их разведению. У средней по достатку семьи могло быть около 20–30 овец, богатые семьи владели стадом в 60–100 голов, бедняки зачастую вообще обходились без мелкого рогатого скота²⁷³. Мы видим, что в значительной степени пропорции древности в этом вопросе соотносятся с этнографическим временем.

Таким образом, рассматривая этнографические примеры, анализируя находки останков жертвенных животных, мы можем прийти к выводу, что мелкий рогатый скот был для среднего семейства скотоводов самым важным и многочисленным видом сельскохозяйственных животных. Поэтому останки овец в эпоху раннего железа присутствуют в погребениях повсеместно, но наиболее высокая концентрация таковых в западном субрегионе Северного Китая (на территории западной части нынешней Внутренней Монголии, захватывает целиком Ганьсу и Нинся). Исключение в известной степени составляет район современного городского округа Цинъян. В то же время в восточной области Северного Китая скотоводство было развито относительно слабо. В связи с недостатком мобильности крупного рогатого скота, который

²⁷² См.: там же, с. 127.

²⁷³ См.: *Галданова Г.Р.* Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука СО, 1992. С. 44–47.

был доминирующим видом домашних животных в регионе, прилегающем к горам Тайшань, там начинает усиливаться оседание населения, появляется определённое количество свиней, кочевое скотоводство отходит на второй план. В археологических памятниках на севере провинции Хэбэй останков овец фиксируется мало, что свидетельствует в пользу меньшей доли кочевого хозяйства. На северо-востоке Хэбэя обряд принесения в жертву овцы редко прослеживается.

§2.2.3. Структура хозяйственной деятельности и «степень номадности»

Доля кочевого скотоводства в хозяйственной деятельности коррелирует с развитостью керамической индустрии. Выясняется, *что чем более общество склонно к номадизму, тем меньше разнообразие и количество посуды.* На востоке Внутренней Монголии и в северном Хэбэе керамика куда многочисленнее и разнообразнее, чем в западном субрегионе Северного Китая (Ганьсу, Нинся, запад Внутренней Монголии). Переход к номадизму не только сопровождался уменьшением числа и упрощением керамических изделий, но и отразился на планировке и масштабах могильников. Самые крупные и многочисленные могильники прослеживаются на севере провинции Хэбэй. Лянчэн во Внутренней Монголии и Гуюань в Нинся несколько уступают. Могильники культур с выраженными чертами кочевого скотоводства куда менее масштабны, чем у их склонных к оседлости соседей. Велика вероятность, что здесь проблема не в недостатке обнаруженных памятников, а именно в культурной закономерности. Дальнейшие исследования смогут пролить свет на решение данного вопроса.

Для иллюстрации хозяйственного типа племён Северного Китая уместны свидетельства о *горных жунах*, с которыми традиционно связывается археологическая культура юйхуанмяо. В части «Исторических записок» Сыма Цяня, повествующей о выдающихся сюнну, говорится, что народы *сяньюнь*,

сюньюй, горные жуны – это варвары севера. Они пасут стада коней, овец и коров, следуя за источниками воды и травы, им незнакома агрикультура. К северу от Янь обитают дунху и горные жуны. Все они разрозненно живут в долинах горных рек, нередко имеют вождей, способных собрать множество жунов воедино, но не способных договориться меж собой. Письменных свидетельств нет, а устных не много. Однако известно, что они с детства обучаются верховой езде, начиная с овец, могут поразить из лука птицу и мышшь, позже стреляют кроликов и лис, используя добычу в пищу. Конные лучники по мере возможности являются и конными латниками, в их обычаях обеспечивать себя за счёт охоты и разведения скота. Это очень стремительные люди, военное ремесло у них в крови, им свойственно вторгаться и ходить походами. Для поражения врага издали распространены луки и стрелы, в ближнем же бою они орудуют кинжалами. Когда варварам сопутствует удача – идут вперёд, когда нет – они отходят, не видя в этом позора для себя. Ради выгод эти люди готовы поступиться правилами, им незнакомы принципы морали и этикета. И правитель, и его подданные питаются мясом домашнего скота, из кож и шкур которого делают себе полушубки. Молодые и здоровые едят всегда досыта, старики питаются остальным. Сильные крепнут, старые чахнут. В их обычаях есть табу, фамилий они не имеют²⁷⁴. На основе данных из различных разделов «Исторических записок», «Бамбуковых анналов» авторы труда по могильникам в горах Цзюньдушань²⁷⁵ сделали несколько значимых выводов: «1. До династии Цинь горные жуны были самой мощной силой иноплеменников в Северном Китае... 2. Горные жуны не имели крепостей и крупных оседлых поселений, земли не возделывали, “жили за счёт охоты”, “кочевали со своими стадами”, “питались мясом животных, одевались

²⁷⁴ См.: *Сыма Цянь*. Исторически записки: Ши цзи в 9 т. / Пер. с кит. Вяткин Р.В. и Карапетьянца А.М., коммент. Вяткина Р.В., Вяткин А.Р. и Карапетьянца А.М., вступ. ст. Вяткина Р.В. М.: Вост. лит., 2002. Т. 8. С. 323–326.

²⁷⁵ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著. —北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. 850 с.

в их кожи”, являясь типичными номадами. 3. Обитали они в прилегающих к северным границам царства Янь регионах, в тех местах, где было древнее царство Гучжу. (Время существования этого царства относится к эпохе Шан, потом это название, видимо, использовалось как топоним – прим. *Д.Ш.*). Будучи рассредоточенными по “долинам рек”, жуны принадлежали ко множеству племён, не способных объединиться. 4. У жунов не было письменности, как не было и фамилий. Сохранился ряд имён, как правило, в китаизированной форме. 5. Горные жуны с самого начала Чуньцю и до середины раннего этапа Чуньцю обладали внушительной военной мощью, являясь сильнейшим противником Янь на севере. Они постоянно устраивали набеги и развязывали войны (например, “нападали на Янь”, “нападали на Чжэн”, “нападали на Ци”), вплоть до того, что приходилось призывать на помощь “князя из Чжэн” или соседей. В период Чуньцю жуны вели постоянные войны с удельными китайскими владениями, из которых ближайшим было Янь, почему и пишут летописцы об “упадке в Янь”, ведь именно на эту территорию давление было самым сильным»²⁷⁶.

Логично отдельно остановиться на хозяйственном типе культур Алтая и Синьцзяна, с одной стороны, и Северного Китая – с другой в VIII–VI вв. до н. э. Дело в том, что у этих общностей довольно много близкого в материальной культуре, искусстве, погребальном обряде и, в некоторой степени, в антропологии. Однако имеется и целый ряд особенностей. Например, оленные камни есть не везде. В Синьцзяне они присутствуют, а в Северном Китае пока не выявлены. Традиционно в российской и китайской науке население Центральной Азии (Алтай, Синьцзян, Монголия) относилось к кочевникам-скотоводам. Вопрос о социальном развитии населения

²⁷⁶ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著. 一北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. С. 566.

Центральной Азии чаще всего поднимается также в контексте изучения развития кочевых обществ²⁷⁷.

Интерес к территории Западного края (Синьцзяна) у историков и правителей Китая возник значительно позднее, чем к общностям, описанным выше. Ко времени проникновения китайцев в Западный край немало племён и целых государств этого региона существовали за счёт скотоводства. Это подтверждается археологическими материалами, особенно из северной части СУАР²⁷⁸. Объёмный письменный материал относится уже к гунно-сарматскому времени. С большим количеством оговорок, но его можно и нужно использовать. Во время своих экспедиций в Западный Край китайцам нередко приходилось встречать укрепленные города. Сложно предположить, что кочевники могли выступать в подобном качестве. Оазисы Синьцзяна вполне могли быть центрами земледелия. Наиболее известный в истории пример – Лоулань, который впервые упоминается в письме хуннского шаньюя к ханьскому императору в 126 г. до н. э. Оазис был центром царства Крорайна (Шань Шань), за который шла упорная борьба между сюнну и китайцами. Путешественник Чжан Цянь упоминает его как укрепленный город близ озера Лоб-Нор. Достаточно рано перешло к оседлости население Хотана. Чжан Цянь упоминал о том, что в Хотане процветала добыча нефрита для отправки в Ханьскую империю²⁷⁹. Выше уже приводились высказывания Чжугэ Ляна.

Таким образом, исходя из анализа источников, *мы можем с уверенностью говорить о присутствии земледельческого компонента у населения Синьцзяна в раннем железном веке*. Пока на территории СУАР не было обнаружено достаточного археологического материала с поселений

²⁷⁷ См.: Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 5–12.

²⁷⁸ См.: Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. С. 134.

²⁷⁹ См.: Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 212.

VIII–III вв. до н. э., по материалам раскопок погребальных сооружений можно получить лишь примерное представление о степени оседлости общностей, их создавших. На территории Восточного Туркестана известно сосуществование скотоводства и земледелия вплоть до современности. Вероятно, следует прислушаться к мнению китайских исследователей о том, что животноводство в Западном Крае в то время всё же занимало господствующее положение. Вполне возможно, что существенную роль играло пастушеское скотоводство. Оно не отменяет сезонных перекочёвок.

Раздел 2.3. Политическая организация кочевников Северного Китая в раннем железном веке (в контексте взглядов на «скотоводческую цивилизацию»)

§2.3.1. К вопросу о «кочевой государственности»

Наличие государственности у некоторых кочевых народов в гунно-сарматское время на территории Южной Сибири и Китая признаётся многими исследователями. Анализ этой информации посвящена масса работ отечественных и зарубежных учёных ²⁸⁰. Наличие огромных погребально-поминальных сооружений, требовавших больших трудовых затрат (типа курганов Аржан-1 и Аржан-2 в Туве VIII–VII вв. до н. э.; Салбыкского в Хакасии IV–III вв. до н. э.; пазырыкских, каменных, сакских на Алтае и в Казахстане), указывает на высокий уровень консолидации общества, культура которого получила замечательное выражение в искусстве. (Имеются «царские» курганы и в северной части Синьцзяна (Китай), но они не раскапывались). Всё это позволило некоторым исследователям поставить вопрос о наличии на указанных территориях протогосударственных образований. Наиболее полно эта позиция изложена А.И. Мартыновым, обосновавшим положение о скотоводческой цивилизации. По его мнению, в VIII–VII вв. до н. э. в кочевой среде произошли существенные изменения, приведшие к возникновению на рубеже VI–V вв. до н. э. «государств скифов, саков, в Горном Алтае, зоне распространения тагарской культуры и в Ордосе»,

²⁸⁰ См.: Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. СПб., 2009; Ян Цзяньхуа. Чуныцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华。春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуныцю и Чжаньго. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 2004. С. 133–164; Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

которые просуществовали «не более 300–350 лет»²⁸¹. Противниками этой точки зрения в качестве одного из основных аргументов приводится отсутствие письменных свидетельств. В этом отношении несомненный интерес представляют данные по Северному Китаю. Китайские авторы довольно подробно отмечали сведения о жизни «северных варваров». Например, о ранних сюнну Сыма Цянь пишет, что все они были рассеяны по горным долинам, и каждое племя имело своих правителей – вождей, и, хотя им время от времени удавалось собрать вместе более ста племён, объединить их никому не удалось²⁸². Однако интерес летописцев был отнюдь не беспристрастно-этнографическим. Потому необходимо учитывать условность этнонимов, использованных в китайских летописях в VI–II вв. до н. э.

Помимо письменных и археологических источников, современные китайские исследователи важную роль отводят естественнонаучным методам. В частности, с помощью биологических анализов ДНК овец получены интересные данные о путях миграций номадов с запада²⁸³. *Совокупные знания позволяют говорить, что многие из так называемых «варварских» народов на северных границах Древнего Китая представляли собой протогосударственные образования, а, возможно, и государства.*

Вероятно, подобные образования были и в Южной Сибири. Но необходимо подчеркнуть, что скотоводческие объединения в силу особенностей хозяйства и сурового климата Сибири были нестабильными²⁸⁴.

²⁸¹ См.: Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 11.

²⁸² См.: Сыма Цянь. Исторически записки: Ши цзи в 9 т. / Цянь Сыма; пер. с кит. Вяткин Р.В. и Карапетьянца А.М., коммент. Вяткина Р.В., Вяткин А.Р. и Карапетьянца А.М., вступ. ст. Вяткина Р.В. М.: Вост. лит., 2002. Т. 8. С. 323–326.

2. ²⁸³ См.: Цай Давэй, Тан Чжовэй, Чэнь Цюаньцзя, Хань Лу, Чжоу Хуэй. Чжунго мяньян цюаньдэ фэньцзы каогусяо яньцзю [蔡大伟, 汤卓炜, 陈全家, 韩璐, 周慧. 中国绵羊起源的分子考古学研究 // 边疆考古研究] Молекулярные исследования возникновения домашних овец в Китае по археологическим материалам // Археологические исследования приграничных регионов. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010. С. 298–300.

²⁸⁴ См.: Шульга П.И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н. э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 319–323.

По-видимому, эти «государства» периодически возникали всего лишь на несколько десятков лет в условиях благоприятного климата. Именно в эти периоды активизировались связи и торговля. Наиболее яркий период фиксируется в III в. до н. э. по значительному количеству «царских» и «княжеских» курганов в горах и на равнине Алтая с богатым импортом из Китая и Передней Азии. Благодаря им многочисленные импортные изделия (в том числе лаковые чаши из Китая и «индийские зеркала») появились не только в царских курганах Горного Алтая и на равнине (могильник Бугры на юге Алтайского края, раскопки К.В. Чугунова), но и в рядовых погребениях каменной культуры (Новотроицкое, Рогозиха-1 и др.). Судя по материалам Новотроицкого и Быстровского некрополей²⁸⁵, в V–III вв. до н. э. оставившее их население проживало стабильно в значительной мере благодаря торговле востребованной на юге и востоке пушниной, получаемой из северной таёжной зоны.

§2.3.2. Первое полноценное «варварское» государство

Уникальным примером построения «варварами» *ди* своего государства стало Чжуншань. Чжуншань – государство, основанное кланом сяньбуй из *белых ди* в завершающей стадии периода Чуньцю (722–481 гг. до н. э.). История этого государственного образования длинна и местами запутана. Просуществовало оно почти от начала до конца периода Чжаньго (481–221 гг. до н. э.). Примечательно: Чжуншань относилось к «царствам, способным выставить тысячу колесниц», т.е. было достаточно крупным. Письменных сведений об этом государстве не много. В 70 и 80-х гг. XX в. некоторые вопросы о «государстве белых ди» были постепенно сняты вследствие целого ряда археологических открытий на территории провинции Хэбэй. Эти находки чаще всего относятся именно к эпохе Чжаньго. Особенно ценным стало

²⁸⁵ См.: Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

обнаружение городища Шанлинлиншоу возле деревни Саныцзисян в уезде Пиншань (городской округ Шицзячжуан провинции Хэбэй, КНР). Колоссальный материал получен также из царского погребения, расположенного неподалёку. Оттуда происходят многочисленные предметы искусства. Артефакты дают представление о высоком уровне экономического развития царства ди. Для реконструкции же детальной экономической картины Чжуншань обнаружено недостаточно таких характеризующих вещей, как монеты, керамика, бронзовые изделия. Работ, анализирующих эти категории инвентаря из Чжуншань, мало.

Если рассматривать материал по хозяйству Чжуншань в комплексе, то можно сказать, что с начала периода Чжаньго (сер. V в. до н. э.) до его середины (сер. IV в. до н. э.) в ремесле, сельском хозяйстве и торговле царства, основанного народом *ди*, произошёл стремительный скачок, сопровождавшийся положительным демографическим фоном. На раннем этапе Чжаньго существовало развитое скотоводство, что подтверждается характерными находками в погребениях. В захоронениях клана сяньшуй эпохи раннего Чжаньго обнаружено большое количество артефактов, характерных для кочевого быта. Например, в уезде Синтан провинции Хэбэй в погребении были найдены тыквовидные сосуды *ху* с ручками, а также расписанные витым орнаментом сосуды *ху* с двумя кольцевидными ручками. Бронзовые изделия таких типов и их керамические подражания были удобны для транспортировки и переноски. Витой орнамент, исполненный в виде росписи или гравировки, имеет прямые аналогии в кочевом мире. К середине периода Чжаньго происходит демографический и экономический рывок на всей Центральной равнине, и кочевое хозяйство начинает на данной территории отмирать. В книге «Планы Сражающихся царств» в разделе «планы Чжуншань» пишется о ситуации среди пяти государств, случившейся в середине Чжаньго. Царство Ци проводило недружелюбную политику по отношению к царю Чжуншань, основываясь на том, что «наша страна может выставить 10000 колесниц, а Чжуншань может выставить 1000 колесниц, как

же можно говорить о равенстве наших царств?» Чжуншань «не пара» Ци, так как, в частности, основано *жунами* и *ди*. Также внимание обращается на меньшую территорию Чжуншань. Очевидно, к тому моменту различия в способе хозяйствования и обычаях между Чжуншанем и государствами Центральной равнины были весьма заметны. В Чжуншань продолжали сохраняться обычаи, характерные для *жунов* и *ди*, что давало повод для высокомерия правителей Ци по отношению к соседу. «Варварский» элемент являлся важным фактором в распределении ролей и статусов государств, параллельно с территорией и воинским потенциалом.

С середины Чжаньго в царстве Чжуншань начинается подъём экономики, что фиксируется в т.ч. в погребальном инвентаре. Количество продовольствия закономерно возросло. Помимо развития агрикультуры, имели место охота и скотоводство. Постепенно земледелие становится краеугольным камнем хозяйства. Пока мы не можем говорить о том, что на раннем этапе скотоводство было основой экономики, однако масштабы изменений в середине периода всё равно были впечатляющими.

Ремесло в период от начала до середины Чжаньго активно развивалось организационно и технологически. Во время правления Чэнгуна (349–328 гг. до н. э.) ещё не существовало правительственного требования ставить клеймо с именем мастера на изделии. Однако примерно к этому времени сложилась система, когда основными производителями ведало правительство, а за конкретными изготовителями осуществляли контроль надзиратели. Происходило разделение ремёсел, в том числе и официально, что было призвано улучшить качество изделий и их производство.

Присутствуют вещественные свидетельства активного развития торговли. На раннем этапе периода Чжаньго царство Чжуншань хотя и имело монеты в форме ножа, но их число было невелико. К середине Чжаньго начинают проникать монеты из Чжао и Янь. Собственно в Чжуншане начинается отливка монет «чэнбай» (основное время бытования – 380–296 гг. до н. э.). На городище Линшоу есть ряд местонахождений по несколько сотен монет. Как

платёжное средство использовались имитации монет из Янь и Чжао. Очевидно, что товарно-денежные отношения с начала до середины Чжаньго очень развились. Экономика в Чжуншане в сравнении с другими удельными царствами была ничуть не хуже и развивалась вполне синхронно с соседями. В земледелии активно применялись железные орудия труда, технология обработки земли неуклонно развивалась. В целом в период Чжаньго на территории Китая происходит серьёзный прогресс в агрикультуре, исключением не стал и Чжуншань. Материалы археологических раскопок показывают: значительная часть найденных железных вещей – предметы сельскохозяйственного назначения. В Линшоу и царских погребениях с территории государства *ди* обнаружено 454 железных изделия, около ста из них связаны с земледелием. Сюда входят лопаты, мотыги, серпы и другой инвентарь. Среди находок с памятника Шицзячжуан сельскохозяйственные изделия составляют 67% от общего числа железных изделий ²⁸⁶. Это показывает, что железо стало основным материалом изготовления орудий труда в царстве Чжуншань уже к IV в. до н. э. Распространение железа в период Чжаньго имело своим следствием внедрение интенсивных методов сельского хозяйства. Развитие получила вспашка с помощью железной сохи, следы чего обнаружены на поселении Синьлэ (город уездного значения городского округа Шицзячжуан провинции Хэбэй) ²⁸⁷. Примечательно, что царство Чжуншань отнюдь не было обделено водными ресурсами: территория имела плотную речную сеть. Письменные источники свидетельствуют о развитости ирригации и каналостроительства. К этому понуждали и природные процессы: обилие рек заставляло бороться с наводнениями. Судя по письменным данным, основным водным источником в Чжуншань была

²⁸⁶ См.: Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинци фачжань теянъ фэнси [曹迎春. «飞跃»与«同步»中山国经济发展特点分析//河北师范大学学报] Стремительный скачок и «шаг в ногу» – анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 138.

²⁸⁷ См.: там же, с. 139.

протекающая в границах государства река Хутохэ (река в совр. провинциях Шаньси и Хэбэй).

Если говорить о бронзовой металлургии, то в рамках археологии царства Чжуншань мы видим массу предметов, отлитых из бронзы, многие из которых богато украшены и покрыты инкрустацией. Найдено много литейных форм. Бронзовое литьё продолжало бытовать и, более того, развивалось в царстве Чжуншань. В погребениях Чжуншаня найден целый ряд изделий из бронзы с золотой и серебряной инкрустацией. Артефактов такого типа настолько много, что они заметны в рамках всекитайской археологии. Среди образов преобладают зооморфные: быки, олени, тигры и синкретические существа. Присутствуют сцены терзания. Позолоченные изделия встречаются в Чжуншане уже на раннем этапе Чжаньго. В Синьлэ (город уездного значения городского округа Шицзячжуан провинции Хэбэй) на памятнике Чжунтунцунь в погребении М1 обнаружена бляха в виде тигра, лицевая сторона которой покрыта позолотой. Также найдено 8 позолоченных пуговиц²⁸⁸. В царских погребениях Чжуншаня есть позолоченные поясные крючки и кинжалы.

Рассмотрим ряд погребений царства Чжуншань, которые демонстрируют постепенную китаизацию царства. В результате археологических раскопок было выкопано 111 могил, но большинство из разграблены настолько, что затруднительно даже в общих чертах реконструировать погребальный обряд. Мы постараемся представить наиболее репрезентативные погребения.

М8003 находится на севере деревни Фанцзячжуан. Умерший лежит в яме отвесными стенками (длина 2,62 м, ширина 1,3 м, глубина 1 м). Края могилы обложены камнем, образуя в середине погребальную камеру длиной 1,89 м, шириной 0,61 м и высотой 1 м. Внутри лежит скелет мужчины на спине со слегка подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Внутри погребальной камеры с левой стороны лежит бронзовый клевец гэ китайского облика, длина

²⁸⁸ См.: там же, с. 140.

древка которого составляет 1,86 м. В районе поясицы умершего помещался бронзовый кинжал, рядом прослеживаются остатки истлевших деревянных ножен. Кроме того, был найден узкий бронзовый нож, наконечник стрелы и поясной крюк. В районе ступней обнаружена каменная табличка. Под каменной погребально камерой никаких следов иных захоронений не было обнаружено. Очевидно, что перед нами могила воина, на это также указывает то, что М8003 расположено к северу от княжеской гробницы. Такое положение малых погребений вокруг центрального захоронения правителя нередко символизировало посмертную «стражу» государя. Хронологически погребение М8003 следует отнести ко втор. пол. IV в. до н.э. (рисунок 28, М8003).

М8007 находилась в южной части некрополя у деревни Ганбэй. Могильное пятно прослеживается в 30 см от уровня современной поверхности. По стратиграфии чётко заметен грабительский шурф в середине могилы. Сама могила весьма крупная – длиной 4,6 м, шириной 3,62 м и глубиной 3,4 м. Высота деревянного внутримогильного сооружения 0,8 м, длина 4,1 м, ширина 2,4 м. Скелет в погребальной камере практически отсутствует, от него фиксируется лишь несколько раздробленных костей. На дне обнаружены остатки двух жердей, лежащих по направлению север-юг, их толщина около 17 см, а длина около 4 м. Заполнение могилы плотное. По причине серьёзного ограбления ритуальная посуда была смещена и повреждена. При работе с фрагментами удалось установить, что керамический инвентарь был представлен треножником, чашей *доу*, кувшином *ху*, горшками *гуань* разных разновидностей, плоской *пэнь*, а также чашей с носиком *и*. Хронологически погребение М8007 также следует отнести ко втор. пол. IV в. до н.э. (рисунок 29, М8007).

М8011 находилась в западной части некрополя у деревни Ганбэй. Длина могильной ямы составляет 4,8 м, ширина 3,94 м и глубина 5,65 м. Внутри фиксируется двойная внутримогильная конструкция из дерева. Длина внешней части составляет 3,82 м, ширина 2,9 м, высота 1,18 м, длина

внутренней (т.н. гроба) – 1,9 м, ширина 1,02 м, высота 0,72 м. Усопший лежит лицом на запад со слегка подогнутыми ногами. Ориентация северо-западная. Погребальная керамика находится в южной части могилы. В районе поясицы усопшего найдено скопление бус из фиолетового берилла и горного хрусталя, а также пять агатовых колечек. Уже упомянутая посуда включает в себя как обычные категории (треножники, чаши *доу*, кувшины *ху*, горшками *гуань* разных разновидностей, плошки *пэнь*, чаши с носиком *и* и т.д.), так и высокохудожественный сосуд с оформленными в зверином стиле ручками, изготовленная в виде птицы чаша и специфический цилиндрический сосуд. Бронзовые артефакты также имеют место, это тесло (так данное изделие трактуют китайские авторы раскопок, возможно, это чекан) зеркало и поясной крюк. Время создания идентично предыдущим захоронениям (рисунок 28, *M8011*).

M8205 находится в восточной части могильника у деревни Ганбэй. Есть основания полагать, что это одно из наиболее ранних погребений здесь. Дело в том, что родовые некрополи, вероятно, сооружались с севера на юг. *M8205* – одно из крупнейших (во всём могильнике) захоронений, и непосредственно к югу от него расположена группа из шести погребений, среди которых и *M8207*. *M8205* довольно сильно пострадала, верхняя часть оказалась разрушена. Длина могилы составляет 4,74 м, ширина 3,52 м и глубина 2,9 м. В заполнении плотный грунт. Длина внутримогильной деревянной конструкции 3,06 м, ширина 2,04 м, высота 1,15 м. Судя по толщине серого слоя, толщина стенок была около 6 см. Внутри внешней конструкции, судя по серому следу в заполнении, располагался гроб, примерные размеры которого следующие: длина 1,97 м, ширина 0,67 м. Сохранность костяка очень плохая, однако можно с большой долей вероятности предположить, что усопший лежал вытянуто на спине. Внутри гроба бронзовых и керамических изделий не обнаружено. Впрочем, в районе пояса найдено немало изделий из драгоценных и поделочных камней: кольцо из горного хрусталя, четыре агатовых кольца, восемь бусин из горного хрусталя, четырнадцать агатовых бусин, четыре

бусины из фиолетового берилла, а также тёмный изумруд. Рядом есть следы бронзовых изделий, очевидно, служивших элементом в единой композиции (украшении) с указанными каменными артефактами. В районе ступней найдены две костяные трубки и четыре костяных шила. В юго-западной части погребения по тлену прослеживается круглое деревянное колесо диаметром 90 см, и толщиной 6 см. Хронологически погребение M8003 следует отнести ко втор. пол. IV в. до н.э. (рисунок 30, M8205).

M8008 находится в восточной части могильника у деревни Ганбэй. Внутри двойная деревянная погребальная конструкция. Длина могильной ямы 5,2 м, ширина 4,6 м, глубина 5,48 м. В заполнении плотный грунт. Погребение было еще в древности разграблено. Можно реконструировать, что внешняя погребальная конструкция была длиной 4 м, шириной 2.8 м, высотой 1.5 м. На дне было две продольные доски и настил из четырнадцати поперечных. Внутренняя конструкция («гроб») была разрушена, человеческие кости не сохранились, как и большая часть погребального инвентаря. Осталось лишь несколько мелких изделий из бронзы и керамические сосуды (чаши *доу* нескольких типов, кувшины *ху*, горшки *гуань*, плошки *пэнь*). В южной части погребения сохранилось скопление бронзовых удил. Судя по деревянным и бронзовым остаткам во внешней внутримогильной конструкции, там стояла повозка, рассчитанная минимум на четвёрку лошадей. В северо-восточной части гроба найдено скопление наконечников стрел, в общей сложности 10 шт. На северном конце расположено восемь бронзовых деталей повозки (включая украшения) (рисунок 29, M8008).

M8009 находится на могильнике Пубэй-Яочан (периода Сражающихся царств). Заполнение могилы плотное. Размеры ямы на дне в и верхней части различаются (при глубине 3,56 м). У поверхности могила в длину 3,12 м, в ширину 1,85 м, у дна длина 2,68 м, ширина 1,5 м. Погребение было сильно разграблено, поэтому большая часть артефактов, очевидно, была унесена. Из бронзовых изделий сохранился лишь крюк в районе поясицы. Оставшиеся керамические сосуды (расположены с северной стороны в районе головы), за

исключением одного, серьёзно повреждены. Умерший лежит вытянуто, конечности выпрямлены. Вокруг костяка прослеживаются остатки гроба (длина 1,68 м, ширина 0,42 м). Данное захоронение было создано позже описанных выше, в конце VI–нач. III вв. до н.э. (рисунок 28, *M8009*).

M8010 находится в западной части могильника у села Ганбэй. Могила прямоугольная, с плотным заполнением. Размеры ямы – длина 3,33 м, ширина 2,06 м, глубина 5,2 м. На дне погребения прослеживаются остатки внешнего внутримогильного сооружения, сделанного способом «ханту» (специфический метод трамбовки земли, с помощью которого впоследствии была возведена Великая стена и другие сооружения Китая). Размеры конструкции – длина 2,56 м, ширина 1,28 м, высота 0,7 м. перекрытие было сделано из досок. Внутри земляного сооружения находился гроб (длина 1,6 м, ширина 0,77 м, высота неизвестна). В южной части гроба помещена глиняная посуда (треножник, чаши *доу*, кувшины *ху*, горшки *гуань* и чаша с носиком *и*). Данное захоронение было создано позже описанных выше, в нач. III вв. до н.э. (рисунок 30, *M8010*).

M8012 находится северо-западной части могильника у деревни Ганбэй. Форма могилы прямоугольная. Заполнение плотное. Верхняя часть могилы, очевидно, перекапывалась, потому точные размеры установить сложно, видимо они составляли около 3 м в длину, 1,87 м в ширину, в глубину около 0,9 м. Внешняя погребальная конструкция не прослеживается, гроб наличествует (длина 2 м, ширина 0,85 м). Усопший лежит на спине вытянуто. Рядом с левой рукой умершего лежал бронзовый кинжал. На правой стороне лежит крюк (вероятно, поясной) и бронзовый нож. В южной части гроба составлена керамическая посуда – треножник, кувшины *ху*, две деревянные чаши с крышкой, горшки *гуань* разных разновидностей. Хронологически погребение также следует отнести к началу III в. до н.э. (рисунок 28, *M8012*).

M8204 находится в юго-восточной части могильника у деревни Ганбэй. Данное захоронение является одним из самых южных. Могила по форме прямоугольная. Следов ограбления нет. Могильное пятно прослеживается на

глубине 0,5 м от современной поверхности. Длина могилы 3,25 м, ширина 2,35 м, глубина 2,8 м. Как и в некоторых погребениях, описанных выше, прослеживается внешняя (высота 0,78 м, длина 2,68 м и ширина 1,55 м) и внутренняя (длина 1,74 м, ширина 0,52 м) конструкции. Из костей лучше всего сохранился череп, конечности прослеживаются по тлену. Погребальный инвентарь (посуда) располагается в юго-восточной и юго-западной частях. Найдены треножки, чаши *доу* разных типов, кувшин *ху*, горшки *гуань*. Примечательно, что ушки треножников уже закруглённые, что принято считать поздней чертой. Некоторые сосуды орнаментированы. Датируется погребение началом III в. до н.э. (рисунок 29, *M8204*).

M8304 находится на севере деревни Фанцзячжуан. Погребение частично разрушено, особенно пострадал северо-восточный угол, здесь кости скелета были задеты. Длина могильной ямы составляет 3,35 м, ширина 1,9 м, глубина 1,87 м. Высота внешней внутримогильной конструкции 0,87 м, длина 2,95 м, ширина 1,68 м. Внутренний гроб лежит ближе к восточной стенке могилы. Длина гроба 2.2 м, ширина 0.86 м. Кости скелета сильно разложились. Остатки глиняных изделий обнаружены в южной части погребения (треножник, чаши *доу*, кувшины *ху*, пиала), кроме был найден кусок каменного скипетра и бронзовая игла. Данное погребение относится ко второй пол. III в. до н.э. (рисунок 29, *M8304*)²⁸⁹.

Представленные погребения, хотя и не все относятся к одному могильнику, принадлежат к одному району, где некрополи Чжуншань обнаруживаются наиболее плотно. Как мы видим, только в одном раннем погребении сохранилась «скифоидная» традиция каменной конструкции в могиле, в то время как в позднейших захоронениях фиксируется типично китайская техника «ханту». Впрочем, судя по инвентарю (например,

²⁸⁹ См.: Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн [河北省文物研究所. 战国中山国灵寿城] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с.

бронзовым клевцам гэ на длинном древке) китаизация уже к VI в. до н.э. коснулась многих сторон жизни чжуншаньского общества.

Впрочем, несмотря на несомненные успехи и развитость, наличие типично китайских элементов погребального обряда, память о *некитайском* происхождении царства Чжуншань достаточно долго жила у его соседей. «Родство с варварами» было поводом для упрёков в «низком происхождении». Это отразилось на политических взаимоотношениях Чжуншань с соседями.

В 408 году до н.э. произошло сражение, в котором царство Вэй нанесло решающий удар «полуварварскому» государству Чжуншань. Это сражение - пример ведения «дистанционной» межгосударственной войны, вошедший в военную китайскую историю как своим масштабом, так и длительностью, и уникальной военной тактикой. Но, по причине ограниченности исторических источников, со временем упоминаний о нём в исторической литературе становилось все меньше, а глубоких научных исследований не доставало. Поэтому исследование имеющихся материалов, изучение хода битв, плюсов и минусов тех или иных политических решений, очень важно для всестороннего исследования периода Сражающихся царств (ок. 450–221 гг. до н.э.).

В начале периода Сражающихся царств, вслед за радикальными изменениями в социальной сфере и экономике, вследствие политической борьбы между различными кланами, на территории северного Китая выделилось три государства: Янь, Чжуншань и Чжао.

Государство Янь позиционировало себя как вассальное государство династии Западная Чжоу с XI в. до н.э., основатель государства Шао-гун Ши был одним из представителей рода Чжоу, У-ван выделил ему удел на севере Чжоу со столицей в городе Цзи (ныне это юго-запад Пекина). В период Чуньцю (770–450 гг. до н.э.) Янь было маленьким государством на севере, которому не придавали значения китайские княжества, но оно часто подвергалось налётам окружающих его немногочисленных племен. В 665 году до н.э. (23 год правления Ци Хуань-гуна) горные жуны пошли войной на Янь, Янь оказалась в критическом состоянии. Ци Хуань-гун помог Янь. Этот

совместный поход Янь и Ци стал легендарным. Впоследствии княжество Цзинь напало и уничтожило красных и белых ди (жуны и ди представляли собой кочевников, материальная культура которых была близка скифоидным обществам Восточной Европы и Сибири), Янь стало процветать и разрослось на территории, которую можно описать как северная часть провинции Хубэй, юго-запад Ляонина и Шаньси. Сегодня на территории уезда Исянь находятся руины города Яньсяду – столицы Янь, основанной царём Янь Чжао (311–279 гг. до н.э.).

Тесно примыкающее с юго-запада к Янь царство Чжуншань было небольшим государством, расположенным между китайскими княжествами. В период Чуньцю чжуншаньцы часто именовали себя Сяньюй (одно из племён белых ди), но в процессе китаизации, в 414 году до н.э. правитель Чжуншань объявил себя У-гуном, основав столицу на территории нынешнего уезда Динчжоу. Ранее княжество Цзинь захватило и потеснило жунов и ди, и таким образом получило господство на Центральной равнине Китая. Затем Цзиньские войска развернулись и пошли карательной экспедицией на чжуншаньских сяньюй. Но последние были хоть и не очень многочисленны, но стойки. Им удавалось держать свои рубежи (нынешних уезд Гаои, уезд Нинцзинь, уезда Юаньши, Чжасянь, г. Шицзячжуан, уезд Линшоу, уезд Синтан, уезд Цюйян, уезд Тасянь).

Государство Чжао произошло от династии цзиньских правителей, так как основатель Чжао Ле Хоу был потомком цзиньского чиновника Чжао Цуя. В 453 г. до н.э. по мере того, как Цзинь приходило в упадок, Чжао Сянцзы, прозванный У Сю («не имеющий сочувствия»), объединился с родами Хань и Вэй, они разделили Цзинь на три части. Постепенно Чжао, Хань и Вэй выделились в независимые государства. Территория княжества Чжао охватывала юго-западную часть нынешней провинции Хэбэй, а также граничила, с провинцией Шаньси и северо-восточной частью провинции Шэньси. Кроме того, его территории включали фрагменты северной части провинции Хэнань и западной части провинции Шаньдун. Изначально была

учреждена столица в Цзиньяне (на территории нынешнего города Тайюань, провинция Шаньси), в 425 г. до н.э. Чжао Сянцзы перенес столицу в Чжунму (на территории нынешнего города Хэби, провинции Хэнань). Она оставалась там вплоть до 386 г. до н.э., когда Чжао Цзинь Хоу не перенес её в Ханьдань.

Среди этих трех государств Чжуншань имело слабый авторитет, обладало маленькой территорией и, к тому же, было окружено царствами Чжао и Янь, что подтверждают и «комментарии Цзо». Но царство Янь находилось на северной окраине Поднебесной, развивалось сравнительно медленно, сотрясалося от внутренних противоречий. К тому же у него часто случались конфликты с княжеством Ци, из-за угрозы кочевников внимание полководцев было обращено на север, и они пока не собирались расширяться на юг. Таким образом, весьма выгодное расположение царства Чжао было главной угрозой Чжуншань. Ещё в 513 г. до н.э. Чжао Цзянцзы обнародовал свод законов, провел земельную реформу и установил курс, который поддерживал класс зарождающейся земельной аристократии. Знаменитый по «Трактату о военном искусстве» Сунь Цзы вообще предположил, что феодальная реформа только внутри княжества Чжао будет успешной.

Но сразу реализовать результаты своего рывка княжество Чжао не смогло. Оно находилось в центре перипетий, возникших при разделе Цзинь. Особенно в 453 г. до н.э., когда Чжи Бо объединил владетелей Хань и Вэй, осадил войско Чжао в городе у реки Фэньшуй. Вскоре после этого Чжао вела войну с Хань, Вэй боролось с царством Ци, словом, никто не был в состоянии строить планы о нападениях Чжуншань. Приблизительно в это время и началось бурное развитие Чжуншань.

После того, как «три семьи разделили Цзинь», царство Вэй занимало территории восточной части провинции Шэньси, юго-западную Шаньси и северную часть Хэнаня. В 445 г. до н.э. вэйский правитель Вэнь-хоу взошел на престол и восстановил в должности Ли Куя для того, чтобы тот провел реформы внутри государства. Ли Куй твердо придерживался экономической политики «использования сил земли», «скупки зерна для продажи его по

нормативным ценам в неурожайный год», «прибыли от земледельцев и торговцев». Царство Вэй в течение нескольких лет стало процветающим уделом с быстроразвивающейся военной мощью. За военные подвиги выделялись пожизненные наделы, что помогло собрать много талантливых офицеров и воинов. С 412 г. до н.э. царство Вэй начало последовательное наступление на запад, в царство Цинь. В 409 г. до н.э. армия У Ци снова пошла войной на Цинь. В 408 г. до н.э. Вэй напали на Цинь и достигли юга уезда Дали (провинция Шэньси), вынудив циньскую армию отступить, и полностью заняв циньские земли к западу от Хуанхэ. Помимо этого, союзные армии Вэй, Хань и Чжао многократно атаковали царство Чу, завоевали целый ряд сунских владений. Таким образом, царство Вэй отбросило Цинь на запад, на юге создавало угрозу для Чу, на востоке с переменным успехом боролось с Сун. Теперь, когда царство расширило территории, оно могло послать войска на север.

Военные действия вэйского Вэнь-вана на севере против Чжуншань были продолжением его экспансионистской политики. После того, как Чжао получило сведения об этом, оно осознало, что чтобы добраться до Чжуншань, Вэй придется пройти через Чжао. Чтобы не допустить такого развития событий, ван Чжао напал на вэйскую армию в час цзы (время между 11 часами вечера и часом ночи), что было расценено как акт коварства, но результат принесло.

После того, как вэйский Вэнь-хоу установил свой порядок на западных границах с Цинь, он решительно двинул войска на север, но Вэй находилось на расстоянии сотен ли от Чжуншань. Наученный горьким опытом, правитель Вэй теперь хотел сотрудничать с Чжао, желая получить военный коридор. И хотя Вэй и Чжао имели определенные трения, однако общее происхождение из Цинь на сей раз возобладало.

Однако произошло это не сразу. Только что вошедший на престол Чжао Ле-хоу, исходя из безопасности страны, сперва сказал, что не позволит вэйцам маршировать по своей земле. Но придворные посоветовали согласиться, ссылаясь на то, что делая такое одолжение Вэй, Чжао вовсе не рискует.

Фактически, они задумали ловушку для изнурённых после похода войск Вэй. Каким бы ни был исход войны Вэй и Чжуншань, обе стороны оказались бы ослаблены, а Чжао победили бы без боя. Правитель Чжао признал, что для его государства в этом действительно есть выгода и разрешил войскам Вэй пройти. Именно в это время вэйский Вэнь-хоу закончил довоенные приготовления.

В 408 г. до н.э. вэйский Вэнь-хоу пригласил на службу Лэ Яна, чтобы тот вел войска на север. Прижизненные достижения Лэ Яна сложно проверить из-за ограниченности исторических источников. В распоряжении имеются слова Ди Хуана: «Правитель возжелал идти войной на Чжуншань и позвал верного подданного Лэ Яна». Нельзя понять, каким человеком был Лэ Ян, ведь Ди Хуан говорит только о том, что его призвали на службу. Если смотреть на то, как Лэ Ян вел войну, то можно предположить, что он знал военное дело. В виду этого, под командованием храброго и знающего командующего войска Вэй могли уйти далеко от родной земли, сохраняя порядок. Лэ Ян повел вверенные ему войска и вступил в войну, путь по которому они шли, доподлинно неизвестен. Но имеются два возможных маршрута, по которым Лэ Ян напал на Чжуншань.

Один проходит через Шаньси. Согласно другому маршруту, войска сосредоточились в северной части провинции Хэнань, и через городской округ Ханьдань отправились в Чжуншань. Так или иначе, военные действия продолжались три года. Перед тем, как вэйцы вошли в столицу Чжуншань, частым делом были сражения. Предположительно театр военных действий разворачивался на территории современного уезда Дин, южнее уезда Гаои, западнее Линшоу.

После того, как войско, возглавляемое Лэ Яном подошло к границам Чжуншань, правитель Чжуншань оказался в замешательстве. Вскоре выяснилось, что сын Лэ Яна был государственным служащим в Чжуншань. Для того, чтобы посеять панику в армии Лэ Яна и вынудить его отвести войска, правитель Чжуншань, приказал убить сына Лэ Яна и сварить из него мясную

похлебку и принести её в шатер отца. Лэ Ян, поняв это, погоревал, но без колебаний встретился лицом к лицу с посланцем.

После этого случая Вэнь-хоу стал ещё больше доверять Лэ Яну, а тот стал еще преданнее Вэй. План вана Чжуншань не сработал: войска Вэй разгневались, их боевой дух поднялся.

В 406 г. до н.э. после трехлетних стараний, войско Вэй наконец взяло штурмом столицу Чжуншань и добились победы. Царство Чжуншань погибло, Вэнь-хоу отдал во владение Лэ Яну Линшоу (нынешний уезд Линшоу). А управлять землями Чжуншань стал наследный принц.

Причина, по которой Вэй одержало победу в том, что сила государств была неравна. После того, как Ли Куй изменил законы, государство Вэй получило толчок в развитии экономики, политики и военного дела, страна процветала, войско росло. Чжуншань же было маленькой страной, расположенной в не самых благоприятных для земледелия районах. Таким образом, войска Вэй, имели преимущество, особенно учитывая их крепкий тыл. Кроме того, Вэнь-хоу выбрал весьма удачный момент. До войны уже разбил Цинь, тем самым укрепив западные границы. На юге он успешно нападал на Чу, на востоке нанес удар по Сун. На севере царство Янь было подвержено нападениям горных жунов и втянуто в новые конфликты с Ци, яньцам не было дела до военных действий на территории Чжуншань. Словом, правитель Вэй полностью исключил возможность появления «второго фронта». Вэнь-хоу так же воспользовался соглашением между помнившими об едином происхождении из Цзинь Хань и Чжао и, в конце концов, добился разрешения на военный коридор²⁹⁰.

Однако царство Вэй совершило очень рискованный политический шаг, отойдя очень далеко от своих баз. Содержание отправленных на север войск требовало колоссальных расходов, логистика и снабжение были затруднены,

²⁹⁰ См.: *Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян. Вэй ме Чжуншань чжи чжань као люэ* [牛俊法、陈建强。魏灭中山之战考略 // 军事历史 2008 年第 2 期] Исследование покорения царством Вэй государства Чжуншань // Цзюньши лиши (Военная история). 2008. №2. С. 46–48.

арьергард был уязвим для партизанских атак, не хватало места для маневров. Если бы Чжуншань успело заручиться помощью Чжао, Ци или Янь, то потомки белых ди смогли бы загнать Вэй в тупик.

Походы 409–406 гг. не уничтожили Чжуншань, но сделали его вассалом Вэй. Более полувека чжуншаньцы участвовали в конфликтах на стороне своих бывших завоевателей против Чжао и Ци. В 300 г. модернизированная армия Чжао с введённой по чжуншаньскому образцу кавалерией сумела сделать Чжуншань своим вассалом, и в 295 г. царство «белых ди» окончательно присоединилось к Чжао.

§2.3.3. Феномен нестабильных форм государственности кочевников

Пример царства Чжуншань является скорее исключением из общего правила. Как уже было сказано, обычно имела место ситуация, когда кочевые народы объединялись в союзы под единым управлением в пределах двух десятков лет либо перед внешними вызовами, либо вследствие временной общей заинтересованности в улучшении экономических связей. Важно понимать, что соседи Древнего Китая обладали идеей государственности по той простой причине, что имели рядом характерный наглядный пример. Поэтому корректно говорить скорее о нестабильных формах государственности.

В этом контексте интересно было бы проследить (пока с той или иной мерой успешности) линию: достаточно подробно нами изученные археологические культуры (янлан, маоцингоу, шацзин, «таохунбала») – их носители – включённость этих сообществ в хронологически соотносимые «государственные образования».

Хотя *таохунбала* скорее группа памятников, чем археологическая культура в классическом понимании, но судя по богатству погребений, у населения, оставившего могильники Алучайдэн и другие, имела место

имущественная дифференциация, активно шло развитие экономики, присутствовали развитые эстетические традиции. Всё это, только на более высоком уровне, мы видим у хунну (сюнну) эпохи империи. Общность носителей черт «культуры таохунбала» по целому ряду параметров может быть отнесена к *ранним сюнну*. Пример того, как из бесписьменной кочевой общности образуется огромная империя.

Культуры *маоцингоу* и *янлан* объективно сложнее соотнести с каким-то конкретным государственным объединением кочевников. Потому интерпретация этих материалов очень тесно связана с параллелями из Синьцзяна и Южной Сибири. Думается, здесь уже существовало имущественное расслоение. Производительные силы общества в рамках кочевого хозяйства были достаточно продуктивными, чтобы люди могли позволить себе приносить в жертву значительное количество скота. Отсутствие хорошо изученных поселений усложняет точное определение уровня развития производственных и иных общественных отношений.

Культура *шацзин*, в отличие от *янлан* и *маоцингоу*, включает достаточно крупные городища. Но они не всегда явно связаны с могильниками, на основании которых выделена археологическая культура в её современном понимании. Так или иначе, наличие укреплений и городищ опосредованно может означать появление прослойки управленцев, что знаменует образование ранней государственности. Для *шацзин* параллели с Южной Сибирью достаточно условны.

Уже в середине I тыс. до н. э. мы можем говорить о существовании феномена *нестабильных форм государственности кочевников*, когда одни и те же народы на различных территориях образовывали совершенно разные по форме и содержанию царства и империи. Ведь про другие племена общности «ди» (см. раздел 4.2) в более позднюю эпоху государственный деятель Чжугэ

Лян писал: «Северные ди не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг»²⁹¹.

Логическим продолжением и ярким примером существования *текучих форм государственности кочевников* стало дробление Монгольской империи: хан Хубилай полностью копировал китайскую систему, а Хулагу – иранско-мусульманскую. *Золотая Орда же так и осталась государством, основанным на ранних номадических принципах*. Аналогично и некитайские племена степей Евразии отчасти интегрировались в китайскую политическую систему, отчасти оставались за её пределами.

Реконструкция нематериальных свойств ушедшего в прошлое общества – его структуры, ценностей, нематериальной культуры в целом, религиозных верований и способа функционирования власти – всегда является сложной задачей. Подобная цель не является тривиальной даже при наличии многочисленных письменных свидетельств изнутри такого общества, что же говорить о тех обществах, знание о которых мы имеем исключительно через археологические культуры, репрезентирующие их?

Общества ранних кочевников, известные через скифоидные археологические памятники, относятся именно к таковым. С одной стороны, мы владеем большим массивом абсолютно достоверных сведений: немалое число могильников, обладающих общими свойствами, располагается на огромной территории. Классификация содержимого этих могильников, распределение их по тем или иным археологическим культурам, является достаточно сложной задачей – как чисто с технической точки зрения, так и на уровне теоретических резюмирований. Обычно дескриптивные теоретические обобщения наталкиваются на классическую задачу выявления существенных признаков. Подобные задания решаются относительно легко, если мы имеем дело с конкретным объектом, особенно – природного происхождения. Другое дело, если перед исследователем стоит обилие разнородных объектов, причём

²⁹¹ См.: Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮. 诸葛亮宾书. 北京: 北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. С. 142.

уже упорядоченных в множества: элементы упряжи, оружие, посуда, инструменты, ювелирные изделия, одежда, фурнитура. В данном случае задача исследователя заключается в том, чтобы не просто описать свойства отдельных артефактов, особенно относительные (их связь с другими артефактами), но и выделить существенные признаки всего множества множеств объектов. Эти признаки и будут являться атрибутами археологической культуры. Вариативность решения подобных задач такова, что сложность её решения выходит далеко за рамки естественнонаучных задач классификации минералов для геологов или окаменелостей для палеонтологов. Впрочем, это не удивительно: всякий раз, когда мы сталкиваемся со следами деятельности разумных агентов, дела обстоят именно таким образом. Артефакты в конкретном захоронении могут быть как характерными, так и случайными для данной культуры, могут явно репрезентировать межкультурный обмен, а могут и нет. Перечисленные выше типичные классы артефактов являются естественными, поскольку представляют материальное воплощение различных видов человеческой деятельности: коневодства, военного дела, ремесла, домашнего быта и т.п.

При сравнении культур вариативность элементов внутри конкретного класса, даже при относительной стабильности всех остальных, может говорить о многом. Например, упоминаемое уже количество посуды в погребениях (и на поселениях) как показатель «степени номадности» носителей культуры. Вариации образов скифо-сибирского звериного стиля способны указать на культурные заимствования и, таким образом, свидетельствовать об экономических и даже политических связях кочевников с конкретными регионами. Существенная разница в богатстве содержимого могильников в рамках одной культуры говорит о социальной дифференциации, большие размеры которой являются свидетельствами в пользу существования государственности.

Ещё более сложна задача соотнесения археологических культур и известных нам этнических общностей, как в пространственно-ареальной, так

и в диахронической перспективе. «Высвечивание тёмных пятен» возможно лишь «междисциплинарными усилиями». В частности, важны генные исследования. О корректном привлечении древних письменных источников говорилось уже не раз. Важны и этнографические данные.

Конкретизируем наши выводы. На основе материала погребений раннего железного века с территории Северного Китая (совр. Ганьсу, Нинся-Хуэйский АР, АР Внутренняя Монголия), вслед за китайскими авторами, были выделены археологические культуры янлан, шацзин и маоцингоу. Общность памятников таохунбала, напротив, нельзя назвать археологической культурой, как и группу памятников в районе оз. Дайхай.

Северный Китай до эпохи Цинь (т.е. до начала гунно-сарматского времени) был достаточно сильно изолирован от Синьцзяна. Хотя культуры двух этих регионов и относятся к одной общности ранних кочевников (в отечественной историографии – «скифо-сибирский мир»), они взаимно не ближе, чем, например, находки из Горного Алтая и Восточного Казахстана друг к другу. Особая ситуация складывается с поселенческими материалами, которых на территории Северного Китая практически не обнаружено. По этой причине, приходится привлекать более широкий круг аналогий, в основном с территории Саяно-Алтая.

Эволюция типов керамических изделий, артефактов из металла и кости (рога), в особенности поясная фурнитура и снаряжение лошади, дают широкие возможности для проведения аналогий с синхронными материалами Забайкалья и Минусинской котловины. Устойчивые аналогии также говорят о существовавших (иногда не прямых) контактах с наиболее развитыми районами китайской цивилизации, откуда заимствовались некоторые мотивы в искусстве, предметы вооружения и амуниции, технологические приемы.

Хозяйство носителей культур маоцингоу и янлан, судя по археологическим, и, косвенно, письменным источникам, в основном базировалось на скотоводстве. Культура шацзин имела более выраженный земледельческий компонент в экономике. Во всех трёх культурах

наблюдалось ярко выраженное социальное и имущественного неравенство, что указывает на протогосударственный характер общества носителей.

Общность таохунбала при всей гетерогенности соотносится с доимперским периодом существования сюнну (хунну). Установление связей других культур с древними этносами куда более дискуссионно.

Культуры маоцингоу и янлан, а также памятники в районе оз. Дайхай имеют чёткую связь с материалами более ранней культуры юйхуанмяо из района г. Пекин.

С середины прошлого века значительно выросла источниковая база археологических исследований, так что большое значение приобретают исследования, где затрагиваются проблемы интеграции данных археологии и этнографии. Иногда идёт речь об отдельной дисциплине «этноархеология», которая может достичь больших успехов в изучении социокультурных явлений. Автор настоящей работы не склонен к подобному радикализму, но данные этнографии в значительной степени способствуют пониманию социально-экономической жизни ранних кочевников. Этому способствуют устойчивые системы ведения хозяйства среди кочевников и полукочевников, независимо от этнической и языковой принадлежности.

Таким образом, во временных рамках VI–II вв. до н. э. можно говорить о существовании на территории Северного Китая некоторой общности способа человеческого существования, которую можно назвать «кочевой цивилизацией». Иными словами, все исследованные археологические культуры обладают признаками, носящими универсальный характер для многих этнокультурных образований, формирующих «кочевую цивилизацию» Центральной Азии. «Кочевая цивилизация» обладала некой общей поступательностью развития, закономерностями взлётов и падений, хозяйственной схожестью, что позволяет с некоторой долей уверенности переносить часть информации о быте отдельных описываемых племён на всю общность. Более того, она обладала своей «формой государственности», позволявшей успешно противостоять эпизодическим внешним вызовам.

Вопрос об истоках такой формы государственности: являются ли они эндогенными или экзогенными – остаётся полемичным. Для рассматриваемого региона приемлемой выглядит гипотеза: культура государственного управления была заимствована кочевниками у китайцев. Однако при внимательном рассмотрении мы можем обнаружить и противоположные заимствования, особенно в сфере военного управления и логистики, сыгравшие немаловажную роль в становлении китайской государственности.

Раздел 2.4. Взаимосвязь археологических культур Северного Китая и проблема соотнесения их с этносами

§2.4.1. Древнекитайский этноним «ху» и скифоидные артефакты

В отечественной археологии всё чаще ставится вопрос о сопоставлении археологических культур и этносов. Некоторые исследователи и вовсе предлагают переходить на этническую привязку памятников вместо культурной. Но в этом проблеме необходимо иметь в виду следующее: археологическая культура выделяется и характеризуется на основе археологических источников, а этнос – на письменных и эпиграфических. Регион Южной Сибири в эпоху раннего железа находился достаточно далеко от древних цивилизаций и их летописцев, так что привязка, например, всемирно известной пазырыкской культуры к народу *юэчжи* носит скорее гипотетический характер²⁹². Точка зрения, согласно которой скифо-сибирский мир можно отождествить с народом «ди», и вовсе представляется спорной²⁹³.

См.: ²⁹² Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1960. С. 339.

²⁹³ См.: Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 60–63.

В контексте проблемы весьма показателен пример истории этнонима «ху». Начиная с периода Чуньцю (722–481 гг. до н. э.) и Чжаньго (481–221 гг. до н. э.), по мере того как разделённые государства Китая строили свои отношения, часть царств причисляли себя к «хуася» (истинно цивилизованным жителям Поднебесной, придерживающимся культуры Чжоу). Целью этого было, с одной стороны, занять место среди уделов Центральной равнины, с другой – противопоставить себя восточным, южным, северным и западным «варварам», обитавшим на рубежах Чжоу. До периода Чуньцю и отчасти в течение такового шло противопоставление хуася варварским народам, обобщённо именуемым «мань, жуны, ди, и». После Чжаньго ситуация несколько изменилась. Усилилась интеграция периферийных этносов с китайцами. В то же время на севере Китая и в приграничных степных районах складывается общность скотоводов, наиболее угрожающих хуася. Эти племена вошли в историю как ху. В эпоху Западная Хань, после открытия Великого шёлкового пути, народы Центральной и Западной Азии также китайцами-хуася именовались «ху». Экзоэтноним применялся и в отношении народов с запада, проживающих в период Чжоу на территории современной китайской провинции Ганьсу.

К настоящему времени на территории провинции Ганьсу (КНР) в результате археологических изысканий получен ряд образов (на разного рода предметах), трактуемых как изображения хусцев.

1. *Изображение человеческой головы на бронзовой пике с крюком.* Найдено в захоронении раннего этапа эпохи Западная Чжоу в Байцаопо (деревня в уезде Линтай округа Пинлянь провинции Ганьсу). Высота 25,5 см, ширина – 23 см. У человека высокий нос (не типичной для китайцев формы), на подбородке присутствует растительность, брови довольно густые (рисунок 22, 1).

2. *Антропоморфные погребальные статуэтки из свинца.* Обнаружены на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда в могильнике Сяньмацзяюань; погребение 3 (северо-западный сектор относительно

погребальной камеры). Высота фигурок 7,3 см, размах рук – 5,8 см, толщина – 1,4 см. Руки «куколок» разведены, ноги в положении шага. На голове обозначена остроконечная шапка с несколько загнутым вперёд верхом. С двух сторон головного убора имеются специальные выступы для закрывания ушей. «Ушки» шапки сливаются с воротом левозапашной верхней одежды с поясом. Обувь – сапоги (рисунок 22, 2).

3. *Голова антропоморфной погребальной статуэтки из свинца.* Найдена на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда в могильнике Сяньмацзяюань; погребение М3. Высота фрагмента скульптурки 2,9 см, толщина – 1,6 см. Головку увенчивает остроконечная шапка с выступами для прикрытия ушей (рисунок 22, 6).

4. *Антропоморфная погребальная статуэтка из бронзы (включает верхнюю часть туловища).* Зафиксирована на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда; могильник Мацзяюань, погребение М4. Высота – 4 см, толщина – 1,3 см. Голова в остроконечной шапке с защитными «ушками» с обеих сторон, сливающимися с воротом верхней левозапашной одежды (рисунок 22, 3).

5. *Золотые личины.* Числом 8 предметов обнаружены на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда; могильник Мацзяюань, погребение М6. Изготовлены из достаточно тонкой золотой фольги. Нос, округлые глаза и рот лика выпуклые. Брови и усы подкрашены коричневой краской, на голове остроконечная шапка²⁹⁴ (рисунок 22, 7).

6. *Костяная трубка.* Находится в коллекции Музея провинции Ганьсу. Поверхность трубки декорирована изображением человека и птицы. По краю изделия идёт треугольный узор. Человек стоит боком, на нём остроконечный головной убор. Одета фигура в длинную куртку и широкие шаровары,

²⁹⁴ См.: Ван Хуэй. Ганьсу фсяньдэ лянчжоу шицидэ «ху жэнь» синсян [王辉. 甘肃发现的两周时期的“胡人”形象//考古与文物] Найденные в провинции Ганьсу изображения «варваров ху» эпохи Чжоу // Каогу юй вэньу. 2013. № 6. С. 59–61.

делающие ноги визуально толстыми; на талии пояс. В руках лук; поза человека, готовящегося к выстрелу (рисунок 23, 19).

При анализе характерных черт изображений хусцев на артефактах из провинции Ганьсу стоит отметить следующее:

а) на бронзовой пике с крюком из Байцаопо представлен явно *европеоид или носитель смешанного типа*;

б) две погребальные бронзовые фигурки из могильника Мацзяюань в *неглубоких островерхих головных уборах, верхний выступ которых направлен вперёд*;

в) одна бронзовая статуэтка из того же могильника отличается достаточно *глубоким* головным убором;

г) золотые личины из могильника Мацзяюань – с островерхими *неглубокими* головными уборами;

д) человек, изображённый на костяной трубке из коллекции Музея провинции Ганьсу, в *высоком* головном уборе, несколько изогнутом в верхней части²⁹⁵.

Изображения людей, подобных обнаруженному на бронзовой пике с крюком из Байцаопо, а именно: с короткой бородой, округлыми глазами и высоким носом – весьма распространены на рельефах Персеполя. Судя по этому, *мидийцы и персы были, возможно, антропологически схожи с хусцами, погребёнными в Ганьсу* (рисунок 23, 22). Важно отметить: в первом захоронении того же могильника близ деревни Байцаопо найдены *серповидный меч* (возможна трактовка артефакта как «округлённого ритуального топора») (рисунок 23, 23); *чекан* (рисунок 23, 22); *бронзовый нож* характерной для раннескифского времени формы (рисунок 23, 24). Подобные предметы очень распространены на территории от Средней Азии до Северного Китая, по всему степному поясу Евразии. Аналогии есть и на Ближнем Востоке. Серповидный меч имеет достоверные аналогии из памятников

²⁹⁵ См.: там же, с. 60.

Новоассирийского царства (рисунок 23, 20). Время появления подобных мечей – примерно грань IV–III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке²⁹⁶ (рисунок 23, 1). Серповидный меч имеет долгую историю использования в регионе. В Сирии, Ираке и Египте такого вида мечи были весьма популярны, потому это довольно частая археологическая находка в тех местах²⁹⁷ (рисунки 23, 2, 11; 22, 8). *Бронзовые чеканы* появляются в границах Китая в поздний период эпохи Шан. В степях Евразии чеканы имели распространение у савроматов, саков, представителей саргатской культуры.

В Сирии на рельефе из Дэйр-эз-Зора изображены солдаты, держащие большой щит, предохраняющий их от лучников. На головах у воинов остроконечные шапки (рисунок 23, 3).

В ходе современных раскопок на городище Кюль-тепе (II тыс. до н. э.) в Турции найдена печать с изображением обожествляемого царя. Фигуру увенчивает остроконечный головной убор, подобный шапкам хусцев из Ганьсу. Из кипрского памятника археологии, датируемого XVII в. до н. э., происходят печати с изображениями в сирийской манере людей и крылатых антропоморфных фигур с островерхими шапками на головах²⁹⁸ (рисунок 22, 18).

С конца X в. до н. э. Ассирия открыла период непрерывных походов, войн и завоеваний. Результатом экспансионистской политики стало образование новой империи, включавшей всю Западную Азию и Северную Африку. В итоге оказались захваченными Египет и Месопотамия, очаги древних и великих культур. Для того чтобы показать доблесть своих войск, в столице империи Ниневии по приказу царей Ассирии изображались на рельефах и росписях охоты и пиры, военные сцены, где есть цари и воины в островерхих

²⁹⁶ См.: там же, с. 62–64.

²⁹⁷ См.: Hamblin W.J. Warfare in the Ancient near East to 1600 BC. N.Y.: Routledge P., 2006. P. 62.

²⁹⁸ См.: Ван Хуэй. Ганьсу фасяньдэ лянчжоу шицидэ «ху жэнь» синсян [王 辉. 甘肃发现的两周时期的“胡人”形象//考古与文物] Найденные в провинции Ганьсу изображения «варваров ху» эпохи Чжоу // Каогу юй вэньу. 2013. № 6. С. 60–61.

шапках. Во времена Ашурбанапала Второго (884–859 гг. до н. э.) была создана роспись (обнаружена на территории современного Нимруда), где мужчины в островерхих шапках пьют вино (рисунок 22, 9). Островерхие шапки венчают головы воинов, охотников и царей (рисунок 22, 16). Ко времени Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.) относятся батальные рельефы с воинами в остроконечных шапках. Примечательно, что у некоторых из них верх шапки загнут вперёд (рисунок 22, 13). При Саргоне II и Феглаффелласаре III выбивались изображения воинов в островерхих шапках, имеющих выступы для защиты ушей («с ушками») (рисунок 22, 10). Аналогии есть и в периоды правлений Сеннахериба (704–681 гг. до н. э.) (рисунок 22, 14) и Ашурбанипала (668–631 гг. до н. э.) (рисунок 22, 17).

Как видим, островерхий головной убор являлся стандартным атрибутом воина в новоассирийский период: на рельефах и росписях тому есть масса подтверждений. Можно выделить *два типа* головных уборов новоассирийского периода. *Первый* – остроконечный конусообразный, *второй* – островерхий с загнутым вперёд концом (могильник Мацзяюань, Ганьсу). До периода Саргона Второго не замечено головных уборов с выступами для закрывания ушей. Головной убор царя имел вид усечённого конуса, увенчанного шпилем. К периоду ассирийского владычества в Вавилоне относится и время Мардук-апла-иддина II (723–711 гг. до н. э.), когда власть империи дважды оказывалась свергнутой. Сейчас в Берлинском Государственном музее хранится колонна с фигурой самого Мардук-апла-иддина II, на голове которого явно виден остроконечный головной убор со свисающей от верхушки лентой (рисунок 22, 11). На образах последнего царя Нововавилонского царства Набонида (556–539 гг. до н. э.) – тот же характерный островерхий головной убор (рисунок 22, 12).

Около 550 г. до н. э. царь Кир сверг династию в Мидии и создал империю Ахеменидов; в 539 г. до н. э. им был захвачен Вавилон, Месопотамия покорилась. Дарий начал период территориальной экспансии Персидской империи, которая, достигнув предела, на востоке достигала Индии, на западе

– Египта. Северные её провинции располагались в Малой Азии; часть зависимых территорий была также в Юго-Восточной Европе. С территории Персидской империи происходит немало изображений людей в остроконечных шапках, они присутствуют в том числе на рельефах дворцов Персеполя. Примечательно: фигуры на рельефах очень похожи на находки из Ниневии. Часть запечатлённых – покорённые народы, подносящие дань. Фигуры в остроконечных шапках на ахеменидских произведениях искусства в основном не являются персами, чаще всего это саки. На Бехистунской надписи Дария (520–519 гг. до н. э.) в составе процессии последние персоны могут интерпретироваться как сакская знать, ибо имеют на головах остроконечные головные уборы. Кроме того, во дворце Дария во времена Артаксеркса I (359–338 гг. до н. э.) был выполнен рельеф, где представлен быт династии Ахеменидов; подносящие дары саки на нём снова в остроконечных шапках²⁹⁹ (рисунок 23, 4, 7). В коллекциях Британского музея тоже есть изображения батальных сцен (либо иллюстрирующих подношение дани), где присутствуют люди, комментируемые как саки, скотоводы, в остроконечных шапках³⁰⁰ (рисунок 22, 19). Коллекции того же музея хранят скульптурное изображение VII–V вв. до н. э. с территории Кавказа, вероятно, местного божества в остроконечном головном уборе (рисунок 23, 8).

В (IX)VIII в. до н. э. «скифоидная культура» стала распространяться из Монголии и Минусинской котловины в Туву, на Алтай и в Казахстан, на запад в район Сырдарьи, Амударьи и Аральского моря. Однако это не был односторонний процесс. На каждой территории формировался свой «тип культуры», включавший особый погребальный обряд, вещевой набор и искусство. Уже к середине VII в. до н. э. наблюдается мощное движение групп населения из Казахстана на Алтай, в Туву и опосредованно – в Минусинскую

²⁹⁹ См.: *Curtis J., Tallis N. Forgotten empire. The world of Ancient Persia. L.: The British Museum Press, 2005. P. 79–80.*

³⁰⁰ См.: там же, с. 228.

котловину. В последнее время выявлено продвижение носителей тасмолинской культуры Центрального Казахстана в Синьцзян.

В музее Эрмитаж в Санкт-Петербурге хранятся материалы, происходящие из кургана Куль-Оба: скифские вещи с сильным влиянием греческих мотивов. На золотом сосуде второй половины IV в. до н. э. изображены воины в остроконечных шапках; на них куртки с узкими рукавами (левый запах) и штаны; присутствует пояс; на ногах – полусапоги. Всё это вполне вписывается в облик скифского воина. Верхушка головного убора загнута чуть вперёд, на нём имеются выступы, закрывающие уши³⁰¹ (рисунок 23, 13). В настоящее время в коллекции того же музея содержатся находки из кургана Солоха. Это скифские вещи, отчасти выполненные в греческом стиле. Наиболее известен золотой гребень (530–490 гг. до н. э.), на котором изображены скифы с кинжалами в остроконечных головных уборах с наклонённым вперёд верхом; на них левозапахные куртки с узкими рукавами³⁰² (рисунок 23, 14).

На территории нынешней Украины, к северу от Азовского моря в районе Бердянска, в скифском погребении рубежа V–IV вв. до н. э. найден остроконечный головной убор, обшитый треугольными золотыми украшениями; впоследствии он был реконструирован. Такие головные уборы могли быть как мужскими, так и женскими³⁰³.

Можно предполагать, что остроконечные головные уборы изначально приобрели популярность на территории Ближнего Востока в Ассирийской державе. По крайней мере, с VI в. до н. э. они распространяются среди скифов, саков и представителей ананьинской археологической культуры на территории современной России. Около IV в. до н. э. остроконечные головные уборы, возможно, попадают в степную зону Китая.

³⁰¹ См.: *Aruz J. The Golden Deer of Eurasia Scythian and Sarmatian Treasure from the Russian Steppes*. N.Y.: Yale University Press, 2000. P. 208.

³⁰² См.: там же, с. 223.

³⁰³ См.: там же, с. 59.

Китайский исследователь Син Итянь работой «Письменные, археологические и изобразительные материалы Китая и Евразии для изучения облика северных инородцев ху»³⁰⁴ внёс существенный вклад в наше представление о хусцах. Примерно в период Западного Чжоу в северо-западной части Китая появляются «варвары ху» европеоидного типа (в том числе с высокими носами), но характерных остроконечных головных уборов не обнаружено. После периода Сражающихся царств остроконечные головные уборы превратились в отличительную особенность племён северо-запада, пережив периоды Хань и Тан. На плоскогорьях Ганьсу в расположенном на террасе могильнике Дигэнпо найдены росписи с изображением хусцев в остроконечных головных уборах несмотря на то, что сам могильник относится к периоду Вэй-Цзинь (220–420 гг. н. э.) (рисунок 23, 15). В могильнике Фоемяовань эпохи Тан (г. Дуньхуан в провинции Ганьсу) также воспроизведены хусцы в остроконечных шапках.

С периода Чуньцю маркирующей чертой «варваров» (*жунов и ди*), отличающей их от китайцев-хуася, стали растрёпанные волосы и левый запах одежды. Во время жизни Конфуция, на рубеже Чуньцю и Чжаньго, жуны и ди постепенно присоединялись к китайскому культурному миру; на западных по отношению к Китаю территориях их заменяют скотоводы и конники ху.

После Чжаньго характерными атрибутами в описаниях и изображениях китайцами-хуася представителей «некитайских» народов на территории Поднебесной и окрест неё аналогично становятся растрёпанные волосы, левый запах одежды, а также ряд иных деталей костюма, в значительной степени привнесённых через степной пояс из Западной Азии. В том числе – высокий остроконечный головной убор на долгое время становится отличительной особенностью «варваров», живших на рубежах китайского культурного пространства (главным образом, ху).

³⁰⁴ См.: Син Итянь. Хуавэй синьшэн – хуасянши, хуасян чжуань юй бихуа [邢义田. 画为心声 — 画像石、画像砖与壁画] Изображения в каменных барельефах, погребальных рельефах и стенных росписях. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011. С. 197–310.

Иная ситуация с ранними номадами, жившими к северу от древнекитайских царств «Центральной равнины» в периоды Чуньцю (722–481 гг. до н. э.) и Чжаньго (480–221 гг. до н. э.). Из «Исторических записок» Сыма Цяня и ряда других летописных китайских источников мы можем узнать различные этнонимы, названия союзов племён и протогосударств. Представляется, что нередко эти номинации носили случайный характер, к тому же дошли до нас в китайской огласовке. В данном случае правильнее было бы говорить *об экзоэтнонимах*. Например, одна из известных общностей именуется «дунху». Ряд исследователей воспринимают его как этноним. Но это слово возможно перевести с китайского языка и как «восточные варвары» – и тогда речь идёт только о конгломерате племён, близких между собой лишь географически. Можно воспринять «дунху» как «восточные ху», где «ху» есть название некоего союза племён или народа, а «восточные» – указание на определённую ветвь единой общности. Аналогичная ситуация с «линьху» («лесные ху», «лесные варвары»). Распространённые экзоэтнонимы «жун» и «ди» бытуют у китайских летописцев по крайней мере до периода Троецарствия (III в. н. э.)³⁰⁵. Разумеется, со времени первых свидетельств об этих народах население степей успело поменяться несколько раз, хотя бы в рамках образования и падения державы сюнну. Но китайцы продолжали использовать старые наименования. Думается, древние авторы просто не ставили перед собой «этнографических» задач. Хозяйственный, общественный, а во многом и культурный облик номадов I тыс. до н. э. был в большой степени однороден³⁰⁶. Следовательно, долго жили и названия.

В рамках сопоставления и соотнесения реалий «археологическая культура – этнос» представляют интерес исследования и выводы китайских коллег об этнической принадлежности носителей культур янлан и маоцингоу.

³⁰⁵ См.: Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮. 诸葛亮宾书. 北京: 北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. С. 142.

³⁰⁶ См.: Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну: Новые открытия в России. СПб., 2008. С. 39–47.

Во взглядах на этническую принадлежность носителей культуры маоцингоу исследователи из КНР относительно единодушны. Видный китайский археолог Тянь Гуанцзинь писал о том, что первый этап бытования культуры соотносится с наследием народа «ди», а второй, третий и четвертый тяготеют к племенам «лоуфань». В разделе «Жизнеописания сюнну» «Исторических записок» Сыма Цяня сообщается, что к северу от Цзинь живут *линху*. К северу от Янь живут *шаньжуны и дунху*; они живут разрозненно, над ними множество вождей; так что даже собираясь в большую орду, надолго объединиться они не способны³⁰⁷. «К северу от Цзинь» – это район к югу от гор Маньхань, подножия гор Тайхан. Как раз здесь и распространялся ареал культуры маоцингоу. От Иньшаньских гор на юге до Ордоса бытовала «культура *таохунбала*». В «Исторических записках» (раздел «Жизнеописания сановников Чжао») говорится: на 20-м правления Улин-вана из Чжао (306 г. до н. э.) «варвары ху были выбиты до самого Юйчжуна, правитель лесных ху преподнёс коня». Юйчжун расположен на Ордосском плоскогорье; стало быть, именно там и жили лесные ху. Соответственно, в горах Маньшань, возможно, жили лоуфани³⁰⁸.

§2.4.2. Попытки «этнической» атрибуции археологической культуры маоцингоу

Сложной, малоизученной, вызывающей много вопросов остаётся тема перемещений носителей культуры маоцингоу. По многим поводам в русле проблемы можно лишь строить догадки. Согласно приводимым в работе У Эня исследованиям, умершие из широтных и меридиональных погребений

³⁰⁷ См.: *Сыма Цянь*. Исторически записки: Ши цзи в 9 т. / Пер. с кит. Вяткин Р.В. и Карапетьянца А.М., коммент. Вяткина Р.В., Вяткин А.Р. и Карапетьянца А.М., вступ. ст. Вяткина Р.В. М.: Вост. лит., 2002. Т. 8. С. 323–326.

³⁰⁸ См.: У Энь. Бэйфан цаоюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. С. 318.

отличаются по антропологическим признакам, чётко выделяются восточноазиатский тип, близкий к современному населению Северного Китая, и североазиатский тип. Также отличаются черепа сунну из Забайкалья и сунну из провинции Цинхай. По мнению ряда китайских антропологов, черепа из двух типов могил памятника Инъюгоу похожи на подобные из Маоцингоу. Смешаны североазиатские и восточноазиатские черты, с преобладанием последних. А вот погребённые в могильнике Госяньязцы имеют ряд особенностей и в целом антропологически относятся к североазиатскому типу. Напрашивается вывод: жившие у подножия гор Маньшань на севере создатели могильника Госяньязцы относились к северным азиатам; жившие же к югу от гор Маньшань создатели могильников Маоцингоу и Инъюгоу по большей части являлись восточными азиатами. Хэ Цзянин при раскопках на Инъюгоу в 1997 г. обнаружил, что (при отличающихся погребальных обрядах и инвентаре) черепа и из меридиональных, и из широтных могил имеют явные восточноазиатские черты. У погребённых по оси восток-запад заметны и северные черты³⁰⁹. Более детально вопрос не изучался.

На данный момент проблема этнической принадлежности носителей культуры маоцингоу остаётся далёкой от разрешения. Имеются явные антропологические и обрядовые расхождения в рамках одной археологической культуры. К сожалению, пока севернее гор Маньшань исследован информативный, но только один могильник – Госяньязцы. Он дал представительный материал исследователям, однако отобразить всю картину северной части ареала культуры один могильник, естественно, не может. Изучение Госяньязцы позволяет сделать вывод об относительной обособленности северной части ареала культуры маоцингоу. Странно то, что могильник Госяньязцы не дал пока ни предметов вооружения, ни предметов упряжи. Да и жертвенные лошади замечены только в одном месте. Группа же

³⁰⁹ См.: там же, с. 319.

могильников к югу от Маньшань отражает связи в восточном направлении: не только с культурой юйхуанмяо, но и с куда более удалёнными на северо-восток археологическими культурами. Например, в провинции Хэйлунцзян, на юго-западе уезда Тайлай есть могильники Чжаньдоу и Чжуаньчан. Найдено много изделий из бронзы, в том числе игольники, трубчатые украшения, бляшки в виде соединённых бусин, украшения-колокольчики, бляхи с изображением тигра, крючки поясные, трёхлопастные и трёхгранные наконечники. Материал очень похож на тот, что обнаружен в погребениях культуры маоцингоу. Хронологически памятники тоже почти синхронны (V–III вв. до н. э.). По антропологическим данным, на двух могильниках часть умерших представляют собой смешение восточных и северных монголоидов, а часть являются восточными монголоидами в более или менее чистом виде. И, в то же время, есть явное антропологическое сходство с оставившими археологическую культуру маоцингоу³¹⁰. Конечно, мы не берёмся утверждать, что носители культуры маоцингоу в полном составе мигрировали на северо-восток, но очевидно, что основная часть их имела широчайшие связи с населением восточных территорий. Вероятно, к концу периода Чжаньго государства Центральной равнины всё чаще стали «проникать» на север, коренное население интегрировалось в общество китайских царств. Другая часть «населения культуры маоцингоу», жившая к северу от Маньшань, оставившая могильник Госяньяоцзы, очевидно, растворилась в обществе сюнну. Эта гипотеза представляется реалистичной, хотя ей пока не хватает археологических подтверждений.

Анализ археологических материалов позволяет констатировать, что культура маоцингоу тесно связана с более ранней культурой юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.), располагавшейся в 250–300 км восточнее (рисунки 1; 4–7; 16, 1). Сходство их не вызывает сомнений (рисунок 21). Умершие погребались одинаково в широтный ямах, по одному в положении вытянуто, головами на

³¹⁰ См.: там же.

восток. Прослеживается традиция забоя жертвенных животных: лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, реже – свиней и собак. Следы животноводства явные; можно говорить о номадизме большей части населения. Есть и свидетельства занятости части населения земледелием, они могли вести полукочевой образ жизни. Особенно зримы черты оседлости в культуре юйхуанмяо. Присутствует как керамика с сильным включением песка, так и полностью глиняная. Есть сосуды ручной лепки и сделанные на гончарном круге. Значительное сходство прослеживается как в форме сосудов (рисунок 21), так и в их орнаментации (рисунки 20; 24). В частности, имеется характерный орнамент в виде двух параллельных горизонтальных полос по плечу сосуда, между которыми появляются насечки, зигзаг, а потом и волнистая линия. Найдены кольцевидные пряжки, украшения в виде колокольчиков, бляшки в виде «соединённых жемчужин», игольники и прочее (рисунок 21). В поздних погребениях юйхуанмяо, например, в могильнике Бэйсиньбао М1, найден бронзовый кинжал с двойными головками хищных птиц, что напрямую соотносится с кинжалами «антенного типа» из Маоцингоу. Из М22 могильника Юйхуанмяо и М4 могильника Ганцзыбао происходят кинжалы, навершия которых вполне можно отнести к типу кинжалов «изменённого антенного типа». Прямые аналогии мы видим в Маоцингоу М60. В Маоцингоу М55 обнаружен кинжал с кольцевидным навершием. Точно такие же были в Ганцзыбао М15. При раскопках возле города Чжанцзякоу найдены кинжалы, имеющие характерную форму и орнамент на рукояти в виде треугольников³¹¹. Прямые аналогии можно без труда обнаружить в уезде Синхэ на памятнике Гоулитоу. Уезд Синхэ прилегает к провинции Хэбэй, связан с районом Чжанцзякоу. Интенсивность культурных контактов, таким образом, не подлежит сомнению.

Близость культур юйхуанмяо и маоцингоу прослеживается и в искусстве. Очень похожи пряжки, украшения – колокольчики, бляшки в виде

³¹¹ См.: там же, с. 317.

«соединённых жемчужин», игольники, украшения в виде двойных птичьих голов; присутствует, в частности, показательный мотив «сцены терзания», и др. Вместе с тем наблюдаются и различия, которые были обусловлены как хронологическими изменениями, так и присутствием черт культур шацзин и янлан, повлиявших на формирование культуры маоцингоу. Поэтому имеются определённые расхождения в жертвоприношениях животных, форме и устройстве могил, погребальном обряде, хозяйстве, изделиях из керамики и металлов, в искусстве.

§2.4.3. Культуру янлан и цзянжуны

Изучение культуры янлан в КНР начато сравнительно недавно, в России пока нет обобщающих публикаций. Есть мнение, что материалы археологической культуры янлан схожи с материалами могильника Фуфэнлюцзя из окрестностей Луншаня в провинции Шэньси. Могильник этот традиционно связывается с цзянжунами, бывшими долгое время вассалами Цзинь в эпоху Чуньцю. Большая часть погребений цзянжунов имеет подбой, усопший лежит на спине вытянуто головой на восток. Найденные бронзовые игольники и украшения в форме колокольчика почти одинаковы с находками из памятников культуры янлан. Погребения цзянжунов датируются более ранним периодом, чем Янлан, но явная связь их не может быть проигнорирована. В то же время нельзя забыть о возможных связях с *культурой каяо*. Действительно, культура каяо является куда более неоднородной по своей сути, но расположенные в бассейне реки Хуаншуй могильники культуры каяо также имеют следы обильных жертвоприношений лошадей, овец, собак и крупного рогатого скота. Среди инвентаря найдены топоры с проушинами, копья, ножи, колоколообразные украшения, изображения птиц, украшения головного убора с дерущимися волками и собаками. Всё это очень близко материалам культуры янлан. Есть мнение, что археологическая культура янлан могла быть тесно связана с «Восьмью

государствами западных жунов» эпохи Чуньцю. Некоторые специалисты считают, что носителей культуры янлан следует искать среди *цюяньжунов*. Часть учёных, изучив письменные источники по «Восьми государствам западных жунов» и примерно локализовав их, полагают, что царства западных жунов располагались в Гуюане (племена *учжи*) и Цинъяне (племена *ицуюй*)³¹². Хотя вышеперечисленные мнения различны, опираясь на «Исторические записки» и «Историю династии Хань», можно сказать, что носители культуры янлан сильно отличались как от предков сюнну, так и от общности дунху.

Культура янлан соседствует с расположенными в центральной и южной частях Внутренней Монголии ранее упомянутыми культурой маоцингоу и «культурой таохунбала». Прослеживаются как межкультурные сходства, так и существенные расхождения. Различия по большей части лежат в сфере погребального обряда и строения могилы. Разнообразные подбойи являются отличительной чертой погребений в Ганьсу и Цинхэ с раннего периода. С эпохи неолита до бронзового века погребения баньшаньского типа, мачанского типа и культуры хошаогоу, а также культур циззя и каяо нередко оснащались подбоями. Поэтому очевидно, что погребальный обряд янлан имел глубокую традицию в регионе. Можно говорить о преемственности и тесных связях между сменяющими друг друга культурами северо-запада. Одним из ярких погребальных отличий памятников янлан от синхронных маоцингоу и таохунбала является то, что ноги усопшего на дне ямы располагаются выше головы, а сам он как бы «смещён» относительно жертвенных животных в подбой. Биметаллические кинжалы, поясная фурнитура, оформленная в зверином стиле, головные украшения лошади в форме листка или башмачка, бронзовые зеркала и изделия из кости с резьбой – несут индивидуальные черты. С другой стороны, изображения птиц, в том числе сдвоенных птичьих головок, головок зверей, кольцевидные пряжки,

³¹² См.: У Энъ. Янлан вэньхуа // Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [乌恩。杨郎文化 // 中国考古学。两周卷] Культура Янлан // Археология Китая. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 542–547.

кинжалы, чеканы, удила и псалии очень напоминают аналогичные категории инвентаря маоцингоу и таохунбала. Фигурки лежащих копытных широко представлены как в таохунбала, так и в культуре янлан. Логично предположить наличие тесных и постоянных связей носителей культуры янлан и культур таохунбала и маоцингоу. Поселений, соотносимых с культурой янлан, пока не выявлено. Нет и материальных свидетельств земледелия из погребений. Погребальный инвентарь, как и сам погребальный обряд, свидетельствуют о полукочевом скотоводстве на то время. Для сложения кочевого хозяйства требовался ряд факторов. Одним из важнейших является постепенная смена климата с тёплого и влажного на сухой и холодный примерно в середине I тыс. до н. э.³¹³ Естественно, что в результате таких сдвигов земледелие не могло оставаться основным видом хозяйственной деятельности. Постепенно общество всё более приближалось к номадизму, минуя стадию полукочевников-полуземледельцев. Это прямо противоположно процессу, происходящему в обществе носителей культуры юйхуанмяо, где население постепенно оседало³¹⁴. Сложение мощной земледельческой цивилизации в бассейне Хуанхэ также способствовало скотоводческой специализации населения северо-запада из-за возможности товарного обмена. Найденные в памятниках культуры янлан биметаллические кинжалы, изображения драконов и детали повозок нередко несут следы явного влияния со стороны государств Центральной равнины. Очевидно, что торговые и политические связи носителей культуры янлан с древнекитайскими царствами имели место и постоянно развивались.

³¹³ См.: Тэн Минъю. Гудайцихоу шицзянь юй вэньхуа цзянь гуанси дэ цзай сыкао [滕铭予。古代气候事件与古代文化间关系的再思考// 边疆考古研究] К вопросу о связях между климатическими изменениями в древности и археологическими культурами // Археологические исследования приграничья. 2010. № 9. С. 242–243.

³¹⁴ См.: Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаныго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华。春秋战国时期中国北方文化带的形成] Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаныго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 124–127.

Можно констатировать: «культура таохунбала» по ряду признаков тяготеет к западной культуре янлан; маоцингоу – к культуре юйхуанмяо на востоке. Стоит отметить особенность черт хозяйства носителей культуры юйхуанмяо. Погребальные обряды культур янлан и маоцингоу суть вариации одного ритуала.

§2.4.4. Археологическая культура юйхуанмяо и горные жуны

Упомянутая выше *археологическая культура юйхуанмяо* очень интересна в связи с «этническими привязками». Это пример относительно непротиворечивого положительного решения вопроса: к кому «приписывали» носителей этой культуры жители Центральной равнины в VI–II вв. до н. э. Главная причина – северо-восточные территории получили большее отражение в письменных китайских источниках, чем ареалы культур янлан и маоцингоу. Сама культура получила своё название по могильнику Юйхуанмяо в уезде Яньцин города Пекин. Китайские исследователи относят к ней более 30 могильников и нескольких поселений, выявленных в гористой местности к северу от г. Пекин, на значительной по размерам площади – 400 км с запада на восток и 200 км с юга на север. Представительные материалы получены на 14 могильниках, но значительные раскопки производились только на девяти: Хушихапаотайшань (35 погребений), Панцзябаобаймяо (108 погребений), Ганьцзыбао (21 погребение), Сяобайян (48 погребений), Лишугоумэнь (56 погребений), Лунцинсябее (12 погребений)³¹⁵, а также на расположенных неподалёку друг от друга в горах Цзюньдушань могильниках Юйхуанмяо (400 погребений), Хулугоу (150 погребений) и Силянгуан (41 погребение). Материалы трёх последних памятников опубликованы в шести томах, что

³¹⁵ См.: У Энъ. Бэйфан цаоюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

позволяет составить о них целостное представление³¹⁶. Самые крупные (элитные) могилы имели в верхней части характерную трапециевидную форму и достигали в длину 3,5 м, а в глубину – 2,5–3 м. В верхней или средней частях могил иногда устраивались уступы для перекрытия. На дне могил обычно фиксировалось обложенное деревом узкое прямоугольное в плане углубление шириной до 50–60 см, где укладывался один умерший в положении на спине, вытянуто, головой на восток. В головах, вплотную к черепу, ставился крупный керамический (в элитных погребениях – бронзовый) сосуд. Остальной инвентарь располагался также рядом с погребённым. В верхней части могилы над головой усопшего часто находились обращённые к востоку черепа и кости ног лошадей, а также черепа крупнорогатого скота, овец и собак. Ориентация умерших в юйхуанмяо постепенно менялась с ВЮВ на ВСВ. Интересно, что на вышеупомянутых могильниках Хулугоу и Силянгуан умершие укладывались на северо-восток, а в более поздних могилах – даже в северный сектор³¹⁷. По-видимому, в культуре юйхуанмяо изменение ориентации умершего с восточной на северную является хронологическим признаком, как это зафиксировано и в Синьцзяне на крупном могильнике Чаухугоу-4³¹⁸.

В оформлении части бронзовых и керамических изделий в юйхуанмяо прослеживается влияние соседствовавших китайских земледельческих

³¹⁶ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [北京市文物研究所编。军都山墓地: 玉皇庙。北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо Пекин: Вэнь У чубаньшэ (в 4-х томах) 2007. 1660 с.; Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著.一北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. 850 с.

³¹⁷ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著.一北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. Рис. 2, 268.

³¹⁸ См.: Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. Рис. 3; 5.

культур³¹⁹. Много общего с ними и в погребальном обряде (грунтовые могильники, одиночные захоронения, вытянутое положение умерших, северо-восточная или восточная ориентация, подхоронения черепов животных и др.), однако эти черты были характерны и для ряда других культур Северного Китая, начиная с эпохи бронзы.

Культура юйхуанмяо имеет сходство с соседствовавшей культурой «верхнего слоя Сяцзядянь», соотносимой с дунху (располагалась к северо-востоку), которая также относится китайскими исследователями к основным кочевым скотоводческим культурам VIII–II вв. до н. э. степного пояса Северного Китая. «Носители этих культур северного Китая являлись древними племенами наездников, поэтому с точки зрения расовой принадлежности и традиционных представлений несложно выделить некоторые общие черты: монголоидность всех трёх племён; выбор территории для устройства могильников близ рек на солнечных склонах холмов; жертвенные церемонии; бронзовая утварь больших размеров, характерная для Средней Хуанхэ»³²⁰. Соглашаясь с вышесказанным, отметим, что данные культуры не были синхронными и формировались последовательно. Культура «верхнего слоя Сяцзядянь» – наиболее ранняя и едва ли существовала позже первой половины VII в. до н. э. Памятники типа юйхуанмяо в основном относятся к VI в. до н. э., а культура ордосских бронз – к концу VI–III вв. до н. э. Следует добавить, что женские захоронения в юйхуанмяо имеют полные аналогии в дворцовых памятниках Забайкалья, датируемых в рамках VII – первой половины VI вв. до н. э.³²¹ Несмотря на близость расположенным рядом культурам, могильники типа Юйхуанмяо справедливо относятся

³¹⁹ См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著. —北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. С. 567.

³²⁰ См.: там же, с. 568.

³²¹ См.: Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 135–140.

китайскими исследователями к особой археологической культуре, обычно датируемой периодом Чуньцю (VIII–VI вв. до н. э.).

Китайские специалисты склонны связывать культуру юйхуанмяо с племенами горных жунов (*«шаньжунов»*), обитавших у северных окраин древнекитайского царства Янь. В пользу этого приводят ряд свидетельств из китайских письменных источников ³²². Основу Янь составляло земледельческое население северной части Северо-Китайской равнины. Природно-климатические условия гор и равнины в значительной мере определяли и сохраняли традиционные типы хозяйства: на равнине жили земледельцы, а в горах – скотоводы и охотники. Заметим, что в могильниках культуры юйхуанмяо пока не найдено каких-либо надписей, способных пролить свет на этническую принадлежность населения, оставившего некрополи. Согласно традиционным представлениям историков и соответствующим картам, занимаемая культурой юйхуанмяо территория находилась в границах государства Янь уже в первой половине периода Чуньцю (VIII–VII вв. до н. э.). Однако археологических свидетельств тому нет. Отдавая должное работе китайских исследователей, обратим внимание на проблемность идентификации археологических культур с этническими образованиями. Критерии их выделения различны, а потому в рамках одной культуры может быть несколько этносов, и наоборот – в рамках одного этноса может быть несколько археологических культур, выделенных на основании особенностей погребальных и поселенческих комплексов.

Согласно вышеуказанным историческим сведениям, горные жуны представляли собой жившие к северу от Янь скотоводческие племена, временами объединявшиеся между собой для нападения (возможно, и защиты) на довольно богатые земледельческие государства. По большей части

³²² См.: См.: Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地, 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著. 一北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. С. 565–566.

«жунами» древние летописцы называли грозные орды внезапно нападавших кочевников, образ жизни и этнические различия которых они представляли лишь в общих чертах. В этом случае можно говорить о собирательном значении этого названия. Но факт существования населения культуры юйхуанмяо в рамках царства Янь, рядом с его столицей на протяжении 100–150 лет, однозначно указывает, что в северных царствах Китая кочевников знали довольно хорошо, и под названиями типа «жуны», «сюнну» часто могли пониматься конкретные племенные объединения.

Около 800 г. кочевники (в том числе «жуны») неоднократно нападают на Западное Чжоу. В начале VII в. до н. э. (около 679 г. до н. э.) зафиксировано нашествие жунов на Янь, которое, как считалось, «послужило причиной упадка Янь». Примерно через 15 лет (в 664 г. до н. э.) происходит новое нашествие жунов, остановить которое Янь смогло только с помощью царства Ци. Как видим, массированное давление кочевников на северные границы китайских государств приходится на конец IX – первую половину VII в. до н. э. Согласно расширенной датировке, ранние памятники культуры юйхуанмяо появляются с 900–850 гг. до н. э.³²³ Это вполне соотносится со сведениями о времени действий жунов на этой территории. Однако по нашим данным и мнению некоторых исследователей³²⁴, достоверно относящиеся к культуре юйхуанмяо могильники начинают формироваться не ранее конца VII вв. до н. э. Относимый к ранним памятникам эталонный могильник Юйхуанмяо достаточно уверенно датируется в рамках VI в. до н. э. (около 600–500 гг. до н. э.). Таким образом, племена, оставившие культуру юйхуанмяо, начинают погребать своих умерших примерно через 50 лет после ставших известными крупных вторжений горных жунов. Столица царства Янь располагалась в г. Цзи на месте современного Пекина, всего лишь в 70–80 км от г. Яньзин, где

³²³ См.: там же, с. 569.

³²⁴ Кан Ин Ук. Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 92.

сосредоточено большое число могильников, включая крупнейший – Юйхуанмяо. Сама же граница ареала культуры проходит примерно в 40 км от Пекина. Очевидно, что в VI в. до н. э. царство Янь находилось в мирных отношениях с горными племенами. В противном случае из-за постоянных военных столкновений кочевники не могли бы погребать своих умерших на могильнике Юйхуанмяо в течение 100–150 лет. Непотревоженность даже самых богатых захоронений в Юйхуанмяо однозначно указывает, что с конца VII в. до н. э. данная территория не захватывалась иноплеменниками, поскольку в обычаях кочевников того времени было осквернение и ограбление могил предков побеждённых врагов. Можно предположить, что горные племена находились в какой-то форме необременительной зависимости от Янь, поставляя земледельцам скот в обмен на зерно и другие товары. Соответственно, найденные в погребениях их знати бронзовые (в том числе ритуальные) сосуды были получены в результате обмена, а не грабительских нападений на храмы. В начале V в. до н. э. количество захоронений на могильниках культуры юйхуанмяо резко сокращается. Существенно меняется погребальный обряд и керамика; в жертвенниках появляются кости свиньи, что рассматривается как показатель оседания кочевников, восприятия ими культуры соседних земледельцев.

Итак, культура юйхуанмяо, по-видимому, сформировалась племенами горных жунов, прекративших набеги и уже с конца VII в. до н. э. мирно занимавшихся скотоводством и охотой в рамках горной области царства Янь. Вместе с тем, эта заселённая сильными племенами буферная зона защищала земледельцев Янь от внезапных вторжений других кочевников. В период Чжаньго территория культуры юйхуанмяо на 250–300 км к северу от Пекина была охвачена укреплённой стеной, что, видимо, также указывает на её принадлежность царству Янь и в более раннее время.

Исходя из интерпретации археологических источников, мы можем проследить, сколь обширными были связи различных кочевых общностей Южной Сибири и Северного Китая меж собой, степень влияния на них

Центральной равнины. Разумеется, за различиями в погребальном обряде стояло и разделение на племена, этносы, протогосударства и т.д. В силу вышеперечисленных причин, соотнесение археологических культур с «этнонимами» летописей должно производиться весьма осторожно. Нам неизвестна форма и степень развития самоидентификации «северных варваров». Ввиду этого попытки рисовать карты с ареалами той или иной общности, а затем сопоставлять с археологическими культурами, чтобы в конце *отождествить те или иные памятники с «дунху» или «горными жунами», на наш взгляд, являются дискуссионными.* В то же время, работа только в рамках археологических источников без привлечения летописей была бы искусственным сужением материала.

Раздел 2.5. Искусство как источник изучения культуры населения Северного Китая V – нач. II вв. до н. э.

§2.5.1. К вопросу о зверином стиле

Практически во всех скотоводческих культурах скифского облика, распространённых в VIII–II вв. до н. э. в степях Евразии от Дуная и до Китая, широко бытовали изображения фантастических и обожествляемых существ, трактуемых исследователями как «символ воинской доблести», «божество», «дух загробного мира». Специфичность этих образов, имеющих прямые аналогии в культурах земледельческих государств Передней и Средней Азии, Греции и Китая, всегда привлекала археологов, историков и искусствоведов. Только в России вопрос о скифо-сибирском зверином стиле затрагивается уже в тысячах публикаций. Предметы искусства одной только пазырыкской культуры VI–III вв. до н. э. подробно рассматривались в работах С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Л.Л. Барковой, В.Д. Кубарева, Н.В. Полосьмак, Л.С. Марсадолова, Д.В. Черемисина и многих других исследователей. Анализу звериных образов Западного края и Ордоса посвящены, например,

труды Э. Банкер³²⁵, А.А. Ковалева³²⁶ и Хань Цзянье³²⁷. Тем не менее общепринятой классификации этих существ не сложилось, сохраняется несходство мнений в вопросах терминологии, нет единого взгляда на семантику образов, вопрос о сложении скифо-сибирского искусства и его эволюции также далёк от разрешения.

Современная археология предлагает использовать язык звериных образов как дополнительный хронологический маркёр и признак межкультурных взаимодействий. Этот аспект актуален для изучения археологии Северного Китая. Хотя исследователи из КНР традиционно широко используют для датировки керамические и бронзовые сосуды, не выработаны непротиворечивые схемы эволюции наконечников стрел, конской упряжи и поясной фурнитуры – основных хронологических позиций для раннего железного века. Работа в этом направлении активно ведётся³²⁸, в то же время недооценивается возможность определения времени сооружения археологических памятников по предметам искусства. В связи с этим представляется своевременным через контекст эволюции и трансформаций основных образов звериного стиля раннего железного века (тигр, орёл, олень,

³²⁵ См.: *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.

³²⁶ См.: *Ковалёв А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82.

³²⁷ См.: *Хань Цзянье.* Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цаотеци шидай вэньхуа [韩建业. 新疆的青同时代和早铁器时代文化. 北京: 文物出版社] Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэнь У чубаньшэ 2007. 128 с.; *Хань Цзянье.* Чжунгосибэй дицуй сяньцин шицидэ цзыжань хуаньцзин юй вэньхуа фачжань [韩建业. 中国西北地区先秦时期的自然环境与文化发展] Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. 484 с.

³²⁸ См.: *Шао Хуэйцзю.* Сяньцин шици бэйфан дицуй цзиньшу масянь яньцзю [邵会秋. 先秦时期北方地区金属马衔研究 // 边疆考古研究] Исследование металлических удил доциньской эпохи Северного региона Китая // Археологические исследования приграничья. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2005. С. 96–114; *Цзин Чжунвэй.* Чоцэ динчи бяоюй дисянь и гунюань цянэ эрцянэ цзи чжи цянэ сань шицзи чжун сифан юй мацзи бицзю яньцзю [井中伟. 轂策、钉齿镵与镔衔—公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究 // 考古学报] Стрекала, псалии с шипами и удила – исследование средств управления лошастью в Китае со второго тысячелетия до н.э. по 3 в. до н.э. // Каогу. 2013. Вып. 3. С. 297–324.

гриф (грифон) говорить об изобразительной специфике Северного Китая V–III вв. до н. э., а также – об этнокультурных взаимодействиях ранних кочевников этого региона и о месте населения Северного Китая среди других культур скифо-сибирского мира.

В мифоэпических представлениях (прежде всего – в ареале от Средней Азии на северо-западе до Китая и Индокитая на юго-востоке) тигр выступает как царь зверей и хозяин леса. В Китае тигр почитался не только как царь зверей, но и как борец с демонами болезней. Великие мудрецы-чародеи устрашители демонов нередко изображаются восседающими на тиграх.

У многих народов выработан целый этикет общения с тигром (нивхи, малайцы, суматранцы, бенгальцы). Тигр у представителей многих культур связан с первопредком. Вероятно, следы трансформировавшихся тотемических представлений можно видеть в соотнесении белого тигра с западом и осенью, а также в представлениях о звёздном дворце Байху³²⁹. Стоит отметить, что в раннем железном веке ареал обитания тигра был существенно шире, нежели теперь. Последний тигр на Алтае был убит в XIX в., а туранские тигры в нижнем течении Амударьи были уничтожены только в середине XX в.

Некоторые исследователи (например, Е.В. Переводчикова) считают необоснованным разделение изображений «кошачьего хищника» на видовые группы (лев, пантера, барс, тигр), так как сами изготовители предметов не подразумевали этого³³⁰. Во многом с этим можно согласиться. При анализе будем оперировать лишь теми изображениями, что более или менее несут характерные признаки «тигра»: окрас шкуры, пропорции тела и т.д. (рисунки 6; 13; 14; 19 и др.).

На территории Синьцзяна находки изображений тигров, главным образом – на деревянных вёдрах, происходят из раннескифского могильника Янхай-

³²⁹ См.: Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. И. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. С. 267.

³³⁰ См.: Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 42–44.

2³³¹. В Северном Китае сложно выделить подобный единый центр. Достаточно реалистичные изображения тигров можно встретить в захоронении Чэньянчуаньцунь культуры янлан, а также в «культуре таохунбала» (погребение М2 могильника Сигоупань), захоронениях Няньфанцюй, Шихуэйгоу, Алучайдэн³³². В рамках «культуры таохунбала» изображения тигров в основном представлены сценами терзания. Подобная тенденция прослеживается и в находках Янлана (рисунки 6; 13; 14). Примечательно, что эти изображения очень похожи на артефакты из Минусинской котловины³³³. Аналогии можно обнаружить практически по всему скифо-сибирскому миру, но подобные в основном характерны для Саяно-Алтая. Встречаются и образы тигра без жертвы. Д.В. Черемисин, исследовавший семантику изображений хищников, небезосновательно предположил, что данные композиции имели своей целью уподобление усопшего тигру³³⁴.

В скифской изобразительной традиции тигр, как и ряд других зверей, имеет важную особенность. В раннескифское время синкретических образов в зверином стиле единицы³³⁵. Появляются они не ранее VII в. до н. э. Но если образ несинкретичного орла полностью исчезает из искусства, то тигры (без смешения с каким-либо другим животным) с колоды из Башадарского кургана

³³¹ См.: Лю Сюэтан. Синьцзян шицянъ цзунцзяо яньцзю [刘学堂. 新疆史前宗教研究] Изучение доисторической религии Синьцзяна. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2009. 378 с.; Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. Рис. 41; 46.

³³² См.: Хань Цзянье. Чжунгосибэй дицзюй сяньцинъ шицидэ цзыжанъ хуаньцзин юй вэньхуа фачжанъ [韩建业. 中国西北地区先秦时期的自然环境与文化发展] Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 2008. С. 314–315.

³³³ См.: Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 158.

³³⁴ См.: Черемисин, Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 53–56.

3. ³³⁵ См.: Шульга Д.П., Кальбинур М. Опыт использования артефактов, оформленных в виде образов хищных птиц, для определения времени создания археологических памятников раннего железного века Синьцзяна (по материалам могильника Дунхэйгоу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2011. С. 132–134.

сосуществуют с туэктинским «рогатым тигром» (ок. 450 г. до н.э.). Хотя это мифическое животное не представлено широко в Северном Китае, именно в нём наиболее ярко видна синкретичность не только образов оленя и тигра, но и более глубинное смешение животного с растением. Из-за своих ветвистых, древоподобных, периодически обновляющихся рогов, символизировавших омоложение жизни, новорождённость и ход времени, рогатый тигр может быть сопоставлен с копытными грифонами, вероятно, копирует и часть их семантики. Один образ, который мы можем назвать если не «рогатым тигром», то «рогатым кошачьим», присутствует в «культуре таохунбала»³³⁶.

§2.5.2. Символика грифона и орла

К настоящему времени не только для наиболее изученных алтайских, но и распространившихся на большой территории скифских «грифонов» единой классификации и системы понятий не сложилось. Предлагаемая схема разграничения различных видов «грифонов» – ещё один шаг в этом направлении. При этом автор исходил из уже имеющихся схем и терминов. Изменение заключается в выделении одного, как выясняется, значимого элемента изображений – звериного уха, указывающего хронологические и этнокультурные изменения в скифской среде. Из всех имеющихся изображений «грифонов» в Северном Китае можно выделить группы.

1. Орлы без уха, гребня и хохолка, вышедшие из раннескифского времени. Они представлены головками или полными изображениями хищной птицы.
2. Мифический орёл – головка или полное изображение хищной птицы с ухом, но без хохолка и гребня.

³³⁶ См.: Хань Цзянье. Чжунгосибэй дицзюй сяньцинь шицидэ цзыжань хуаньцзин юй вэньхуа фачжань [韩建业。中国西北地区先秦时期的自然环境与文化发展] Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь. Пекин: Вэньчу бубаньшэ, 2008. С. 316.

3. Орлы-грифоны с телом хищной птицы имеют ухо, хохолок и, как правило, гребень.

4. Грифоньи головки – головки хищной птицы с гребнем, хохолком и ухом. Их стоит выделить в отдельную категорию, поскольку древний мастер мог предполагать как тело орла, так и льва.

5. Различные синкретичные варианты на базе головки грифона (грифо-слоны, грифо-волки и др.).

6. Копытные грифоны.

7. Грифоны орлиные и львиные с головами орла или льва.

Стоит отметить, что после вытеснения образа орла синкретичные существа разных видов могли сосуществовать. Примером тому служит находка в кургане М012 могильника Дунхэйгоу в Синьцзяне изображений рогатых грифонов и мифических орлов, относящихся, казалось бы, к разным этапам смешения образов зверя и хищной птицы.

По устоявшемуся мнению, в образе скифского грифа (грифона) слились образы двух почитаемых с древности животных: царя птиц – орла и царя зверей – льва. Некоторые исследователи считают, что в этом образе отразились представления ещё об одном широко известном животном: грифе-падальщике³³⁷.

Очевидно, что образ грифа (грифона) сложился в результате слияния представлений обо всех вышеуказанных животных. Можно отметить, что в сложившихся образах пяти животных (орёл, гриф, лев, леопард, тигр) есть много общих черт. Некоторые из них характерны, в свою очередь, для грифона.

1. Все они являются ездовыми животными богов и героев.

2. Все, за исключением грифа, наделяются высшими человеческими качествами, а такие, как лев и леопард, даже удостоены сравнения с Иисусом Христом. С глубокой древности орёл и лев являлись символами силы, отваги, быстроты и натиска. Именно так они трактуются в геральдике.

³³⁷ См.: Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука СО, 1991. 190 с.

3. Отчасти по этой причине носить шкуру указанных кошачьих и перья орла могли только избранные («Витязь в тигровой шкуре» и др.).

4. Кошачьи и орёл осмысливались как солярные животные, связанные с образом солнца и света или олицетворяющие его.

5. Некоторым из них (лев, орёл) присущи охранительные функции.

Все эти характеристики воплотились в образе грифонов. Это сильные, храбрые, стремительные, способные летать существа, достойные представлять военизированное общество скифов. Грифоны есть стражи сокровищ и легендарной страны блаженных – гипербореев (Геродот и др.). По мнению ряда исследователей, например, А. Соловьева, головные уборы носителей пазырыкской культуры с головками грифонов могли породить легенды о «стерегущих золото грифах»³³⁸. Грифон (гриф) – олицетворение солнца и золота. Это ездовое животное богов. По преданиям, считавший себя сыном бога Александр Македонский пытался на грифонах преодолеть границу небес³³⁹. В более позднее время христиане с грифонами связывали даже вознесение на небо Иисуса Христа³⁴⁰. При сравнении указанных черт грифона с его прообразами очевидно, что на первом месте стоит орёл. Действительно, в Северном Китае, на Алтае и у причерноморских скифов появлению грифона предшествовал образ обожествляемого мифического орла³⁴¹. Подтверждается это несомненным преобладанием в пазырыкской культуре, которая дала наиболее представительный материал по скифо-сибирскому звериному стилю, изображений с телом орла, а не кошачьего. Многие исследователи считают образ орла и его модификации (наличие уха) оригинальным творчеством скифов. Что же касается грифона с телом кошачьего хищника, то это, прежде

³³⁸ См.: *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. С. 60.

³³⁹ См.: *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Пер. с нем. И. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. С. 63.

³⁴⁰ См.: там же, с. 63.

³⁴¹ См.: *Погребова Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 67; *Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. С. 58.

всего, заимствование из Передней Азии³⁴². Из них наиболее редко встречаются львиные грифоны. Образ живущего в природе грифа в грифоне наименее заметен. Однако некоторые учёные считают мрачную сторону этой птицы значимой и даже определяющей. Так, В.Д. Кубарев связывает грифона с преисподней и смертью³⁴³, а Л.С. Марсадолов видит в грифоне ужасное всеразрушающее существо из параллельного мира духов, представляющее большую опасность даже и для ныне живущего человека³⁴⁴.

Немалое место среди изображений занимают стилизованные формы. Если понимать под стилизованным изображением «грифона» выполненный в условной манере образ существа, то можно выделить десятки разновидностей. До недавнего времени считалось, что основное количество стилизованных изображений «грифона» представлено головками без туловища. Однако позже были выделены грифоны с хвостами, что позволило по-новому взглянуть на происхождение и содержание этих образов.

Некоторые из стилизованных изображений грифонов распознаются легко, другие – сложнее. Завитки грифоньих головок помещаются на концы рогов и хвостов, превращаются в «растительный орнамент» или в общечеловеческие символы вроде спирали, свастики и других. Последовательность в переходах и превращениях животных в растительные орнаменты и наоборот была отмечена С.И. Руденко и Н.В. Полосьмак на массовом материале из мерзлотных курганов Пазырыка и Укока. Распространённый в скифо-сибирском искусстве «асимметричный листок» довольно широко представлен и у ранних кочевников Северного Китая³⁴⁵.

³⁴² См.: *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 132.

³⁴³ См.: *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука СО, 1991. С. 159.

³⁴⁴ См. *Марсадолов Л.С.* История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

³⁴⁵ См.: *Хань Цзянье.* Чжунгосибэй дицзюй сяньцинь шицидэ цзыжань хуаньцзин юй вэньхуа фачжань [韩建业。中国西北地区先秦时期的自然环境与文化发展] Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. С. 316.

По мнению многих учёных, стилизация – это процесс всё большего упрощения реалистичного изображения. Однако в искусстве Алтая, Синьцзяна и Северного Китая V в. до н. э. одновременно встречаются «реалистичные» и стилизованные изображения одних и тех же существ. Аналогичная картина наблюдается в самых ранних курганах пазырыкской культуры – Башадара и Туэкты³⁴⁶ – и даже в раннескифских курганах VII вв. до н. э. на начальном этапе формирования скифо-сибирского звериного стиля. Упрощение изображения, как правило, означало усложнение содержания образа. Например, посредством схематизации реалистичный образ лося может превращаться в трилистник. В трилистник или лотос переходит и грифон. Однако при этом предполагался и обратный процесс – превращение лотоса (цветка) в лося или грифона. Процесс изменения (превращения) некоторых образов в ряде случаев вернее называть не «стилизацией», а *трансформацией*. Если проанализировать эти и другие стилизованные изображения, то выяснится, что, несмотря на тесную взаимосвязь между ними и хорошо заметную трансформацию, образующиеся промежуточные формы (например, различные варианты асимметричного листка) были стабильны.

Рассмотрим одну линию развития (по Н.В. Полосьмак). Грифон превращается в лотос (цветок), и, наоборот – из лотоса рождается грифон, при этом образуются символы переходного типа: «грифоно-лотосы»³⁴⁷ (рисунок 27, 1–5). В искусстве пазырыкцев Алтая образы с одновременно присутствующими чертами лотоса (цветка) и грифона есть во Втором Пазырыкском кургане, где по краю войлочного ковра на узорах чашелистики лотоса представлены двумя стилизованными головками орлов, т.е. орлы являются лоном для рождения божественного лотоса. Подобные стилизованные изображения есть и в Синьцзяне, и в Ганьсу, и в Нинся-Хуэйском АР.

³⁴⁶ См.: Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1960.

³⁴⁷ Полосьмак Н.В. Стерегиущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. Рис. 66.

В культурах Востока лотос, как и грифон, олицетворял силу, принадлежность к богам и солнцу. О солярном значении орлов и грифонов говорилось неоднократно. А относительно цветка лотоса нужно отметить, что розетка – изображение распустившегося лотоса или цветка, у многих народов являлась солярным символом, т.е. уподоблялась солнцу. Очень схожа функция грифона как лошади богов и лотоса как ладьи богов. По мифам, ладья, которую Гелиос дал Гераклу для совершения одного из подвигов, была в форме лотоса³⁴⁸.

Более того, на Востоке лотос символизировал рождение, место зарождения жизни, бессмертие и воскресение. Так, бог солнца с головой хищной птицы – Ра в Египте родился, по некоторым мифам, из цветка лотоса. Сам творец Мира – индийский бог Брахма также родился из лотоса³⁴⁹. В буддийском раю, по некоторым легендам, люди, подобно богам, рождаются на цветке лотоса³⁵⁰.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительный массив данных, указывающих на близость, а иногда, возможно, и на совпадение образов грифона и лотоса в верованиях и в искусстве скифоидных культур Азии.

Интересны два промежуточных изображения между грифоном и лотосом, представляющие собой два варианта широко распространённых стилизованных изображений свернувшегося в спираль грифона (орла), называемого асимметричным листком. Эти спиралевидные варианты напоминают также зерно с пробившимся ростком. Если исходить из общепризнанного понимания спирали как символа «прихода и ухода,

³⁴⁸ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 72.

³⁴⁹ См.: Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. И. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. С. 152.

³⁵⁰ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 71–72.

рождения и смерти, восхода и захода, возникновения и умирания»³⁵¹, то можно предположить, что располагающееся между образами грифона и лотоса (цветка) промежуточное изображение спирали-ростка символизирует фазу перерождения (превращения) грифона в лотос (цветок) и наоборот. В этом случае изображения можно трактовать по направлению вправо как фазу исчезновения грифона и рождения лотоса, первоначально преобразующегося в семя с ростком (вспомним значение спирали). По направлению справа налево мы видим обратный процесс. В Египте цветок лотоса служил своеобразным «телепортом», при помощи которого умершие перемещались из мира живых в западную загробную страну, «рождаясь» там из лотоса. Возможна и другая постановка вопроса. Не есть ли это способ рождения грифона из лотоса, и перед нами односторонняя трансформация? Ведь, как отмечалось выше, в Индии и в Египте лотос являлся символом рождения жизни из ила (из хаоса и неживой материи), символом духовного начала и искусства. Однако более предпочтительным видится первое предположение о взаимной трансформации.

§2.5.3. Символика копытного грифона и «дракон»

В отличие от «классических» скифских грифонов, группа копытных грифонов (грифо-оленей) и «драконов» имела в своей основе помимо хищной птицы травоядное животное (олень, лошадь).

Олень играл в произведениях звериного стиля особую роль. «Олень с подогнутыми ногами, посвящённый Великой Богине, получил самостоятельное значение, был осмыслен как изображение тотема скифов»³⁵². Н.Л. Членова говорит о распространении оленьих мотивов далеко на восток с

³⁵¹ См.: Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. С. 70–71; См.: Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. И. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. С. 259–260.

³⁵² См.: Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. С. 195.

VI–V вв. до н. э., связывая его со скифским влиянием, и отмечая, что в послескифскую эпоху изображения оленей вновь почти полностью исчезают на этом пространстве. Действительно, Минусинская котловина и Алтай дают интересный материал. В Первом Пазырыкском кургане на одной из захороненных лошадей была маска, увенчанная оленьими рогами, сделанными из кожи. Конь сменил оленя, но представление о том, что последний должен сопровождать человека в загробный мир, осталось. И тотемное значение оленя, и его роль проводника в загробный мир – всё это чрезвычайно важно и подтверждает трактовку данного образа как воплощения культурного героя. По В.И. Абаеву, скифы толковали оленя как своё тотемное животное, чем и объясняется его популярность в искусстве. В.И. Абаев сопоставляет термин «саки» с осетинским «sag» – «олень» (от иранского Saka – «развилка», «ветвь», «сук», «рог»)³⁵³. Ярким примером оленного тотемизма служит саамская легенда о Мяндаше – человеко-олене. Следует вспомнить и об оленьих рогах Цернунна, и о хеттском «боге на олене» Рунда.

В погребении M012 могильника Дунхэйгоу в Синьцзяне были обнаружены изображения грифонов-оленей на бляхах. Стоит заметить, что ни одно из изображений не было целостно воспринято китайскими исследователями. Примечательно: на прямоугольных бляхах кошачий хищник терзает копытного грифона, что не характерно для подобных изображений. На территории Сибири существует только одна аналогия борьбы рогатого грифона с другим хищником. Происходит оно из Катанды. Впрочем, стоит отметить, что тело катандинского мифического животного принадлежит явно не копытному, а хищнику. В Забайкалье и Северном Китае также присутствуют редкие изображения борьбы. В то же время, копытные грифоны с татуировок Пазырыка-2 имеют характерный для сцен терзания «вывернутый зад», хотя их противник не изображён. Отождествление грифо-оленя то с

³⁵³ При этом автор понимает всю сложность изучения скифского языка (или языковой общности). Более подробно по данной проблематике см.: *Иванчик А.И. К вопросу о скифском языке // Вестник древней истории. 2009. № 2 (269). С. 62-88.*

хищником, то с травоядным, безусловно, связано с превалированием тех или иных черт в синкретичном мифическом существе.

В Северном Китае и Синьцзяне различные группы образов звериного стиля подвергались китайскому воздействию. В СУАР влияние Центральной равнины видно на изображениях двух голов «драконов» из погребения M012 могильника Дунхэйгоу. Стоит отметить условность данных китайскими авторами прорисовок. Но, даже несмотря на это, видно, что образы несут явный отпечаток китайского влияния в изобразительном искусстве. Нижняя челюсть мифического животного загибается вниз. Ото лба идёт загибающийся кверху рог-хобот. Возможно сопоставление с изображениями из Обьездного-1, где на пластинах были вырезаны «слоно-грифоны», семантика и происхождение которых пока не ясны³⁵⁴. Сам же факт привнесённости композиции извне сомнений практически не вызывает. В культурах таохунбала и янлан такие образы не замечены, но здесь присутствуют нехарактерные для скифо-сибирского искусства черты изображения кошачьих³⁵⁵.

Погребальная керамика в памятниках Северного в середине VI в. до н. э. меняется не так резко, как на Саяно-Алтае, и потому на основе керамического комплекса трудно делать определения хронологического характера. Остальной вещевой комплекс также не всегда позволяет исследователям выстроить непротиворечивую схему эволюции изделий различных категорий. Таким образом, роль традиционных для раннего железного века хронологических маркеров несколько ослабевает. Разделение памятников по

³⁵⁴ См.: *Телегин А.Н., Бородовский А.П.* Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2005. Т. 11. Ч. 1. С. 470–475; *Бородовский А.П., Телегин А.Н.* Роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 2 (30). С. 52–62.

³⁵⁵ См.: *Шульга Д.П.* К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2008. Вып. 4. С. 140–145.

принципу синхронности с периодами Чуньцю и Чжаньго для Северного Китая представляется весьма относительным, хотя предметы китайского импорта и проникают сюда едва раньше, чем обнаруживаются в пазырыкской культуре или Синьцзяне. С учётом изложенного, важным с точки зрения хронологической атрибуции становится изучение несущих черты скифо-сибирского звериного стиля артефактов с зооморфными образами из археологических памятников с территории Северного Китая в сравнении с материалами из Синьцзяна и Саяно-Алтая. Это помогает сделать непротиворечивые выводы по поводу хронологической и культурной принадлежности погребальных объектов Северного Китая.

§2.5.4. Звериный стиль как маркер меридиональных связей в Китае IV-III вв. до н.э.

Естественно, что первой стадией сложения протяжённого торгового пути, одним из концов которого был Китай, должно было стать появление внутренних связей Поднебесной, где в IV-III вв. до н.э. шли войны за объединение страны. И действительно, в данный период мы можем проследить связи между северными степными территориями и регионом южнее Янцзы.

Взаимодействие центров цивилизации с «варварской» периферией само по себе заслуживает пристального внимания³⁵⁶. Мир ранних кочевников Евразии еще до образования магистралей Шёлкового пути играл важнейшую роль в коммуникации Черноморско-Средиземноморского региона³⁵⁷,

³⁵⁶ См.: *Савельев О.К.* Римский импорт I в. н. э. в Тире и некоторые вопросы римско-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2017. №4. С. 119–121.

³⁵⁷ См.: *Копылов В.П., Коноваленко А.Н.* К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н. э. // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2016. №3. С. 33–50.

Паннонской низменности³⁵⁸, Китая³⁵⁹, Средней Азии³⁶⁰, Урала³⁶¹ и Южной Сибири³⁶². При этом нельзя сказать, что все части огромного ареала расселения культур скифо-сибирского круга имеют одинаково богатое отражение в источниках. В Причерноморье имеются и археологические³⁶³, и письменные³⁶⁴, и нумизматические источники³⁶⁵, а также эпиграфика на сосудах³⁶⁶. Это позволяет реконструировать не только масштабы и формы межкультурной коммуникации³⁶⁷, но и вопросы социальной³⁶⁸, религиозной³⁶⁹ и политической³⁷⁰ жизни номадов. История Средней Азии во вт. пол. I тыс. до

³⁵⁸ См.: *Том Ф.М.* Зооморфный псалий скифского времени из рога косули с поселения в Среднем Потисье в Венгрии // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2015. №3. С. 298–302.

³⁵⁹ См.: *Шульга П.И.* Этнокультурная ситуация на востоке скифского мира в III в. до н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2016. №3. С. 88–93.

³⁶⁰ См.: *Амиров Е.Ш. Сейткалиев М.К.* Находка ахеменидской мебельной фурнитуры в сакском погребении Семиречья // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2017. №3. С. 330–331.

³⁶¹ См.: *Переводчикова Е. В., Таиров Е.Д.* Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2015. №3. С. 130–135.

³⁶² См.: *Топал Д.А.* Грифовые кинжалы Евразии: восточные параллели одной причерноморской традиции // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2017. №3 С. 116–121.

³⁶³ См.: *Очир-Горяева М.А.* Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья // *Stratum plus.* 2018. №3. С. 60–70.

³⁶⁴ См.: *Мышкин В.Н.* В поисках торгового «пути Геродота»: северопричерноморский импорт из кочевнических погребений скифского времени в Заволжье и на Южном Урале, переправы через Волгу и «Московская дорога» // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2018. №3. С. 292–300.

³⁶⁵ См.: *Чореф М.М.* Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2017. №3. С. 213–217.

³⁶⁶ См.: *Безруков А.В., Улитин В.В.* Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н. э. – II в. н. э. // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2017. №3. С. 240–250.

³⁶⁷ См.: *Кузнецова Е.В.* Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2014. №3. С. 190.

³⁶⁸ См.: *Кузнецова Т.М.* Скифские цари и номархи – «держатели котлов» // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2018. №3. С. 21–30.

³⁶⁹ См.: *Вдовченков Е.В.* Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III–I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2016. №3. С. 200.

³⁷⁰ См.: *Козлов С.А.* «Скипетроносцы» скифской элиты // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2016. №3. С. 360.

н.э. также нашла отражение в нарративных материалах³⁷¹. К сожалению, Южная Сибирь и Урал (т.е. территории, ныне входящие в состав РФ) мало могут похвастаться подобным, так что исследование местных торговых контактов имеет существенную специфику³⁷².

Гораздо лучше, ввиду близости цивилизационных центров Поднебесной, представлены в нарративных источниках жизнь и связи ранних кочевников Северного Китая. При этом данные материалы остаются наименее известными отечественным ученым (хотя исследования в этой области активно ведутся³⁷³). Между тем именно здесь, на стыке оседлого и кочевого миров, появлялись интереснейшие формы взаимодействия, нашедшие отражение и в письменных источниках, и в объектах материальной культуры. До сих практически неизвестным для специалистов оставался тот факт, что южное царство Чу, несмотря на кажущуюся удалённость от степного пояса, вело с таковым активный культурный обмен. Исследованию данного феномена межкультурной коммуникации, ставшего одной из предпосылок сложения Шёлкового пути, мы и посвящаем настоящий раздел.

Исследуя предметы китайского импорта (ткани, бронзовые зеркала и др.) в Южной Сибири и на сопредельных территориях, можно заметить, что они подчас демонстрируют определённые черты южно-китайского стиля. Конечно, это вызывает вопросы из-за географической удаленности. Впрочем, весьма вероятно, что на позднем этапе Чжаньго (сер. V в. до н.э. – 221 г. до н.э.) между Чу (самое могущественное царство юга Поднебесной) и Центральной Азией (в

³⁷¹ См.: Ртвеладзе Э.В. Посольства к Александру Македонскому в Бактры и Мараканду царей левобережного и правобережного Хорезма Фарасмана и Фратаферна // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №3. С. 344.

³⁷² См.: Черных Е.М. На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2018. №3. С. 271–279.

³⁷³ См.: Комиссаров С.А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР). В: Молодин В. И., Хансен С. (отв. ред.) «*Terra Scythica*». Материалы международного симпозиума «*Terra Scythica*». Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2011. 121–129 с.

т.ч., возможно, Южной Сибири) существовали культурные контакты. Более того, можно предположить, что они были двусторонними. Приведём примеры.

В погребении № 2 могильника Ваншаньшачжун в Цзянлине (уезд городского округа Цзинчжоу в провинции Хубэй) была обнаружена подставка для лампы. Основание данного артефакта довольно нетипично, так как оформлено в виде двугорбого верблюда, наездник на котором держит в руках столб. Известно, что верблюдов в Чу не держали, потому происхождение такого бактриана следует отнести к региону Внутренней Монголии (до Хуанхэ), Центрального Казахстана или Южной Сибири, где животное было одомашнено весьма рано. По письменным источникам мы можем сделать вывод, что верблюды в Китае были известны по крайней мере с Восточной Чжоу (хотя бы на уровне изображений). Это подтверждает и «Оставленные писания Чжоу» (逸周书, I в. н.э.), где говорится, что во времена второго чжоуского государя Чэн-вана северные инородцы приносили в дар верблюдов: «На севере в окрестностях горы Кунтун³⁷⁴, в Бактрии, в Яркенде, в землях баоху,³⁷⁵ дайчжай³⁷⁶, сюнну, лоуфаней, юэчжей, цянли³⁷⁷, дунху, жунов и ди [и иных иноземцев] были по повелению получены верблюды, ослы, лошади и добрые луки».

Стоит отметить реалистичность изображения верблюда, что показывает «привычность» образа этого животного для южных китайцев. Для сравнения вспомним, что не очень типичный для Восточной Азии лев в Японии и Китае выглядит фантастично, приобретая черты дракона, собаки и других существ. При этом чуждому изображению верблюда еще далеко по реалистичности до, например, танских образцов. Облик бактриана, хотя в основном правдоподобен, в деталях несколько отклоняется от истины. Одежда

³⁷⁴ Совр. г. Пинлянь, пров. Ганьсу

³⁷⁵ Досл. «леопардовых варваров».

³⁷⁶ Одно из образований «северных ди» или жунов, так как иероглиф 代 подчас синонимичен 戎.

³⁷⁷ Одно из образований «северных ди», с которыми, вероятно, связано омофонное название породы лошадей в Древнем Китае (纒离).

наездника древним мастером практически не показана. К счастью, у фигурки хорошо выполнены черты лица – оно широкое, с весьма заметными щеками. Этот тип лица характерен для североазиатского типа монголоидов (рисунок 31–6). У наездника волосы на передней части головы выбриты. Похожие по композиции вещи встречаются в рамках скифоидной культуры янлан на территории современного Нинся-Хуэйского автономного района (рисунок 31–5). Этому же есть параллели на западе Центральной равнины. В могильнике Жуцзячжуан (г. Баоцзи в пров. Шэньси, КНР) обнаружена статуэтка с подобной причёской (передняя часть головы выбрита, а волосы на затылке собраны и уложены). Очень близкий аналог мы находим в Таэрпо (городской округ Сяньян в провинции Шэньси, КНР). В погребении M28075 (последняя треть III в. до н.э.) были обнаружены две керамические статуэтки всадников без доспеха. У наездника плоское лицо, длинный высокий нос, на голове шапка специфической формы, одежда запахнута налево (характерная черта инородцев в Китае), на ногах короткие штаны. Обут конник в высокие сапоги, свойственные скифоидным «варварам» Северного Китая. Словом, подобные черты часто встречаются в образах древних кочевников на севере Китая³⁷⁸.

По нашему мнению, в контактах по линии север-юг играли общности цянов и жунов. Понимание термина «жун» обычно весьма общее, может трактоваться как «народы северо-запада». Например, в «Вертограде полководца»³⁷⁹ в главе «Западные жуны» читаем: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен,

³⁷⁸ См.: Чэнь Цзяньвэнь. Лунь Чжунго юй гудай Наньсиболия цзяньдэ вэньхуа ходун [論中國與古代南西伯利亞間的文化互動] Обсуждение культурного обмена Китая и Южной Сибири в древности // Сборник конференции к 80-летию Чжан Гуанда. Тайбэй: АО Синьвэньфэн чубань. 2010. С. 961–964.

³⁷⁹ Приписываемый Чжугэ Ляну (181-234 гг. н.э.) военно-философский трактат.

местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий»³⁸⁰. Впрочем, в других письменных источниках есть указания и на более конкретную интерпретацию данного «этнонима». Так или иначе, уже в период Чуньцю многие жуны мигрировали на Центральную равнину Китая, селясь рядом с хуася (китайцами). Прочесть про это можно в разделе «Шестнадцатый год Чжао-гуна» комментария «Цзо Чжуань» (ок. IV в. до н.э.), где говорится о том, как Чу и Ци пользовались внутренними разладами во владениях «варваров». В разделе «Четвёртый год Ай-гуна» говорится, что чусцы не знали страха, при походах на север за одну ночь были способны атаковать царства Лян и Хо³⁸¹, окружали варварское владения Маньши³⁸², одолевали иноземцев, заставляя тех искать спасения у Цзинь. Область Маньши, как указывает раздел «Цзо Чжуань» под названием «Шестой год Чэн-гуна», была населена одной из ветвей инородцев «жунмань», у которых был город. Скорее всего следует считать, что «жунмани» были особой группой среди южных инородцев мань³⁸³. Таким образом, можно говорить о том, что взаимодействие происходило не только между оседлыми царствами и «варварами», но и различными группами последних, вплоть до слияния изначально далёких по языку и культуре инородцев между собой.

³⁸⁰ См.: Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. С. 119.

³⁸¹ Юг совр. Шаньси.

³⁸² Располагалось на территории совр. уезда Жуян пров. Хэнань.

³⁸³ «Вертоград полководца» говорит о мань следующее: «Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить. Они постоянно образуют союзы племён, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга. Они проживают в пещерах горы И. Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду – на западе до хребта Куньлунь, на востоке до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто болевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться» (пер. Шульги Д.П.). См.: Чэнь Цзяньвэнь. Лунь Чжунго юй гудай Наньсиболия цзяньдэ вэньхуа ходун [論中國與古代南西伯利亞間的文化互動] Обсуждение культурного обмена Китая и Южной Сибири в древности // Сборник конференции к 80-летию Чжан Гуанда. Тайбэй: АО Синьвэньфэн чубань. 2010. С. 985–989.

На финальной стадии периода Чжаньго царство Чу, очевидно, имело контакты не только со скотоводами севера и северо-запада Китая, но и с цивилизациями Передней Азии и Индии (видимо, по морю). «Западное» натриево-известковое стекло, которое отличается от китайского свинцово-висмутового, было обнаружено в Чу, что является ярким примером становления в III в. до н.э. зачатков «морского Шёлкового пути». Можно даже говорить о том, что большая часть стекла в Чу именно импортная. Подобная ситуация складывается со второй пол. IV в. до н.э. Доказательством тому служит погребение Хоугудуй-1 (уезд провинциального подчинения Гуши провинции Хэнань) и гробница князя И из надела Цзэн (уезд Суйсянь городского округа Суйчжоу провинции Хубэй). Стекло, обнаруженное в этих двух захоронениях, представляет собой натриево-известковое стекло, изготовление которого связывается с мастерскими Передней или Центральной Азии. Что касается того, как натриево-кальциевое стекло было ввезено в Китай, то возможны два варианта. Во-первых, с юга по морю, во-вторых, с северо-запада через Западный край. В погребениях Цзюньбакэ VII в. до н.э. (уезд Луньтай, Синьцзян) найдены стеклянные бусы, очень напоминающие аналоги из Ирана. Таким образом, есть основания полагать, что это импорт из Передней Азии на территорию современного СУАР. Северо-западные маршруты (наряду с морскими) также, видимо, играли определенную роль³⁸⁴. Это доказывают, например, нефритовые изделия, найденные в гробнице князя И из надела Цзэн показывают, так как они очень похожи по химическому составу на нефрит, произведенный в Хотане³⁸⁵.

Наличие меридиональных контактов между степями Евразии и долиной Янцзы на закате периода Чжаньго и в эпоху ранних империй имеет и более

³⁸⁴ См.: *Шульга П.И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.

³⁸⁵ См.: *Чэнь Цзяньвэнь.* Лунь Чжунго юй гудай Наньсиболия цзяньдэ вэньхуа ходун [論中國與古代南西伯利亞間的文化互動] Обсуждение культурного обмена Китая и Южной Сибири в древности // Сборник конференции к 80-летию Чжан Гуанда. Тайбэй: АО Синьвэньфэн чубань. 2010. С. 978–985.

характерные подтверждения. Одним из примеров тому может служить гребень с изображением копытного грифона из погребения Шуйхуэ III в. до н.э. на севере пров. Хубэй (рисунок 32–1). Задние ноги фантастического животного запрокинуты назад, что является «визитной карточкой» скифского искусства (ср. рисунок 33). И это отнюдь не единственная подобная находка. Деталь головного убора из района Линьцзы (городской округ Цзыбо провинции Шаньдун) (рисунок 32–4), датируемая периодом второй половины Чжаньго, дает нам представление, что уже в IV–III вв. Центральный Китай воспринял и активно использовал не просто «северные мотивы», но и сложившиеся образы. Находка в Линьцзы – еще одно подтверждение меридиональных связей, которые оставляли следы на всём своем протяжении.

Еще один проникший в Поднебесную сюжет искусства ранних кочевников – сцены терзания. Как и в предыдущем случае, ранние экземпляры происходят из Центрального Китая. Декорированные бляхи из погребений Гунцзян (северный пригород г. Сиань, второй пол. III в. до н.э.) и Саньдяньцунь (восточный пригород г. Сиань, нач. II в. до н.э.) ознаменовали распространение сцен терзания за пределами расселения скифоидных кочевников (рисунок 32–3, 5). Меньше чем через столетие похожие вещи оказываются на территории г. Гуанчжоу в погребении правителя Наньюэ (рисунок 31–3). На территории бывшего Чу есть еще несколько аналогий из раннеханьских погребений. Первая – на позолоченной бронзовой пряжке, найденной в погребении в селе Сюфэнцунь (город центрального подчинения Чунцин, уезд Ушань) (рисунок 31–1). Вторая – в захоронении Шицзышань (городской округ Сюйчжоу в провинции Цзянсу). Если рассматривать истоки данной изобразительной традиции, то их можно без труда обнаружить, например, в могильнике Сигоупань скифоидной общности таохунбала во Внутренней Монголии (рисунок 31–4), которое предположительно относится к IV в. до н. э.

Куда более отдалённая аналогия «языку звериных образов» происходит из западноханьского погребения №1 могильника Мавандуй (г. Чанша). На

левой стороне росписи гроба на третьем уровне композиции есть изображение копытного. Окружающий облачный орнамент и техника исполнения здесь чисто китайская, но вывернутый зад выдает северное влияние (рисунок 32–2). Следует учесть, что данный образец может быть датирован не позднее, чем находки из восточного пригорода Сианя или Гуанчжоу. Очевидно, что полное повторение и частичное заимствование сосуществовали.

Включение скифо-сибирского искусства в художественный стиль эпохи Хань показывает, что, по крайней мере, в Западной Хань ремесленники активно использовали мотивы «степной» изобразительной традиции. Хотя можно говорить и о роли культуры хунну в этих процессах, очевидно, что культуры Южного Китая и Центральной Азии (в т.ч. и Южной Сибири) поддерживали контакт уже как минимум с III в. до н.э. Подобные находки тем более интересны, что на постсоветском пространстве звериный стиль пристально изучается как по материалам Азиатской части скифского мира³⁸⁶, так и по артефактам Причерноморья³⁸⁷.

В результате можно сделать ряд промежуточных выводов.

Во-первых, в IV–III вв. до н.э. территория современных провинций Хунань, Хубэй, Чжэцзян (частично Цзянсу, Цзянси, Аньхой и Фуцзянь), т.е. царство Чу, находилось на перекрёстке торговых путей, благодаря чему сюда, например, проникало стекло по морю и хотанский нефрит по суше.

Во-вторых, представители скифоидных культур с севера Поднебесной и земледельцы восточного течения Янцзы с юга имели определённые представления друг о друге, что подтверждается артефактами, оформленными в зверином стиле. Статус проникавших на юг северян сложно установить,

³⁸⁶ См.: Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 101–113.

³⁸⁷ См.: Лифантьев О.В. Орнитоморфные изображения на золотых аппликативных украшениях одежды скифов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 170–180.

однако вполне оправданным ввиду высокой мобильности кочевников выглядит предположение о роли торговцев и наёмников.

В-третьих, скифо-сибирское искусство оказывало влияние не только на Северный (где это очевидно по находкам, например, из чжуншаньских гробниц), но и на Южный Китай.

В-четвёртых, этнокультурная картина окружающих «хуася» народов была куда сложнее, чем предполагалось ранее. На основе «варварских» государств (пусть и непрочных) возникали общности, где уживались некитайские народы, весьма далёкие друг от друга по языку и типу хозяйства.

В-пятых, можно утверждать, что такие активные меридиональные связи послужили интеграции Китая, его объединению в мультикультурную империю и последующему сложению Шёлкового пути.

Раздел 2.6. Уход скифоидных культур – этнополитические последствия для Северного Китая

§2.6.1. Специфика захоронений ханьского времени и «проблема мигрантов» в эпоху Хань

По многочисленным письменным свидетельствам нам известно, что в эпоху Хань (206 до н. э. — 220 гг. н. э.) часто происходили перемещения масс земледельческого населения с территории империи на северные порубежные земли. Здесь происходило смешение этносов, осваивались новые земли, распространялись новые идеи и веяния, появлялись и развивались города, росло население. Изменения и взаимопроникновение касались всех сфер жизни. Именно в эпоху Хань происходило активное освоение северных рубежей Китая, это важный период и для Центральной равнины, и для степной зоны приграничья. Таким образом, изучение эмигрантов из внутренних районов страны становится ключом к пониманию своеобразия эпохи и региона. Значительная часть историков в КНР подходят к исследованию

перечисленных процессов с точки зрения письменных источников. Однако в последнее время количество археологических материалов III в. до н. э. – III в. н. э. в северных регионах растёт. Локализуются районы поселения эмигрантов, возможна систематизация оставленных ими артефактов.

Наиболее раннее сообщение о «переселенцах» (移民) мы находим в трактате «Чжоуские ритуалы» (традиционно датируется XI в. до н. э., однако широкое хождение получил гораздо позже). В разделе «Чиновники осени» (так называли начальников приказа суда и сыска при династии Чжоу) в наставлениях *шши* (судебный инспектор, династия Чжоу): «Если в уделах голод, то приходит запустение и падает авторитет закона; тогда стоит давать переселенцам пускать в оборот средства, объединять их, охранять и отсрочивать наказания». В «Семи законах Гуань Цзы» (традиционно относится к сер. VII в. до н. э.) говорится: «Когда не все в порядке с запретами и разрешениями, появляются толпы переселенцев, подобные прорвавшей дамбу реке». Здесь термин «переселенец» (移民) уже имеет свое нынешнее значение. В более поздних по времени создания «Исторических записках» в разделах «Пинчжуньшу» (досл. «Книга об уровнях») и «Шуй цзин чжу» (досл. «Комментарии к трактату о воде», обычно датируется рубежом V–VI вв. н. э.) для переселенцев использовался другой термин (徙民). В «Исторических записках», в частности, так именуются те, кто переместился из внутренних регионов государства в северо-западные земли. Наличие подобного же наименования эмигрантов (徙民) в «Шуй цзин чжу» показывает употребление термина и в эпоху Южных и Северных династий. Таким образом, мы видим, что в различных древних и средневековых источниках в разное время доминировали разные синонимы³⁸⁸.

³⁸⁸ См.: Ду Линъюань. Ханьдай бэйфан бяньцзян дицжой иминь муцзан тсянь дудэ лишивэньти линъюань [杜林渊。汉代北方边疆地区移民墓葬反映的历史问题 杜林渊 // 考古与文物] Историческая проблема переселенцев в эпоху Хань по погребениям из Северного Китая // Археология и культурное наследие. 2011. №. 1. С. 69–70.

Так называемые «погребения переселенцев», очевидно, составляют особую группу захоронений, где покоятся останки как непосредственных переселенцев, так и их потомков. Особенности археологических методов исследования (основное внимание на объекты материальной культуры) позволяют вычленять захоронения пришлого населения из-за иного погребального обряда, конструкции могилы и сопроводительного инвентаря. Исходя из этого, переселенцев (а, следовательно, и оставленные ими погребения) можно разделить на несколько групп. *Во-первых*, захоронения ханьцев, прибывших с Центральной равнины в порубежные области (северо-запад Китая, северный отрезок Великой стены, северо-восток). Здесь господствовало либо смешанное полуоседлое – полукочевое хозяйство, либо территории принадлежали местным общностям номадов. *Во-вторых*, не стоит забывать об инородческих миграциях из северных районов в глубину империи (такие погребения с разной степенью китаизации находят в различных районах как вдоль Стены, куда «варваров» селили для охраны, так и на юге, например, в пров. Цзянсу и Аньхой). *В-третьих*, внутри самой империи происходили переходы населения в иные регионы, из-за чего, например, в Шэньси найдено немало погребений с чертами северо-восточного варианта ханьской традиции³⁸⁹.

На процессы в северном приграничье очень сильно повлияло царствование императора У-ди. Нападавшие с севера сюнну были разбиты, так что контроль империи распространился за горы Иншань (совр. Внутренняя Монголия). Ганьсуйский коридор впервые прочно контролировался государями из Центральной равнины Китая. Однако вслед за пиком в своём развитии в империю пришел упадок, территория стала сокращаться. Но северные рубежи оказались сравнительно стабильными. Судя по письменным

³⁸⁹ См.: Ду Линъюань. Ханьдай бэйфан бяньцзян дицзюй иминь муцзан тисянь дудэ лишивэньти линъюань [杜林渊。汉代北方边疆地区移民墓葬反映的历史问题 杜林渊 // 考古与文物] Историческая проблема переселенцев в эпоху Хань по погребениям из Северного Китая // Археология и культурное наследие. 2011. №. 1. С. 69–70.

и археологическим данным, до конца периода Чжаньго этот район к северу от оборонительных стен царства Цинь был заселен кочевыми и полукочевыми племенами (частое обобщенное название – «северные ди»). Незадолго до завершения Чжаньго представители государств Чжао и Цинь начали постепенно проникать в северные районы. После провозглашения первой империи политика в отношении сюнну, которые стремительно набирали силу, стала куда более активной, выражаясь, в том числе, и в попытках колонизации. Генерал Мэн Тянь (умер в 210 г. до н. э.) приводил к покорности население по течению Хуанхэ. Сыма Цянь сообщает, что для укрепления влияния в окрестностях Жёлтой реки было построено 44 укрепленных уездных города, куда начал переселяться народ. Но период правления Цинь над единым Китаем был недолгим, так что значительная часть переселяемых в ходе смуты, последовавшей за крахом династии, вернулась на прежние места. Письменные источники сообщают, что в период Западной и Восточной Хань правительство вновь не раз организовывало масштабные переселения в приграничье. Особенно миграция на север активизировалась в годы правления У-ди. В ходе четырёх больших кампаний с территории Центральной равнины переселялся, по некоторым данным, миллион человек. Кроме «хуася» (т.е. собственно китайцев) десятки тысяч покорённых сюнну и других иноплеменников также подверглись перемещению. Упоминания об этом находим в «Ханьшу». Политика империи определялась принципом «农牧并举，胡汉相杂», который можно перевести как «одновременное развитие скотоводства и земледелия, сосуществование варваров и ханьцев». Это находит свое отражение и в археологических памятниках (чаще всего – погребениях) III в. до н. э. – III в. н. э.

При анализе исследованных многомогильных захоронений ханьского времени (таковых около двух тысяч) становится ясно, что они распадаются на две категории³⁹⁰.

³⁹⁰ См.: там же.

Во-первых, захоронения переселенцев-«хуася» с Центральной равнины Китая. Географически распространены от Ганьсуйского коридора на западе до района совр. Пекина на востоке. Наибольшее количество памятников сконцентрировано в «четырёх округах Хэси» (совр. провинция Ганьсу) и «деяти округах Яньбянь». Характерные примеры: могильник Суньцзячжай в провинции Цинхай, могильники Налиньтаохай, Шацзиньтаохай, Булунао во Внутренней Монголии, могильники Юйлиньгучэнтань и Цзоумалаян в Шэньси, Саньфэньгоу в провинции Хэбэй. Менее крупные группы ханьских погребений встречаются в городских округах Увэй, Ланьчжоу и Цзюцюань в провинции Ганьсу; захоронения на территории городских округов Гуюань и Учжун в Нинся-Хуэйском АР; в районе Баотоу и в Ордосе на территории Внутренней Монголии; в уезде Шосянь провинции Шаньси; в районах Хуайжоу и Чанпин на территории г. Пекин. Почти все вышеперечисленные погребения и некрополи были возведены в период I в. до н. э. – II в. н. э. Погребений начального этапа Западной Хань очень мало³⁹¹.

Особенности погребального обряда для периода Западной Хань следующие: яма с отвесными стенками; в погребении имеются следы деревянной конструкции; погребения в основном одинарные; в головах иногда есть следы сырцового кирпича. С приходом Восточной Хань произошли некоторые изменения. Помимо одинарных, распространяются парные погребения; внутримогильная конструкция нередко строится из кирпича; часто используются подбои. Ямы с отвесными стенками кое-где сохраняются, но их сравнительно немного. В погребениях позднего этапа Восточной Хань встречаются захоронения с множеством погребальных камер, выполненных из кирпича. Такой же обряд появился синхронно (или чуть раньше) на Центральной равнине. Общей для всех ханьских погребений является северо-западная ориентация умерших. Усопшие традиционно лежат на спине вытянуто. С конца Западной Хань появляются погребения супружеских пар. В

³⁹¹ См.: там же, с. 70–71.

период Восточной Хань приобретают популярность семейные склепы. Сходные процессы с небольшой хронологической разницей происходили и на Центральной равнине. Что касается погребального инвентаря, то для завершающей фазы Западной Хань были характерны такие формы керамических сосудов, как кувшины (壺), горшки (罐) и блюда (盤); в отдельных погребениях есть бронзовые изделия, элементы упряжи. В эпоху Восточной Хань погребальный инвентарь принципиально не меняется, увеличивается лишь разнообразие форм в тесном контакте с аналогичными процессами во внутренних районах империи. Таким образом, можно сказать, что в районе северных рубежей империи после кампаний У-ди сложилось устойчивое сообщество китайского населения (переселенцев и их потомков), которое, насколько можно судить по погребальному обряду, имело постоянные культурные контакты с исторической родиной. Местная «варварская» традиция, разумеется, всё же имела определенное влияние. Так, в ряде могил обнаруживается обряд принесения в жертву животных. Часть сопроводительных украшений и оружия также имеют явно не ханьское происхождение³⁹².

§2.6.2. «Приручение» сюнну и конвергенция с ханьцами

До объединения Китая под властью первых империй северное порубежье заселяли племена, обобщённо именуемые «северные ди». Примечательно, что этот термин оказался достаточно долгоживущим. Например, его в эпоху Троецарствия применял Чжугэ Лян. Он оставил следующие свидетельства: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает

³⁹² См.: там же.

кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Так можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника»³⁹³.

После формирования ранней империи ареал «хуася» стал увеличиваться. На севере начались столкновения со складывающейся державой *сюнну*. В

³⁹³ См.: Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147. С. 119–120.

итоге Ордос по крайней мере на век превратился в поле боя между земледельческой и кочевой цивилизациями. Как мы знаем из исторических источников, ханьские дипломаты предпринимали немало попыток привлечь царства Западного края к борьбе против сюнну. В ходе этой грандиозной миссии на территории Средней Азии образовался пояс вассальных по отношению к Китаю государств³⁹⁴. Естественно, что представители этих небольших образований нередко ездили во внутренние регионы империи, где подчас и умирали. В то же время ханьские погребальные традиции распространялись и в среде вассалов в их исконных местах проживания. Так сложилась группа памятников, где смешивались элементы погребального обряда «варваров» (курганная насыпь, захоронения в подбоях) и ханьцев (выпрямленные конечности у покойного и др.). Ориентация умершего в таких синкретичных погребениях варьируется, преобладают одиночные захоронения, однако в поздних памятниках встречается и обычай парного захоронения. В качестве примера можно привести могильник Даодуньцзы (Нинся-Хуэйский АР). Этот некрополь неоднократно привлекал внимание отечественных специалистов³⁹⁵. Часть погребений (те, что относятся к I в до н. э.) могут быть отнесены к наследию вассального государства Саньшуй. Основное население здесь составляли сюнну, капитулировавшие в ходе войн с Китаем. Погребения в основном одиночные, умершие зачастую лежат головой в северный сектор вытянуто на спине.

Таким образом, на основании письменных свидетельств и особенностей погребального обряда можно предположить, что перед нами погребальный комплекс, где местная традиция начала испытывать влияние извне: как политическое, так и культурное. Другой, более поздний пример представляет

³⁹⁴ См.: *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 212.

³⁹⁵ См.: *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 101–107.

собой могильник Дабаодань (уезд Шэньму провинции Шэньси, КНР). Начало сопутствующему поселению и могильнику в значительной степени положил император Сюань-ди (74–48 гг. до н. э.), повелевший заселить в этот район покорившихся сюнну. Об этом есть сообщения в «Хоуханьшу». Точно так же группу южных сюнну переселили в район Мэйцзи (ныне хошун Джунгар во Внутренней Монголии). Еще 9 погребений обнаружены в уезде Суйдэ (городского округа Юйлинь провинции Шэньси). Если рассматривать погребальный обряд и сопроводительный инвентарь с точки зрения взаимоотношения этносов на закате империи Хань, то погребённые, как минимум, были тесно связаны с сюнну, а то и вовсе были таковыми³⁹⁶.

Северные территории империи Хань были ареной ожесточённой борьбы с сюнну. Отправка поселенцев с целью колонизации и охраны границ стала элементом политического курса. В результате на рубежах государства возник очаг культуры, города и могильники которого сейчас являются объектом исследования многих археологов³⁹⁷. Важную роль в заселении севера играли принесшие вассальную присягу представители сюнну. На территории нынешних провинций Ганьсу, Цинхай, Шэньси, Нинся-Хуэйском АР и АР Внутренняя Монголия много свидетельств тому в виде могильников. Примечательно, что при всех отличиях погребального обряда ханьцев («хуася») и сюнну, взаимопроникновение культур весьма заметно. Среди ряда учёных в КНР существует концепция, по которой ряд погребений определяются как оставленные «южными сюнну».

Для начала нужно представить памятники сюнну во внутренних районах империи Хань. В силу близости к китайской традиции датировка таких некрополей особенной дискуссии не вызывает. К периоду Западной (Ранней) Хань относятся: M140 в могильнике Кэшэнчжуан (окрестности Сианя, пров.

³⁹⁶ См.: Ду Линъюань. Ханьдай бэйфан бяньцзян дицью иминь муцзан тисянь дудэ лишивэньти линъюань [杜林渊。汉代北方边疆地区移民墓葬反映的历史问题 杜林渊 // 考古与文物] Историческая проблема переселенцев в эпоху Хань по погребениям из Северного Китая // Археология и культурное наследие. 2011. №. 1. С. 70–71.

³⁹⁷ См.: там же, с. 69–70.

Шэньси); М25 в могильнике Цзаомяо в городском округе Тунчуань пров. Шэньси; могильник Даодуньцзы (уезд Тунсин, Нинся-Хуэйский АР). К I в. до н. э. – I в. н. э. относятся материалы могильника Лицзятаоцзы (уезд Тунсин, Нинся-Хуэйский АР), могильника Бутунгоу (Ордос, Внутренняя Монголия), погребение М4 могильника Сигоупань (хошун Джунгар, Внутренняя Монголия). К Поздней Хань относится могильник Дафаньпу (сер. I – нач. II в. н. э.) в том же хошуне Джунгар; могильник Дабаодан (уезд Шэньму провинции Шэньси, КНР). К финалу империи (III в. н. э.) относится первый сектор могильника Датуншан-суньцзячжай в провинции Цинхай.

Что касается времени установления контроля над значительными массами сюнну, то, вероятнее всего, можно принять 121 г. до н. э. Предводитель одного из «було» (досл., «племён»; термин «昆邪» в отечественном востоковедении используется достаточно широко; например, Е. Кычанов видит в нём единицу административного деления). Об этом сообщается в «Ханьшу» при описании правления императора У-ди. Судя по тексту трактата, более сорока тысяч сюнну прибыли, изъявляя покорность. Часть из покорившихся обрели свою вассальную государственность («Тяньшуй» или «Саньшуй») на территории современного уезда Тунсин Нинся-Хуэйского АР. Весьма вероятно, что именно отсюда происходит могильник Даодуньцзы. Любопытно, что погребение М140 в могильнике Кэшэнчжуан (окрестности Сианя, пров. Шэньси), судя по материалу, сооружено несколько раньше. Это притом, что находится памятник в столичном регионе эпохи Ранней Хань. Вероятнее всего, во время создания М140 сюнну уже прибывали для сотрудничества с империей, но это явление не было массовым.

В середине I в. н. э. сюнну раскололись на северных и южных. Исходя из «Хоуханьшу», толчком стали события 48 г. н. э., после чего южные сюнну начали активно принимать подданство империи, отчасти принимая и китайские традиции. Северная же ветвь стала постепенно уходить из сферы интересов Хань, потерпев ряд тяжёлых поражений, переживая внутренние

раздоры. Таким образом, можно предположить, что погребения сюнну эпохи Поздняя Хань следует связывать с южной частью некогда единой общности. В 50 г. н. э. силы империи оказали поддержку южному шаньюю на территории современного уезда Уюань (Внутренняя Монголия), в результате чего по договоренности сюнну заселили районы «Сихэ» и «Юньчжун». По мнению современных китайских ученых, эти топонимы можно соотнести с югом современной Внутренней Монголии. Как раз здесь, в Ордосе, обнаружен могильник Бутунгоу. Судя по широким параллелям с материалами из Гоби, данный памятник, вероятно, относится к самому началу Поздней Хань. Данный вывод следует из того, что китайское влияние сравнительно малое. Это объяснимо, так как в период династии Синь и сразу после падения Ван Мана связи шаньюя со столицей империи ухудшились. Кроме этого, сюнну сами переживали династический кризис. Помимо Бутунгоу, на том же юге Внутренней Монголии, в хошуне Джунгар, расположен могильник Сигоупань, где, помимо материалов эпохи раннего железа, найдены и погребения сюнну (например, М4). Данное захоронение, очевидно, содержит останки представителя знати, умершего в первой половине I в. н. э. Могильник Дабаодань расположен недалеко от вышеописанного района. В период расцвета Ранней Хань здесь, на самом севере современной Шэньси, селились изъявившие покорность сюнну, имевшие крупное городище, окончательно покинутое только во II в. до н. э. Очевидно, что в начале правления Поздней Хань сюнну Дабаоданя понимались как лояльные империи, то есть южные.

В границах империи Хань погребения сюнну имели ряд особенностей, обряд мог варьироваться. Яма обычно вертикальная, как это видно в погребении M140 в могильнике Кэшэнчжуан (окрестности Сианя, пров. Шэньси). В ряде могил обнаруживаются остатки внутренней деревянной конструкции. Есть и захоронения в подбоях, например, в Даодуньцзы. Иногда внутримогильная конструкция кирпичная, как в Лицзятаоцзы (уезд Тунсин, Нинся-Хуэйский АР). В могильнике Дабаодань вместе с кирпичами использовались камни, в Даодуньцзы и ряде погребений Лицзятаоцзы

конструкция полностью каменная. Основная масса захоронений одиночные, есть парные. Небольшое количество массовых погребений также присутствуют. Широко был распространён обычай принесения в жертву животных. Сопроводительный инвентарь изготавливался из железа (высокие сосуды, треножники, наконечники стрел, гвозди, ножи, бляхи, пряжки, кельты); из бронзы (оружие, ажурные бронзовые кольца, монеты, декорированные бляхи); из керамики (обычно это сосуды с высоким туловом, встречаются с узким и широким горлом); из поделочных камней, кости и рога (ложечковидные застёжки, бляхи, пронизки, ложки, иглы).

Время признания вассалитета и прибытие разных групп сюнну было неодинаковым, потому отличалась и степень оказанного на них китайского влияния. Погребальный обряд сюнну, исключая каменные внутримогильные конструкции, имел целый ряд сходств с ханьским. Если сравнивать с китайскими погребениями с Центральной равнины, то в вассальных государствах ханьские черты, естественно, проявлялись позже. Например, в конце Ранней Хань на территории империи захоронения в ямах с отвесными стенками сокращаются, в то время как в синхронных погребениях могильников Сигоупань и Бутунгоу такой тип могилы преобладает. Захоронения в подбоях из Даодуньцзы сильно отличаются от погребений сюнну из Забайкалья, однако замечательно продолжают традицию культуры Янлан (ранний железный век) из того же региона. Кроме того, в Даодуньцзы и Лицзятаоцзы найдено по одному захоронению с каменным ящиком, вертикальные плиты стоят по краям ямы. Это очень перекликается с культурой плиточных могил. Иногда похожие каменные или кирпично-каменные конструкции встречаются на севере Шэньси, например, на могильниках эпохи Хань Хуцзята (уезд Цзычан городского округа Яньань провинции Шэньси), Чжунвань и др. Также там найдена керамическая серая посуда. Стоит отметить, что проведение полноценного анализа невозможно, так как материал почти не опубликован.

Часто в погребениях сюнну встречаются вещи, выполненные в ханьском стиле (деньги, зеркала, предметы сбруи). Наряду с этим есть и свойственные именно для кочевников вещи: высокие сосуды, наконечники стрел, бляхи с изображением животных в характерной манере, пряжки, кельты, ажурные бронзовые кольца, костяные бляхи, детали лука, ложечковидные застёжки, пронизки, ложки и иглы. В захоронениях, как уже говорилось, много останков жертвенных животных, а также морских раковин.

Погребальный обряд южных сюнну демонстрирует, что в его сложении сыграли свою роль три фактора. *Во-первых*, фактор собственной культуры сюнну, какой она была в ранний державный период, пока китаизация имела малые масштабы. *Во-вторых*, китайский фактор, о котором говорилось выше. *В-третьих*, местный фактор. Например, на могильнике Даодуньцзы распространены захоронения с подбоями. Дело в том, что на территориях Нинся и Ганьсу подбои появляются очень рано, здесь это устойчивая традиция с эпохи бронзы (культура *кайяо*)³⁹⁸. В разные периоды и на различных территориях соотношения вышеописанных компонентов отличается. В эпоху Ранней Хань первый фактор лидировал. Но с началом нашей эры черт сюнну все меньше и меньше. Вместе с тем, всё чаще видны традиционно китайские элементы погребального обряда и свойственные «хуася» предметы инвентаря. Наконец, ко времени сооружения могильника Суньцзячжай (в уезде Датун, пров. Цинхай) о принадлежности к «варварам» говорит только находка печати с упоминанием лояльных сюнну. В остальном обряд и артефакты аналогичны ханьским погребениям из Шаньси. По мере своего подчинения Хань сюнну все более ассимилировались в культурном плане, о чём свидетельствуют погребения. Ещё более утрате национальных черт способствовали переселения отдельных групп сюнну по мере необходимости укрепления тех или иных рубежей.

³⁹⁸ См.: У Энь. Янлан вэньхуа // Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [乌恩。 杨郎文化 // 中国考古学。两周卷] Культура Янлан // Археология Китая. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 542–547.

Существует ещё одна группа памятников, которую некоторые исследователи считают принадлежащими «южным сюнну». (Далее мы будем именовать её памятниками «южных сюнну», используя кавычки ввиду дискуссионности данной привязки.) Сюда относятся: погребение М1 из могильника Чжанлунгэдань (окрестности г. Баотоу, Внутренняя Монголия); значительная часть погребений могильника Саньдуаньди (хошун Отог-Цяньци, Ордос, Внутренняя Монголия); могильник Чжаованьбуфэнь (окрестности г. Баотоу, Внутренняя Монголия), а также могильник Хуанцзята (уезд Суйдэ, провинция Шэньси). Однако в вышеперечисленных некрополях основная масса вещей выполнена в ханьском стиле. Некоторые артефакты имеют характерный для сюнну облик, но их число невелико. Приведем примеры. Типичных для сюнну сосудов немного, один найден в погребении М9 могильника Хуанцзята, также в Чжанлунгэдань найдено несколько фрагментированных сосудов, похожих на посуду из Бутунгоу (Ордос, Внутренняя Монголия). В остальных случаях традиционной для сюнну керамики не найдено. Значительная часть сосудов имеет низкое объёмное тулово и сравнительно широкую горловину. Такая форма в первую очередь характерна для ханьских погребений с конца Ранней Хань (например, могильник Шаогоу около г. Лоян) до самого Троецарствия. Такая китайская по своему происхождению посуда разительно отличается от высоких сосудов сюнну. Это, впрочем, не означает, что два типа керамических изделий не могли сосуществовать. В могильнике Дабаодан (уезд Шэньму провинции Шэньси, КНР), помимо сосудов сюнну, найдены фигурки птиц в традиционном для Хань стиле, курильницы и др. Таким образом, грань между ханьскими погребениями с сюннускими артефактами и захоронениями сюнну, подвергшимися китайскому влиянию, достаточно зыбкая. Так что уверенно говорить, что все вышеописанные памятники оставлены одной общностью, нет оснований.

Что касается изделий из бронзы, то в могильниках из уезда Суйдэ и г. Баотоу почти нет артефактов, декорированных в стиле сюнну. Ажурные

кольца, бляхи в зверином стиле практически исчезают из погребений на раннем этапе Восточной Хань. Например, в поздних погребениях могильника Дабаодан присутствуют китайские монеты, не характерные для сюнну удила, псаии, украшения в виде колокольчиков, обломки зеркал. В этом плане материалы могильников Дабаодань (поздние погребения), Чжаованьбуфэнь, Хуанцзята имеют куда больше общего с захоронениями ханьцев, чем с сюнну.

Железные изделия несут влияние Центральной равнины, при сохранении при этом культурного фактора сюнну. Наиболее ярко китайское влияние видно на железном треножнике из могильника Бутунгоу. В некоторой степени связанными с ханьским веянием являются котлы без ножек, шилья и ножи. Традиционный для сюнну стиль несут кельты, предметы сбруи, бляхи с зооморфными изображениями (например, из могильника Даодуньцзы), железные котлы (например, из могильника Бутунгоу), кольчатые ножи и кинжалы, трёхлопастные наконечники.

Наибольшую самобытность сохранили изделия из кости и рога, особенно ложечковидные застежки, черпаки и поясные пластины. Примечательно, что в могильниках Чжаованьбуфэнь, Хуанцзята и Саньдуаньди данная категория инвентаря почти не представлена. Обнаружены лишь продолговатые костяные стержни, которые могли быть палочками для еды. Они также в небольшом количестве есть в северных ханьских погребениях, где иногда трактуются как счётные палочки. Костяные детали лука на северных территориях империи найдены в погребении M14 могильника Ганьцюань (провинция Шэньси), в погребении M7 могильника Ханьцяо (городской округ Учжун в Нинся-Хуэйском АР), также есть находки недалеко от Лояна. Однако материала очень мало, он весьма разбросан по территории Китая. Сделать выводы о том, к какой традиции скорее тяготеют накладки на лук, достаточно сложно.

Если анализировать могильники «южных сюнну» с точки зрения погребального обряда, то характерной кочевой чертой являются останки жертвенных животных. Нельзя сказать, что этот обычай зародился только при сюнну. Ещё в эпоху бронзы в Ганьсу и Нинся-Хуэйском АР (культура каяо)

распространилась практика захоронения с покойным частей туш убитых в ходе тризны животных. В эпоху раннего железа в Нинся и Внутренней Монголии сформировались культура маоцингоу, янлан и культурная общность таохунбала. Главным образом, жертвенные животные здесь представлены черепами и копытами лошадей, крупного рогатого скота и овец. В некоторых могилах найдены также лопатки мелкого рогатого скота. Хотя количество останков жертвенных животных в Маоцингоу уступает таковым в культурах таохунбала и янлан, но все равно, оно остается внушительным. Например, в Маоцингоу М6 найдено два черепа крупного рогатого скота и 12 черепов овец. На могильнике Дяньцзысян в одном элитном погребении найдено 18 черепов крупного рогатого скота, 4 черепа лошади и 22 черепа овец. Всего 44 черепа жертвенных животных. Как считается, из этой среды и вышли ранние сюнну.

Северный Китай относится к умеренному поясу. Таким образом, здесь в эпоху Хань распространилось и земледелие, и скотоводство. В могильнике Саньдуаньди (хошун Отог-Цяньци, Ордос, Внутренняя Монголия) найдены плоские подвесные чайники (китайская черта). В то же время, распространены останки жертвенных животных. Кроме традиционных для кочевников костей крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, обнаружены характерные для ханьцев останки свиней и кур. Об оседлости также свидетельствуют сосуды для зерна, сосуды, оформленные в виде совы. В погребении М4 могильника Чанмэньпу (уезд Ююй, Шаньси) найден скелет овцы. Там же найдена лакированная шкатулка. Такое сочетание вполне объяснимо. В эпоху Хань торговля между империей и сюнну шла достаточно активно, особенно с той частью кочевников, которая изъявила покорность Китаю. В ходе обмена многие ремесленные изделия могли не раз менять хозяев. Если добавить к этому, что производимое в империи нередко считалось в сюнну роскошью, то станет ясно, что сами по себе находки артефактов, оформленных в ханьском стиле, не могут свидетельствовать о принадлежности к «хуася».

В период Хань обычай захоронения жертвенных животных был распространён не только на севере Китая. Например, такой обряд зафиксирован на памятниках начала Западной Хань в долине реки Вэй (Шэньси); в раннеханьском погребении М4 могильника Янцзявань (городской округ Сяньян, Шэньси). Не только в самой погребальной камере найдены скелеты мелкого рогатого скота – в седьмой жертвенной яме обнаружены кости лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Подобные находки есть и в окрестностях Сианя, где присутствуют и останки собак. Подобное распространение ханьских черт на севере и кочевых элементов на территории Шэньси очень осложняет разделение погребений на «ханьские» и «сюннуские».

Результаты антропологических исследований материалов могильника Хухэусу (хошун Чахар-Юицяньци, Внутренняя Монголия) звучат так: «Усопшие принадлежат к монголоидной расе, ближе всего к её восточной ветви». Материалы из южного Ордоса в эпоху Хань также имеют много общего с населением Центральной равнины. При этом похороненные из могильника Дабаодан (уезд Шэньму провинции Шэньси, КНР) ближе к североазиатскому типу, т.е., в данном случае, к сюнну. Таким образом, получается, что нередко некрополи «хуася» оказывались севернее, чем у сюнну.

Впрочем, это не отменяет того факта, что северные территории в эпоху Хань были в значительной степени зоной расселения сюнну. В действительности культурная ситуация в северном регионе была сложной. Лояльные империи сюнну и ханьцы находились в постоянном контакте, особенно в период Поздней Хань. Влияние китайской культуры было весьма сильным, так что постепенно грань между «варварскими» погребениями и захоронениями «хуася» стала неявной. Вместе с тем, вполне ясно, какие элементы погребального обряда и инвентаря относятся к кочевой традиции, а какие – к имперской.

Погребения ханьцев в северном Китае имеют, как мы рассмотрели, немало сходств с синхронными захоронениями «южных сюнну». Разумеется, классические (ранние) могильники сюнну очень отличаются от ханьских, в том числе и по инвентарю. И в более поздний период, например, в Позднюю Хань, именно вещевой комплекс является отличительной чертой сюнну. Однако с течением времени «умиротворённые» сюнну всё больше смешивались с поселенцами из империи. Кочевники принимали черты погребального обряда, характерного для Центральной равнины, использовали изделия ханьских ремесленников. «Хуася» северного региона нередко забивали скот на могилах, клали в погребения полученные в ходе обмена у кочевников вещи. Так что получить непротиворечивые данные об этнической принадлежности усопших только на основе археологических данных практически невозможно, если мы говорим о памятниках конца I в. до н. э. – III в. н. э.

§2.6.3. Общность Сяньби³⁹⁹

Колоссальную роль в становлении Великого Шёлкового пути было суждено сыграть общности сяньби, которая, также как сюнну, очевидно, вышла из «скифоидного» (с точки зрения археологических артефактов) населения Северного Китая. Именно протомонголы-сяньбэйцы (главным образом, представители ветви *тоба*) создадут в раннее средневековье империи (Тоба-Вэй, Северная Чжоу, Суй и Тан), являвшиеся важнейшими центрами восточной части ВШП. Как уже говорилось выше, автор весьма осторожно относится к попыткам «безапелляционного» сопоставления этносов и археологических культур, однако принадлежность *дунху*, частью которых были сяньби, к кругу ранних кочевников Евразии сомнений не вызывает. В раннем железном веке (эпоха Чжоу по китайской традиции) и гунно-

³⁹⁹ Автор считает синонимичными варианты чтения иероглифов 鲜卑 – древний «сяньби» и современный «сяньбэй», используя их параллельно.

сарматское время (Цинь и Хань) сяньбэйцы часто находились в тени сюнну, однако постепенно расстановка сил менялась в пользу протомонголов.

Сяньбийские материалы эпохи Восточная Хань и Цзинь в Китае, в основном, сконцентрированы на востоке и в центре Внутренней Монголии, на западе пров. Ляонин, севере провинций Хэбэй и Шаньси. Надо сказать, что не все археологические объекты могли быть оставлены собственно сяньби. Некоторые памятники содержат материалы народов, которые так или иначе входили в союз во главе с сяньби. На нынешнем уровне исследований достаточно трудно разделить две вышеуказанные группы. Поскольку материальная культура сяньби и их сателлитов достаточно близка, то на уровне археологии общее наименование вполне обосновано. Абсолютная датировка памятников сяньби возможна при обнаружении артефактов, изготовленных на Центральной равнине Китая. В противном случае приходится полагаться на относительную хронологию, что порождает определенную неточность.

Во-первых, при датировке чрезмерным является внимание к керамике в ущерб металлическим изделиям, в т.ч. поясной фурнитуре и конской упряжи. Такая ситуация характерна для всего северо-восточного региона. Период от Восточной Хань до Цзинь (25 –420 гг. н.э.) характеризовался широким распространением на северных территориях простой по форме керамики с ощутимым содержанием песка. Форма сосудов трансформируется очень медленно. Например, характерные для сяньби горшки с широкой горловиной почти не претерпели изменений за вышеуказанные 400 лет. В то же время далеко не везде есть находки с Центральной равнины, которые дают абсолютную дату. Словом, упор на керамику либо дает очень большие временные промежутки, либо и вовсе приводит к ошибкам.

Во-вторых, что касается бронзовых (или железных) сосудов фу с широкой горловиной, их эволюция пока еще не до конца изучена, та же ситуация с редкими находками орудий производства. Иногда сосуды фу, изготовленные еще в Хань относят к Вэй или даже Цзинь. Примером этого может служить

погребения возле металлургического завода в Хух-Хото и на памятнике Эрлибань.

В-третьих, хотя изделия с Центральной равнины достаточно сильно распространялись на территории сяньби, зачастую тут бытовали ранние формы. Так что может сложиться традиция к удревнению памятников сяньби. Это хорошо иллюстрируется находками с могильников Шаньцзябао и Дундацзин. Данные могильники расположены в близко прилегающих к Центральной равнине регионах юга Внутренней Монголии и пров. Шаньси. Так что здесь мы видим бронзовые зеркала и монеты «учжу», керамика из теста, характерного для Центральной равнины. Монеты «учжу» характерны для второй половины эпохи Восточная Хань, тем не менее, не редки они и в эпохи Троецарствия и Цзинь. В районе Великой стены бронзовые зеркала в погребениях сяньби в основном фрагментированы. Скорее всего, погребальные зеркала и другие категории инвентаря специально изготавливались для погребения, не будучи имуществом усопшего при жизни. Таким образом, мы не можем делать точный вывод о том, что время создания монет или зеркал совпадает с временем создания захоронения. С керамикой, выполненной из характерного для Центральной равнины теста, та же ситуация. Например, формы сосудов, которые очень часты в эпоху Восточная Хань, могут быть найдены даже в погребениях эпохи Цзинь. К этому еще примешивается проблема хронологической привязки артефактов Восточной Хань, Вэй и Цзинь.

Что касается письменных источников, то в поздний период правления ханьского Шунь-ди, палатки воинов вождя сяньби Таньшихуая находились в 300 ли от севера Гаолю (ныне окрестность Чахар-Юйхоуци – юг центральной части Внутренней Монголии).

Стоит особо отметить⁴⁰⁰, что на данный момент у нас есть свидетельства того, что на северо-востоке Китая до III в. н.э. проживали группы с явными

⁴⁰⁰ В первую очередь, доказывая условность «этнонимов» даже по отношению к общностям раннего средневековья.

европеоидными признаками. При этом важно отметить, что в источниках того времени всё население того региона относили к сяньбэй. В описании этой общности не редки упоминания черт, свойственных европеоидам. Приведём примеры. В историческом сочинении пер. пол. V в. н.э. за авторством Лю Ицина «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» (世说新语), в главе 27 («Цзяцзюэ», 假譎, примерный перевод – «коварство и крючкотворство») влиятельный полководец, впоследствии возглавивший мятеж 322–324 гг., Ван Дунь (266–324 гг.), говорит о цзиньском Мин-ди (правил Восточной Цзинь в 323–325 гг.): «желтоусый сяньбэйский раб» (黄须鲜卑奴). В историческом произведении «Сад удивительного» (异苑, «М юань»), написанном Лю Цзиншу (жил в пер. пол. V в. н.э.) тот же Ван Дунь называет ненавистного ему императора «желтоголовым сяньбэйским рабом», добавляя, что «мать императора из рода Сюнь происходит из земель Янь, потому и он имеет такую наружность».

Сяньбэйцы Раннего Янь (348–370 гг., одно из 16 варварских государств, возникших в IV веке — первой половине V века после падения династии Западная Цзинь на территории Северного Китая; основатель – Мужун Хуэй 慕容皝, вождь сяньбэйского племени мужун) в основном происходили из четырёх волн миграции. Первая может быть датирована втор. пол. I в. н.э., и относится еще к эпохе Хань. Вторая относится к пер. пол. II в. н.э., и составлялась «племенем» юйвэнь (宇文). Третья волна была представлена мужунами (慕容, как мы видим, именно их представитель создал династию Янь), совпадая с периодом Троецарствия (Цао-Вэй на севере Китая, пер. пол. III в. н.э.). К четвёртой волне можно отнести отдельные более мелкие группы сяньбэйского населения, проникавшие на север Китая начиная с сер. III в. н.э.

Согласно принятой точке зрения, сяньбэйцы, как уже говорилось, являлись одной из ветвей дунху. Под давлением сюнну они были вынуждены уйти в т.н. «Сяньбэйские горы» (鲜卑山, пока данный топоним не вполне чётко определяется, некоторыми исследователями локализуется в современном

хошуне Хорчин-Юичжунци аймака Хинган АР Внутренняя Монголия, более экзотический вариант – к северу от совр. г. Иркутск). В описании 22 г. под девизом правления Цзяньу (эпоха Восточная Хань, император Гуань-ди, 46 г. н.э.) есть такие строки: «Во время внутреннего мятежа в государстве сюнну, ухуани, воспользовавшись ситуацией, смогли одержать ряд побед, отбросив сюнну на несколько тысяч ли на север. После этого юг Пустыни [имеется ввиду Гоби – прим. Д.Ш.] опустел». Сяньбэй начинают расселяться всё шире. В комментариях Пэй Сунчжи к «Записям о Трёх царствах» (официальные исторические хроники периода Троецарствия, автор Чэнь Шоу, живший в 233–297 гг. н.э.) в тридцатом разделе под названием «Описание ухуаней-сяньбэйцев» (乌丸鲜卑传) цитируется отрывок из «Истории Вэй»: сяньбэйцы «на востоке доходят до Ляошуй, а на западе – до Сичэна». Такая локализация показывает, что ареал сяньбэй, относительно эпохи владычества сюнну, сместился южнее (Ляошуй – старое название р. Ляохэ, протекающей на территории современных провинций Ляонин и Цзилинь; ханьский уезд Сичэн примерно совпадал с нынешним городским округом Анькан в провинции Шэньси). Во времена правления под девизом Юнпин (58–75 гг. н.э., император Мин-ди, эпоха Восточная Хань) сяньбэйцы различных ветвей расселялись от Дуньхуана в Ганьсу до Ляодунского полуострова⁴⁰¹. Мы видим, что за несколько десятилетий I в. н.э. сяньбэйцы из неких одноименных гор переместились значительно южнее, заняв земли, составляющие север современной КНР. Подтверждение этому мы видим и в ряде мест упомянутой выше «Истории Вэй». Так, в том числе, закладывалась основа для будущего раннесредневекового государства Янь.

Расовая принадлежность сяньбэй обычно определяется как монголоидная. Языковая принадлежность куда более дискуссионна. Определённую информацию по этому поводу мы можем почерпнуть из письменных

⁴⁰¹ См.: Чэнь Биньин. Гудай миньцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 85–87.

источников. В сто восьмом разделе («Записи о Мужун Хуэе» 慕容廆载记) «Истории династии Цзинь» (составлена Фан Сюаньлином в 648 г. н.э.) говорится о том, что сяньбэйцы и родственные им народы группы дунху ведут свое происхождение от легендарного Ю Сюнши (зачастую отождествляется с легендарным Хуанди («Жёлтым императором»). В энциклопедии втор. пол. X в. н.э. «Тайпин Юйлань» в 121 разделе цитируется труд северовэйского историка Цуй Хуна – «Вёсны и осени шестнадцати государств» в той его части, которая повествует о Ранней Янь: «Когда один из пяти совершенномудрых государей прошлого двигался вдоль морского воль берега, его младший сын устал и остался править северными варварами [北夷]. Они и по сей день живут слева от Ляо [очевидно, имеется ввиду Ляодунский полуостров и бассейн реки Ляохэ] и именуются дунху»⁴⁰². Естественно, приведённые свидетельства являются не более чем частью мифологизированной истории. Но присутствие общего легендарного предка показывает, что ханьцы и народы группы дунху (сяньбэй, мужуны, ухуани и др.) внешне были похожи, во всяком случае, относились к одному антропологическому типу. Это же доказывают данные раскопок. В китайской науке есть мнение о том, что наиболее ранние предки дунху оставили т.н. культуру верхнего слоя Сяцзядянь. Изучив черепа из погребений этой археологической культуры, видный исследователь Чжу Хун сделал вывод о том, что большая часть усопших имела восточноазиатский облик с незначительными североазиатскими примесями. Подобные выводы, исходя из имеющегося материала, особых возражений в научном сообществе не вызывают.

Ареал обитания динлинов, о которых как о носителях европеоидности в Северном Китае часто пишут в отечественной науке, китайские исследователи обычно соотносят с байкальским регионом. Подтверждается это сообщениями из разделов о сюнну Исторических записок Сыма Цяня («史记·匈奴列传») и

⁴⁰² См.: Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. С. 10–11.

«Истории Хань» Бань Гу («汉书·匈奴传»), где сообщается, что в результате походов на север шаньюй Модэ покорил динлинов, часть из которых, попав в зависимость, впоследствии переселилась на юг. Кроме этого, в пятьдесят четвёртом разделе «Истории Хань», повествующем о жизни полководца Ли Лина (李陵传), сообщается, что шаньюй пожаловал знатному сюнну по имени Вэй Люй во владение должность правителя динлинов (卫律为丁零王). Комментатор Янь Шигу (581–645 гг.) добавляет: «Динлины это еще один варварский [ху] народ. Этого человека поставили их царём и хозяином». В описании жизни видного ханьского дипломата и государственного деятеля Су У («汉书·苏武传») приводится речь Вэй Люя к Су У, в которой подданный шаньюя сообщает, что сам происходит из ханьских владений, которые покинул, чтоб присоединиться к сюнну, правитель которых принял его очень ласково, осыпал милостями, дал под начало Вэй Люя десятки тысяч людей, табуны лошадей, земли и титул вана. Очевидно, имеется ввиду именно передача земель динлинов в управление. При этом есть и упоминания о том, что Вэй Люй часто находился подле шаньюя, а не в районе Байкала. Косвенно это указывает на известный из других источников факт, что заметная часть динлинов (как минимум, тысячи семей) переселились внутри державы сюнну на юг. В тридцатом разделе «Записей о трёх царствах» Пэй Сунчжи цитирует раздел о западных жунах из «Краткой истории династии Вэй» (魏略·西戎传), где сообщается, что наименования *цзылу* и *сюнну* связаны меж собой уже тем, что в обоих случаях присутствует иероглиф со значением «раб». В случае с сюнну это собственно «奴», т.е. раб. В слове «цзылу» же используется более специфический знак, «𡵚» («цзы»), так называли неполноправное население, часто из беглых, в северной зоне Хань; «цзы» часто смешивались с северными инородцами). Далее источник повествует, что о время военных действий, [особенно] когда сюнну были слабы и разделены, их рабы бежали в Цзиньчэн, Увэй, Цзюцюань (совр. Ганьсу) и другие районы, где самостоятельно вели хозяйство, в т.ч. пасли скот, иногда совершая набеги на Лянчжоу (также совр.

Ганьсу)⁴⁰³. Среди эти отложившихся от шаньюя бывших подданных есть те, кого называют *даху*, есть и *динлины*. Очевидно, вышеприведённая информация, что после миграции на юг часть динлинов, освободившись от сюнну, двинулась на запад. Также было бы логично признать, что все перемещения от Байкала до Ганьсу совершались динлинами вынужденно, либо напрямую по приказу шаньюя, либо с целью уйти из державы сюнну.

В «Записях о Трёх царствах» в «Книге Вэй» (раздел об императоре Мин-ди) (三国志·魏书·明帝叡) говорится о том, что на четвертый месяц пятого года под девизом правления Тайхэ⁴⁰⁴ вэйского императора Мин-ди, благородный и знатный сяньбийский правитель Кэбинэн вместе с вождями динлинов совершил жертвоприношение лошади в Ючжоу (север совр. провинции Хэбэй и северо-запад провинции Ляонин) (魏明帝太和五年四月, 鲜卑附义王軻比能率其种人及丁零大人儿禅诣幽州贡名马). Это явно показывает, что динлины были «обыденным явлением» в Северном Китае во времена Кэбинэна (ум. в 235 г. н.э.), в том числе, в составе сяньбийского войска. По письменным источникам нам известно, что в те же годы, на начальном этапе существования государства Цао-Вэй (т.е. в 230-х гг. н.э.) сяньби массово переселились в регион Ляоси (территория к западу от р. Ляохэ, зап. часть совр. провинции Ляонин, прилегающая к Хэбэю). В «Хоу Ханьшу» в разделе «Описание ухуаней-сяньбэйцев» (乌丸鲜卑传) говорится следующее: «И, узурпировав трон, Ван Ман решил ударить по сюнну. Было поднято двенадцать армий, в том числе ухуани на востоке, а также военные поселенцы из динлинов из области Дай» (及王莽篡位, 欲击匈奴, 兴十二部军, 使东域将严尤领乌桓、丁令兵屯代郡). Напомним, что область Дай (ныне это приграничный район провинций Шаньси, Хэбэй и Внутренней Монголии) отчасти совпадала с

⁴⁰³ См.: Ян Цзюнь. Сяньбэй жэнь чжун байчжунжэнь лайюанькао [杨军. 鲜卑人中白种人来源考 // 辽宁师范大学学报(社会科学版). 第 30 卷第 6 期 2007 年 11 月] Исследование источников, повествующих о европеоидах среди сяньби // Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition). 2007. №6. С. 108–111.

⁴⁰⁴ 231 г. н.э.

вышеуказанным топонимом Ючжоу. Таким образом, можно констатировать, что динлины жили здесь во времена династии Ван Мана (Синь, 9–23 гг. н.э.). Логично предположить, что динлины на территории Северного Китая смешивались с сяньби, в том числе, с мужунами.

Во времена основателя сяньбэйской державы, Таньшихуая (141–181 гг. н.э.), как сообщают «Комментарии Пай Сунчжи к Записям о Трёх государствах», обстановка была следующая: «На юге [держава сяньби] тревожила рубежи Хань, на севере отбивала динлинов, на востоке столкнулась с Пуё, а на западе – с усунями. Эта территория, прежде занятая сюнну, имела 12 000 ли с запада на восток, а с севера на юг – 7000 ли». Видимо, в этом фрагменте, который был написан куда позже описываемых событий (Пай Сунчжи жил в 372–451 гг.) имеется ввиду северная прародина динлинов, тем более в контексте сравнения державы сяньби с сюнну в пору великодержавия⁴⁰⁵.

Так или иначе, динлины (как минимум, те, которые жили в Китае) попали в состав государств сяньби. Когда одна из ветвей сяньби, *тоба*, создали большую империю в Северном Китае и прилегающих районах, потомки динлинов, называемые в ряде источников также гаоцзюй (高车, досл. «высокие телеги» или «крытые повозки», также вариант прочтения *гаочэ*), вошли в её состав. В «Истории Северных династий» (北史, описывает период с 386 г. до 618 г., авторы Ли Даши и его сын Ли Яньшоу, жившие в пер. пол. VII в. н.э.) есть целый раздел о *гаоцзюй*, в котором сообщается, в том числе, следующее: «во времена правления Даоу⁴⁰⁶ среди множества рассеянных племён были дикие гаоцзюй, не желавшие никому служить, и потому

⁴⁰⁵ См.: Чэнь Биньин. Гудай миньцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 86–87.

⁴⁰⁶ Государь китайско-сяньбэйского государства Северная Вэй, правивший в ранге императора в 386 – 409 гг. н.э.

пребывавшие в изоляции» (道武时, 分散诸部, 唯高车以类粗犷, 不任使役, 故得别为部落).

В разделе «Вэй шу» (за авторство Вэй Шоу, жившего в 506-572 гг.), именуемом «О родословных чиновников» (官氏志) о видных семействах в государстве Северная Вэй говорится: «Есть шесть фамилий, ведущих свой род от сюнну, и столько же, происходящих от динлинов, жужаньских фамилии три, девять фамилий происходят от ухуаней и иных восточных племён, и еще семь фамилий принадлежат к остальным народам востока и запада»⁴⁰⁷.

Таким образом, информация о европеоидах (или людях смешанного расового типа) в Северном Китае прежде всего относится к сяньбийской периоду и даже более поздним этапам развития Поднебесной в раннее средневековье. Носителями европеоидности, очевидно, были динлины, переселившиеся южнее исконных мест проживания под влиянием завоевавших их сюнну⁴⁰⁸, а затем мигрировавшие восточнее из-за мужунов. После окончательного крушения державы сюнну и ухода их части за пределы китайской ойкумены на запад, гегемонами в Северном Китае стали именно сяньби. Неудивительно, что оставшиеся в пределах их державы динлины (равно как и сюнну) постепенно ассимилировались. При этом знать, как мы видим из нарративных источников, иногда помнила о своих динлинских или хуннских корнях. Потому нет ничего невероятного в том, что европеоидные черты (например, нехарактерный для монголоидов цвет волос и усов) вполне могли проявляться в том числе и у сяньбэйских правителей IV в. н.э.

Но, на основании рассмотренных письменных источников мы можем заключить, что с полной уверенностью о динлинах мы можем говорить не

⁴⁰⁷ Ян Цзюнь. Сяньбэй жэнь чжун байчжунжэнь лайюанькао [杨军. 鲜卑人中白种人来源考 // 辽宁师范大学学报(社会科学版). 第 30 卷第 6 期 2007 年 11 月] Исследование источников, повествующих о европеоидах среди сяньби // Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition). 2007. №6. С. 108–111.

⁴⁰⁸ См.: Чэнь Бинъин. Гудай миныйцу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 65.

ранее гунно-сарматского времени (первое упоминание было сделано в «Исторических записках» в связи с шаньюем Модэ). Их инфильтрация в монголидный субстрат Северного Китая произошла из-за становления державы сюнну и последующих политических изменений к северу от Великой стены. Все попытки говорить о динлинах в период раннего железного века могут восприниматься только как чисто гипотетические построения. Разумеется, умозрительно можно помещать прародину динлинов в любую часть Сибири, пытаясь связать этнос с конкретной археологической культурой, однако правдоподобие таких «реконструкций», как уже утверждалось на примере других культур вызывает целый ряд вопросов. Ровно также наличие европеоидной примеси у сяньби показывает герерогенный характер кочевых государств, в которых этничности в привычном нам виде не существовало, а вечная готовность к межкультурным контактам создавала благодатную почву для формирования сложных форм хозяйственной, политической и культурной коммуникации.

Таким образом, втор. пол. I тыс. до н.э. стала в Восточной Азии временем формирования, с одной стороны, первых централизованных империй Китая (Цинь и Хань), а с другой – эпохой активного развития «северных кочевников», которые в конце раннего железного века сформировали ряд политических образований (сюнну, сяньби, юэчжи). Эти два мира (ханьский и кочевой) не были изолированы друг от друга, но находились в теснейшем контакте, на что явно указывают, в числе прочего, описанные выше феномены царства Чжуншань, проникновение «скифоидных звериных образов» на юг Поднебесной или культура северных китайских поселенцев. Взаимное проникновение культур и одновременное усиление централизованных государств (и, следовательно, мощный рост экономического потенциала) создавали предпосылки для сложения грандиозного торгового пути, который впоследствии назовут Шёлковым.

Глава 3. История развития Великого Шёлкового пути

В рамках настоящей главы автор попытается выделить основные движущие силы, приведшие в последние века I тыс. до н.э. к формированию Великого Шёлкового пути. Разумеется, мы не претендуем на то, что опишем все перипетии развития столь важной трансконтинентальной магистрали. Но на основании нарративных, эпиграфических и, разумеется, археологических источников⁴⁰⁹ мы покажем, на наш взгляд, непротиворечивую картину того, когда и при каких обстоятельствах на просторах Евразии возник Великий Шёлковый путь.

Раздел 3.1. Кочевой мир, Греко-Бактрийское царство и Китай: этнокультурная ситуация на юге Центральной Азии в III–II вв. до н. э.

Сложение Великого Шёлкового пути было длительным и комплексным процессом. В нём важную роль играли как отдельные личности, так и целые народы. На уровне личностей сделать шаг к сопряжению Востока и Запада удалось двум владыкам, жизни которых разделяли два столетия, – Александру

⁴⁰⁹ Без использования археологических находок на данный момент невозможно выстроить обоснованное суждение о возникновении Великого Шёлкового пути, ведь письменные источники охватывают далеко не все регионы, в него входящие. Потому важную роль в нашем исследовании играет понятие археологической культуры, которая понимается как совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты. При этом авторы считают весьма условной возможность сопоставления археологических культур Южной Сибири и Северного Китая с «этнонимами» и политонимами древнекитайских письменных источников. Это распространённый подход при изучении ранних номадов Азии (См.: *Иванов С.С.* К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье // *Stratum plus: Археология и культурная антропология*. 2016. №3. С. 67–75) и Европы (См.: *Скрипкин А.С.* Гибель Скифии. Сарматский фактор // *Stratum plus: Археология и культурная антропология*. 2016. №3. С. 17–31). В силу особенностей источниковой базы, авторам чаще приходится полагаться на относительную, а не абсолютную хронологию. Впрочем, наработки китайской и отечественной школ археологии (См.: *Хельмут-Крамберггер А.* Хронология и распространение золотых нашивных бляшек в раннескифское время (VIII–VII вв. до н. э.) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. №3. С. 143–166) позволяют датировать артефакты в комплексах с точностью до десятилетий (при наличии хронологических маркёров).

Македонскому (356–323 гг. до н. э.) и императору У-ди (156–87 гг. до н. э.). Александр не только завоевал всю Персидскую империю, но и совершал походы за ее пределы. Несмотря на то, что империя распалась после его внезапной смерти в 323 до н. э. и была разделена на несколько государств диадохов⁴¹⁰, характер греческого правления на Востоке особенно не изменился. Греческая культура распространилась не только по территории империи, но и за ее пределами, что способствовало слиянию восточной⁴¹¹ и греческой культур.

В то время между Индией и Западом существовало три основных торговых маршрута. *Во-первых*, среднеазиатский, когда с севера товары перевозились через Бактрию, затем по Амударье в Аральское море, а оттуда караванами до Черного моря. *Во-вторых*, центральный путь, который имел два варианта: один вел от западной Индии до Персидского залива морем, затем поднимался по реке Тигр до Селевкии, одной из столиц Архэ Селевкидов; другой проходил по суше, через Гиндукуш в Бактру в современном Афганистане, пересекал иранское плато и спускался в тот же город Селевкия. Отсюда дорога шла на запад через Сирийскую пустыню в Антиохию, другую столицу Селевкидов. Затем ветви пути поворачивали на запад (с ответвлениями на юго- и северо-запад) к финикийскому побережью, через Малую Азию и, наконец, достигали Эфеса в Эгейском море. *В-третьих*, южный морской путь, который вел к Красному морю. Из района современной Акабы наземная дорога шла на север в Петру, Дамаск и Антиохию. Приведенный Птолемеем Филадельфом в судоходное состояние Суэцкий канал позволил перевозить индийские товары через Нил в Александрию.

⁴¹⁰ См.: Ефремов Н.В. Dynasteia sacrosancta: к вопросу о династической идентичности карийских Гекатомнидов // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №6. С. 17–20.

⁴¹¹ См.: Франкфор А.П. Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2002. № 4 (12). С. 62–66; Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории Древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. № 3 (19). С. 99–104.

Муссонные течения Индийского океана сделали морской путь более безопасным и удобным⁴¹².

Эти три направления более или менее совпадали с более поздними маршрутами западной части Шелкового пути. Только один участок пути будущего Шёлкового пути пока не был изведен (маршрут от коридора Хэси до Памира).

Политическая и культурная ситуация в восточном эллинистическом мире сильно изменилась за два столетия после завоевания Александра Македонского⁴¹³. Уже в середине III в. до н. э. правитель Бактрии объявил свою независимость от Селевкидов. После этого парфяне также восстали и основали свое царство. В начале II в. до н. э. бактрийские греки расширили свои владения на северо-западе Индии. Впрочем, с середины II в. до н.э. мы видим отступление греков из Средней Азии под мощным давлением парфян и кочевников с севера. Греко-бактрийские и индо-греческие правители (сперва как сатрапы Селевкидов, а затем и как цари) были главной социально-культурной и военной силой в Бактрии, Согдиане и Северо-западной Индии уже во времена правления усиления и победы династии Цинь при Инь Чжэне (259–210 до н. э.). При этом расстояние между Ферганой, где жили греко-бактрийцы, и Цинь превышало 3000 км, а прямых контактов между ними не было.

Изначально восточно-эллинистические государства из кочевников соседствовали лишь с саками, которые до того были вассалами персов⁴¹⁴. Саки, естественно, не были просто «ордой варваров», обладали достаточно

⁴¹² См.: *Christopoulos L.* Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. Карта 3–2.

⁴¹³ См.: *Бородовский А.П.* Золотое изделие эпохи эллинизма из Зеравшана (Узбекистан) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2017. Т. 45. № 2. С. 108.

⁴¹⁴ См.: *Амиров Е.Ш. Сейткалиев М.К.* Находка ахеменидской мебельной фурнитуры в сакском погребении Семиречья // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2017. №3. С. 329–334.

развитым искусством⁴¹⁵ и вооружением⁴¹⁶, осуществляя связь между Передней Азией и Южной Сибирью⁴¹⁷.

Александр не смог покорить саков, но они сотрудничали с греческими правителями Азии. Согласно Страбону, греческий правитель Бактрии (Евтидем) во II в. до н. э. расширил свою державу до «серов и фринов»⁴¹⁸. В то время земля Сереса, очевидно, рассматривалась народами как регион, обладающий шелком, а не как собственно имперский Китай династии Хань. Несмотря на оторванность от Эллады, потомки воинов и колонистов Александра сумели сохранить свои традиции градостроительства и совместной жизни⁴¹⁹. За время правления эллинов было создано более трёхсот поселений на Востоке. Среди них 19 городов были в Бактрии и 27 в Индии. Существование этих центров было подтверждено открытием греко-бактрийского города Ай-Ханум в Афганистане в 1960-х гг. Анализ архитектурного решения Ай-Ханум показывает, что по крайней мере некоторые города и поселки региона имели греческие черты. Греческая скульптура, коринфские колонны, монеты, гимнастический зал, театр и греческая запись афоризмов и философских текстов, подтверждают существование греческого города, который находился в 5000 км от Балканской Греции⁴²⁰. Путешествуя по этим городам и поселкам, пусть даже переживающим упадок вследствие вторжения номадов, Чжан Цянь, вероятно, осознавал величие эллинистической культуры, и, вместе с тем, отличие ее от китайской. В этих регионах выращивали не только злаки, но и виноградную

⁴¹⁵ См.: Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2015. №3. С. 101–119.

⁴¹⁶ См.: Иванов С.С. Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2014. №3. С. 283–289.

⁴¹⁷ См.: Шульга П.И. Этнокультурная ситуация на востоке скифского мира в III в. до н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №3. С. 90–91.

⁴¹⁸ См.: Страбон. География. М.: Наука, 1964. С. 488.

⁴¹⁹ См.: Тихонов Р.В. Греческие типы в эллинистической керамике Бактрии // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2012. №3. С. 275–289.

⁴²⁰ См.: Yang Juping. Alexander the Great and the Emergence of the Silk Road // *The Silk Road*. Vol. 6. №2. 2009. Рис. 4, 5.

лозу, из которой делали хорошее вино. Согласно рассказу Страбона, греки были первыми, кто привнес виноделие в Западную и Среднюю Азию. Земля Арианы (граница с Бактрией) была «отменным производителем вина, которое хорошо хранится в течение трёх поколений в несмолёных сосудах...»⁴²¹. Подобные же сведения можно найти и в Шицзи. Сообщается, что вино было одним из особых продуктов Парфии, Давань и других областей. Виноделие было настолько продуктивным, что богатые люди даже хранили более десяти тысяч дан (примерно 300 000 л), а вино сохранилось в течение нескольких десятилетий. Сходство между свидетельствами Страбона и Сыма Цяня является не совпадением, а реальным отражением развития виноделия в этих землях. С возвращением Чжан Цяня в Центральном Китае впервые появилось виноделие. Греческое название винограда, βότρυς (botrus), возможно, было транслитерировано на китайский как putao (蒲陶)⁴²².

Страбон писал, что некоторые части Сереса и Фрини (одна из возможных локализаций топонима примерно соответствует современному Непалу), были захвачены греко-бактрийцами: «греки, спровоцировавшие восстание в Бактрии, стали настолько мощными благодаря плодородию их земель, что стали хозяевами не только Арианы, но и Индии. Они подчинили себе больше племён, чем Александр Македонский. Некоторые племена покорила лично Менандр, а другие – Деметрий, сын Евтидема, царя бактрийцев (...) Более того, они расширили свою державу до пределов Сереса и Фрини»⁴²³.

Несмотря на то, что греки и китайцы были уже не так далеки друг от друга (во всяком случае, и те и другие находились в границах западных регионов современной КНР) был необходим импульс, который сделает их историю непосредственно связанной друг с другом. Иными словами, нужно было

⁴²¹ См.: *Страбон*. География. М.: Наука, 1964. С. 486.

⁴²² См.: *Yang Juping*. Alexander the Great and the Emergence of the Silk Road // *The Silk Road*. Vol. 6. №2. 2009. P. 19.

⁴²³ См.: *Christopoulos L*. Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 8.

пройти маршрут от коридора Хэси (Ганьсу) до Памира. Таковым, очевидно, выступило переселение юэчжей. Поговорим об их происхождении.

В разделе «Жизнеописания Давань» «Исторических записок Сыма Цяня» сообщается: «Большие юэчжи живут в двух-трёх тысячах ли к западу от Давань, к северу от р. Гуйшуй⁴²⁴; на юге от них лежит Бактрия, на западе – Парфия, на севере – Кангюй; они кочевники, путешествуют со стадами, обычаи их сходны с сюнну, всего могут выставить десять-двадцать тысяч лучников. В дни своего могущества юэчжи не заметили усиления сюнну. Потому Модэ сокрушил юэчжей. Правитель их был убит и из его черепа шаньюй изготовил чашу для питья. Сперва юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянem⁴²⁵, однако после понесённого от сюнну поражения вынуждены были уйти далеко, (...) достигли Бактрии, с которой начали войну. Резиденция правителя у них располагается к северу от Гуйшуй. Та же меньшая часть, которая не смогла покинуть исконных территорий ... названа малыми юэчжами». Это фрагмент чётко повествует нам о переселении юэчжей с территории Западного Китая (Ганьсу) в Среднюю Азию. В то же время из лапидарности данного сообщения проистекает целый ряд исторических вопросов (главная причина – удалённость больших юэчжей от Китая в период жизни Сыма Цяня, следовательно – довольно скудные сведения о них). Мы должны также учитывать, что китайские «летописцы» не были историками или этнографами в современном понимании этого слова. Их интерес обычно лежал в описании полезной для текущих международных отношений информации той или иной степени давности.

К счастью для современных исследователей, «Хань шу» содержит более пространное описание исторического пути юэчжей. Данный нарративных источник подтверждает тот факт, что изначальный ареал юэчжей находился между Дуньхуаном и Цилянem, и во втор. пол. III в. до н.э., когда активно происходило объединение Китая, юэчжи были очень могущественны в

⁴²⁴ Устаревшее китайское название р. Амударья

⁴²⁵ Т.е. в западной части совр. провинции Ганьсу.

регионе. Об этом повествует поэтичная строчка «当是之时，东胡强而月氏盛», которую примерно можно перевести как «в ту пору дунху были сильны, а юэчжи обильны». К концу III в. до н.э. юэчжи смогли нанести поражение сюнну, вынудив шаньюя Туманя признать свою зависимость и послать в заложники сына. Также юэчжи разбили усуней, убили их правителя Наньдоуми, отняли земли, а оставшихся заставили бежать с исконных земель, а том числе к сюнну. Однако ситуация сильно изменилась в связи с приходом к власти у сюнну Модэ (209–174 гг. до н.э.). Между юэчжами и войсками нового шаньюя разгорелась война за коридор Хэси и территории, ныне составляющие запад АР Внутренняя Монголия. Только около 175 г. до н.э. сюнну смогли окончательно одержать верх, заставив юэчжей уйти на запад, в район р. Или. Этих «мигрантов» нарекли «Большими юэчжами». Впрочем, на этом злоключения не закончились. Правитель усуней, Куньмо (есть мнение, например, у Е. Кычанова, что это скорее титул, чем имя собственное), мстя за погибшего отца, удачно напал на беглецов. В итоге юэчжи, увлекая за собой часть обитавших в бассейне Амударьи саков, двинулись еще дальше на юго-запад. Здесь под их натиском пало Греко-Бактрийское царство, располагавшееся, говоря современными категориями, вокруг границы Афганистана с постсоветскими республиками. Итогом этих событий стало появление на рубеже эр Кушанской державы, которая сохраняла своё могущества в I–III вв. н.э. Помимо прочего, эта империя весьма способствовала распространению буддизма в Азии, в том числе характерной гандхарской скульптурной традиции, о чем будет сказано ниже.

Постепенно сюнну расправились со всеми конкурентами к северу от Центральной равнины Китая, вступив в противостояние с империей Хань. Один из пиков этой борьбы стало время правления императора У-ди (156–87 гг. до н.э.). Желая окончательно ликвидировать угрозу со стороны хунну, этот государь послал делегацию во главе с Чжан Цяном к ушедшим на запад юэчжам.

В то же время, на в южной части гор Циляншань, среди живших здесь цянов, оставалась сравнительно небольшая группа юэчжей, именуемая «малыми». Когда уже упоминавшийся У-ди одолел сюнну, он создал в районе коридора Хэси четыре округа. В результате этого, многие из «малых юэчжей», очевидно, более не опасаясь сюнну, переехали сюда, в долину реки Хуаншуй. В районе современного уезда Юндэн (в городском округе Ланьчжоу, пров. Ганьсу) был основан один из центров, жителей которого стали называть «Хуанчжунские юэчжи» (湟中月氏). Еще одна группа из числа «малых юэчжей» обосновалась в районе городского округа Чжанье пров. Ганьсу, быстро смешавшись с китайскими поселенцами и приняв присягу династии Хань. Они известны как «Ицун ху» (义从胡, досл. «варвары-добровольцы»), которые довольно быстро были ассимилированы.

Что касается этнической, языковой и расовой принадлежности юэчжей, то здесь среди исследователей единого мнения нет. И, отчасти, это происходит от неопределённости источников. Например, есть мнение как о европеоидности, так и монголоидности юэчжей. С этнокультурной точки зрения, юэчжей в разных работах считали родственными цянам, жунам, тюркам⁴²⁶, сюнну, восточным и, сакам, массагетам, тохарам, выдвигались и иные версии. Ниже мы приведём две наиболее популярные точки зрения.

В классической работе Ян Цзяньсиня «История северо-западных национальных меньшинств в Китае»⁴²⁷ говорится о родстве юэчжей с цянами. Отчасти это подтверждает сообщение из «Хоу Ханьшу»: «Хуанчжунские юэчжи, в отличие от живших когда-то больших юэчжей, по одеянию, еде и языку мало отличаются от цянов». Как мы уже говорили, хуанчжунские

⁴²⁶ Эту точку зрения активно анализирует в своей работе тайваньский исследователь Чэнь Цзяньвэнь (См.: Чэнь Цзяньвэнь. Юэчжи чжун шу вэньти цзай яньцзю [陳健文。月氏種屬問題再研究 // 史耘, №1, 1995 年。49-68 页] Ещё раз к вопросу об этнической принадлежности юэчжей // Шиюнь. 1995. №1. С. 49–68)

⁴²⁷ См.: Ян Цзяньсинь. Чжунго сибэй шаошу миньцзу ши [杨建新。中国西北少数民族史。北京: 民族出版社。2003 年] История северо-западных национальных меньшинств в Китае. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2003. 499 с.

юэчжи были одной из ветвей малых юэчжей, жили в одном районе с цянами. Потому неудивительно, что живший в пер. пол. V в. н.э. автор Хоу Ханьшу по имени Фань Е сравнил их с цянами. В «Краткой истории Вэй» (魏略) сообщается: «От цянов на запад до Памира несколько тысяч ли, там живут юэчжи, цунчай-цяны, байма и хуанню-цяны». Тут юэчжи поставлены в один ряд с различными «субэтосами» западных цянов. Юй Хуан, автор данного исторического сочинения, жил в эпоху Троецарствия, когда у китайских государств было определённое представление о «Больших юэчжах»-кушанах, с которыми велась торговля по Шёлковому пути. Но нам надо учитывать, что «Краткая история Вэй» до нас дошла в составе нескольких позднейших компиляций и, возможно, не полностью. Потому мы можем оценивать позицию автора лишь по отдельным отрывкам.

Иной, «скифской» точки зрения придерживался японский исследователь Кацзуо Эноки и его соавторы⁴²⁸. Основанием для таких воззрений были лингвистические реконструкции и анализ этнокультурной ситуации в Центральной Азии (включая Синьцзян) в посл. трети I тыс. до н.э.

Разумеется, «цянская» и «скифо-сакская» гипотезы описаны не только в вышеописанных работах. Надо отметить, что обе точки зрения имеют определённые основания, хотя назвать совершенно доказанной ни одну из них нельзя. Основная причина – проблемы и разночтения в самой базе нарративных источников (некоторые из них мы описали выше).

Если же мы обратимся к археологическим источникам, то здесь привязка к тому или иному бесписьменному этносу априори является довольно умозрительной. Тем не менее, совершенно опустить данный вопрос нельзя. Ранними культурами в районе коридора Хэси, на которые следует обратить внимание, являются *сыба* (IV тыс. до н.э.) и *мацзяо* (IV–III тыс. до н.э.),

⁴²⁸ См.: Enoki K., Koshelenko G.A., Haidary Z. The Yue-chih and their migration // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations. 700 B.C. – 250 A.D. Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. P. 165–183.

которые иногда связывают с ранними цянами⁴²⁹. В то же время, данные неолитические культуры по некоторым данным связаны с населением, имеющим европеоидные черты. При этом похожие неолитические памятники есть не только в Ганьсу, но и западнее, на территории Синьцзяна. Очевидно, в финале каменного века культурно родственные группы населения перемещались по западному Китаю, оставляя после себя объекты материальной культуры. Тем более интересна резкая смена культурного облика в эпоху палеометалла. Культуры *шацзин* и *шаньма* вероятнее всего не являются продолжением предыдущей местной традиции (или, по крайней мере, имеют множество «внешних» черт), артефакты здесь близки к тем, которые мы находим у ранних кочевников Евразии. В китайской науке, среди прочих, есть мнение о том, что в раннем железном веке цяны были вытеснены из коридора Хэси другими этносами, в том числе юэчжами, оставившими культуру *шацзин*⁴³⁰. Так это или нет – вопрос дискуссионный. Тем не менее, культура *шацзин* оказала определённое влияние на поздние памятники культуры *синьдянь* (в уезде Миньхэ провинции Цинхай), а также на ханьские гробницы в Шаньсуныцзя⁴³¹ (上孙家, могильник ханьско-циньского времени, расположен в уезде Датун в городском округе Синин, пров. Цинхай). Это в общих чертах совпадает с историческим путём «малых юэчжей», которые как раз смешивались с цянами и китайцами, потому является косвенным доказательством того, что культуру *шацзин* и юэчжей можно соотносить. Если совместить вышесказанное, то получается гипотеза, согласно которой юэчжисководы пришли в коридор Хэси, потеснили живших здесь цянов

⁴²⁹ См.: Чэнь Бинъин. Гудай миьнцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. 212 с.

⁴³⁰ См.: Юй Вэйчао. Гуаньюй каяо вэньхуа дэ синь жэньши [俞伟超. 关于卡约文化的新认识 // 青海考古学会会刊 第 3 期 1981 年] К вопросу о новых находках культуры каяо // Цинхайский археологический журнал. 1981. №3. С. 11–23.

⁴³¹ См.: Институт археологии и материальной культуры провинции Цинхай. Шаньсуныцзя чжай Ханьцзинь му [青海省文物考古研究所. 上孙家寨汉晋墓. 北京: 文物出版社. 1993] Могильник ханьско-циньского времени у деревни Шаньсуныцзя. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 1993. 358 с.

(сообщения о таковых в этом регионе есть еще на гадательных надписях Шан), и оставили памятники культуры *шацзин*.

Но, при всей кажущейся стройности, подобные умозаключения вызывают ряд вопросов. Первый и самый главный следующий: «Если юэчжи пришли в северо-западную часть Китая, то откуда?». С одной стороны, артефакты культуры шацзин во многом перекликаются со скифо-сибирскими и сакскими материалами. С другой – анализ антропологических материалов указывает на коренные различия между носителями *шацзин* и европеоидными ранними кочевниками Южной Сибири и сопредельных регионов (культуры центральноазиатского круга). На могильниках в уезде Юнчан были собраны десятки черепов, и все они принадлежали северным монголоидам без каких-либо заметных европеоидных примесей.

В таком случае, если мы не отказываемся от версии, согласно которой юэчжи не являются автохтонным населением коридора Хэси, нам нужно искать их прародину не в Центральной Азии, а в Северном Китае, где обитали скотоводческие народы, собирательно именуемые в источниках «бэй ди» (北狄, «северные ди»)⁴³². Если учитывать, что из этой же общности вышли и сюнну, то слова Сыма Цяня о сходстве юэчжей и хунну звучат весьма логично. Заметим, что северокитайские материалы (культура Маоцингоу и соседние с ней), хотя и перекликаются со скифо-сибирскими и сакскими, имеют целый ряд особенностей. Более сильное влияние культур центральноазиатского круга в Ганьсу может объясняться в таком случае не прямым участием их в местных этнокультурных процессах, а просто географической близостью, благодаря которой обмен артефактами происходил более интенсивно, чем, например, во Внутренней Монголии.

Как мы увидели выше, интерпретация археологических и антропологических источников может быть весьма неоднозначной. Однако

⁴³² См.: Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.

стоит поговорить подробнее о сложностях в трактовке письменных материалов. Как упоминалось выше, «Исторические записки» и «Хань Шу помещают юэчжей «между Цилянью и Дуньхуаном» (также сообщается, что ранее здесь жили усунь, которых усунь потеснили западнее)⁴³³. Однако возникает ряд вопросов. Например, является ли Цилянью ханьских историков тождественным границам гор Цилянью в современном географическом понимании? Если это так, то юэчжи жили вплоть до западных рубежей современного СУАР. Однако если трактовать топоним «Цилянью» расширительно, то он может охватывать значительную часть Куньлуня, выходя, охватывая, таким образом, и часть Синьцзяна. Оба этих варианта рассматриваются академическим сообществом (прежде всего, китайским). Впрочем, надо отметить, что более популярна точка зрения о том, что западнее Ганьсу владения юэчжей до их массово исхода не распространялись.

Продолжением этого вопроса является следующий: могли ли юэчжи, обладающие столь небольшой (особенно для кочевого государства) территорией, последовательно громить таких внушительных врагов как усунь и сюнну?

Уже упоминавшийся выше японский исследователь Эноки по косвенным указаниям письменных источников, существенно расширял границы «державы юэчжей». Суть его (с соавторами) точки зрения мы коротко опишем. Из указаний Сыма Цяня на то, что до подъема сюнну в кон. III до н.э. гегемонами к северу от Центральной равнины были дунху (в восточной части) и юэчжи (в западной части), делался вывод, что они вместе (до времени) подавляли попытки сюнну создать свою державу. Однако, как мы знаем, параллельно с образованием первых империй в Китае хунну сумели переломить ситуацию в свою пользу. После победы над юэчжами их империя, помимо прочего, на западе включала двадцать шесть владений (Лоулань, земли усуней, хузце и др.). В итоге Эноки, ссылаясь также на своего

⁴³³ Подобное «наложение», к слову, еще больше усложняет соотнесение археологических культур с этносами.

соотечественника Кавада Сэи (和田清), выдвигает гипотезу о том, что юэчжи в VI–нач. III вв. до н.э. если и не создали империю в полном смысле этого слова, как минимум стояли во главе сильного союза племён, простиравшегося от западной части реки Хуанхэ до южного Алтая.

Помимо представленных выше попыток проследить историю юэчжей по письменным источникам, активно ведётся работа по соотнесению их наследия с той или иной археологической культурой. Привязка всемирно известной пазырыкской культуры (рисунок 1 – 1, 2) к народу юэчжи⁴³⁴ носит скорее гипотетический характер⁴³⁵, так как Южная Сибирь в эпоху раннего железа находилась слишком далеко от древних цивилизаций и их летописцев. Вероятной средой сложения хунну (война которых с юэчжами и запечатлена в нарративных источниках) стали близкие между собой культуры маоцингоу (рисунок 1–8) и янлан (рисунок 1–10). Таким образом, именно отличный от них материал культуры шацзин (рисунок 1 – 11) (особенно поздние памятники) скорее всего может быть признан археологическим источником для изучения материальной культуры ранних юэчжей⁴³⁶.

Для формирования Шёлкового пути юэчжи сделали одно великое, но, увы, мало замеченное дело. Уходя от атак хунну в пер. пол. II в. до н. э., они стали первым народом, по-настоящему проторившим тропу через прежде пустынный и слабозаселенный Синьцзян. Были преодолены те самые 3 000 км, которые разделяли уже построенный эллинистическими правителями маршрут с китайскими путями. Автор не отрицает, конечно, редких путешествий через Западный край и до II н.э. Но нельзя сравнивать небольшие группы с многотысячной «ордой» в поисках новых мест обитания.

⁴³⁴ См.: Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1960. С. 339.

⁴³⁵ См.: Азбелев П.П. Пазырыкское наследие и юэчжийская проблема // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2015. №4. С. 24–40.

⁴³⁶ См.: Сутягина Н.А. Китайские истоки погребального обряда хунну // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2015. №4. С. 60–65.

Искать союза с юэчжами против сюнну и отправился в Среднюю Азию великий путешественник Чжан Цянь. Следуя разделу «жизнеописание Давань» в «Исторических записках» (史記 • 大宛列傳), У-ди дважды отправлял Чжан Цяня в Западный край. Во время первой поездки (ок. 138–126 гг. до н.э.) дипломат посетил четыре региона: Давань (大宛), Кангюй (康居), Даюэчжи («Большие юэчжи») (大月氏) и Дася (Бактрия) (大夏). Также императорский посол узнал некоторую информацию о пяти других крупных образованиях: Усунь (乌孙), Алания (奄蔡), Парфия (安息), Тяочжи (条支) (может трактоваться как сатрапия Селевкидов в Месопотамии) и Индия (身)⁴³⁷.

Восточные рубежи эллинистической Бактрии периода расцвета пролегали в районе современных Кашгара и Ташкурмана вдоль восточной части Памирского хребта. Таким образом, кажется, что еще за несколько десятилетий до того, как Чжан Цянь прибыл в Среднюю Азию, участок Шелкового пути к западу от Памира фактически был «открыт» знакомыми китайцам юэчжами. Около 166–160 гг. до н. э. греко-бактрийские города Ферганы и Согдианы, которые охранялись сакскими, согдианскими и греческими войсками, пали в результате постоянных набегов полчищ юэчжей, конница которых, хотя и была лишена стремян⁴³⁸, доказала свою эффективность. В 130 г. до н. э. юэчжи уже повергли Бактрию в хаос, в то время как Маргиана находилась во власти парфян. Около 125 г. до н. э. Гелиокл, вероятно, был убит, защищая Александрию на Амударье. Несколько укрепленных городов, расположенных в Кабульской долине вблизи Пешавара, а также другие города северо-западной Индии, по-прежнему контролировались некоторыми греко-бактрийскими или индо-греческими правителями. Кабульская долина (Гандхара) оставалась под контролем

⁴³⁷ См.: Боровкова Л.А. Царства Западного края во II–I вв. н.э. М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 90–118; Подушкин А.Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2012. №4. С. 32–43.

⁴³⁸ См.: Шувалов П.В. Скрутка, строп, лестница, ступень, кольцо. Размышления о первых стремених // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. №4. С. 90–93.

потомков Эвкратида в течение примерно ста лет, а последним греческим царем Бактрии был Гермей (ок. 90 – 30 до н.э.). Некоторые укрепленные города в северо-западной Индии вблизи Гималаев, также находились во власти Аполлодота II, Гиппострата и их потомков. Их господство продолжалось вплоть до I века нашей эры. Очевидно, Бактрия уже была завоевана (или, как минимум, сильно опустошена) юэчжами, в то время, когда Чжан Цянь прибыл туда ок. 129–128 г. до н.э.

Последний акт с участием греков, юэчжей и ханьцев разыгрался во второй пол. I в. до н.э. Гермей (правил ок. 70–30 гг. до н.э.), обосновавшийся где-то в крепости в Гандхаре, попытался воспользоваться возможностью заключить военный союз с китайскими войсками генерала Вэнь Чжуна, которые были истощены после пересечения перевалов. Эллинистический правитель объединил свои армии из греков и эллинизированных союзников с ханьцами, чтобы восстановить контроль над регионом. После достижения успеха вместо союза с Хань Гермей объединился с кушанами (одной из групп юэчжей), которые стали более могущественными в Гандхаре, и заключил с ними договор, подкрепленный брачным соглашением. Несмотря на дипломатические кульбиты, Гермей, вероятно, понимая, что ему следует поддерживать экономические и военные отношения с Китаем, отправил из Гандхары в Хань два посольства в 33 и в 32 г. до н.э., чтобы заключить с Хань мирный и торговый договоры, но они не достигли своей цели⁴³⁹. В последней трети I в. до н.э. контроль над городами Гандхары, ранее управляемыми греками, перешёл в руки воинов Кушанского царства, войска которого из Ферганы двинулись на юг. Греко-буддизм приобретал все большее значение в Кушанском царстве, сочетая в себе поклонение греческим, индийским и персидским богам. В конечном итоге из этого культурного союза появилась аристократия, состоящая из потомков военной знати различного происхождения, исповедующих буддизм. Греки, даже потеряв свои владения

⁴³⁹ См.: *Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // Sino-Platonic papers. 2012. № 230. P. 48–53.*

в Азии, по-прежнему служили в качестве телохранителей, спортсменов, архитекторов, музыкантов, ученых, скульпторов и т. д. Юэчжи, покинув свою родину в районе коридора Хэси около 170 г. до н.э., пройдя около трёх тысяч километров в итоге (нач. I в н.э.) основали Кушанскую державу. По своей материальной и духовной культуре это государство имело весьма мало общего с описанной нами выше культурой шацзин. Удивляться этому не приходится. Покоряя саков, греков и другие народы, пришельцы из Ганьсу неизбежно смешивались с ними, перенимая религию, монетную традицию, архитектуру и т. д. История кушан как ветви юэчжей изобилует белыми пятнами, однако в лучшем известна по сравнению, например, с миграцией группы населения из района Хэси в Дайхай.

В контексте изучения Великого Шёлкового пути на примере нумизматики проследим, как скифоидное население в Средней Азии и Причерноморье удивительно похоже перенимало денежные традиции покоренных, но более развитых греков. Пребывая в Бактрии, Чжан Цянь заметил, что увиденные им там монеты сильно отличались от китайских монет того времени. Китайский дипломат отмечал, что монеты были сделаны из серебра с изображением царя на лицевой стороне, как только царь умирал, монета должна была быть немедленно заменена, а на новой монете появлялось изображение нового царя⁴⁴⁰. Очевидно, что монеты Парфии и Давань были похожи на монеты эллинистических монархий. Вообще, влияние средиземноморской культуры в Центральной Азии было очень сильным. Юэчжи, захватив Бактрию, скопировали серебряные тетрадрахмы Гелиокла I (последнего греческого царя, властвовавшего к северу от Гиндукуша). Вторгнувшись в Паропамисаду, эти же кочевники начали имитировать местную валюту, монеты Гермея⁴⁴¹. Это объясняет, почему его монеты, прижизненные и посмертные, находят в таких больших количествах в данных

⁴⁴⁰ См.: *Yang Juping*. Alexander the Great and the Emergence of the Silk Road // *The Silk Road*. Vol. 6. №2. 2009. P. 19.

⁴⁴¹ См.: *Christopoulos L*. Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 20–33.

регионах. Очень похожую ситуацию мы видим в районе греческих колоний Северного Причерноморья. Понтийские греки превосходили своих соседей-скифов во многих сферах ремесла⁴⁴². Естественно, что Херсонес⁴⁴³, Тира⁴⁴⁴, Боспор⁴⁴⁵, Ольвия⁴⁴⁶ чеканили свою монету. Деньги играли не только финансовую, но ритуальную функцию⁴⁴⁷. Иной денежной традиции регион не знал. Вот и получилось, что скифский царь Фарзой, создав последнюю скифско-савроматскую державу, начал чеканить монету по греческим образцам. Вес монет Фарзоя практически не отличается от серии посмертных статеров царя Лисимаха⁴⁴⁸, составлявших основу денежного обращения в Причерноморье в эллинистическое время.

Мы можем констатировать, что в формировании Шёлкового пути как проходимого и разведанного маршрута огромную роль сыграло, с одной стороны, македонское завоевание и греческая колонизация, а с другой – переселение юэчжей во второй трети II в. до н.э. В очередной раз подтверждается гипотеза о роли кочевых общностей как «медиаторов» между цивилизациями. Также на конкретных примерах удалось доказать феномен

⁴⁴² См.: Колесниченко А.Н. Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2014. №3. С. 343–349.

⁴⁴³ См.: Туровский Е.Я. Некоторые вопросы монетной типологии античного Херсонеса в IV–II вв. до н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2003–2004. №6. С. 356–360.

⁴⁴⁴ См.: Носова Л.В. Тира середины I в. н. э.: политическая история по данным нумизматики // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2014. №6. С. 315–320.

⁴⁴⁵ См.: Мельников О.Н. Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского (около 543–438 гг. до н.э.) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2009. №6. С. 174–201; Голенко К.В. Монетное дело Боспора в I в. до н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2005–2009. №6. С. 240–250; Мельников О.Н. Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2010. №6. С. 160–169.

⁴⁴⁶ См.: Алексеев В.П. Лобода П.Г. Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2013. №6. С. 110–121.

⁴⁴⁷ См.: Избаиш-Гоцкан Т.А. Типы монет как отражение религиозных культов // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2009. №6. С. 293–295.

⁴⁴⁸ См.: Алексеев В.П. Статер с именем Лисимаха и буквами ТΥ, найденный в Белгородо-Днестровском // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2005–2009. №6. С. 287–289.

высокой восприимчивости номадов к инокультурным влияниям. В этой связи примечательно изображение кентавра на ковре из могильника Сампул (Синьцзян, уезд Хотан) (рисунок 34–1). Его датировка дискуссионна, анализ С14 дал результат ок. 100 г. до н.э.⁴⁴⁹, однако сопутствующий инвентарь может указывать и на II–III вв. н.э.⁴⁵⁰ С одной стороны, перед нами совершенно точно кентавр, основными чертами напоминающий греческого. С другой – фантастическое существо музицирует на духовом инструменте, что в эллинской традиции куда более соотносится с образами силенов и сатиров, чем с буйными и неукротимыми коне-людьми. Очевидно, что где-то на территории Бактрии или в прилегающих районах сложился культурный феномен, сочетавший греческие и местные элементы. весьма вероятна связь сампульского кентавра с Кушанским царством.

Раздел 3.2. Полюсы Шёлкового пути: Римское государство и Ханьский Китай во II в. до н.э. – III в. н.э.

Очевидно, что к кон. II в. до н.э. можно говорить уже не о предпосылках, но собственно о Шёлковом пути. Но, как и в предыдущих разделах, изучение такого сложного феномена связано с рядом научных проблем.

В современной историографии Великий шёлковый путь чаще всего понимается как китаецентричное явление, что не вполне правомерно. Хотя шёлк действительно поставляли из Срединного государства, но роль античного Средиземноморья в общем культурном и экономическом объёме была практически равновеликой. Примечателен тот факт, что взлёт Рима (за точку отсчёта можно взять 201 г. до н.э. – победу во Второй Пунической войне)

⁴⁴⁹ См.: Jones R. A. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // The Silk Road Journal. 2009. Vol. 6. № 2. P. 25.

⁴⁵⁰ См.: Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 112–113.

хронологически близок к долговременному объединению Китая династией Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.). Вполне естественно, что после обретения гегемонии в Средиземноморье Рим стал всё более включаться в международную торговлю, появлялась прослойка чрезвычайно богатых людей, способных платить за импортные товары огромной стоимости. Иными словами, времена, когда консул Регул жаловался на запустение в своём имении в восемь югеров (пусть даже этот факт может быть преувеличен), ушли в прошлое. Шёлковые знамёна были у Красса, шёлковые ткани охотно демонстрировал Гай Юлий Цезарь⁴⁵¹. В 30 г. до н.э. Египет превратился в провинцию, Рим стал империей. Первые двести лет имперского периода были довольно успешны. Большое количество богатств, приобретённых во время войн, мир и стабильность в Средиземноморском регионе, строительство дорог и портов, укрепление связей между различными регионами, а также развитие мореходства (в т.ч. знаний о муссонах) совокупно позволили вести масштабную торговлю со странами Востока. Немалая часть жителей восточных провинций были носителями весьма своеобразной культурной традиции, которую уместно назвать *эллинистической* (на стыке классической греческой, египетской, иранской и семитской)⁴⁵².

Высокий спрос на роскошь (в том числе – в провинциях) стал движущей силой для процветания римской торговли и развития её по Шёлковому пути в этот период. Древний Шёлковый путь соединял большинство районов Евразии и Северной Африки и являлся культурно-экономическим звеном между

⁴⁵¹ См.: Гун Инъянь. Сифан цзаоци сычоудэ фсянь юй чжунси вэньхуа цзяолю [龚缨晏. 西方早期丝绸的发现与中西文化交流//浙江大学学报 (人文社会科学版)] Появление шёлка на западе и развитие связей Китая с западными странами // Чжэцзяндасюэсюэбао (Журнал Чжэцзянского университета). 2001. Вып. 31. №5. С. 76–84.

⁴⁵² При употреблении терминов «римский» и «римляне» в контексте темы имеется в виду скорее политическая, а не этнокультурная принадлежность (См.: Ван Саньсань. Патияюйсилахуавэньхуа дэ дунцзянь [王三三. 帕提亚与希腊化文化的东渐//世界历史] Парфия и постепенное проникновение эллинистической культуры на восток // Шицзе лиши (Всемирная история). 2018. №5. С. 95–110).

Востоком и Западом⁴⁵³. При этом различные отрезки Пути отличались, как минимум, в культурном отношении, принадлежали к различным политическим образованиям, часть их была зависима от Рима и Хань, часть – нет. О наличии прямых контактов между двумя державами до сих пор ведутся споры. Зачастую роль посредника выполняли иранские государства – Парфия и, впоследствии, государство Сасанидов⁴⁵⁴. Коммерческие связи между Хань и Римской империей (в крайней западной точке Великого шёлкового пути) обеспечивали выходцы из Египта, Аравии, Индии, Парфии и Центральной Азии⁴⁵⁵. Интересным событием в римско-китайских отношениях отмечено путешествие около 100 г. н.э. Маэса Титиана (Maes Titianus), выходца с территории Македонии, который, весьма вероятно, достиг Западного Китая. Скорее всего, путь его каравана пролегал через Геллеспонт, Иераполь, Экбатану, Гирканию, Маргиану и Бактрию. Точных данных о том, что купцы из Средиземноморья достигли Лояна, нет. Территория Синьцзяна на тот момент была в вассальной зависимости от Хань. О том, что Титиан всё же достиг Китая, косвенно упоминается в «Хоу Ханьшу» (后汉书, «История Поздней Хань»; составил хронику в V веке историк Фань Е) и иных источниках⁴⁵⁶.

⁴⁵³ См.: Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍. “醉拂林”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. Вэньу. 2018. №1. С. 58–69; Ду Сяоцин. Цаюаньсычоучжилусиншэн дэ лиши гочэнкао шу [杜晓勤. 草原丝绸之路兴盛的历史过程考述//西南民族大学学报 (人文社会科学版)] Степной шёлковый путь и сведения о его историческом развитии // Синаньминыцзудасюэсюэбао (Журнал Северо-западного университета национальностей). 2017. №12. С. 2–7.

⁴⁵⁴ См.: Ван Саньсань. Патияюйсилахуавэньхуа дэ дунцзянь [王三三. 帕提亚与希腊化文化的东渐//世界历史] Парфия и постепенное проникновение эллинистической культуры на восток // Шицзе лиши (Всемирная история). 2018. №5. С. 95–110.

⁴⁵⁵ См.: Чэнь Сывэй. Айцзи юй инду цыдалудэ хайшан маои цзи циззай лома дигоцинцзичжун ди дивэй [陈思伟. 埃及与印度次大陆的海上贸易及其在罗马帝国经济中的地位//历史研究] Морская торговля между Египтом и Индийским субконтинентом и ее статус в экономике Римской империи // Лиши яньцзю (Исторические исследования). 2018. №1. С. 113–133.

⁴⁵⁶ См.: Сюй Годун. Ханьдай сиюй духуфуцзун дучжэн цзи дуй лома шан дуй дэ баоху [徐国栋. 汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 // 法治研究] Охрана караванов с

Особое место в изучении контактов Рима и Китая занимает т.н. «Крассова гипотеза», впервые оформленная в ряде работ Гомера Г. Дебса (в т.ч. на русском языке ⁴⁵⁷). Исследователем была выдвинуто предположение об участии бывших легионеров Марка Лициния Красса в Таласской битве 36 г. до н.э. на стороне хунну против ханьских войск. Данное предположение вызвало заметный отклик в отечественной научной среде, в том числе и спустя полвека после указанной выше публикации ⁴⁵⁸. Из работ XXI в., рассматривающих данную гипотезу, можно выделить обобщающий труд о Двдцатом ноин-улинском кургане, где сражение сюнну с китайцами авторы связывают с появлением в степях (ныне – территория Монголии) серебряной бляхи с сатиром и нимфой ⁴⁵⁹ (рисунок 35–2).

Нельзя сказать, что интерес к «Крассовой гипотезе» был исключительно в русскоязычной науке. По данной проблеме работали и учёные КНР, в том числе с применением естественнонаучных методов, не выявивших, впрочем, неопровержимых следов присутствия римлян в Ханьском Китае ⁴⁶⁰. Интересная точка зрения была приведена в работе 2011 г. «Greek Hoplites in an Ancient Chinese Siege», где делалось предположение (в первую очередь, на основании военной истории), что союзниками сюнну были не экс-легионеры Красса, а наёмники из азиатских эллинистических царств ⁴⁶¹. Последнее

римскими товарами со стороны ханьского генерал-губернатора Чжэн Цзи в Западном крае // Фачжияньцзю (Исследования правового управления). 2014. №3. С. 126–131.

⁴⁵⁷ См.: Гомер Г. Дебс. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 45–50.

⁴⁵⁸ См.: Комиссаров С.А. Васенькин В.В., Харрис Д. Римляне в Китае: перспективы поиска // Общество и государство в Китае: Тез. докл. XXII науч. конф. 1991. Ч. 1. С. 92–94; Харрис Д., Васенькин В.В., Комиссаров С.А. Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории). В: Россия и Восток. Археология и этническая история. Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 26–27.

⁴⁵⁹ См.: Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цзвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 110–115.

⁴⁶⁰ См.: Zhou R., An L., Wang X. et al. Testing the Hypothesis of an Ancient Roman Soldier Origin of the Liqian People in Northwest China: a Y-chromosome Perspective // J Hum Genet. 2007. № 52. P. 584, 589.

⁴⁶¹ См.: Christopher M.A. Greek Hoplites in an Ancient Chinese Siege // Journal of Asian History. 2011. Vol. 45. P. 17–37.

представляется вполне возможным, ведь подвергшиеся воздействию греков регионы на востоке не просто существовали продолжительное время, но и были, как считается, известны китайцам⁴⁶².

Несмотря на свою важную роль в истории синологии и антиковедения, «Крассова гипотеза» имеет ряд слабых мест. Базируется она, по сути, на указании в «Хань шу» о том, что в битве при Таласе на стороне хунну участвовало «более ста пехотинцев, выстроенных в линию с каждой стороны ворот и построенных в виде рыбьей чешуи». Гомер Г. Дебс, исходя из представления о том, что сражаться «правильным» пехотным строем в I в. до н.э. умели только римляне и греки⁴⁶³, сделал вывод о вероятности проникновения в Среднюю Азию бывших воинов Красса, разбитого при Каррах в мае 53 г. до н.э. Предположение об участии контингента из эллинистических царств исследователь отвергал, так как «щиты воинов македонской фаланги были маленькие и круглые», в отличие от римского щита «scutum», который был прямоугольный и с полуцилиндрической поверхностью»⁴⁶⁴.

Тут следует отметить тот факт, что щиты эпохи поздней республики заметно отличались от тех, что мы видим на Колонне Траяна (на которой находится, пожалуй, известнейшее изображение построения «черепашей»). Они, судя по находкам, были еще овальными⁴⁶⁵, лишь в эпоху правления Тиберия (14–37 гг.) skutum приобрёл описанную Г. Дебсом форму.

⁴⁶² См.: *Christopoulos L.* Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 4–15.

⁴⁶³ Что довольно спорно, так как куда ближе к сюнну были сами китайцы, которые, по крайней мере, с эпохи Цинь умели строить пехоту в ряды и колонны (См.: *Шульга Д.П.* Международный выставочный проект «Терракотовая армия – восьмое чудо света: путь оружия в судьбе Поднебесной» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. Вып. 4. С. 216–218).

⁴⁶⁴ См.: *Гомер Г. Дебс.* Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // *Вестник древней истории*. 1948. № 2. С. 45–46.

⁴⁶⁵ См.: *Киселёв В.И.* Армия Рима (от Цезаря до Константина) // *Военно-исторический альманах Новый солдат*. 2002. № 27. С. 4.

Другой довод в пользу «Крассовой гипотезы» – наличие у сюнну укрепленного лагеря⁴⁶⁶. Действительно, умение возводить защищенный ровом и частоколом «военный городок» всегда было сильной стороной легионеров⁴⁶⁷. Но мы должны учитывать, что представление о неумении греков возводить временные полевые укрепления ложно (по крайней мере, для эллинистического периода), уже эпоха диадохов знает целый ряд примеров, прямо указывающий на это⁴⁶⁸.

Помимо вышесказанного, слабым местом гипотезы является значительный хронологический разрыв между поражением Красса в 53 г. до н.э. и победой ханьцев при Таласе (36 г. до н.э.). После внедрения системы Гая Мария новобранцы обычно поступали в римскую армию в возрасте 18 лет или старше⁴⁶⁹. Таким образом, самому молодому «легионеру-союзнику хунну» должно было быть в момент сражения с китайцами около 35 лет (а, вероятно, и больше, т.е. около 40 лет⁴⁷⁰, так как в битве при Каррах не отмечается массово использования необученной молодёжи). Нельзя сказать, что участие «возрастных ветеранов» в количестве около сотни (т.е. чуть более центурии) было к 36 г. до н.э. совершенно невозможным, но вероятность и военная целесообразность такого события весьма дискуссионна.

Гораздо более обоснованной, на наш взгляд, выглядит «эллинистическая» версия происхождения союзников хунну. Греко-македонская фаланга оказалась достаточно действенным построением, которое, к тому же, были способны воспринять и внешние народы (яркий

⁴⁶⁶ См.: Гомер Г. Дебс. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 46–47.

⁴⁶⁷ См.: Киселёв В.И. Армия Рима (от Цезаря до Константина) // Военно-исторический альманах Новый солдат. 2002. № 27. С. 8–9.

⁴⁶⁸ См.: Светлов Р.В. Пирр и военная история его времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 104–105.

⁴⁶⁹ См.: Киселёв В.И. Армия Рима (от Цезаря до Константина) // Военно-исторический альманах Новый солдат. 2002. № 27. С. 6.

⁴⁷⁰ По данным науч. сотрудника ИА РАН, к.и.н. О. А. Брилевой, опубликованным в статье «Биоархеологическая реконструкция позволяет узнать о жизни людей, от которых остались только кости» (журнал «Коммерсантъ Наука», №2 от 06.06.2011), средняя продолжительность жизни в Риме для мужчин составляла 40,2 года.

пример – формирование персидской фаланги Александром Македонским)⁴⁷¹. Диадхи и эпигоны, обосновавшиеся на восточных рубежах распавшейся после 323 г. до н.э. державы, очевидно, привлекали в свои воинские формирования местное население (учитывая незначительное изначальное количество здесь греков и отсутствие новых волн миграции из Средиземноморья). Доказательством тому может служить изображение копейщика на ткани из могильника Сампул⁴⁷² (уезд Хотан, Синьцзян, КНР) (рисунок 35–1). Очевидно, на территориях, ныне составляющих юг СУАР, существовали достаточно стабильные очаги эллинистической культуры⁴⁷³, которые, теоретически могли поставлять окрестным правителям и отряды наёмников, обученных сражаться сомкнутым строем (в самой Греции традиция воевать за деньги была известна уже с конца классического периода).

Результаты сделанных в последние двадцать лет исследований нарративных⁴⁷⁴ и археологических⁴⁷⁵ источников показывают, что Гомер Г. Дебс, завершая свою статью фразой «в то время существовали развитые способы передвижения по Евразийскому континенту и что трудно установить предел влияния одних народов на другие», был прав в главном. Контакты между греко-романским миром и Дальним Востоком через Переднюю и

⁴⁷¹ См.: Светлов Р.В. Пирр и военная история его времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 16.

⁴⁷² Датировка дискуссионна, анализ C14 дал результат ок. 100 г. до н.э. (См.: Jones R. A. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // The Silk Road Journal. 2009. Vol. 6. № 2. P. 25), однако сопутствующий инвентарь может указывать и на II–III вв. н.э. (См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боююанькань. 2015. №3. С. 112–113).

⁴⁷³ См.: Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // Sino-Platonic papers. 2012. № 230. P. 15–31.

⁴⁷⁴ См.: Hoppal K. The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources // Acta Antiqua. 2011. Vol. 51. № 3. P. 263–306; Hoppal K. Chinese Historical Records and Sino-Roman Relations a Critical Approach to Understand Problems on the Chinese Reception of the Roman Empire // Res Antiquitatis, 2nd series. 2019. Vol. 1. P. 63–81.

⁴⁷⁵ См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰. 胡漢之間: “絲綢之路” 與西北歷史考古. 北京: 文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 52–160.

Центральную Азию не просто существовали, но и имели впечатляющие масштабы⁴⁷⁶. Связи эти, очевидно, не ограничивались сотней затерянных в Азии римских ветеранов, но касались экономики крупнейших империй⁴⁷⁷, этно-культурных процессов, в которые были включены ханьцы, эллины, номады степей Евразии⁴⁷⁸ и римляне.

Торговля на Восток со стороны Римской империи осуществлялась разными маршрутам и по суше, и по морю: зачастую – через Красное море, Переднюю и Среднюю Азию, либо через Персидский залив в Аравийское море и Индийский океан⁴⁷⁹. Экономический обмен Римской империи с Востоком оказал на её народы и большое социокультурное воздействие; повлиял на образ жизни римлян, расширил их представления о Китае. Восточная торговля Римской империи вместе с коммерческой деятельностью других стран на древнем Шёлковом пути расширяла его, способствовала обменам между

⁴⁷⁶ См.: *McLaughlin R.* The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd., 2016. P. 295–312.

⁴⁷⁷ См.: Сюй Годун. Ханьдай сиюй духуфуцзун дучжэн цзи дуй лома шан дуй дэ баоху [徐国栋. 汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 // 法治研究] Охрана караванов с римскими товарами со стороны ханьского генерал-губернатора Чжэн Цзи в Западном крае // Фачжияньцзю (Исследования правового управления). 2014. №3. С. 126–131; Ян Гунлэ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинци шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐. 丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // Collected Papers of History Studies 2011 年 1 期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шелковому пути и упадка Римской империи // Collected Papers of History Studies. 2011. № 1. С. 69–74.

⁴⁷⁸ См.: Чэнь Бинъин. Гудай миныйцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 48–57.

⁴⁷⁹ См.: Чэнь Сывэй. Айцзи юй инду цыдалудэ хайшан маои цзи цицзай лома дигоцзинцичжун ди дивэй [陈思伟. 埃及与印度次大陆的海上贸易及其在罗马帝国经济中的地位//历史研究] Морская торговля между Египтом и Индийским субконтинентом и ее статус в экономике Римской империи // Лиши яньцзю (Исторические исследования). 2018. №1. С. 113–133; Ван Айху. Цунхайшансычоучжилудэфачжань ши хэвэньсяньяньцзю кань синь хайшансычоучжилуцзяньшэ дэ цзячжихэ и [王爱虎. 从海上丝绸之路的发展史和文献研究看新海上丝绸之路建设的价值和意义 // 华南理工大学学报] Взгляд на значение создания Нового морского шелкового пути с позиции исторического и литературного наследия // Хуананьлигундасюэбао (Журнал Южно-китайского технологического университета). 2015. Вып. 17. №1. С. 2–14.

земледельцами и кочевниками, влияла на культуру (в том числе – на религиозно-философские взгляды) участвующих в процессах народов.

Причины упадка Римской империи до сих пор вызывают множество учёных дискуссий. В отечественной и европейской исследовательской среде часто в качестве основных причин кризиса III в. н. э. называются внутренние военные, политические и экономические проблемы. При этом часто вне зоны рассмотрения оказывается роль международной трансазиатской торговли. Конечно, на настоящее время в Китае ряд исследователей, пожалуй, преувеличивает влияние Шёлкового пути на дела в Римской империи, но их наработки могут информационно обогатить русскоязычных историков, изучающих позднюю античность⁴⁸⁰.

Кризисы Римского государства (и это справедливо уже для периода республики) не в последнюю очередь связаны с культом роскоши среди «верхушки» общества (в том числе – императорской семьи), уходом от традиционной простоты нравов вследствие изменения экономической системы в процессе завоеваний. Сложно оспорить тот факт, что под руководством таких экстравагантных правителей, как, например, Калигула или Нерон, имущие слои общества погружались в атмосферу удовольствий и расточительства.

Считается, что шёлковая одежда входит в моду и становится признаком высокой состоятельности со времён Юлия Цезаря (100–44 гг. до н.э.). Однако на рубеже республиканского и имперского периодов Римского государства, в I в. до н.э., по мере развития торговли количество людей, способных позволить себе одежду из этой ткани, росло. Уже второй император, Тиберий (правил в 14–37 гг. н.э.), вводит ограничение на ношение шёлковых одежд для женщин, и полный запрет – для мужчин. Объяснялось это тем, что излишняя роскошь

⁴⁸⁰ См.: Ян Гунлэ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинци шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐。丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // Collected Papers of History Studies 2011 年 1 期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шелковому пути и упадка Римской империи // Collected Papers of History Studies. 2011. № 1. С. 70.

вредит нравам⁴⁸¹. Впрочем, никаких кардинальных изменений не последовало. Потребление «*seres*» росло, шёлковые ткани всё чаще украшали храмы, обработка (в том числе – окрашивание) восточных тканей с большим размахом велась в восточноримских городах Тир и Сидон в Леванте. Постепенно шёлк становился всё более распространённым, и уже не только аристократы могли его иметь. Основная причина тому – расширение торговых связей между *Сересом* (так называли римляне Китай и шёлк) и *Дацинь* (大秦, так именовали китайцы Рим)⁴⁸².

Борьба с шёлковыми тканями велась и со стороны властей, начиная с постановлений сената 16 г. н.э., заканчивая эдиктами Аврелиана, и со стороны мыслителей, особенно – стоиков. Последние клеймили моду на иноземные ткани как признак вырождения, излишеств и изнеженности. Наиболее яркую критику мы видим у Сенеки, осуждающего тех, кто тратит огромные суммы на товары из стран, неведомых римлянам; а в этом нет никакой необходимости⁴⁸³. Между тем по ценности ткани из Китая уравнивались с золотом, ибо служили примерно тем же целям – накоплению богатств и демонстрации своего достатка. Хотя, по мнению сторонников классической простоты, шёлк «наносил» колоссальный моральный вред Риму, его «победное шествие» по империи продолжалось. Во-первых, продолжалось накопление богатств рабовладельческой верхушкой, которая в условиях товарного хозяйства могла легко получить за свою аграрную продукцию «монету», тратя её на собственные прихоти. Во-вторых, синхронно с эпохой

⁴⁸¹ Здесь уместно вспомнить ещё политику Августа по поддержанию рождаемости; более раннюю программу Катилины, который среди прочего хотел списать долги.

⁴⁸² См.: Хуан Хуаньминь. Сычоу сисяо юй Лома диго дэ шуайло [黄欢敏. 丝绸西销与古罗马帝国的衰落 // 文史 2012 年 9 期] Угасание Шёлкового пути на западе и упадок Римской империи // Вэньши. 2012. №9. С. 102.

⁴⁸³ См.: Сюй Годун. Ханьдай сиюй духуфуцзун дучжэн цзи дуй лома шан дуй дэ баоху [徐国栋. 汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 // 法治研究] Охрана караванов с римскими товарами со стороны ханьского генерал-губернатора Чжэн Цзи в Западном крае // Фачжияньцзю (Исследования правового управления). 2014. №3. С. 126.

поздней республики и принципата в Китае правила весьма стабильная династия Хань, обеспечивающая спрос на шёлк на западе в «Дацинь».

Однако экономический обмен «запад-восток» породил проблему: торговый баланс Рима стал отрицательным, то есть драгоценные металлы уходили из империи, что в перспективе отчасти спровоцировало кризис III в. н. э. Таким образом, активный импорт китайского шёлка, с одной стороны, имел негативные последствия для Рима: монета уходила за рубеж; средства вкладывались не в развитие производства, а тратились на покупку «дикинов»; в ряде случаев усиливалась эксплуатация рабов; культ боевого духа в римском обществе стал отходить на второй план, тем самым понижался мобилизационный потенциал.

В то же время, Шёлковый путь «сблизил» две величайшие державы мира: они, хоть и опосредованно, но составили друг о друге представление, и подчас оно было довольно точным в деталях. Например, в упоминавшейся «Хоу Ханьшу» сообщается, что территория *Дацинь* простирается на тысячи ли (里 «ли» —мера длины, равная примерно 0,5 км); на всей этой территории есть почтовые станции, а также более четырёхсот городов с оборонительными стенами из камня. Китайцам было известно, что у Рима есть целый ряд зависимых государств. Описана своеобразная система власти эпохи принципата, когда правитель становился таковым не по праву наследования, а избирался как наиболее достойный. Это не вполне соотносится с римскими реалиями, но та чёткая грань, которую римляне ставили между терминами *rex* и *princeps* показывает, что рациональное зерно в понимании китайцев есть. Вообще Рим в «Хоу Ханьшу» предстаёт некоторым эквивалентом Поднебесной на западе, где люди напоминают китайцев, живя в порядке и довольствии.

Раздел 3.3. Эллинистические артефакты в Китае

Известно, что на территории греко-романского Средиземноморья⁴⁸⁴ и прилегающих районов Передней Азии, со II века нашей эры возникает целый ряд новых учений (связанные с пифагореизмом представления Нумения из Апамеи, неоплатонизм, различные гностические группы, включая манихеев, а также митраизм, христианство и др.). Олимпийская и римская религии постепенно отступали (даже известнейший «язычник» Юлиан Отступник (правил в 361–363 гг.) тяготел скорее к эллинской философско-религиозной традиции, лишь отчасти связанной с античным пантеоном). Начиная с императора Аврелиана «внешние» монотеистические учения начинают утверждаться как государственный культ. Логическим завершением данного процесса стала сначала деятельность Феодосия Старшего (правил в 379–395 гг.) и, наконец, закрытие Юстинианом I Академии в 529 г.

В то же время на территории Китая мы видим целый ряд артефактов (помимо выше приведённой сцены из Троянского цикла мифов), показывающий бытование в Азии на Великом Шёлковом пути достаточно устойчивой традиции воспроизведения античных мифологических сцен и сюжетов. И обнаружены они в погребениях втор. пол. VI–VII вв., т.е. спустя долгое время после христианизации Средиземноморья.

Мы вынуждены признать феномен того, что в разной степени ориентализированное эллинистическое искусство продолжало активно развиваться на Шёлковом пути в то время, как в Средиземноморье прошёл не только период существования государств Птолемеев или Селевкидов, но и пала Западная Римская империя. При этом, хотя занятие Египта Августом (30 г. до н.э.) и время создания некоторых артефактов разделяют полтысячелетия,

⁴⁸⁴ Автор именует данный регион так потому, что политическая власть здесь с I в. до н.э. сперва де-факто, а затем и де-юре принадлежала римским правителям, в то время как культура, еще со времён Великой греческой колонизации была в той или иной степени эллинизированной.

автор будет именовать искусство эллинистическим⁴⁸⁵, так как источником его служит греческая культура.

В V веке н. э., сохранившаяся Восточная империя продолжила античную традицию торговли с Китаем, который также, как и Рим, еще в III в. н. э. вступил в полосу кризиса и распада⁴⁸⁶.

Важные материальные свидетельства взаимообмена между Китаем и Средиземноморьем рассматриваемого хронологического периода дают археологические исследования погребений на территории КНР.

Весьма показательными в контексте функционирования Шёлкового пути стали артефакты из гробницы Ли Сяня (504–569 гг.) и его жены. Оно было в 1983 г. в районе Юаньчжоу г. Гуюань (Нинся-Хуэйский автономный район КНР). Захоронение граблено, но значительная часть инвентаря всё же сохранилась (более 300 изделий из золота, серебра, бронзы, железа, керамики, камня, в том числе – поделочного). Также обнаружено около сорока росписей по камню. Из зарубежного импорта доминирует продукция Сасанидского Ирана, что вполне логично для периода «взлёта» Шёлкового пути. Найдена стеклянная чаша с рельефами – это достаточно типичное изделие для раннесредневекового Ирана, начиная с поздней Парфии. Производство посуды в Передней Азии было масштабным: находки, помимо Гуюаня и Иранского нагорья, есть в СУАР (например, уезд Маралбаши, или на территории царства Крорайна), в районе Эчэн городского округа Эчжоупров. Хубэй, в Пекине, и даже в КНДР и на южных островах Японии. показали, что везде материал посуды – натриево-кальциевое стекло. Цвет обычно

⁴⁸⁵ Автор понимает условность такого наименования. С одной стороны, описываемые артефакты создавались явно позже событий 30 г. до н.э., которые считаются концом эллинистической эпохи. С другой – они выполнены в той логике, что была задана культурными процессами, запущенными после походов Александра Македонского. Другое возможное определение – «поздний азиатский культурный эллинизм», хотя и более точно отражает суть, представляется слишком громоздким.

⁴⁸⁶ См.: Ян Гуаньхуа. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньу (Культурное наследие степи). 2016. №7. С. 8.

желтовато-зеленоватый, материал устойчив к выветриванию, потому цвет и блеск хорошо сохранились. В погребении обнаружен длинный нож с кольцевым навершием (86 см). Очевидно, клинок прижизненно носился на поясе. Это единственный пример полностью сохранившейся находки такого типа периода Наньбэйчао на севере (南北朝时期, период Южных и Северных династий, 420-589 гг.). Два характерных продольных соединительных ушка на ножнах явно указывают на происхождение из Центральной или Передней Азии (там подобные экземпляры возникают с V в.).

Гробница содержит ещё более удивительный артефакт, свидетельствующий о связи Северного Китая с греко-романской культурой (через ту же Сасанидскую державу): серебряный позолоченный сосуд высотой 37,5 см, максимальный диаметр тулова – 12,8 см. Очевидно, что представленное здесь изображение по смыслу можно разбить на две композиции (рисунок 36–1). На первой – мужчина с фруктами в руках, вокруг которого расположены три женщины, индивидуальность которых подчеркнута их убранством. Очевидно, перед нами Парис, который готовится наделить богиню любви и красоты Афродиту волшебным золотым яблоком. Афина и Гера, чьи притязания отвергнуты, стоят как бы в стороне, поодаль. На второй композиции троянский царевич уже почти обнажён (на нём только шляпа и короткий плащ), он дотрагивается до лица девушки, видимо, Прекрасной Елены. Вероятно, перед нами именно гомеровский сюжет, причём выполненный довольно близко к классической стилистике (фигура мужчины с развитой мускулатурой и открытым фаллосом, шляпа, напоминающая греческий *петас*, диадемы на головах богинь). Автор склонен согласиться с точкой зрения, что данный позолоченный сосуд из серебра (рисунок 36–3) был сделан мастерами где-то между Передней Азией и Бактрией⁴⁸⁷.

⁴⁸⁷ См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 116–117.

Кроме сосуда с Парисом и богинями, к «не-ориентализированным» артефактам можно отнести серебряное блюдо, найденное 1988 г. в волости Бэйтань пров. Ганьсу, в центре – фигура бога (вероятно, Диониса), восседающего на кошачьем хищнике (рисунок 34–2). Приводимые в китайской литературе датировки различны, но укладываются в III–VI вв. н.э. Вокруг «наездника на льве» по кругу расположены двенадцать мужских и женских лиц, что соответствует числу олимпийских богов. Ближе к краю блюда можно видеть орнамент в виде виноградных лоз. К счастью для нас на блюде имеется прочерченная надпись в виде иероглифов «大夏», т.е. Бактрия⁴⁸⁸. Опираясь на это косвенное доказательство, можно предполагать, что и блюдо с Дионисом (наличие виноградных лоз и характерного «ездового животного» доказывает, что перед нами именно этот олимпийский бог⁴⁸⁹) также происходит из Бактрии.

Несколько более ориентализированна другая группа сюжетов, которую китайские исследователи, вслед за нарративными источниками, именуют «醉拂菻» (цзуй фулинь, примерный перевод – «хмельной средиземноморец»⁴⁹⁰).

В районе г. Сиань было сделано две достаточно однотипные находки – керамические статуэтки верблюдов, на спинах которых на обе стороны свешиваются мешки с поклажей. Первое происходит из погребения M21 могильника Маопо (рисунок 37; рисунок 38). Второе – из захоронения Чжан Линя (рисунок 39; рисунок 40–2). На внешней стороне мешков с каждой стороны присутствует рельеф, на котором выделяется центральная фигура «хмельного божества». Все артефакты происходят из погребений эпохи Суй, между 581 г. и 617 г. (на подобную датировку в т.ч. указывают

⁴⁸⁸ См.: Чэнь Бинъин. Гудай миньцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社 2003. 212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 8.

⁴⁸⁹ См.: Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боююанькань. 2015. №3. С. 117.

⁴⁹⁰ О этимологии слова «Фулинь» подробнее см. разд. 1.5.

сопроводительные фарфоровые изделия и, в некоторых случаях, эпиграфические источники). Стоит оговориться, что часть погребального инвентаря, очевидно, была изготовлена в предыдущий период Южных и Северных династий в царствах Северная Ци (555–577 гг.) и Северная Чжоу (557–581 гг.). Некоторые «верблюжьи мешки» повреждены (особенно экземпляр из захоронения Чжан Линя), однако в целом их содержание реконструируется. Еще один очень похожая статуэтка представлена в собрании Метрополитан-музея (США) (рисунок 41; рисунок 40–1), его точное место обнаружения точно установить на данный момент невозможно⁴⁹¹. Очевидно, что хронологически он также должен быть отнесён к эпохе Суй.

Надо сказать, что, как часто бывает с находками вне археологического контекста, терракотовый верблюд, выставленный в Америке, стал жертвой сомнительных интерпретаций. Очевидно, исходя из того, что в VI–VII в. н.э. по Великому Шёлковому пути начинают циркулировать предметы с христианской⁴⁹² символикой⁴⁹³ и эпиграфикой⁴⁹⁴ (в первую очередь, монеты Восточной Римской империи и их имитации⁴⁹⁵), была сделана попытка соотнести композицию («неловкая» фигура в центре и две поддерживающие по краям) с сюжетом снятия Иисуса с креста⁴⁹⁶.

⁴⁹¹ См.: Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍. “醉拂林”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. Вэньу. 2018. №1. С. 63.

⁴⁹² См.: Wu Changxing. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text // Journal for the Study of Christian Culture. 2015. № 34. P. 187–215.

⁴⁹³ См.: Li Qiang. Roman Coins Discovered in China and their Research // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2015. Vol. 51. P. 279–299.

⁴⁹⁴ См.: Ню Жуцзи. Чжунго туцзюэ юй цзинцзяо бэймин вэньсянь гай шо [牛汝极. 中国突厥语景教碑铭文献概说 // 民族语文 2000 年第 4 期] Обзор тюркских несторианских надписей в Китае // Миньцзу юйвэнь. 2000. №4. С. 62–67.

⁴⁹⁵ См.: Ло Фэн. Гуаньюй си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь [罗丰. 关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 // 中国钱币 1993 年 4 期]. Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане // Чжунго цянъби (Китайская нумизматика). 1993. №4. С. 17–19.

⁴⁹⁶ См.: Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍. “醉拂林”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. Вэньу. 2018. №1. С. 64.

Появление новых материалов из Сианя показывает, что, скорее всего, данная точка зрения ошибочна. С одной стороны, мы видим на всех трёх «мешках» массу отсылок к эллинской мифологии и культуре (винные амфоры (рисунок 38–2), колонны с характерными капителями (рисунок 39–2), растительный орнамент (рисунок 39–1), возможно, символизирующий виноградную лозу), с другой – полное отсутствие христианской символики, которая к описываемому периоду уже сложилась⁴⁹⁷.

Разумеется, было бы неверным умолчать о стилистическом своеобразии фигур «хмельного божества» и его спутников. Несмотря на вышеперечисленные «греческие» элементы, следует признать сильное азиатское влияние. Если центральная фигура условного Диониса полуобнажена, что не является редкостью и в Средиземноморье, то его сопровождающие одеты в юбки и имеют высокие головные уборы с плоским верхом. Судя по всему, перед нами продукт восточно-эллинистического культурного синкретизма, испытавшего влияние одновременно с Балканского полуострова, из Бактрии, Передней Азии и северной Индии.

Есть в КНР и, напротив, предельно ориентализированные вариации на тему древнегреческой мифологии. Вывезенный в США и лишь в 2010 г. возвращённый в Сиань каменный саркофаг императорской наложницы У (690 – 737 гг.) после реставрации продемонстрировал весьма интересные сюжеты (рисунок 42). На них бородатый мужчина умирят зверя, напоминающего льва, возможно, с целью оседлать хищника. Некоторые исследователи считают, что перед нами прямое влияние античности (через Византию), а антропоморфная фигура – это Дионис. Можно ли согласиться с «античной» интерпретацией⁴⁹⁸? Как уже отмечалось, мотивы восседающего на кошачьем

⁴⁹⁷ См.: Ян Гунлэ. «Дацинь цзинцзяо люсин чжунго бэй» жогань шиши као си [杨共乐。《大秦景教流行中国碑》若干史实考析 // 史学史研究 2009 年第 2 期] Анализ некоторых исторических фактов о несторианской стеле в Китае // Шисюэши яньцзю. 2009. №2. С. 120.

⁴⁹⁸ См.: Гэ Чэньюнь. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 124.

хищнике Диониса в эллинистическом и римском искусстве есть (рисунок 34–2). Однако следует признать, что множество деталей, например, изображения всадников на конях с характерными султанчиками на гриве – черта явно не средиземноморская. Львы также изображаются в традиционной для Дальнего Востока манере.

На наш взгляд, если на саркофаге и имеет место азиатская интерпретация античной мифологии, то она скорее соотносится с циклом преданий о Геракле (если говорить о борьбе с хищником). Образ этого героя получил, пожалуй, наибольшее распространение на востоке среди всех мифологических персонажей античности. Некоторые правители Греко-Бактрийского и Греко-Индийского царств правители, подражая Александру, вероятно, носили атрибуты Геракла⁴⁹⁹. Пример тому – изображения на монетах (рисунок 43). Вообще, в азиатских государствах диадохов найдены многочисленные бронзовые скульптуры, каменные рельефы и монеты⁵⁰⁰, содержащие изображения Геракла с такими классическими атрибутами как, например, дубина (рисунок 44).

В Беграме в (Афганистан) найдена типичная бронзовая статуя античного бога Сераписа-Геракла. Серапис был синкретичным божеством Египта Птолемеев, у его истоков стояли культы быка Аписа и Осириса, бога подземного мира. Птолемей I соединил Осириса и Аписа, соотнес их с одновременно с греческими Аидом, Зевсом и богом медицины Асклепием. Серапис «отвечал» за здоровье и смертность, изначально пользуясь почитанием только в Египте и (частично) в Греции. Впрочем, уже Юлии-Клавдии одобрили данный культ, святилища Сераписа стали появляться везде, куда доходила власть Рима, в особенности в восточной части империи. Изображение Сераписа-Геракла, найденное на раскопках в Беграме,

⁴⁹⁹ См.: *Christopoulos L.* Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 88.

⁵⁰⁰ См.: *Bopearachchi O.* New numismatic evidence on the Pre-kushan history of the Silk Road // [Электронный ресурс] URL: https://en.unesco.org/silkroad/sites/silkroad/files/knowledge-bank-article/recent_discoveries_of_coin_hoards_from_central_asia_and_pakistan.pdf

демонстрирует его на троне с символической корзиной на голове (греческим хтоническим символом). В руках божества палица, характерная для Геракла. Все это свидетельствует об объединении образов двух божеств (одно из которых, как мы уже увидели, само по себе было синкретичным), отражающее религиозные представления восточно-эллинского населения. Впрочем, взаимовлияние ролей и способностей богов было чрезвычайно распространено среди религиозных верований Древнего Средиземноморья.

Примером применения образов Геракла и Александра для возвеличивания себя стал Антиох I (69–34 года до н.э.), который правил в Коммагене (ныне это юго-восточная Турция). Он построил комплекс, занимающий 26 000 квадратных метров в Немрут-Даге. Центром ансамбля была большая гробница с куполом. Из надписей на древнегреческом, расположенных там, мы знаем, что Антиох утверждал, что был потомком Александра и что святилище – это место, где поклонялись как его покойным предкам, так и некоторым богам. Мы можем увидеть сидящие статуи самого Антиоха вместе с Зевсом, Аполлоном, Гераклом и местными антропоморфными божествами. Синкретизм восточного и греческого начал отражается в вышеописанных культовых скульптурах. Например, в то время как у Геракла еще есть борода и он носит палицу, на фигуре рядом персидский костюм и остроконечная шапка, характерная для Передней и Средней Азии того времени (рисунок 44–4).

Хотя образ Геракла в Центральной Азии, изменился, характерная дубина и львиная шкура сохранились. Подобное наблюдается в искусстве Гандхары. Регион Гандхары был центром культурного обмена между Центральной Азией (где в тот момент, образуя Шёлковый путь, двигались друг другу навстречу эллины и ханьцы) и индийским субконтинентом. Как известно, в поздней античности этот регион попал под контроль индо-греков, скифоидных кочевников, парфян и кушанов (рисунок 44–1). Постепенно в Северной Индии Геракл перешел от классической греческой фигуры к богу-хранителю в буддийском пантеоне.

Первый пример такой трансформации – это стоящая фигура Геракла, из частной коллекции в Японии. Обнажённое тело полубога слегка наклонено вправо, а левая нога вытянута так, что оставшийся вес перенесен на правую ногу. Поза греческая, но в представлении мускулатуры не хватает греческого реализма. Здесь проявляется типичную мягкость стиля Гандхары. Весьма отличными от классических греческих образцов являются волосы героя. Но в левой руке сын Зевса держит булаву. Шкура льва накинута на плечо. Это довольно близко к эллинской традиции. Статуя стоит в маленькой нише. Хотя из неполного изображения трудно определить, стоит ли Геракл рядом с Буддой, он принял позицию защитника. Такая композиция типична для стиля Гандхары.

Примером явной трансформации Геракла в Ваджрапани является Будда и «Геракл-Ваджрапани» (за правым плечом центральной фигуры), найденные в раскопках на территории Афганистана в 1973 году на руинах Тапа-Шотора в Хадде. Обнаруженный здесь Геракл сохраняет греческий облик и обнаженное реалистично выполненное мускулистое тело. Датируется находка рубежом эр (рисунок 45–2). На его левом плече львиная шкура с головой зверя. Булава в правой руке стала оружием Ваджрапани. Перед нами свидетельство прямого развития искусства Гандхары из стиля эллинов Бактрии.

На примере росписи глиняной статуи «Ваджрапани» II–III вв. н.э. из коллекции Исследовательского института Шёлкового пути (Камакура в Японии) и каменной скульптуры Ваджрапани из Гандхары в Британском музее, мы можем заметить, как ярко выраженные греческие черты Геракла постепенно исчезали, а индийский колорит усиливался. На бюсте, выставленном в Камакуре (рисунок 45–3), у героя головной убор из львиной шкуры, лапы пересекаются под подбородком. Лицо сохраняет греческую стилистику, борода покрывает обе щеки. Но обнаженное тело уходит в прошлое, восточный «Геракл» изображен в одежде. Серьёзные изменения претерпевает вооружение.

Фрагмент скульптуры в Британском музее (рисунок 45–1) включает только правую половину прямоугольного барельефа, содержащего фигуры четырех человек. Все четверо смотрят направо в сторону, возможно, в сторону будды Шакьямуни (не сохранился). Одна из фигур – Ваджрапани – стоит в расслабленной позиции, его тело слегка повернуто направо, вес перенесен на левую ногу. На голове головной убор из шкуры льва с лапами, скрещенными под подбородком. Нет никаких сомнений в том, что этот головной убор происходит от Геракла, но булава, которая является отличительной чертой Геракла, отсутствует. На её месте ваджра в правой руке и длинный меч слева. Борода сменилась едва уловимыми усами⁵⁰¹.

Мы можем видеть, что, в Азии образ «сына Зевса и Алкмены» был весьма востребован даже в пещерной буддийской живописи Западного Китая (рисунок 44–2, 3), так что предложенная выше трактовка борющегося со львом витязя (на саркофаге наложницы У) как Геракла, на наш взгляд, имеет право на существование.

Восседающие на зверях божества могут быть соотнесены с Дионисом (хотя и претерпевшим заметную трансформацию). «Конные фигуры» могут свидетельствовать о дальнейшем уходе восточных мастеров от эллинского прототипа, когда ездовое животное произвольно заменяется на «небесного скакуна» (天马).

Отметим, что, в отличие от территории Синьцзяна (о культурно-исторической самобытности которого говорилось выше), земли нынешних провинций Шэньси (где были найдены керамические верблюды с «мешками», где жила наложница У и т.д.) и Ганьсу (блюдо с Дионисом на льве), а также Нинся-Хуэйского АР (ваза с сюжетом из Илиады) хотя и не могут быть названы колыбелью китайской цивилизации, оказались под её контролем

⁵⁰¹ См.: *Hsing I.T. Heracles in the East: The Diffusion and Transformation of His Image in the Arts of Central Asia, India, and Medieval China // Asia Major (Third series). 2005. Vol. 18. № 2. P. 103–154.*

довольно рано, будучи включены еще в эпоху первых империй: Цинь (221–207 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.).

Подведём промежуточные итоги. *Во-первых*, всё более обоснованным выглядит предположение, что в Бактрии или сопредельных регионах, по крайней мере, в пер. пол. I тыс. н.э. существовал очаг эллинистической культуры⁵⁰², сохранявший известную «чистоту» и сравнительно слабо подвергшийся ориентализации. Иными словами, в то время как в Средиземноморье христианство активно вытесняло прежние культы, в глубине Азии античная мифология продолжала воспроизводиться. *Во-вторых*, предметы с христианской (от ромейских монет с крестами и ангелами⁵⁰³ до несторианских артефактов⁵⁰⁴) и «эллинистической» символикой сосуществовали на Шёлковом пути по крайней мере до периода Суй (581–618 гг.). *В-третьих*, наряду с весьма «греческими» экземплярами, параллельно в Китай поступал и куда более «ориентальные» (вроде «Диониса» и его спутников, изображённых на боках керамических верблюдов или сцен с саркофага наложницы У).

Раздел 3.4. Ромейские монеты в Китае

Отдельной и чрезвычайно категорией археологических источников, используемой автором в настоящей диссертации, являются монеты Восточной Римской империи и их копии различного качества, найденные на территории Китая и сопредельных территорий. Они по ряду параметров кардинально

⁵⁰² Вероятно, он связан с Кушанским царством.

⁵⁰³ См.: Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳. 中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究. 天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. 286 с.

⁵⁰⁴ См.: Чжан Сюйшань. Цзинцзю дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山. 景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 // 世界历史 2005 年 6 期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае // Шицзе лиши. 2006. №6. С. 76–88.

отличаются от описанных выше артефактов, предметов эллинистического искусства. Во-первых, монеты несли на себе христианскую символику, т.е. относились к новой для Средиземноморья государственной парадигме культуры. Во-вторых, в отличие от ваз и фаларов, монеты куда легче хронологически атрибутировать, понять их оригинальность или, напротив, поддельность, соотнести с определёнными социально-политическими и этнокультурными процессами. В данном разделе мы представим первую в русскоязычной науке попытку систематизации «солидов» из КНР, далее рассмотрим на примерах проблему «брактеатов», а затем обратимся к социальному статусу обладателей золотых монет из Восточной Римской империи.

§3.4.1. Систематизация ромейских монет в Китае

Для того, чтобы проанализировать столь неоднородную категорию инвентаря как ромейские монеты и их копии (разной степени качества) на Шёлковом Пути вообще и территории КНР в частности, необходимо определиться в понятийном аппарате, сложившемся в данной сфере. Условно можно говорить о трёх группах артефактов.

Первая группа – подлинные монеты, отчеканенные, очевидно, в Константинополе, с четкими изображениями и надписями, с нормативной массой 4,5 грамма. Приведём примеры. В коллекциях Нумизматического музея Китая представлена монета базилевса Феофила (829–842 гг.). На ней есть определенные следы использования, потёртости, при этом диаметр 19,79 мм, а масса 4,39 г. Судя по изображениям и надписям на аверсе и реверсе, монета была создана в промежутке между 830 и 840 годами (рисунок 46–1). Также в музейных собраниях есть монета Романа Аргира имеет диаметр 25 мм и весит 4,38 г (рисунок 46–2), солиды Константина Мономаха – 27,5 мм при

массе 4,30 г (рисунок 47–1) и Михаила Дуки – 29 мм в диаметре и массой в 4,22 г.⁵⁰⁵ (рисунок 47–2).

Крупнейшая единовременная находка монет, близких к оригиналам из Константинополя, была сделана в 1996 г. при раскопках погребения Тянь Хуна (511–575 гг.)⁵⁰⁶. По своей массе они все менее 4,5 г, но, при этом у них сильно обрезаны края, что объясняет подобный «недовес». Усопший был вельможей при дворе Северной Чжоу (царство, существовавшее в 557–581 гг.).

Вторая группа – качественные двусторонние подражания солидам, напоминающие настоящие по массе (2,5–4 грамма) и изображению, с возможностью установления прототипа. Приведем примеры. В ходе исследования погребения при раскопках гробницы M926 (датируется промежутком 525–534 гг.) в районе Цзяньси г. Лоян (рисунок 48) была сделана весьма интересная нумизматическая находка. Китайским исследователям удалось обнаружить золотую монету восточноримского императора Анастасия I. Масса монеты 2,8 грамма⁵⁰⁷ (рисунок 49–2). Грань между первой и второй группой изделий в случае с находками из КНР подчас непросто провести, так как исследователям за пределами Китая нередко приходится довольствоваться лишь упоминаниями в отчетах, зачастую не содержащих полной информации о нумизматических находках⁵⁰⁸. Авторы раскопок в КНР

⁵⁰⁵ См.: Шульга Д.П. Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 780–788.

⁵⁰⁶ См.: Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боююанькань. 2015. №3. С. 118.

⁵⁰⁷ См.: Шульга Д.П. Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 787.

⁵⁰⁸ Яркий пример – публикация находок из императорской гробницы династии Северная Вэй, сделанная в 2016 г. исследователями по имени Лю Бинь и Янь Хуэй (См.: Лю Бинь, Янь Хуэй. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэй Вэй му фацзюэ цзяньбао [刘斌、严辉。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物2016年第7期] Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян // Вэньу (Памятники культуры). 2016. № 7. С. 4–14). Учёные не поместили в работу изображения найденной монеты (в своем роде уникальной, т.к. это редчайший случай помещения солида в гробницу монарха).

обычно не являются специалистами по ромейской нумизматике, а потому часто принимают качественные копии за подлинники. Еще один пример – находка в погребении Кан Е (рисунок 50). Гробница Кан Е⁵⁰⁹ расположена северо-западнее деревни Кандицзай, примерно в 3,5 км к востоку от исторических границ столицы удельного царства Северное Чжоу (г. Чанань, совр. г. Сиань)⁵¹⁰. Размеры найденной во рту усопшего ромейской монеты: 1,81 см в диаметре, 0,11 см толщиной (рисунок 49–1). Масса 2,1 г, при этом авторы раскопок не указывают на то, что перед нами не оригинальный солид, а качественная копия⁵¹¹.

Третью группу составляют золотые «брактеаты» с изображением (обычно весьма невысокого качества), оттиснутыми (отчеканенными) на тонком диске из фольги, массой менее 2 г.⁵¹² (рисунок 51)⁵¹³. Эта группа вызывает особый

Китайские коллеги, будучи специалистами по вэйской истории (а не нумизматике) посчитали эту монету оригинальной, хотя она имела массу менее 3 грамм без заметных следов обрезки (См.: Шувалов П.В., Шульга Д.П., Кудинова М.А. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 253–260). Соответственно, перед нами лишь качественная копия (которые в отечественной историографии часто именуются подражаниями).

⁵⁰⁹ На поверхности каменной кушетки находится скелет человека, голова ориентирована на запад, ноги направлены на восток. Тело лежит на спине с вытянутыми конечностями. Во рту — золотая монета Восточной Римской империи с имперскими и христианскими символами, а в руке зажата монета из бронзы. Усопший облачен в халат из шелка и парчи, остатки которого фиксируются до сих пор. Ткань вышита металлическими и каменными украшениями (в т.ч. монетами). Талию Кан Е украшал наборный пояс. Сохранилась лишь бронзовая фурнитура. Кроме монет, украшений одежды и пояса, обнаружена табличка с эпитафией. Надпись, в общей сложности состоит из 397 символов в характерном вэйском стиле, подробно описывает семейное происхождение умершего и другие обстоятельства. К слову, часть найденных в гробнице монет имеют традиционную китайскую форму, несут на себе иероглифы «布泉». Наиболее примечательными находками являются поясная пряжка (с подвижным язычком, длина 8 см) и уже упомянутая золотая восточноримская монета (солид).

⁵¹⁰ Примерно в 150 м к югу от описываемой могилы расположено погребение еще одного упомянутого выходца из Западного Края — Ан Цзя. В двух километрах к востоку от Кан Е покоился третий согдиец — Ши Цзюнь.

⁵¹¹ См.: Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 25–26.

⁵¹² См.: Шмоневский Б.Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI-VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. №. 244. С. 262.

⁵¹³ На данной иллюстрации автор намеренно сопоставляет качественную копию монеты Анастасия I из Лояна с низкокачественным «брактеатом» из Сианя, найденным в 1989 г. в

интерес. Сюда входят различные категории вещей от явных подражаний монетам⁵¹⁴ до собственно «имитаций» монет. Под последними понимаются не являющиеся оттисками изделия в виде кружка с относительно вольным рельефным односторонним изображением⁵¹⁵. Во-вторых, сам термин «брактеат» не вполне однозначен⁵¹⁶. В русскоязычной археологической литературе термин «брактеат» в отношении к оттилкам монет постепенно заменяется словом «индикация»⁵¹⁷.

Очевидно, что, используя наименование «брактеат»⁵¹⁸ для исследователя не будет лишним пояснить, подразумевает ли он под этим термином монету на тонкой пластине (сюда относятся серебряные брактеаты средневековья, о которых пишет Ю.П. Калашник), или следуем более ранней «терминологической традиции», в рамках которой «брактеатами» называли широкий пласт разнообразных монетовидных изделий. Так Б.Ш. Шмонеvский, полагающий, что на просторах Евразии у кочевников (и не только) от аваров

восточном пригороде г. Сиань (пров. Шэньси, КНР) при раскопках гробницы. Последняя датируется временем правления императора Гаоцзуня (650-683 гг.) из династии Тан. Оттиск округлой формы, выполнен из сравнительно толстой золотой фольги. Высота 2 см, ширина 2,15 см, масса 0,8 гр. Аверс и реверс идентичны (с одной стороны образовавшийся при штамповке «негатив», с другой – собственно изображение).

⁵¹⁴ К таковым, в частности, относятся «двойные индикации» в виде плоского кружка с аверсом и реверсом (См.: Калашник Ю.П. Пантикапейские индикации // Фидития. Памяти Ю.В. Андреева, 2013. С. 85).

⁵¹⁵ См.: Абрамзон М.Г., Трейстер М.Ю. Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории. 2015. С. 194–201.

⁵¹⁶ Например, по мнению Ю.П. Калашника «Обычно брактеатами называли золотые кружки, гладкие либо украшенные каким-либо тисненым узором (...). В нумизматике брактеаты – средневековые монеты, чеканившиеся на одной стороне тонких серебряных кружков (См.: там же).

⁵¹⁷ Согласно одному из определений «Золотые индикации представляют собой оттиски монет, изготовленные из золотой фольги, и относятся к погребальному инвентарю, который предназначался исключительно для захоронений» (См.: Анохин В.А. Сон Н.А. Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса // Археология і давня історія України. 2016. № 1. С. 92; Лысенко А.В. Индикация с римской монеты из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2019. С. 131–150).

⁵¹⁸ См.: Серегин Н.Н., Тишин В.В. Некоторые аспекты интерпретации монетных индикаций (брактеатов) из погребальных комплексов тюрок Центральной Азии // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 255–262; Seregin N. Tishin V., Serov V. “Forgotten” Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai). // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. № 14 (1). P. 85–97.

до тюрков оттиски монет использовались в погребальном обряде, в том числе как «обол Харона»⁵¹⁹, именует их «брактеатами».

Таким образом, в русскоязычной археологической литературе продолжается процесс выработки соответствующей терминологии, которая избирается не в последнюю очередь исходя из того, как исследователь реконструирует сферу применения «брактеата». Оттиск монеты Гераклеи Понтийской из Фанагории авторами достаточно новой статьи по античной нумизматике Причерноморья называется «двойной индикацией», и двусторонней имитацией монеты»⁵²⁰. В этом случае слово «имитация» не является термином, и используется в соответствии со своим основным лексическим значением (по словарю С.И. Ожегова «имитация - подделка подо что-н.»). Между тем, другие не менее известные специалисты понимают под «имитациями монет» конкретную категорию монетовидных изделий, даже не являющихся оттисками⁵²¹. Похожая ситуация и с термином «монетное подражание».

Ещё меньшее отношение к золотым оттискам монет имеет термин «индикация»⁵²², и не случайно некоторые исследователи предпочитают параллельно использовать более конкретный и понятный термин «оттиск» монеты⁵²³. По этим причинам использование «строго определенных нумизматических терминов» по отношению к изделиям, не являвшимся монетами и не выполнявшим этих функций также может вызвать вопросы (особенно ввиду того, что сфера применения подобных артефактов далеко не

⁵¹⁹ См.: Шмонеvский Б.Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI-VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. №. 244. С. 255–259, 264–266.

⁵²⁰ См.: Анохин В.А. Сон Н.А. Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса // Археологія і давня історія України. 2016. № 1. С. 94.

⁵²¹ См.: Абрамзон М.Г., Трейстер М.Ю. Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории. 2015. С. 194–201.

⁵²² См.: Горбунов В.В. Серов В.В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1 (88). С. 73.

⁵²³ См.: Калашник Ю.П. Пантикапейские индикации // Фидития. Памяти Ю.В. Андреева, 2013. С. 85.

всегда надёжно реконструируется). Не останавливаясь более на извечной проблеме терминологии, следует отметить, что в силу традиции китайские исследователи в англоязычных работах и аннотациях к своим статьям в основном продолжают называть монетовидные изделия словом «брактеаты». Автор настоящей работы, принимая во внимания вышеуказанную терминологическую дискуссию, также склонен использовать данное наименование, в том числе потому, что, по нашему мнению, даже низкокачественные подобию монет, выполненные из драгоценных металлов, могли выполнять одну или несколько функций денег (как минимум, являясь средством накопления, а подчас, очевидно, и обмена). Находок такого рода немало как в Китае, так и на сопредельных территориях. В настоящей работе мы приведём примеры из Нинся-Хуэйского АР КНР и Монголии.

§3.4.2. Брактеаты из Нинся-Хуэйского АР и контекст их обнаружения

Исходя из того, что описываемые в настоящей статье имитации монет происходят из погребений клана Ши в окрестностях г. Гуюань Нинся-Хуэйского автономного района, необходимо кратко описать хронологию захоронений и статус усопших. Итак, начиная с 80-х годов XX в. в Гуюане и прилегающих районах активно проводятся раскопки таких погребальных памятников как Кайчэнчжэньянфан (开城镇羊坊), Сяомачжуан (小马庄), Ванлаоба (王涝坝), Янцзячжуан (杨家庄), Ваньяцзы (万崖子), Коучжуан (寇庄), Цинхэчжэньшэньгоу (清河镇深沟), Дабао (大堡), Чэнцзяо (城郊). Всего до настоящего дня было исследовано более полусотни захоронений эпохи Северных династий и периода Суй. Среди них шесть погребений принадлежат представителям клана Ши.

В 1982 году в Ванлаобацунь была исследована гробница сановника Ши Даодэ (史道德), датирующаяся третьим годом под девизом правления «Ифэн» (仪凤), т.е. 678 г. В 1985 году в Янфанцунь было раскопано погребение,

относившихся к третьему году танского девиза правления «Сяньцин» (显庆), что равнозначно 658 г. Принадлежало оно дувэю (военачальнику) округа Пинлян по имени Ши Соянь (史索岩) и его супруге. В 1986 г. в Сяомачжуанцунь была вскрыта гробница Ши Хэданя (史诃耽) с супругой. Датируется она первым годом танского девиза правления «Сяньхэн» (咸亨), т.е. 670 г. Ши Хэдань был начальником округа Гочжоу (虢州刺史) и военным деятелем (游击将军). Примечательно, что в том же 1986 г. было открыто построенное синхронно с вышеописанной гробницей захоронение Ши Тебана (史铁棒). В 1987 г. в Сяомачжуанцунь была вскрыта гробница Ши Шэу (史射勿), датируемая шестым годом под девизом правления «Дая» (大亚), то есть 610 г. Это был сановник (正议大夫) и военный деятель с чином «правого командующего армией» (右领军, на русский язык было бы, вероятно, адекватным перевести это как «заместитель командующего»). Впоследствии Шэу получил высокий военный ранг, который можно перевести примерно как «воевода» (骠骑将军). Позже всех, уже в 1995 г. было исследовано погребение дворцового стража (左亲卫) Ши Даоло, датируемое 658 г., или третьим годом под танским девизом «Сяньцин» (显庆).

Все погребения клана Ши были так или иначе потревожены, однако из них удалось получить весьма представительный материал (всего около тысячи артефактов). Среди таковых позолота, настенные росписи, иероглифические эпитафии и настенные росписи, каменные саркофаги, декорированные ворота в погребальную камеру, китайский фарфор, поделочные камни с резьбой, позолота, серебряные и золотые персидские монеты, а также интересующие нас имитации восточно-римских монет ⁵²⁴.

⁵²⁴ См.: *Вэй Цзинь*. Гуюань вэнью каогучжун дэ сылу ци чжэнь [魏瑾. 固原文物考古中的丝路奇珍//宁夏师范学院学报] Артефакты Шёлкового пути среди гуюаньских древностей // Нинься шифан сюэюань сюэбао. 2015. №26. Вып. 2. С. 105–107.

Как уже говорилось, ромейские монеты и их имитации – довольно массовый материал в Нинся (особенно учитывая весьма скромные размеры автономного района). Помимо найденных в 1980-х годах на могильнике клана Ши четырёх золотых «местных копий», в 2004 г. на территории того же г. Гуюань у горы Цзюлуншань в погребении, относящемся к рубежу Суй и Тан, была обнаружена обрезанная ромейская монета (а скорее, имитация таковой). На аверсе изображен император в доспехах и короне, с лентами по бокам. В правой руке государя держава (шар с крестом). На реверсе мы видим стоящего анфас ангела с длинным крестом в правой руке и державой – в левой.

Вышеописанный «солид» может вызывать споры, однако остальные гуюаньские реплики не очень искусно изготовлены. Первая из них обнаружена в погребении Ши Сояня, раскопанном в 1985 г. Диаметр монеты 19 мм., масса 0,8 г. Монета очень тонкая, сильно обрезанная, чеканка односторонняя. Сверху и снизу пробиты отверстия. На аверсе – своеобразно исполненный «портрет» императора Восточной Римской империи в декорированном шлеме, доспехах, с коротким копьем у плеча. По краю идет нечитаемая имитация надписи (рисунок 52–1).

Вторая из реплик найдена в захоронении Ши Хэданя, вскрытом в 1986 г. Диаметр – 20 мм, масса – 2 г. Данный нумизматический артефакт интересен наличием выделенного центра (собственно «монеты», где виден портрет «византийского императора») и ободка вокруг. Чеканка односторонняя. Присутствует имитация надписи (рисунок 52–2).

Весьма примечательна третья находка, происходит она из могилы Ши Тебана, исследованной в 1986 г. Данный экземпляр крупнее предыдущих – 25 мм в диаметре и массой в 7 г. Чеканка односторонняя, в верхней части пробито отверстие. На аверсе – портрет государя с короной на голове, длинными волосами, большими глазами, острым носом, в парадном одеянии. Вокруг изображения – расплывчатые трудночитаемые надписи. Профильный портрет, с характерная зубчатая форма короны и другие детали указывают, что перед нами имитация не ромейской, а персидской монеты. Вероятно, оригиналом

послужили деньги Ардашира III, правившего в 628–630 гг., на что указывает и примерное совпадение массы. Стоит заметить, что золотые или серебряные монеты Ардашира III (и их подражания) в Китае практически не известны, что делает описанную находку уникальной (рисунок 52–3).

Четвертая имитация найдена в захоронении Ши Даодэ, вскрытом в 1982 г. Диаметр находки равен 20 мм, а масса – 4 г. Форма округлая, чеканка двусторонняя. На аверсе – профильный портрет императора в декорированном шлеме и доспехах, с коротким копьём у плеча. На обеих сторонах есть латинские литеры, в основном стёртые и плохо читаемые. На реверсе монеты – весьма размытая крылатая фигура «Ники»⁵²⁵ (рисунок 52–4).

Подобная ситуация показывает, что, с одной стороны, в то время в этом регионе для обеспечения нужд торговли не хватало количества «валюты», имеющей международное признание (таковой был византийский солид и иные золотые монеты). С другой стороны, еще раз доказывается тот факт, что весьма отдалённая от Западного Китая ромейская держава, тем не менее, влияла на местную культуру и хозяйство. В целом можно сделать вывод о достаточно плотном взаимодействии Средиземноморья с севером современной КНР (настолько, насколько это вообще было возможным при тогдашнем уровне развития инфраструктуры). Начиная с 1960-х гг. в погребальных памятниках Северного Китая было обнаружено около 50 подлинных византийских золотых монет и их имитаций. Хронологически подавляющее большинство относится к кон. VI–VIII вв. н.э. (т.е. с конца периода Северных династий до расцвета Тан). Таким образом, можно говорить о том, что именно в этот период обмен между Средиземноморьем и Поднебесной достиг своего апогея, а ромейские золотые монеты стали важными культурными и материальными артефактами, завоевавшими

⁵²⁵ См.: *Ма Цзяньцзюнь*. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао [马建军。宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 // 中国钱币 2016 年第 6 期] Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся // Чжунго цянъби. 2016. № 6. С. 34–35.

популярность и доверие у согдийских, китайских, сяньбийских и иных деятелей на Шёлковом пути ⁵²⁶.

На настоящих солидах константинопольской чеканки изображение и надпись чёткие⁵²⁷, качество имитаций, как уже отмечалось, различно. Среди них есть простые односторонние образцы с весьма грубо выполненным аверсом и неразличимыми надписями. Копирование ромейских монет вполне ложится в контекст Шёлкового пути не только в экономическом, но и в культурном смысле. Если угодно, здесь смешивались и очень специфически копировались самые разные элементы, теряя при этом свою изначальную чистоту и смысл. У упомянутого уже Ши Даодэ, например, на золотой погребальной маске явно присутствуют солярные символы, прямые аналогии которым есть в изображениях зороастрийцев-сасанидов⁵²⁸. Впрочем, его имя (道德 – ничто иное как название главных компонентов учения Лао Цзы), вызывает прямые ассоциации с даосизмом, вероятно, еще раз подчеркивает религиозный и культурный синкретизм в Северо-Западном Китае IV–VII вв. Этот же синкретизм мы видим и в фиксируемом у представителей рода Ши обычае класть монеты в рот или руку покойного, находящий, по мнению Гэ Чэньюна, явные параллели в античной традиции⁵²⁹.

⁵²⁶ См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 118–120.

⁵²⁷ См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 130–140.

⁵²⁸ См.: Вэй Цзинь. Гуяоань вэньу каогучжун дэ сылу ци чжэнь [魏瑾。固原文物考古中的丝路奇珍//宁夏师范学院学报] Артефакты Шёлкового пути среди гуяоаньских древностей // Нинься шифан сюэюань сюэбао. 2015. №26. Вып. 2. С. 106.

⁵²⁹ См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 118.

§3.4.3. «Брактеаты» Монголии и контекст их обнаружения

В 2011 году при раскопках тюркской гробницы с настенной росписью в Байаннууре, аймак Булган, Монголия, была найдена 41 монета из золота и серебра. Обнаружение подобных предметов имеет чрезвычайную важность для изучения феномена хождения монет из Средиземноморья и их имитаций в Китае и прилегающих районах⁵³⁰. Эти данные обогащают типологию имитаций солидов⁵³¹, тремиссисов и семиссисов в Восточной Азии, что имеет

⁵³⁰ См.: *Li Qiang*. Roman Coins Discovered in China and their Research // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2015. Vol. 51. P. 299.

⁵³¹ Император Константин I (правил в 306–337 гг.) продолжал денежную политику Диоклетиана (правил в 284–305 гг), выпуская различные виды золотых, серебряных и медных монет. Наиболее стабильной денежно-счетной единицей был солид (*solidus*). Само название «твердый, прочный» выражало надежды государей на то, что эта монета будет достаточно стабильной и избежит девальвации. Она весила 4,5 г, диаметр 22 мм и имела ценность 24 греко-римских карата (более 90% золота). Когда в 324 г. Константин стал верховным императором (августом), он также выпустил «половину солида» семис (*semisis*) и «треть солида» - тремисс (*tremisis*). Семисы имели ценность 12 карат и весила как половина солида, а тремиссы – 9 карат и 1,51 г. В эпоху раннесредневековой империи (именуемой Восточной Римской, ромейской или Византийской), в отличие от классического периода принципата и раннего домината, религиозная тематика была сопряжена с идеей святости государства и правителя, а также набожности его подданных. На аверсе византийских монет чаще всего изображался погрудный портрет императора анфас, в то время как реверс занимали христианские символы. Нечто подобное пытались воспроизвести и мастера – изготовители имитаций (См.: *Го Юньянь*. Лян мэй Байчжаньтин цзиньби фанчжи пинь бяньси (Анализ двух имитаций византийских золотых монет) // *Каогу юй вэнь* («Археология и культурное наследие»). 2008. № 3. С. 90) на территориях от приграничного Гуюаня (См.: *Вэй Цзинь*. Гуюань вэнь каогучжун дэ сылу ци чжэнь [魏瑾. 固原文物考古中的丝路奇珍 // *宁夏师范学院学报*] Артефакты Шёлкового пути среди гуюаньских древностей // *Нинся шифан сюэюань сюэбао*. 2015. №26. Вып. 2. С. 105–107; *Ма Цзяньцзюнь*. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао [马建军. 宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 // *中国钱币* 2016 年第 6 期] Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся // *Чжунго цянъби*. 2016. № 6. С. 31–35; *Ло Фэн*. Гуаньюй си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь [罗丰. 关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 // *中国钱币* 1993 年 4 期]. Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане // *Чжунго цянъби* (Китайская нумизматика). 1993. №4. С. 17–19) до столичных Сианя (См.: Ван Чанци. Сиань чуту тан фан дун лома цзиньби (Найденные в Сиане имитации восточно-римских монет эпохи Тан) // *Чжунго цянъби* (Китайская нумизматика). 1992. № 4. С. 72–75; *Го Юньянь*, *Цао Линь*. Гуаньюй Сиань бэйчжоу Ши Цзюнь му чуту цзиньби фанчжи пинь дэ идянь бу чун. (Дополнительные сведения об имитациях золотых монет, найденных в погребении Ши Цзюня в Сиане) // *Вэнь бо* (Культурные и музейные ценности). 2007. № 6. С. 41–44) и Лояна (См.: *Ян Гуаньхуа*. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // *文物* 2016 年第 7

особую важность для понимания экономических и культурных обменов между Востоком и Западом.

Гробница Шорун Бумбагар принадлежала представителю тюркской знати. 41 монета (37 золотых и 4 серебряных) располагались в деревянных ящичках на специальных столиках внутри гроба.

В данной работе мы подробнее остановимся на характеристике византийских монет и их имитаций как наиболее численно представительной группе находок. Среди них выделяются отдельные монеты, изображение на которых отличается наибольшей четкостью: качественно выгравированные профиль императора и христианский крест.

Среди золотых и серебряных предметов, обнаруженных в тюркской гробнице в Баяннууре, четыре монеты изображают императора в профиль. По форме и изображению, можно предположить, что эти предметы являются имитацией аверса золотых семисов или тремиссов. Изображение одностороннее, в профиль, лицо вправо, край украшен орнаментом в виде жемчужин. Одежда обозначена несколькими дугообразными линиями, ленты головного убора развеваются назад. На монетах есть трудноразличимые надписи. Несмотря на небольшие различия в чеканке, можно утверждать, что все четыре имитации были сделаны на основе одного и того же образца. На это указывает одинаковое положение головы и ее размеры, длина бровей, внешний вид бороды, очертания надписи.

Рассмотрим примеры:

№ ХХМ2012.5.122, односторонняя чеканка, монета повреждена в верхнем правом углу, в центре семь маленьких отверстий. Диаметр 20,05-20,11 мм, толщина 0,08 мм, вес 0,138 гр.

期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньу (Культурное наследие степи). 2016. №7. С. 5–13), т.е. из стран, о которых Диоклетиан и Константин явно имели весьма смутное представление.

№ ХХМ2012.5.123, односторонняя чеканка, в центре есть три небольших отверстия. Диаметр 18,33 мм, толщина 0,14 мм, вес 0,171 гр. (рисунок 53–1).

№ ХХМ2012.5.124, односторонняя чеканка, монета повреждена в правом верхнем углу, в центре есть семь маленьких отверстий, расположенных идентично другим подобным монетам, но диаметр и вес отличаются. Диаметр 16,45-18,43 мм, толщина 0,08 мм, вес 0,115 гр.

№ ХХМ2012.5.127, односторонняя чеканка, целая, без отверстий, с двумя трещинами по краям. Диаметр 18,2 мм, толщина 0,09 мм, вес 0,125 г. (рисунок 53–2).

Среди нумизматических материалов выделяются 17 монет односторонней чеканки, имитаций изображений византийских золотых солидов.

№ ХХМ2012.5.120,136, односторонняя чеканка, в самом низу имеется перфорация. Рисунок очень нечеткий, приблизительно можно определить, что на аверсе монеты изображен человек, а в правом нижнем углу - щит. Диаметр - 21,45 мм, толщина - 0,17 мм, вес - 0,663 г.

№ ХХМ2012.5.131, односторонняя чеканка, поверхность монеты преимущественно гладкая без рисунков, только в середине, слева и снизу можно разглядеть изображение человека в анфас, характерного для византийских золотых монет середины и конца V в.: на голове императора шлем, с левой стороны тела подобие щита, сзади - свешивающиеся ленты. Диаметр - 18,58-18,74 мм, толщина - 0,06 мм, вес - 0,413 г.

№ ХХМ2012.5.120.132, односторонняя чеканка, в нижней части имеется перфорация, на поверхности монеты имеется много углублений, не связанных с каким-либо изображением, что затрудняет идентификацию. На изображении императора заметно отверстие под подбородком, которое, видимо, было вызвано истиранием. Рисунок очень трудноразличимый, базилевс показан в анфас, похожий на изображения на аверсе солидов середины и конца V века. В целом, можно распознать шлем на голове

императора, доспехи, щит, расположенный слева, а также подобие копья за его головой. Диаметр – 19,04 мм, толщина – 0,05 мм, вес – 0,122 г. (рисунок 53–3).

№ ХХМ2012.5.144 – данная монета толще и тяжелее других имитаций, однако неясно, имела ли место двусторонняя чеканка. С одной стороны рядом с левым краем есть небольшое отверстие. Изображение на данной стороне монеты представляет собой крест и подобие надписей на нижней и боковых сторонах. Подобное оформление очевидно является попыткой копировать реверс византийской золотой монеты. Диаметр - 19,40 мм, толщина - 0,20 мм, вес - 1,988 гр.

№ ХХМ2012.5.279, односторонняя чеканка. Монета повреждена по краям. Изображение представляет собой портрет императора анфас. На левой стороне золотой монеты есть крест, а остальную часть трудно распознать. Диаметр - 18,86 мм, толщина - 0,20 мм, вес 0,162 гр.

№ ХХМ2012.5.154, односторонняя чеканка, рисунок очень трудноразличимый, едва можно разглядеть внешние очертания фигуры. Края тонкие, в некоторых местах сжаты, сверху, снизу, слева и справа есть маленькие отверстия. Диаметр - 16,49 мм, толщина - 0,11 мм, а вес - 0,191 гр.

№ ХХМ2012.5.141, двухсторонняя чеканка, по левому краю - черный налет. На аверсе изображены две фигуры в фас, правая фигура больше, имеет бороду и усы. Обе фигуры одеты в доспехи мантии, на головах короны с крестами, между двумя головами также расположен один большой крест. Реверс частично покрыт слоем патины. На реверсе есть нечитаемая надпись, левая ее часть совершенно неразличима, правая напоминает буквы ССС. Диаметр - 21,62 мм, толщина - 0,30 мм, вес - 2,753 гр. (рисунок 53–4). Эта монета похожа на золотые монеты периода соправления византийских императоров Ираклия Старшего и Ираклия I (отца и сына). Согласно византийской традиции, когда на золотой монете изображались два образа, более высокий статус занимает тот, кто расположен слева. Если же изображены три фигуры, то среди них император находится посередине. Но в данном случае более старший государь расположен справа, что не

соответствует изобразительным традициям. Из этого можно сделать вывод, что эта монета является имитацией золотой монеты периода правления Ираклия I.

№ ХХМ2012.5.133, односторонняя чеканка, слева внизу есть небольшое отверстие. Рисунок расплывчатый: в общих чертах можно предполагать, что это два изображения в фас большого и маленького размера (левый образ маленький, составляет примерно четверть более крупного образа). Вокруг нечитаемое подобие надписи. Диаметр – 18,63 мм, толщина – 0,07 мм, вес 0,250 гр.

№ ХХМ2012.5.236, односторонняя чеканка, рисунок нечеткий, верхний левый край немного поврежден, есть небольшие отверстия; из внешних очертаний изображения можно разглядеть два образа (слева маленькая фигура, справа - большая). Диаметр – 20,51 мм, толщина – 0,18 мм, вес – 0,239 г.

№ ХХМ2012.5.270, односторонняя чеканка, левый верхний угол обрезан. Рисунок относительно четкий, представляет собой изображение двух людей, левая фигура очень маленькая, составляет лишь четверть большой фигуры, у правой фигуры отчетливо заметны борода и усы. На головах царские короны, украшенные крестами. Между «государями» расположен крест. Общая стилистика изображения сходна с монетой ХХМ2012.5.141. Диаметр - 20,36 мм, толщина – 0,18 мм, вес – 0,174 г.

№ ХХМ2012.5.148, односторонняя чеканка, монета с одной стороны сильно повреждена. Изображение нечеткое, но размеры и расположение двух фигур (справа – большая фигура, слева – маленькая) похожи на характерные для описанных выше нумизматических артефактов. Вокруг фигур расположены подобию надписей. Диаметр – 19,86 мм, толщина – 0,10 мм, вес 0,451 г.

№ ХХМ2012.5.153, односторонняя чеканка, вверху, внизу, слева и справа имеются небольшие отверстия. Рисунок неясный, угадывается большая фигура справа, вероятно слева должно быть изображение маленькой. Диаметр – 18,89 мм, толщина – 0,14 мм, вес – 0,292 г.

№ХХМ2012.5.155. Односторонняя чеканка, монета достаточно серьезно повреждена. На монете видны очертания одной фигуры, похожей на характерные для периода от Фоки до Ираклия. Диаметр - 13,08 мм, толщина - 0,12 мм, вес 0,166 г⁵³².

Среди других выделяется находка, представляющая собой две слипшиеся монеты. Одна из них сильно деформирована, а вторая с односторонней чеканкой, с изображением императора в анфас. Можно отчетливо разглядеть черты лица, на голове корона, в правой руке копье. В работе С.А. Яценко приводится точка зрения Ю. Гончарова, согласно которой перед нами имитация золотой монеты Тиберия II ⁵³³, однако эта точка зрения представляется китайскому исследователю Го Юньяню сомнительной (рисунок 53–5).

Вообще, монет с двойным изображением «императоров» на имитациях довольно много. Судя по изображению, на ней представлены две фигуры (одна большая, другая - маленькая) с коронами, украшенными крестами, на головах, между головами также расположен крест. Фигура слева составляет лишь четверть фигуры с правой стороны (рисунок 53–6). Всё это вполне согласуется с приведёнными выше примерами и позволяет говорить о некоторых закономерностях в изготовлении имитаций.

Отдельную категорию монет составляют находки с *двусторонней чеканкой*. Они достаточно массивные в сравнении с односторонними экземплярами.

№ ХХМ2012.5.142, двусторонняя чеканка, имеет в верхней части отверстие, в которое продето проволочное кольцо. На аверсе монеты изображено две фигуры. Фигура слева больше, на лице имеются короткие усы.

⁵³² См.: Го Юньянь. Лунь Мэнгуго Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳. 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 //草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаюань взньу (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 116.

⁵³³ См.: Yatsenko S.A. Image of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tombs in Mongolia // The Silk Road. 2014. Vol. 12. P. 122–123.

Фигура справа, имеет более длинную бороду и усы, черты лица призваны указать на пожилой возраст изображаемого. На головах царские головные уборы с перпендулиями и крестами. На реверсе - большой крест с надписью CONOB внизу и VICTORIA-AVIUI по бокам. Монета похожа на золотые солиды времен правления Ираклия I, соответствует им по размерам, весу и форме, вероятнее всего, эта монета не является имитацией. Диаметр - 20,44 мм, толщина - 0,79 мм, вес - 4,701 гр. (рисунок 53–7). Очевидно, именно такие оригиналы играли роль «примеров для подражания» при изготовлении односторонних имитаций.

№ ХХМ2012.5.240, двусторонняя чеканка. На аверсе расположены большая и маленькая фигуры в фас, фигура слева больше, с короткой бородой, фигура справа меньше. На головах короны с перпендулиями и крестами, между головами расположен крест. На реверсе изображен крест на четырехступенчатой платформе. Справа внизу греческая буква «Г», внизу надпись CONOB, по бокам - VICTORIA-AVCCIE. Монета похожа на золотые солиды времен правления Ираклия I, соответствует им по размерам, весу и форме, вероятнее всего, эта монета также является оригиналом. Диаметр - 22,60 мм, толщина - 1,10 мм, вес - 3,423 г. Впрочем, некоторые сомнения вызывает её масса.

Надо сказать, что между явными имитациями и вероятными подлинниками есть категория, которую составляют, вероятно, качественно выполненные имитации, близкие к полновесным.

На аверсе первой из них – изображение императора в анфас, в короне и доспехах, с обеих сторон есть подобию надписей, которые трудно разобрать, на реверсе - большой крест. Внизу предположительно написано CONOB (рисунок 53–8). Это изображение похоже на золотой солид ранней Византии⁵³⁴. Такое изображение императора в анфас характерно для середины V – начала

⁵³⁴ См.: *Ли Цян*. Оуя цаюань сылу юй шамо люйчжоу сы лушан фацзюэ дэ байчжаньтин цяньби яньцзю шу лунь (Исследование византийских монет, раскопанных на Шелковом пути в степях и оазисах) // Цаюань вэньу (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 110–112.

VI вв. Во время правления императора Константина IV (годы правления - 668-685) во второй половине VII в. к этой изобразительной традиции вновь вернулись. Большой крест на четырехступенчатой платформе впервые появился на монетах времен правления императора Тиберия II (годы правления 578-582 гг.). На реверсе же монет Константина IV изображался большой крест, по обе стороны которого располагались фигуры двух его сыновей в полный рост. Несоответствие аверса и реверса изобразительной традиции оригинальных византийских монет говорит о том, что это, вероятно, имитация⁵³⁵.

На аверсе второй также изображен император в анфас, на голове государя корона с крестом и перпендулиями. Одет в хламиду, закрепленную пряжкой на правом плече, в правой руке держит державу. Надписи частично стерлись, читаются CAS-PCAPΛVCT, на реверсе - большой крест, внизу надпись - COHO, а по бокам - ΒΘ V?-NΛIPO>THC (рисунок 53–9). Данные надписи плохо поддается интерпретации и подобное сочетание аверса и реверса не встречаются в каталогах известных монет Византии. Вероятнее всего, это имитация и довольно качественное подражание⁵³⁶.

Судя по фигуркам китайских чиновников, обнаруженным в гробнице, и по типу седельных ремней на лошадях, можно приблизительно оценить, что гробница была создана после середины VII в., то есть когда Восточно-Тюркский каганат было официально включено в состав Танской империи (в которой, в свою очередь, нередко использовали как оригинальные ромейские монеты, так и их имитации⁵³⁷), что в целом не противоречит датировкам

⁵³⁵ См.: *Guo Yunyan*. A General Overview of Byzantine Coins. Their Imitations Found in China // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2005. Vol. 41. P. 87–116.

⁵³⁶ См.: *Го Юньян*. Лунь Мэнгуго Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳. 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 // 草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // *Цаюань вэньу* (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 118–121.

⁵³⁷ См.: *Ло Фэн*. Нэймэнгу цзиньжун яньцзю – цянби вэньцзи (Финансовые исследования Внутренней Монголии – Нумизматические коллекции). 2003. № 4. С. 46–49; *Гэ Чэньюн*. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗迹 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии

оригинальных монет времени правления Ираклия I (и массы копий). Имитации из данной гробницы существенно расширили список ромейских монет, копировавшихся на Востоке. Примечательно, что копировались не только наиболее ценные византийские солиды. Дешевые семисы и тримиссы также были частью экономических и культурных контактов между Центральной Азией и Средиземноморьем в V-VII вв.⁵³⁸.

Представленный выше внушительный список монет (на деле, далеко не полный, ибо цели нашей работы связаны не с нумизматикой как таковой) очень ярко доказывает прочные и долговременные связи Восточной Азии с Восточной Римской империей. Монеты августов-басилевсов Константинополя играли важную социально-экономическую роль не только в Западном Китае, но и в более удалённых от Средиземноморья районах (от Северной Монголии до Лояна). Начатый когда-то двумя великими империями Великий Шёлковый путь переживал свой расцвет, обеспечивая их дальнейшее взаимодействие. При этом смена династий и столиц (от Рима к Константинополю, от Сианя к Лояну), даже временный распад играли второстепенную роль до тех пор, пока на западном конце пути жители одной империи верили, что они «римляне», а на западном – чтили наследие Хань.

§3.4.4. Систематизация ромейских монет в Китае

Изучение предметов византийской нумизматики в Китае таит не только терминологические трудности. Нужно отметить, что «регулярные» раскопки с публикацией материалов на приемлемом уровне до 1950-х годов в Китае практически отсутствовали. Раздираемая с 1911 г. гражданской войной страна,

по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боююанькань. 2015. №3. С. 111–125.

⁵³⁸ См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰. 胡漢之間: “絲綢之路” 與西北歷史考古. 北京: 文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 113–150.

естественно, не могла в должной мере спонсировать археологические изыскания. Поэтому масса монет бесконтрольно изымалась из памятников грабителями и продавалась коллекционерам. К счастью, часть из этого массива в конце концов попала в музеи КНР (табл. 1а: 66–70, 74–91), некоторые экземпляры были описаны в частных коллекциях (табл. 1а: 92–98), однако восстановить регион происхождения таких монет уже практически невозможно. Впрочем, этим проблемы работы с публикуемыми источниками не исчерпываются. Качество иллюстраций в публикациях до нач. XXI в. оставалось чрезвычайно низким, при этом часто не указывались критически важные параметры – масса и диаметр (яркий пример – публикация трёх монет из г. Сианя⁵³⁹. Ситуация настолько сложная, что даже китайские исследователи, создающие обобщающие работы по ромейским монетам в Китае⁵⁴⁰ не могут найти полную информацию по целому ряду находок, часто вынуждены помещать низкокачественные рисунки предшественников, не имея возможности работать с материалами «вживую»⁵⁴¹. К счастью, в публикациях последних двадцати лет данная «болезнь» практически изжита⁵⁴², и новые находки публикуются в удовлетворительном качестве.

⁵³⁹ См.: Ван Чанци, Гао Мань. Сиань синь фасянь дэ дун лома цзиньби [王长启、高曼。西安新发现的东罗马金币//文博 1991 年第 1 期] Недавно обнаруженные восточно-римские золотые монеты в Сиане // Вэньбо. 1991. № 1. С. 38–39.

⁵⁴⁰ См.: Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянби. 2004. №3. С. 78—103; Го Юньян. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. 286 с.; Li Qiang. Roman Coins Discovered in China and their Research // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2015. Vol. 51. P. 279–299.

⁵⁴¹ См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間: “絲綢之路” 與西北歷史考古。北京: 文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 141.

⁵⁴² См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 111–125.

Заметно усложняет работу с литературой и большое количество вариантов написания основных названий, имён и терминов (о чём уже говорилось в первой главе). Данная тема подробно рассматривается в конце первой главы, и здесь мы лишь напомним некоторые примеры. Император Анастасий I в одном месте записывается Ло Фэном как 阿纳斯塔修斯 (*Ā nà sī tā xiū sī*)⁵⁴³, а в другом – 安那斯塔修斯 (*Ān nà sī tā xiū sī*)⁵⁴⁴. Ровно такая же «вариативность» с Ираклием: 希拉克略 (*xīlākè lüè*)⁵⁴⁵ и 赫拉克里留斯 (*hè lā kè lǐ liú sī*)⁵⁴⁶ (Ло Фэн 2004а: 80). Названия денежный единиц Восточной Римской империи также записываются авторами очень разнообразно. Слово *солид* китайские исследователи пишут как минимум двумя способами: 索利都斯 (*suǒ lì dōu sī*) и 索里得 (*suó lǐ dé*): *Семис* может быть записан и как 塞米赛斯 (*sāi mǐ sài sī*), и как 塞姆西斯 (*sāi mǐ xī sī*), также применяется описательный перевод (二分之一的索里得, т.е. «½ солида»). Естественно, вышеописанная ситуация создаёт большие сложности для исследования ромейской нумизматики в Китае, и, очевидно, является одной из причин весьма неактивного изучения данной темы в русскоязычной науке⁵⁴⁷.

⁵⁴³ См.: Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰. 中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004年第3期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 79.

⁵⁴⁴ См.: там же, с. 80.

⁵⁴⁵ См.: Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳. 中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究. 天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. С. 7.

⁵⁴⁶ См.: Ло Фэн. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰. 中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004年第3期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 80.

⁵⁴⁷ При этом, разумеется, есть и иные причины. Например, в публикации материалов о гробнице Ши Цзюня авторы единственной, по сути, русскоязычной статьи пишут лишь о «монетах», которые среди прочего были найдены в погребении, даже без уточнений, что они из Восточной Римской империи, не говоря уже о массе и диаметре изделий (См.: Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 323–327). Таким образом, с одной стороны для византинистов есть существенная проблема языкового свойства (даже переводчик, не погружённый в специфику перевода текстов по китайским древностям, мало бы помог специалисту по

Ввиду вышесказанного, автор в настоящем параграфе попытается насколько это возможно систематизировать ромейские монеты, найденные в КНР, в формате таблиц. На основании собранных данных в конце работы будут подведены итоги. Из-за описанных выше проблем с публикацией материалов (а работать с монетами непосредственно по понятным причинам практически невозможно) в таблицах мы делим артефакты на подлинники и копии, не давая в большей части случаев подробной информации о качестве исполнения неоригинальных «солидов».

Таблица 1а. Сводная таблица монет Восточной Римской империи, найденный на территории Китая (включая копии)

№	Год находки	Регион КНР	Могильник, номер погребения	Тип монеты	Диаметр (в мм) и масса (в граммах)	Восточно-римский император на монете
1	1897	Синьцзян, Хотан	-	солид	-	Константин V (741–775)
2	1905	Синьцзян, Хотан	-	копия солида	-	
3	1905	Синьцзян, Хотан	-	копия солида	-	
4	1905	Синьцзян, Хотан	-	копия солида	-	Юстиниан Великий (527-565)
5	1906	Синьцзян, Каргалык	Случайные находки	серебряная монета	масса 5,5 г	Константин II (337-350)

ромеем, вознамерившемся ознакомиться с китайской публикацией источниковой базы), с другой – ученые-востоковеды нередко не обращают пристального внимания на византийскую нумизматику, так она лежит вне основной сферы их научных интересов.

6	1906	Синьцзян, Каргалык	Случайные находки	серебряная монета	масса 4,9 г	Констант (337-350)
7	1915	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, группа захоронений I, могила 3.	копия солида ⁵⁴⁸	-	Имитация монеты Юстиниана Великого
8	1915	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, группа захоронений I, могила 5.	копия солида	-	Имитация монеты Юстиниана Великого
9	1915	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, группа захоронений I, могила 6.	копия солида ⁵⁴⁹	16мм, 0,8 г.	-
10	1931	Хэнань, Лоян	-	копия солида ⁵⁵⁰	-	-
11	1945	Ганьсу, Увэй	Могила Кан Ада, датируется ок. 643 г.	неизвестно ⁵⁵¹	-	-
12	1953	Шэньси, Сяньян	Могила Дугу Ло, датируется ок. 600 г.	солид	21 мм, 4,4 г.	Юстин II (565–578)

⁵⁴⁸ Также в погребении были обнаружены две сасанидские серебряные монеты (См.: *Ло Фэн. Чжунго цзиньнэй фасяньдэ дунлома цзиньби* [罗丰. 中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цяньби. 2004. №3. С. 81–85).

⁵⁴⁹ Также в погребении были обнаружены артефакты, декорированные в сасанидском стиле (См.: там же, Табл. 1а).

⁵⁵⁰ Об этой монете есть лишь упоминание в короткой публикации Уайта (См.: *White W.C. Byzantine Coins in China* // *Bulletin of the Royal Ontario Museum of Archaeology*. № 10. 1931. P. 10).

⁵⁵¹ О существовании этой монеты упоминает археолог Ся Най, который в 1945 г. от местных жителей слышал, что помимо известной эпитафии на погребении Кан Ада, была еще восточно-римская золотая монета, которую некто унёс в банк для обмена на наличные. Ни сам Ся Най, ни его коллеги никогда данного артефакта не видели (См.: *Су Бай. Вэйцзинь наньбэйчао тансун каогу вэньгао цзи цун* [宿白. 魏晋南北朝唐宋考古文稿辑丛. 北京: 文物出版社 2011] Собрание эпиграфических источников эпох Вэй, Цзинь, Наньбэйчао, Тан и Сун. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2011. С. 95).

13	1956	Шэньси, Сиань	Могильник Тумэньцунь эпохи Тан, погребение М2	солид	21,5 мм, 4,1 г.	Ираклий I (610-640)
14	1959	Внутренняя Монголия, Хух-Хото	могильник Тумотэ, пер. пол VI в.	Копия солида		Лев I (456–474) / Феодосий II (408–450) ⁵⁵²
15	1966	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 48:9	Копия солида	-	-
16	1966	Шэньси, Сиань	Танский клад в Хэцзяцунь	солид	18 мм, 3,5 г.	Анастасий I (498–517)
17	1967	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 92	Копия солида		
18	1967	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 105	Копия солида	24 мм	
19	1969	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 118.	Копия солида		Имитация монеты Маврикия (582-602)
20	1969	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение ТКМ36	Копия солида		
21	1969	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 138	Копия солида		
22	1970 ⁵⁵³	Шэньси, Сиань	Танский клад в Хэцзяцунь	Солид	20 мм, 4,1 г.	Ираклий I

⁵⁵² Авторы раскопок первоначально относили данную находку к эпохе Феодосия Младшего, однако Го Юньянь, указывая на очень плохое качество иллюстраций в публикации, более склоняется к тому, что на аверсе Лев Макелла.

⁵⁵³ Ло Фэн указывает датой находки этой монеты не 1970, а 1966 г. (См.: *Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу* [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷

23	1972	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 150	Копия солида		
24	1972	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 153	Копия солида		
25	1972	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 188	Копия солида		
26	1972	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 191	Копия солида		
27	1973	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 116	Копия солида		
28	1973	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 213	Копия солида		
29	1973	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 214	Копия солида		
30	1973	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, погребение 222	Копия солида		
31	1975	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, ТКМ 87	Копия солида		
32	1976	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, ТКМ 105	Копия солида	17 мм, 0,4 г.	

33	1976	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, ТСМ 1	Копия солида		
34	1976	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, ТСМ 2	Копия солида		
35	1976	Синьцзян, Турфан	Археологический комплекс Астана, ТСМ 3	Копия солида		
36	1976	Хэбэй, уезд Цзаньхуан городского округа Шицзячжуан	Погребальный комплекс Ли Сицзуна (501–540), министра Восточной Вэй, захоронение М2.	Солид / качественная копия	21 мм, 3,6 г.	Феодосий II (408–450 гг.)
37	1976	Хэбэй, уезд Цзаньхуан городского округа Шицзячжуан	Погребальный комплекс Ли Сицзуна (501–540), министра Восточной Вэй, захоронение М2.	Солид / качественная копия	16,8 мм, 2,5 г.	Совместное правление Юстина и Юстиниана (527 г.)
38	1976	Хэбэй, уезд Цзаньхуан городского округа Шицзячжуан	Погребальный комплекс Ли Сицзуна (501–540), министра Восточной Вэй, захоронение М2.	Солид / качественная копия	17 мм, 2,6 г.	Совместное правление Юстина и Юстиниана (527 г.)
39	1978	Хэбэй, уезд Цысянь	Погребение жужаньской царевны ⁵⁵⁴ , захоронение CDZM1	Солид	16 мм, 2,7 г.	Анастасий I

⁵⁵⁴ См.: Линь Дань. Цун дунвэй жужу гунчжу мучжун чжи цзиньби кань бэйчао байчжаньтин цзиньби дэ люжу [林丹. 从东魏茹茹公主墓中之金币看北朝拜占庭金币的流入//魅力中国 2010 年第 11 期] От золотых монет в могиле жужаньской принцессы эпохи Восточная Вэй до анализа импорта византийских солидов в Китай // Charming China. 2010. № 11. С. 58–61.

40	1978	Хэбэй, уезд Цысянь	Погребение жужаньской царевны, захоронение CDZM1	Солид	18 мм, 3,2 г.	Юстин I (518–527 гг.)
41	1979	Шэньси, г. Сиань	Находка сделана в ходе дорожных работ на ул. Лаодуннань в западной части Сианя ⁵⁵⁵	Качественная копия солида ⁵⁵⁶ (?)	18 мм, 2,3 г.	Анастасий I
42	1979	Шэньси, г. Сиань	Находка сделана случайно в пункте приема металлолома в восточной части Сианя ⁵⁵⁷	Качественная копия солида (?)	17 мм, 2,4 г.	Анастасий I
43	1984	Внутренняя Монголия, Хух-Хото	Сомон Бикэци, Шуймогоу	Солид	12 мм, 2,3 г.	Анастасий I
44	1981	Хэбэй, Лоян	Погребение четы Аньпу (C7M27)	Солид	22 мм, 4,3 г.	Фока (602–610 гг.)

⁵⁵⁵ По указанию авторов, рядом были найдена фрагментированная фарфоровая посуда эпохи Тан (См.: Ван Чанци, Гао Мань. Сиань синь фасянь дэ дун лома цзиньби [王长启、高曼。西安新发现的东罗马金币//文博 1991 年第 1 期] Недавно обнаруженные восточно-римские золотые монеты в Сиане // Вэньбо. 1991. № 1. С. 38).

⁵⁵⁶ Судя по иллюстрациям (весьма низкого качества), в этом и последующем случаях монеты не имели значительных следов обрезки краёв (См.: там же), так что их масса и диаметр (См.: Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. С. 27) очень сильно уступают «нормальным» солидам. При этом надписи на аверсе и реверсе выполнены довольно качественно, так что изготавливавший явно был хорошо знаком с византийской монетной традицией. Впрочем, Го Юньянь и Ло Фэн (См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京: 文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 119) считают данные нумизматические артефакты подлинными.

⁵⁵⁷ Столь экзотическая версия, во всяком случае, излагается авторами находки (См.: Ван Чанци, Гао Мань. Сиань синь фасянь дэ дун лома цзиньби [王长启、高曼。西安新发现的东罗马金币//文博 1991 年第 1 期] Недавно обнаруженные восточно-римские золотые монеты в Сиане // Вэньбо. 1991. № 1. С. 39).

45	1982 ⁵⁵⁸	Нинся, Гуюань	Могила Ши Даодэ (датируется 678 г.)	Копия солида	20 мм, 4 г.	
46	1985	Нинся, Гуюань	Могила Ши Сояня (датируется 661 г.)	Копия низкого качества, «брактеат».	19 мм, 0,8 г.	
47	1986	Нинся, Гуюань	Могила Ши Хэдая (датируется 669 г.)	Копия солида	23 мм, 2 г.	
48	1988	Шэньси, Сяньян	Могила Хэ Жоцзюэ (датируется 621 г.)	Солид	20 мм, 4,1 г.	Юстин I ⁵⁵⁹
49	1989	Шэньси, Сиань	Аварийные погребения Дяньцай 89 в восточной части Сианя (датируется IX в. до н.э.)	Копия низкого качества, «брактеат».	20 мм, 0,8 г.	
50	1989	Ганьсу, Тяньшуй	Циншуй	Солид	21 мм, 4,5 г.	Фока
51	1992	Ляонин, Чаоян	Шуанта, погребение М3	Солид	20 мм, 4,4 г.	Ираклий I
52	1993	Шэньси, городской округ Шанло	Шанчжоу, погребение М3 (аварийные раскопки)	Копия солида	18 мм, 2,8 г.	
53	1994	Чжэцзян, Ханчжоу	Монета обнаружена вне	Качественная копия солида (?)	17,5 мм, 2,8 г.	Лев I

⁵⁵⁸ Ло Фэн, в отличие от других авторов (См.: *Шульга Д.П.* Копия восточно-римской монеты из погребения Ши Цзюня. В: *Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции.* под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: ДонНУ, 2020. С. 242–244), указывает 1981 г. как дату находки (См.: *Ло Фэн.* Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 80).

⁵⁵⁹ Ло Фэн относит данную находку к монетам Юстина II (*Ло Фэн.* Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 119).

			археологического контекста			
54	1995	Нинся, Гуюань	Могила Ши Даоло (658 г.)	Солид ⁵⁶⁰	20 мм, 4,3 г.	Юстин II
55	1996	Нинся, Гуюань	Могила Тянь Хуна (575 г.)	Солид	15,5 мм, 2,6 г.	Лев I
56	1996	Нинся, Гуюань	Могила Тянь Хуна (575 г.)	Солид	16,7 мм, 3 г.	Юстин I
57	1996	Нинся, Гуюань	Могила Тянь Хуна (575 г.)	Солид	16,2 мм, 2,6 г.	Совместное правление Юстина и Юстиниана (527 г.)
58	1996	Нинся, Гуюань	Могила Тянь Хуна (575 г.)	Солид	16,2 мм, 3,3 г.	Совместное правление Юстина и Юстиниана (527 г.)
59	1996	Нинся, Гуюань	Могила Тянь Хуна (575 г.)	Солид	16,5 мм, 2,5 г.	Юстиниан I
60	1998	Нинся, Гуюань	Монета передана крестьянами	Солид	17,6 мм, 3,1 г.	Анастасий I
61	1998	Ганьсу, Лунси	Монета была передана археологу Му Шисюну местным крестьянином	Копия солида ⁵⁶¹	18 мм, 2,3 г.	Феодосий II
62	1998	Шэньси, Динбянь	Монета передана крестьянами	Солид	17,4 мм, 3,25 мм.	Лев I ⁵⁶²
63	2000	Шэньси, Сиань	Находка обнаружена вне контекста, на самой монете есть отверстия для	Солид	19 мм, 4 г.	Юстин II

⁵⁶⁰ Диаметр и масса у монет из погребения Тянь Хуна ниже нормы, но надо учитывать, что у большей части заметно обрезан край и есть перфорация (от одного до четырёх отверстий для пришивания или подвешивания).

⁵⁶¹ Судя по описанию, край монеты был довольно сильно обрезан.

⁵⁶² Юй Лицзы считает, что изготовление монеты относится к правлению Зенона.

			пришивания/подвешивания			
64	2000	Цинхай, Улань	Археологический комплекс Дананьвань-1 (Тунпувань), монета найдена в районе жертвенника	Солид	12 мм, 2,3 г.	Юстиниан I
65	2002	Цинхай, Хайси-Монгольско-Тибетский АО	Сяньбэйское погребение на могильнике Доулань гуму.	Солид	14,5 мм, 2,6 г.	Феодосий II
66	2003	Шэньси, Сиань ⁵⁶³	Могила Ши Цзюня	Качественная копия солида	17 мм, 1,75 г.	Феодосий II
67	2004	Шэньси, Сиань ⁵⁶⁴	Могила Кан Е	Качественная копия солида	1,81 см, 2,1 г.	Юстиниан I
68	2004	Нинся, Гуюань	Погребение 2004YKJM4 могильника Цзюлуншань ⁵⁶⁵	Качественная копия солида	1,6 см, 2 г.	Юстин I
69	2004	Нинся, Гуюань	Погребение 2004YKJM33 могильника Цзюлуншань	Качественная копия солида	1,81 см, 3 г.	Юстиниан I

⁵⁶³ См.: Шульга Д.П. Копия восточно-римской монеты из погребения Ши Цзюня. В: Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции. под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: ДонНУ, 2020. С. 242–244.

⁵⁶⁴ См.: Шульга А.А., Шульга Д.П. Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации (на примере могилы Кан Е в Северном Китае) // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 207.

⁵⁶⁵ О контексте обнаружения этой и следующей находки см.: Чэнь Вэй. Нинся Гуюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟. 宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуюань, Нинся. Вэнью. 2012. № 10. С. 58–65.

70	2013	Хэнань, Лоян ⁵⁶⁶	Район Цзяньси, погребение М926	Качественная копия солида	22 мм, 2,8 г.	Анастасий I
71	-	Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	21мм, 4 г.	Фока
72		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	21.3 мм, 4.45 г.	Грациан (378–383)
73		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	21.1 мм, 4.46 г.	Гонорий (395 – 402 гг.)
74		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Тремисс	12.6 мм, 1.44 г.	Майориан (457-461 гг.)
75		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид (?)	16.5 мм, 2,59 г.	Феодосий II
76		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	20 мм, 3,89 г.	Феодосий II
77		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Качественная копия солида	16.5 мм, 2,76 г.	Анастасий I
78		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Качественная копия солида	17 мм, 2,61 г.	Анастасий I

⁵⁶⁶ См.: Шувалов П.В., Шultzга Д.П., Кудинова М.А. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 254.

79		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Качественная копия солида	16 мм, 2,67 г.	Юстиниан I
80		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	20,5 мм, 4,42 г.	Юстиниан I
81		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	20 мм, 4 г.	Ираклий I
82		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	20,14 мм, 4,36 г.	Констант II (641–668 гг.)
83		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	18,85 мм, 4,22 г.	Констант II (641–668 гг.)
84		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	19,79 мм, 4,39 г.	Феофил (829–842 гг.)
85		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	25 мм, 4,38 г.	Роман III (1028–1034 гг.)
86		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	27,5 мм, 4,3 г.	Константин IX (1042–1055 гг.)
87		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Солид	29 мм, 4,22 г.	Михаил VII (1071–1078 гг.)
88		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Копия низкого качества, «брактеат»	18 мм, 0,67 г.	

89		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Копия низкого качества, «брактеат»	16 мм, 0,58 мм.	
90		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Копия низкого качества, «брактеат»	17,5 мм, 0,33 г.	Просматривается грубая имитация крылатой фигуры (Ники/Ангела)
91		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Копия низкого качества, «брактеат»	21 мм, 0,71 г.	Просматривается подобие изображения Ираклия I
92		Китайский музей нумизматики (Пекин)	Коллекция музея	Копия низкого качества, «брактеат»	18 мм, 0,7 г.	Просматривается подобие изображения Ираклия I
93		Частные коллекции, описанные в китайской научной литературе ⁵⁶⁷	-	Качественная копия солида	17 мм, 3,5 г.	Лев I
94		Частные коллекции, описанные в китайской научной литературе	-	Качественная копия солида (?)	16 мм, 1,5 г.	Маркиан (450–457 гг.)
95		Частные коллекции, описанные в китайской научной литературе	-	Качественная копия солида	15,5 мм, 2,3 г.	Лев I
96		Частные коллекции, описанные в китайской	-	Качественная копия солида	17 мм, 2,8 г.	Марк и Василиск (475 г.)

⁵⁶⁷ Помимо указанных ниже монет есть также сообщения о двух монетах из частных коллекций – солидах Фоки и Константа II, однако никакой конкретной информации о массе, диаметре и иных параметрах нет (потому в таблицу не включены).

		научной литературе				
97		Частные коллекции, описанные в китайской научной литературе	-	Солид	21 мм, 4 г.	Фока

Таблица 2. Распределение ромейских монет по регионам КНР (в тех случаях, когда место находки известно)

Место обнаружения	Подлинные монеты	Копии различного качества	Итого
Синьцзян	1	21	22 (4 в Хотане, из которых 1 солид, 3 копии; 18 в Турфане, все копии)
Ганьсу	1	1	2 (1 солид в Тяньшуй; 1 копия в Лунси)
Цинхай	1	1	2 (1 копия в Доулань; 1 копия в Улань)
Нинся	6	6	12 (6 копий и 6 солидов происходит из Гуюаня)
Шэньси	9	6	15 (в Сиане – 7 солидов, 4 копии; в Сяньяне – 2 солида; в Динбяне – 1 солид; в Шанчжоу – 1 копия)
Хэнань	2	1	3 (два солида из Лояна, там же еще одна качественная имитация солида Анастасия I)
Внутренняя Монголия	2		2 (оба солида из Хух-Хото)
Хэбэй	5		5 (солиды происходят из уездов Цзаньхуан и Цысянь)
Ляонин	1		1 (солид из Чаояна)

Чжэцзян	1		1 (в районе г. Ханчжоу)
Итого	29	36	65

Таблица 3. Соотношение различных денежных единиц Восточной Римской империи, найденных на территории КНР.

	Тип ден. ед.	Количество	Происхождение материалов
Золотые монеты	Солиды и их копии	91 ⁵⁶⁸	Большая часть обнаружена в результате раскопок, часть представлена в коллекциях музеев
	Семисс	1	Музейный экспонат
	Гистаменон	2	Музейный экспонат
Серебряные монеты	Милиарисий	2	Были куплены А. Стейном на рынке в Яркенде и кратко описаны, масса 5,5 г. и 4,9 г.
Медные монеты	Фоллис ⁵⁶⁹	1	Дар частного лица

Разумеется, настоящий раздел не ставит точку в исследованиях по указанной тематике. Появляются новые находки, есть также надежда на перепубликацию старых материалов, который в данный момент изданы в малоудовлетворительном качестве. Проведённая в данном параграфе работа, по сути, является первой в своём роде (хотя в некоторой степени продолжает исследования, проводимые автором до того⁵⁷⁰).

⁵⁶⁸ Некоторые экземпляры, как, например, упоминаемая в табл. 1 а монета, о которой слышал Ся Най в 1945 г. могут относиться к любой из указанных категорий, т.к. информации о них крайне мало.

⁵⁶⁹ Данная монета хранится в запасниках Шанхайского музея и соотносится с правлением Ираклия I. Информации о ней в литературе почти нет, так что в основную таблицу мы ее не включили.

⁵⁷⁰ См.: Шульга Д.П. Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском автономном районе // Византийский временник, 2020. № 104. С. 104–112; Шульга Д.П. Копия восточно-римской

Подведём промежуточные итоги. Во-первых, налицо крайняя неравномерность распространения монет и их копий по регионам Китая. Самая высокая плотность наблюдается в Нинся, и Шэньси (особенно если брать отдельно район г. Сиань), наибольшее количество – в Синьцзяне. Куда меньше монет на севере (современная Внутренняя Монголия⁵⁷¹) и востоке (от Пекина до Лояна). Почти не обнаружена ромейская нумизматика на юге (единственное исключение – единичная находка в пров. Чжэцзян). Подобная география, на наш взгляд, напрямую указывает, что монеты Восточной Римской империи были распространены именно в центрах Великого Шёлкового пути (рисунок 54). Это означает, что несмотря на возможные «похоронные» функции⁵⁷² (типа «обола Харона»), солиды в Поднебесной (равно как и их золотые неполновесные копии) были связаны с международной торговлей раннего средневековья. При этом копии (вплоть до «брактеатов») вполне могли служить средством обмена, так как возможность их взвесить была всегда, а золото, из которого они изготавливалась ценилось всеми народами, через земли которых пролегал Шёлковый путь.

Во-вторых, до сих пор остаётся вопросом хронологические рамки, в которые укладывается ромейская нумизматика в Китае. С одной стороны, уверенно можно говорить о том, что в Западный Край и долину Хуанхэ

монеты из погребения Ши Цзюня. В: Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции. под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: ДонНУ, 2020. С. 242–244; *Шувалов П.В., Шульга Д.П., Кудинова М.А.* Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2020. № 6. С. 253–260.

⁵⁷¹ Правда, надо учитывать, что на территории независимой Монголии встречаются единичные элитные погребения тюркского времени с немалым количеством «брактеатов» (См.: *Шульга Д.П., Гирченко Е.А., Филатова М.О.* Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* 2020. Т. 26. С. 695–701).

⁵⁷² На которые указывает ряд авторов, например, Шмонеvский (См.: *Шмонеvский Б.Ш.* Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI-VIII вв.) // *Краткие сообщения Института археологии.* 2016. №. 244. С. 254–274).

поступали подлинные солиды (рис. 55 ⁵⁷³) императоров от Феодосия Каллиграфа (395–408 гг.) до Константина Копронима (741–775 гг.), которые затем могли служить основой для многочисленных копий и имитаций. Однако значительное количество музейных экспонатов, контекст обнаружения которых уже не восстановить, расширяют вышеуказанный промежуток времени примерно в два раза – от Грациана (367–383 гг.) до Михаила VII (1071–1078 гг.). И такая «длинная» периодизация теоретически не столь невероятна – мы знаем, как о функционировании Шёлкового пути в римское время, так и о посольстве XI в. в Китай из «Фулинь».

Очевидно, поздняя Единая, а затем Восточная Римская империя оказалась в раннем средневековье единственным государством на Шёлковом пути, способным поддерживать постоянный выпуск золотой валюты⁵⁷⁴. Золото было очень удобным компактным средством накопления и обмена (в условиях сделок с высокомаржинальными товарами, перевозимыми караванами в больших объемах). Потому неудивительно, что солиды, как единственные эталон, усиленно копировали (видимо, не столько с целью обмана, сколько с целью восполнения необходимого количества монеты). При этом серебряная византийская монета была мало востребована, так как производство денег из этого металла было «занято» Сасанидами⁵⁷⁵.

⁵⁷³ Две золотые монеты Константа II (641–668 гг.). Диаметр первой 20,14 мм при массе в 4,36 г. Край второй несколько срезан, её диаметр 18,85 мм, а масса 4,22 г.

⁵⁷⁴ См.: *Ло Фэн*. Гуаньюй си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь [罗丰。关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 // 中国钱币 1993 年 4 期]. Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане // Чжунго цянби (Китайская нумизматика). 1993. №4. С. 17–19.

⁵⁷⁵ См.: *Thierry F.* Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // *Res Orientales*. 1993. Vol. 5. P. 89–139; *Ма Цзяньцзюнь*. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао [马建军。宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 // 中国钱币 2016 年第 6 期] Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся // Чжунго цянби. 2016. № 6. С. 31–35.

§3.4.5. Социальный статус погребённых с ромейскими монетами в Китае

Для того, чтоб ответить на вопрос, кого сопровождали в последний путь византийские монеты, рассмотрим три погребения. Выбраны они в первую очередь потому, что в них обнаружены сопоставимые по массе и диаметру качественные копии восточно-римских монет (массой до 3 г). Цель этих примеров – показать принципиальную разницу социального статуса усопших с монетами⁵⁷⁶.

Весной 2004 г. в рамках охранных археологических работ, связанных со строительством скоростной автомагистрали Иньчуань–Ухань Институт культурного наследия и археологии Нинся провел разведку и раскопки в окрестностях горы Цзюлунишань. Здесь (волость Кайчэн, район Юаньчжоу г. Гуюань) были выявлены погребения эпохи поздней древности и раннего средневековья (от Хань до Тан). Высота над уровнем моря у некрополя составляет 1770 м.

Особое внимание представляют два погребения эпохи Суй (581–618 гг), в которых были обнаружены золотые монеты, подобные восточно-римским. Автор намеренно осторожен в оценках подлинности «солидов», так как, с одной стороны, они внешне выполнены достаточно аккуратно, с соблюдением основных необходимых элементов (в отличие от многочисленных имитаций⁵⁷⁷ низкого качества⁵⁷⁸), но с другой – имеют подозрительно небольшую массу.

⁵⁷⁶ Настоящее диссертационное исследование не посвящено археологии или исключительно византийской нумизматике в Китае, так что, на наш взгляд, трёх показательных примеров будет достаточно.

⁵⁷⁷ См.: Го Юньян. Чжунго фсяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津：南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. С. 5–19.

⁵⁷⁸ См.: Линь Ин. Цзюсинху юй Чжуньюнань дицуй чу ту дэ фанчжи байчжаньтин цзиньби [林英。九姓胡与中原地区出土的仿制拜占庭金币 // 欧亚学刊 2004 年第 4 辑] Варвары и имитации византийских золотых монет, обнаруженных на Центральной равнине // Оуя сюэкань. 2004. Вып. 4. С. 119–129.

Для полноценного введения данных находок в научный оборот опишем в каждом случае устройство могилы и погребальный инвентарь.

Погребение 2004YKJM4 (M4) расположен в западной части могильника. Из-за проводившейся здесь хозяйственной деятельности стратиграфия захоронения нарушена. Вход в могилу прослеживается примерно на глубине 80 см. Гробница представляет собой погребальную камеру с дромосом, общей длиной 8,4 м (рисунок 56). Костяк умершего лежит в анатомическом порядке, головой на запад, вытянуто на спине, лицом на юг. Очевидно, это женщина около 40 лет.

Обращает на себя внимание набор фарфоровых чашечек, покрытых белой глазурью (рисунок 57). Все они примерно одинаковой формы, незначительно отличаются размерами. Первая из них (индекс M4:4) имеет высоту 7 см, диаметр по венчику 9,2 см, диаметр донца 3,5 см. Вторая (индекс M4:3) имеет высоту 7,1 см, диаметр по венчику 9,4 см, диаметр донца 3,4 см. Третья (индекс M4:2) имеет высоту 7,3 см, диаметр по венчику 9,4 см, диаметр донца 3,5 см. Четвёртая (индекс M4:7) чашечка самая крупная, высотой 8,7 см, диаметр по венчику равен 12 см, диаметр донца – 4,3 см. Кроме чашечек, фарфоровые изделия представлены блюдом (диаметр по венчику 27 см, диаметр дна 24 см, высота 3,3 см) с тремя квадратными ножками (4,5 на 4,5 см, высота 5 мм).

Наиболее высокохудожественным фарфоровым изделием в погребении является крупный (диаметр в верхней части 13 см, максимальный диаметр тулова 26 см, диаметр дна 12 см, общая высота 34 см) сосуд с крышкой (диаметр крышки 12,5 см). Имеет характерный для селадона бледно-зелёный цвет⁵⁷⁹.

В районе черепа была сделана интересная нумизматическая находка, которой был присвоен индекс M4: 1 (рисунок 58 – В). Форма монета округлая,

⁵⁷⁹ См.: Чэнь Вэй. Нинся Гуянь Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟. 宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуянь, Нинся. Вэнью. 2012. № 10. С. 58–65.

с обрезанными краями. Слева и справа имеются округлые отверстия (очевидно, для нашивания или подвешивания). На аверсе изображен бюст императора Восточной Римской империи в шлеме и доспехах, с копьем. Из-за обрезки надпись сильно повреждена. На реверсе крылатая фигура Ники (или ангела) с крыльями, в правой руке длинный крест, в левой – шар с крестом (держава), под которым находится восьмиугольная звезда. Слева от крылатой фигуры прослеживается надпись «AA ... GGGΘ». Монета имеет диаметр 1,6 см, толщину 1 мм и массу 2 г. Эта золотая монета подобна создаваемым во времена правления в Византии Юстина I (518–527 гг), а знак «Θ» может служить, по мнению Чэнь Вэя, символом 9-го монетного двора⁵⁸⁰. Данной находке можно легко привести аналогию из погребения Тянь Хуна эпохи Северная Чжоу (рисунок 58 – А), 557–581 гг, расположено также в районе г. Гуюань⁵⁸¹.

Погребение 2004YKJM33 (также M33) расположено на южной стороне могильника. Из-за проводившейся здесь хозяйственной деятельности стратиграфия захоронения нарушена. Вход в могилу прослеживается примерно на глубине 60 см. Гробница представляет собой погребальную камеру с дромосом, общей длиной 8,2 м. Усопших двое (предположительно, мужчина 35–40 лет и женщина 25–35 лет), они лежат рядом вытянуто на спине, головами на юго-восток, боком ко входу в погребальную камеру.

Погребальный инвентарь (керамика и золотые изделия) сосредоточен в головах усопших. Посуда представлена тарелкой (диаметр по венчику 29 см,

⁵⁸⁰ См.: Гэ Чэньюнь. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолу и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 121.

⁵⁸¹ См.: Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. С. 135–137.

диаметр дна 15 см, высота 10 см) и горшком (диаметр по венчику равен диаметру дна, 18 см, высота 32 см, максимальный диаметр тулова 29 см)⁵⁸².

В захоронении была найдена золотая монета (индекс М33: 4) (рисунок 58 – С). Форма монета округлая, с обрезанными краями. В верхней части имеется округлое отверстие (очевидно, для нашивания или подвешивания). На аверсе мы видим погрудный портрет восточно-римского императора со шлемом на голове, в доспехах. В приподнятой к плечу руке басилевса «держава» – шар с крестом. Надпись на монете слегка повреждена при проделывании отверстия. Справа от портрета государя «DNIVSTIN», слева – «ANVSPPAVI». На реверсе крылатая фигура Ники (или ангела) с крыльями, в правой руке длинный крест, в левой – шар с крестом (держава), под которым находится восьмиугольная звезда. Надписи на реверсе: «VICTORI» справа и «AAVGGGΘ» слева, затем литера «S», а внизу надпись «... NOB». Диаметр 1,8 см, толщина 1 мм, масса 3 г. Эта золотая монета подобна солидам императора Восточной Римской империи Юстиниана I Великого (527–565 гг) (рис. 1 – II)⁵⁸³.

Обращает на себя внимание поясная пряжка с накладкой. Рамка пряжки овальная, язычок подвижный (рисунок 59–2). На накладке пробиты четыре отверстия (в районе углов). Длина 5, ширина от 2 до 2,8 см, вес 6 г. Есть также золотая прямоугольная бляха с тремя отверстиями с остатками кожаной основы (длина 6,2 см, ширина 2,2 см, масса 4 г)⁵⁸⁴.

Небезынтересной стала находка золотого украшения дугообразного золотого украшения головного убора (масса 17,5 г) (рисунок 59–1). Верхняя часть артефакта декорирована в центре стилизованными изображениями

⁵⁸² См.: Чэнь Вэй. Нинся Гуяюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟. 宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуяюань, Нинся. Вэнью. 2012. № 10. С. 58–65.

⁵⁸³ См.: Гэ Чэньюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боююанькань. 2015. №3. С. 121.

⁵⁸⁴ Чэнь Вэй. Нинся Гуяюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟. 宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物 2012 年 10 期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуяюань, Нинся. Вэнью. 2012. № 10. С. 58–65.

солнца и луны, фигуры по краям можно интерпретировать как орнитоморфные или растительные. По мнению Гэ Чэньюна это изделие представляет собой пример греко-романского влияния на персидскую культуру и изготовлено в Сасанидской державе⁵⁸⁵.

В апреле 2004 г. в северном пригороде г. Сиань была раскопана могила периода Северной Чжоу. Имя человека, который был помещен в могилу, — Кан Е, где первая часть может трактоваться не только как фамилия, но и как название государства Кан на территории Согдианы. Гробница Кан Е глинобитная, имеет купол, делится на три части (пандус, тамбур и погребальная камера). Пандус сильно разрушен, его длину невозможно точно определить, но он точно располагался к югу от погребальной камеры. Ширина пандуса 1,58 м, в самом глубоком месте он проходит в 7,9 м от уровня древней поверхности. Тамбур представляет собой подземное помещение со сводчатым потолком, подтрапецевидной формы, северный конец шире южного. Длина тамбура 2.16 м, южный конец достигает 1,42 м в ширину, а северный — 1,5 м. Потолок обвалился, поэтому невозможно определить высоту. Погребальная камера представляет собой подземное помещение с купольным потолком почти правильной квадратной формы (стороны имеют длину 3,3—3,4 м). Стены гробницы украшены фресками, которые сейчас находятся в плохом состоянии. Рядом с северной стенкой погребальной камеры находится каменная кушетка (по оси восток–запад) со «спинкой» и «подлокотниками». Эпитафия установлена в южном конце погребальной камеры. К западу от нее найдены кости жертвенных животных. В середине погребальной камеры находится провал площадью около 1 м кв. (рисунок 60–А).

В гробнице две двери. Первая находится снаружи, закрывая пандус, в разрушенном состоянии имеет высоту 0,3 м. Вторая дверь расположена в

⁵⁸⁵ См.: Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 121.

тамбуре. Украшенная камнем, она состоит из притолоки, дверного полотна, рамы, порога и дверных прокладок. Присутствуют дверные шипы и пазы. Железные кольца прикреплены к каждому концу дверной притолоки. Притолока и дверная рама украшены линейными узорами. Передняя сторона дверного полотна лишена гравировки. Декор там присутствует в виде трех рядов гвоздей с позолоченными головками (по пять в каждом ряду). К середине каждого полотна прикреплено устройство для стука в дверь (в виде деревянного стержня на кольцах)⁵⁸⁶.

В погребальной камере присутствует мебель. Центральное место занимает каменная кушетка со «спинкой» (из двух панелей, имеющих длину 106—111 см, высоту 82—83,5 см, толщину 9—10 см) у северной стены погребальной камеры⁵⁸⁷. По бокам лежа имеются панели-«подлокотники». Как восточная, так и западная панели имеют длину 93,5 см, высоту 82 см, толщину 7—8,5 см. Внутренние стороны панелей (вокруг усопшего) отполированы и украшены десятью рельефами; западная и восточная панели имеют по две картины, а северные — по три. Картины частично позолочены. Платформа кушетки имеет прямоугольную форму, длина 2,38 м, ширину 1,07 м, толщину 0,16 м. Передняя часть и боковые стороны украшены рельефами. У этой кушетки пять ножек, три передних имеют форму присевших львов, а две задних выполнены в форме сапог. Все они имеют 0,34 м в высоту⁵⁸⁸.

Читая эпитафию в гробнице Кан Е (рисунок 60–Б), можно понять, что изображения на камне не имеют конкретной задачи отобразить жизнь и достижения Кан Е. В лучшем случае, можно сказать, что эти изображения представляют социальное положение захороненного в гробнице. Например, неоднократное появление знатной женщины в сюжетах можно рассматривать

⁵⁸⁶ См.: *Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 23–25.*

⁵⁸⁷ См.: *Zheng Yan. Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou // Chinese Archaeology. 2009. Vol. 9. P. 39–46.*

⁵⁸⁸ См.: *Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 23–26.*

как относящееся к жене усопшего. Все десять картин имеют сходную композицию, относясь к одному тематическому блоку. Во-первых, перед нами групповые портреты. В центре картины мужская или женская фигура, сидящая на кушетке, лицо повернуто. Господина и госпожу окружает множество слуг и гостей, некоторые из этих фигур или сидят, или же стоят, словно слушают речи господина и госпожи. Меньшие фигуры и разделены по социальному статусу между собой. Во-вторых, все фигуры расположены в горах и лесах. В-третьих, все фигуры собраны под большими деревьями⁵⁸⁹.

На поверхности каменной кушетки находится скелет человека, голова ориентирована на запад, ноги направлены на восток. Тело лежит на спине с вытянутыми конечностями. Во рту — золотая монета Восточной Римской империи с имперскими и христианскими символами (рисунок 60–Г), а в руке зажата монета из бронзы. Усопший облачен в халат из шелка и парчи, остатки которого фиксируются до сих пор. Ткань вышита металлическими и каменными украшениями. Талию Кан Е украшал наборный пояс. Сохранилась лишь бронзовая фурнитура. Кроме монет, украшений одежды и пояса, обнаружена табличка с эпитафией. Надпись, в общей сложности состоит из 397 символов в характерном вэйском стиле, подробно описывает семейное происхождение умершего и другие обстоятельства. К слову, часть найденных в гробнице монет имеют китайскую форму, несут на себе иероглифы «布泉». Наиболее примечательными находками являются поясная пряжка (с подвижным язычком, длина 8 см) и золотая восточноримская монета. Она круглая по форме, обод изношен. На лицевой стороне портрет императора, надевающего императорскую корону с рядом связанных жемчужных орнаментов. Он держит скипетр в правой руке и положил его на плечо. Надпись по краю монеты читается DNIVSTINI / ANVSPPAV. На оборотной стороне стоит ангел с двумя крыльями, выходящими с плеч. Его правая рука держит крест, левая — держит шар с крестом сверху. Надпись вдоль обода —

⁵⁸⁹ См.: *Zheng Yan*. Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou // *Chinese Archaeology*. 2009. Vol. 9. P. 39–46.

VICTORI / AAVGGGZ и CONOB. Размеры монеты: 1,81 см в диаметре, 0,11 см толщиной. Масса 2,1 г⁵⁹⁰.

Как уже говорилось, в гробнице Кан Е были найдены фрески. Техника нанесения включала в себя сначала покрытие стены гробницы слоем белой штукатурки, а затем покраску стены непосредственно на этот слой. Поскольку вся погребальная камера подвергалась перепадам температуры и влажности, большая часть белой штукатурки и изображений постепенно отслаивалась, и только линии, обрамляющие каждую изобразительную единицу, все еще разборчивы. На каждой стене имеется по четыре изображения, все обрамлены красными линиями. Высота каждого изображения в основном такая же, как у самой стены гробницы, а ширина варьируется от 0,7 до 0,8 м⁵⁹¹.

Гробница Кан Е — это третье захоронение выходцев из Согдианы, найденное в окрестностях Сианя⁵⁹². Согласно эпитафии, имя ее хозяина — Е, а его когномен — Юаньцзи. Он был потомком царской семьи одного из государств в районе Самарканда. Его отец был назначен на пост *да Тяньчжу* (досл. «большой небесный предводитель») в десятый год девиза правления Датун в государстве Западное Вэй (544 г. н. э.), и скончался в третий год девиза правления Баодин в государстве Северного Чжоу (563 г. н. э.). Отметим, что Северное Чжоу стало, во многом, правопреемником Западного Вэй. Сам Кан Е выступил в качестве следующего *да Тяньчжу*, вырастил трех сыновей, скончавшись на шестом году девиза правления Тяньхэ в Северном Чжоу (571 г. н.э.). На момент смерти Кан Е было шестьдесят лет. Посмертно ему было присвоено символическое звание управителя Ганьчжоу (совр. пров. Ганьсу). Имена старшего и среднего сыновей усопшего по-китайски переданы как Бяньсюань (汧休延) и Паньто (槃陲), это явно транскрипция для записи

⁵⁹⁰ См.: *Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 23–26.*

⁵⁹¹ См.: там же, с. 27.

⁵⁹² См.: *Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 323–327.*

иероглификой некитайских имен. Третий сын был назван вполне по-китайски — Хочжу («货主», досл. «владелец товаров»). Это иллюстрирует характер согдийцев как специалистов в торговле, при том что сам Кан Е занимался, как минимум, не только купеческим делом⁵⁹³. С другой стороны, на момент рождения младшего сына Кан Е, очевидно, несколько «китаизировался».

Найденные в гробнице артефакты (в особенности золотая восточноримская монета), и содержание изображений отражает очень тесные цивилизационные контакты на рубеже древности и средневековья (эпоха Южных и Северных династий в китайской историографии). Предки Кан Е происходили из государства на южном берегу реки Зерафшан (отчасти совпадает с территорией г. Самарканд). Некоторое время данное царство было гегемоном в согдийском регионе. Судя по китайским изображениям, у согдийцев были глубоко посаженные глаза и крупные носы, они носили длинные бороды. Мужчины обрезают свои волосы, женщины забирали свои волосы в косы. По всему Шелковому пути были известны коммерческие таланты среднеазиатских торговцев. Это, отчасти, и сделало согдийский язык «лингва франка» Центральной Азии того времени. Доминирующими религиями в этой среде были зороастризм⁵⁹⁴, манихейство, буддизм⁵⁹⁵ и, несколько позже, несторианское христианство. Что касается вероисповедания самого Кан Е, то этот вопрос остается открытым. С одной стороны, мы видим монету с явной христианской символикой, расположенную во рту усопшего (даже если она изначально была не там, то более чем вероятно лежала в головах). С другой стороны, некоторые исследователи соотносят изображения с буддийской традицией, проводя параллели с циклом о диалоге Вималакирти

⁵⁹³ См.: *Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 26–31.*

⁵⁹⁴ См.: *Lerner J.A. Zoroastrian Funerary Beliefs and Practices Known from the Sino-Sogdian Tombs in China // Silk Road Journal. 2011. Vol. 9. P. 18–25.*

⁵⁹⁵ См.: *Grenet F. Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. 2007. Vol. 27. No. 2. P. 463–478.*

и Манджуши⁵⁹⁶. И при всем этом есть мнение о том, что Кан Е был зороастрийским жрецом⁵⁹⁷. Обряд погребения не типично зороастрийский, хотя наличие каменной кушетки можно истолковать как попытку не осквернить землю.

Среди рельефов на «спинке» и «подлокотниках» кушетки большинство фигур изображено с обрезанными волосами, одеты они в длинные туники с круглыми воротниками и узкими рукавами; некоторые действующие лица носят длинные одежды с разрезами спереди. Как уже отмечалось выше, подобный внешний вид может указывать на иностранное происхождение. Кроме того, некитайский характер, очевидно, имеет орнамент в виде «соединяющихся жемчужин». На рельефах пространство делится на три или четыре части сверху вниз. В верхней части изображены горы, плавающие облака, птицы и т. д. Даны они подчеркнуто «легко», дабы создать впечатление об удаленности от зрителя. Задний план представлен крутыми скалами и большими деревьями, которые реалистично изображены вплоть до ветвей и листьев (рисунок 60–В).

В июле 2012 г. сотрудники Института археологии и культурного наследия города Лоян во время обследования в северной части ул. Хэншальлу (г. Лоян) обнаружили крупное погребение, которому был присвоен номер M926. Раскопки завершились в январе 2013 г. Гробница расположена примерно в 300 метрах к юго-востоку от дер. Чжанлинцунь волости Хуншань района Цзяньси г. Лоян, на высоте 220 метров над уровнем моря. Это район императорских гробниц династии Северная Вэй (北魏, 386–534 гг.). Примерно в 7 км к северо-востоку от погребения M926 (дер. Гуаньчжуанцунь) находится могила императора Сяовэнь-ди (孝文帝, 471—

⁵⁹⁶ См.: Zheng Yan. Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou // Chinese Archaeology. 2009. Vol. 9. P. 39–46.

⁵⁹⁷ См.: Wu Changxing. Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text // Journal for the Study of Christian Culture. 2015. № 34. P. 187–215.

499 гг.)⁵⁹⁸, в 4 км к северо-востоку в окрестностях дер. Чжунтоуцунь – погребение императора Сюань-ди (宣武帝, 500–515 гг.), в 2 км к юго-востоку (у дер. Шанчжайцунь) – захоронение императора Сяочжуан-ди (孝庄帝, 528–530 гг.). Неподалеку также были обнаружены могильные плиты с эпитафиями нескольких членов правящего дома⁵⁹⁹.

Следы надмогильной насыпи на современной поверхности не зафиксированы. Погребение представляло собой кирпичную гробницу, в которую с южной стороны ведет наклонный дромос. Общая протяжённость могилы (вместе с дромосом) с севера на юг составляет 59 м (рисунок 48). Общая площадь подземной части захоронения составляет около 360 кв. м. Очевидно, вначале была выкопана яма, внутри которой возводилось гробница, а затем сверху насыпан слой земли. Дромос имеет подпрямоугольную форму, стенки практически отвесные; длина – 39,7 м, ширина – 2,9 м. Вдоль стен прослежены ямки для вкапывания деревянных столбов, служивших для укрепления стен могильного коридора. С восточной стороны их семь, с западной – шесть. Ямки расположены не напротив друг друга; интервал между столбами составлял от 1,3 м до 1,9 м. В сечении деревянные опоры были подквадратными с длиной стороны около 50 см, высота составляла 2,3–2,7 м, в землю они заглублялись на 30–40 см. Примечательно, что следов древесного тлена в ямках нет. Видимо, столбы были извлечены до того, как материал начал разрушаться под действием времени. Судя по неоднородному заполнению дромоса, гробница вскрывалась повторно.

Описываемое погребение было многократно ограблено (в верхней части могильной ямы отмечены семь грабительских шурфов), и из-за этого

⁵⁹⁸ См.: Ни Жунъань. Бэйвэй Лоян шидай муцзан вэньхуа фэньси [倪润安. 北魏洛阳时代墓葬文化分析 // 故宫博物院院刊 2010 年第 4 期] Культурный анализ гробниц Северной Вэй лоянского периода // Гугун боугуань юанькань (Журнал музея Гугун). 2010. №4. С. 96–97.

⁵⁹⁹ См.: Лю Бинь, Янь Хуэй. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэй Вэй му фацзюэ цзяньбао [刘斌、严辉. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян // Вэньу (Памятники культуры). 2016. № 7. С. 4.

некоторые части внутримогильной конструкции были значительно нарушены, их структура восстанавливается лишь по оставшимся фрагментам и стратиграфии. Гробница состояла из прямоугольной входной части (2,9 х 2,3 м), коридора (длина 4,7, ширина - 2,2 м) и основной погребальной камеры, имевшей почти квадратную форму (7,1 м х 6,8 м). Стены погребальной камеры были покрыты росписями, от которых сохранились лишь мелкие фрагменты белой штукатурки, на некоторых из них видны следы изображений, выполненных красной и черной краской. В гробнице обнаружены отдельные кости скелета и один зуб⁶⁰⁰.

Поскольку погребение подвергалось ограблению, сопроводительный инвентарь сравнительно небогат, многие изделия фрагментированы. Однако до нас все же дошли не только керамические, фарфоровые, железные изделия, но и предметы из золота и серебра.

Наиболее многочисленны серые керамические изделия, часть которых реконструируются из фрагментов. Так, в погребении найдено три пиалы (*вань* 碗), пиала с ручками (*эрбэй* 耳杯), чашечка, миска. Помимо посуды обнаружены и другие керамические изделия, характерные для периода поздней древности — раннего средневековья: две шкатулки (в обоих случаях крышки отсутствуют), два плоских светильника (*чжань* 盞) и два довольно высоких светильника (*дэн* 灯), столик, квадратная тушечница с изображением рыбы. Присутствует среди инвентаря погребения и мелкая пластика, включающая изображения людей и животных, модели колесницы, колодца и т.д.

Уникальной находкой является керамический предмет в виде свитка бумаги (*цэ* 册), как его определяют авторы раскопок. Согласно их описанию, изделие по форме напоминает лист с текстом, сложенный в четыре раза. Длина — 19 см, ширина — 4,7 см, толщина — 0,9–1,5 см. Никаких письменных знаков

⁶⁰⁰ См.: там же, с. 5–7.

на нем не обнаружено⁶⁰¹. Согласно другой версии, данный артефакт представляет собой модель рулона шелка (бо 帛), которая должна была символизировать богатство погребенного⁶⁰².

Фарфоровые сосуды имеют сероватый или сине-зелёный цвет, черепок довольно толстый, слой глазури достаточно мощный. В некоторых случаях отмечается нанесение кракелюр. Хорошо сохранился фарфоровый кувшин, носик которого оформлен в виде головы курицы, а ручка представляет собой фигуру изогнувшегося дракона. При переходе к венчику горлышко сосуда расширяется и венчик имеет почти цилиндрическую форму; горлышко довольно узкое, верхняя часть тулова покатаая, дно плоское. На плечах имеется два небольших симметричных кольца. Сосуд (кроме дна и верхней части внутренней поверхности) покрыт светло-зелёной глазурью. Диаметр по венчику – 12,3 см, диаметр тулова – 21,4 см, диаметр дна – 14,4 см, высота – 39,5 см, высота с учетом изгиба ручки – 44 см. Несколько более «скромная», но интересная находка – чаша на короткой ножке, высота которой составляет 4,8 см, диаметр – 9,6 см, диаметр ножки – 2,9 см.

Бронзовых изделий немного: прямоугольная поясная пряжка, девять гвоздей и фрагмент неидентифицируемого изделия. Предметы из железа включают зеркало (диаметр ок. 8 см, толщина – ок. 0,7 см), нож (длина 12 см, ширина – 0,7–1,3 см, максимальная толщина в районе «спинки» – 0,5 см), 17 гвоздей, которыми был заколочен гроб, и разомкнутое колечко, по форме напоминающее букву «Ω», квадратное в сечении, диаметром 1,5 см. Кроме того, в гробнице найдены фрагмент нефритового стержня, серебряная пластинка, свинцовое украшение Y-образной формы, пороховый камень, а также скопление обломков лаковой посуды.

Особое место среди находок занимает подражание золотой монете

⁶⁰¹ См.: там же, с. 8.

⁶⁰² См.: *Фань Ян*. Лоян Хэншаньлу Бэйл Вэй да му чуту таобо минци као [范杨。洛阳衡山路北魏大墓出土陶帛明器考//中原文物。2018 年第 5 期] Исследование модели шелкового свитка из крупного севлеровэйского погребения на ул. Хэншаньлу в Лояне // Чжунъюань вэнь (Памятники культуры Центрального Китая). 2018. № 5. С. 113–118, 124.

императора Анастасия I (491–518), выступающее в некоторых публикациях как золотая монета (рисунок 51–2, 3).

Толщина этого предмета 0,16 см, масса – 2,8 г, диаметр – 21-22 мм (Лю Бинь, Янь Хуэй 2016: 7–12). Небольшая масса вряд ли может быть объяснена потерей веса (1,7 г !) при обрезании монеты: хотя внешняя кромка со стороны реверса аккуратно подрезана, что отчётливо видно по многочисленным следам режущего инструмента, но ни форма (диаметр – нормален!), ни надписи (все сохранились!) при этом не пострадали. Соответственно, следует предположить, что это не оригинальная монета, а имитация с последующей обрезкой.

На аверсе – изображение бюста императора в $\frac{3}{4}$ в шлеме и диадеме с завязками, с копьём на плече, с круговой надписью DNANASTA-SIVSPPAVC, на реверсе – стоящая с поворотом влево Виктория правой рукой держит большой крест, изображённый двумя жемчужными линиями, справа от неё 8 лучевая звезда, круговая надпись VICTORI-AUCCCI и в обресе буквы CONO-V. По В. Хаану это тип Anastasius-4, датируемый им в пределах 492–507 гг., отчеканенный 10-й мастерской Константинополя (MIB I). Эта находка достаточно хорошо укладывается в общий ряд монетных находок этого региона. Судя по имеющимся в настоящее время данным, длина стороны погребальной камеры в северовэйских гробницах (за исключением императорских мавзолеев) составляла примерно 4–5 м, ширина дромоса обычно 1–1,5 м. Исключениями являются погребения Юань И (元义) и Юань И (元悒), размеры которых несколько больше⁶⁰³. Рассматриваемая гробница по размерам и местоположению близка погребениям представителей правящего клана. Возможно, перед нами усыпальница одного из императоров

⁶⁰³ См.: Ван Инь. Бэйчао ваньци муцзан синчжи яньцзю — и Бэй Вэй Лоян шидай чжи Бэй Ци дучэн дицзюйдэ муцзан вэй ли [王音。北朝晚期墓葬形制研究——以北魏洛阳时代至北齐都城地区的墓葬为例 // 故宫博物院院刊 2018 年第 3 期] Исследование конструкции погребений позднего периода эпохи Северных династий на примере погребений Северной Вэй лоянского периода — погребений столичного района Северной Ци // Гугун боугуань юанькань (Журнал музея Гугун). 2018. № 3. С. 100.

Северной Вэй. После переноса столицы в Лоян, в окрестностях города нашли свой покой шесть императоров. Погребения четверых (Сяовэнь-ди, Сюаньуди, Сяомин-ди, Сяочжуан-ди) уже известны⁶⁰⁴. Две усыпальницы (Чангуанвана Юань Е и императора Цземинь-ди Юань Гуна) ещё не найдены. Причина тому – весьма непродолжительный период правления названных императоров в 531–532 гг. Рассматриваемое захоронение имеет большие масштабы, время строительства, вероятно, было протяжённым, а стены погребальной камеры имеют следы ремонта, поэтому можно предположить, что строительство было начато еще при жизни усопшего. Юань Е вряд ли успел бы возвести подобное сооружение. У Юань Гуна (Цземинь-ди) времени было больше, он царствовал в общей сложности около двух лет. Потому, китайские исследователи полагают, что данная гробница принадлежала именно ему. Очевидно, вскоре после того, как усопший был помещён в погребальную камеру, она была потревожена, удалены деревянные колонны, возникли серьезные разрушения. Точные причины проникновения в гробницу сложно восстановить, но они могут быть связаны с кризисом и распадом государства Тоба Вэй в 530-е гг.⁶⁰⁵

Таким образом, мы видим, что монеты могли быть положены с принципиально различными по социальному статусу людьми. Император периода упадка династии и богатый согдиец, как ни странно, оба в равной степени имели возможность отправиться в последний путь с качественными копиями монет византийских императоров. Это еще раз косвенно доказывает, что золотые солиды были, с одной стороны, весьма статусной и ценной вещью, но с другой – обладание ими, очевидно, не было регламентировано с точки зрения социальной стратификации.

⁶⁰⁴ См.: Ван Фэйфэн. Гуаньюй Юнгулин дэ цигэ вэньти [王飞峰. 关于永固陵的几个问题 // Journal of National Museum of China, 2012 年第 2 期] Несколько вопросов, касающихся комплекса Юнгулин // Journal of National Museum of China. 2012. №2. С. 19, 25.

⁶⁰⁵ См.: Лю Бинь, Янь Хуэй. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэй Вэй му фацзюэ цзяньбао [刘斌、严辉. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян // Вэнью (Памятники культуры). 2016. № 7. С. 12–14.

Раздел 3.5. Прозелитические религии на Великом Шёлковом пути между Средиземноморьем и Центральной равниной

Шёлковый путь, помимо экономических связей, соединивших Китай со Средиземноморьем (о которых мы говорили выше), стал мостом для проникновения разнообразных религиозных и культурных идей⁶⁰⁶. Буддизм, манихейство и несторианство – лишь часть «пришлых» учений, обогативших духовную культуру Поднебесной⁶⁰⁷. Бытует мнение, что «внешние» проповеди, за исключением буддийской, не возымели серьёзного действия на Китай. Это в чём-то справедливо. Но рассматривая исторические факты, мы обнаружим, что ситуация не столь однозначна. Иноземные верования «знали короткий век» в Среднем государстве лишь при условии своей неизменности. Те же, кто был готов принимать внешне привычные китайцам формы, могли иметь большой успех. Закономерно: рядовое население (и в Европе, и в Китае), часто страдающее от малоземелья, было готово последовать за проповедниками, обещавшими *спасение всех* и установление вечной социальной справедливости. Также активно принимали (и распространяли) подобные учения купцы, в том числе это помогало им поднять свой статус (пусть только в рамках общины единоверцев) в средневековой среде, не считавшей, зачастую, торговлю достойным уважения делом.

С III в. н.э. христианство все более очевидно становится доминирующим учением в Риме. Впрочем, надо учитывать, что далеко не все течения того времени, несмотря на самоидентификацию, могут быть признаны

⁶⁰⁶ См.: Ли Цзунцзюнь. Жунсиньцзяньшэн «Сычоучжилуюдунсивэньхуацзяолю» пинцзе [李宗俊。荣新江先生《丝绸之路与东西文化交流》评介//西域研究 2016 年第 2 期] Рецензия на книгу господина Жун Синьцзяна «Культурный обмен Востока и Запада по Шёлковому пути» // Изучение западного края (Сиюйяньцзю). 2016. №2. С. 135.

⁶⁰⁷ См.: Gordy J. Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v49i1.1882>; Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.

христианскими в полном смысле (валентиниане, маркиониты и т.д.). Так или иначе, постепенно христианство распространялось через Иран по сухопутным и морским торговым, пока не стало известно в Индии, Шри-Ланке и Китае⁶⁰⁸.

§3.5.1. Несторианство в раннесредневековом Китае

Несториане возглавили одно из величайших миссионерских предприятий в христианской истории⁶⁰⁹. К 800 г. н.э. их церковь простиралась вглубь Центральной и Восточной Азии и прочно укоренилась в южной Индии, до такой степени, что четверть всех христиан в Индии были несторианами⁶¹⁰. Несторианское христианство в течение тысячи лет распространялось быстрее и дальше, чем любая из западных сект, римский католицизм или «греческое» православие. Причины кроются в интенсивной миссионерской деятельности, быстрой приспособленности к местным реалиям. С самого начала несторианское или «сирийское» христианство вырвалось из своих первых бастионов в маленьких полузависимых пограничных княжествах Эдесса и Эрбиль, распространившись по всей Передней и Средней Азии.

Первые сведения о проникновении несторианской миссии в Китай датируются 635 г. Это был период расцвета страны – период династии Тан (618–907 гг.) и правления императора Тай-цзуна (627–649 гг.). Миссия во главе с сирийским монахом Алобэнем представила императору христианские тексты для понимания основ религии и одобрения её исповедания на территории Китая. Перевод текстов занял 3 года, и в 638 г. вышел указ Тай-цзуна о разрешении миссионерской деятельности в Поднебесной. Империя

⁶⁰⁸ См.: *Vrhovski J.* Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China // *Asian Studies*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 53–70.

⁶⁰⁹ См.: *Hughes G.* Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.

⁶¹⁰ См.: *Gordy J.* Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v49i1.1882>.

была настроена на укреплении связей с Западом, а прибывшие с Ближнего Востока по Шёлковому пути несториане могли выступить как дипломатическими посредниками, так и носителями новых идей и элементов культуры. Среди исповедующих несторианство были персы, сирийцы, и, конечно же, согдийцы.

Согдиана не достигла статуса великой державы в политическом смысле, но в плане культурного богатства ее правомерно называть именно так. Нужно понимать, что культурный обмен часто включал в себя коммерческую составляющую. Предмет культуры одного народа, несущий в себе элементы искусства, сведения о быте и истории, попадая в другую культурную среду подчас привносит в нее и новые идеи.

Самая оживленная торговля у согдийцев шла с Китаем. Привозимые с караванами товары служили источником художественных идей (например, в керамической пластике, серебряных изделиях) и религиозных образов как для китайцев, так в равной степени и для других этнических групп региона (включая уйгуров и другие степные народы). Влияние согдийцев на культуру Срединного государства и окрестных народов не было односторонним⁶¹¹. Например, согдийцы имели опыт в создании шерстяных и хлопчатобумажных тканей со сложными узорами, заимствованными из искусства Сасанидов. Эти узоры были впоследствии адаптированы для нанесения на шелк. С начала VIII века узоры согдийского происхождения были приняты и видоизменены китайской традицией⁶¹².

Контакты с другими народами влияли на мировоззрение согдийцев. В частности, одним из последствий было усиление христианства в согдийской культуре. Впрочем, сохранившиеся сведения характеризуют Согдиану как

⁶¹¹ См.: *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевики. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 48; *Шульга Д.П.* Социокультурная среда бытования раннесредневековых согдийских торговцев в северо-западном Китае (по материалам гробницы Кан Е) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1(14). С. 46–53.

⁶¹² См.: *Ashurov B.* Tarsākyā. An Analysis of Sogdian Christianity Based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis. London: SOAS University of London, 2013. P. 49–50.

общество без государственной религии. Согдийцы терпимо относились ко всем учениям, возможно, потому что постоянно контактировали с разными народами, будучи одними из главных агентов Шёлкового пути. Среди согдийцев также исповедовались манихейство (о котором речь пойдет ниже) и буддизм. Христиане в Согдиане, очевидно, составляли далеко не самую многочисленную группу⁶¹³.

Трудно установить начало распространения христианства на территории Согдианы. Однако можно с уверенностью сказать, что это было в значительной степени связано с ее социально-политическим развитием. Параллельно интеграции христианства в здесь происходили другие события, оказывавшие на нее влияние. Втор. пол. I тыс. н.э. – бурный период для Согдианы. Мы видим взлеты и падения правящих династий, в частности, эфталитов (410–557 гг., известны в европейской истории как белые гунны), появление сильных соседей-тюрков (552–742 гг.) и т.д. Именно тогда в культуру согдийцев были введены новые элементы, в том числе и религиозные, знаменующие кардинальные перемены в духовной культуре. Примечательно, что этот период совпадал с расцветом династии Тан в Китае (618–907 гг.). Особо стоит заметить, что в Согдиану политические и культурные изменения принесла с собой арабская экспансия (введение арабского языка и письменности, ислама).

Несмотря на вышесказанное, христианство в Согдиане неожиданно продемонстрировало свою жизнеспособность, которая выразилась, в том числе, в создании христианской литературы на согдийском языке и предметов материальной культуры. Более того, сложилась потенциально благоприятная ситуация для всплеска миссионерской деятельности.

Согдийцы, часто находившиеся под номинальной властью различных государств, как правило, говорили на нескольких языках, среди которых часто были китайский, уйгурский, тюркский. Их навыки владения языками помогли

⁶¹³ См.: *Никитин А.Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., ГРВЛ, 1984. С. 125.

им стать посредниками в торговле на Шёлковом пути⁶¹⁴. Роль согдийцев в качестве купцов и переводчиков представителей была настолько широко признана среди народов Центральной Азии и Китая, что согдийский язык практически стал языком коммерческого общения в раннесредневековой Азии. Также он часто служил послам Китая в сношениях с государствами Северной и Центральной Азии⁶¹⁵.

Кроме дипломатического и торгового перевода согдийцы также занимались переводом литературным. Об их культурном влиянии на другие страны Востока в контексте перевода религиозной литературы нам позволяют говорить сведения о текстах, созданных на согдийском, и указания в китайских источниках о переводе христианских текстов согдийскими знатоками. Участие согдийцев в переводе и религиозной передаче литературы, возможно, было связано, с тем фактом, что в V–VIII вв. (судя по количеству и разнообразию сохранившегося текстового наследия) они были носителями одной из немногих культур в Средней Азии, имевшей устоявшуюся литературную традицию⁶¹⁶. К сожалению, найденных записей согдийских переводов христианских текстов немного. Почти нет сведений об их авторах. Это весьма остро ставит вопрос источников, впрочем, мы попытаемся на основании опубликованных материалов изложить некоторые особенности бытования несторианского христианства в державе Тан.

Облик христианства в Китае не был чисто согдийским. Есть основания полагать, что несторианство было отчасти воспринято в Китае как персидское учение. Термин «персидское учение» (босыцзяо 波斯教) подразумевает лингвистические характеристики веры, и можно подумать, что общим языком проповедников был персидский. Однако несмотря на то, что существуют

⁶¹⁴ См.: *Lung R.* Interpreters in Early Imperial China. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011. P. 2.

⁶¹⁵ См.: там же, с. 3.

⁶¹⁶ См.: *Ashurov B.* Tarsākyā. An Analysis of Sogdian Christianity Based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis. London: SOAS University of London, 2013. P. 52–53.

сведения о персидских общинах в Китае, согдийцы, видимо, всё же находились в большинстве. Возможно, в Поднебесной персидская идентичность христианства была связана с тем, что несторианские центры того времени располагались в Передней Азии, хотя учение проникало непосредственно в Тан скорее через согдийцев. При этом вполне обоснованным выглядит мнение, что христианизация самой Согдианы осуществлялась либо двуязычными (сирийско-персидскими), либо просто персидскими миссионерами⁶¹⁷.

Согдийский язык играл роль «лингва франка» Средней Азии, поэтому у христианских торговцев и монахов были прекрасные возможности продвижения своих товаров и идей на восток. Молодая династия Тан создала процветающее и стабильное государство в Китае, основанное на сотрудничестве с соседствующими евразийскими общностями. Столица государства, г. Чанань (современный Сиань), был городом многих культур. Здесь хорошо известна несторианская стела, датируемая примерно 781 г., с китайским текстом из 1900 символов, с 50 словами на сирийском языке и с дополнением из 70 сирийских имен в китайской транскрипции, которая повествует о распространении несторианства в этом городе миссионерами из Бактрии и Согдианы в 635 г..

Путь для христианства в VII в. на территорию Китая был открыт, однако перевод богословских тонкостей на китайский язык и вписывание в культурный контекст оказались крайне сложными задачами, что демонстрирует и вышеуказанная стелла.

Христиане, сталкивавшиеся с буддизмом в Центральной Азии и читавшие буддийские тексты на согдийском, начали переводить свои тексты на китайский, используя буддийские кальки. Самый ранний из китайских источников, упоминающих христианство, использует буддийский термин суйкун (虛空), буквально «пустота» (в т. ч. и небесная), отсылая к

⁶¹⁷ См.: там же, с. 56.

христианскому Богу, что, возможно, демонстрирует ранние трудности в переводе христианской мысли на язык Поднебесной. Буддизм проник в Китай ранее других прозелитических религий, уже обзаведясь к началу манихейской и христианской проповеди обширной литературой на китайском языке. По этой причине, например, манихейские тексты на китайском нередко трудноотличимы от буддийских, потому что почти вся религиозная терминология в них заимствована из буддизма.

Христиане изначально использовали буддийские кальки (включая слово «будда», которым обозначается триединый Бог в ранних текстах Алобэня). Впоследствии Алобэню удалось найти более адекватный перевод. В своем рассуждении о монотеизме великий несторианский миссионер уже пишет об «ишэнь» (一神), т.е. «едином божестве»⁶¹⁸.

Имперские эдикты 638 г. (император Тай-цзун) и 745 г. (Сюань-цзун) дают некоторую информацию о состоянии христианства в Китае. Первый из них упоминает аудиенцию персидского, возможно, согдийского (так как его язык понимали при дворе) монаха Алобэня у императора. Алобэнь принёс христианские тексты для правителя, император увидел в них только добрые идеи, позволил христианам исповедовать свою религию в Китае, а также разрешил построить монастырь для двадцати двух монахов в столице.

В эдикте императора Сюань-цзуна обсуждается путаница, связанная с тем, что христианские монастыри в Китае называют «персидскими монастырями». Для манихейских монастырей использовалось то же наименование. Эдикт говорит, что, так как «сияющая религия» (景教) берёт начало в Дацинь⁶¹⁹

⁶¹⁸ См.: Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.

⁶¹⁹ В Китае несторианство по мере знакомства с ним стали именовать «波斯教» (босы цзяо, Персидское учение) или «大秦教» (дацинъ цзяо, Римское учение). Этот феномен чрезвычайно интересен. Происхождение обеих «привязок» понятно. С одной стороны, Несторий был архиепископом Константинополя, и его учитель Феодор Мопсуестийский также был подданным принцепса (См.: Ashurov B. Tarsākyā. An Analysis of Sogdian Christianity Based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis. London: SOAS University of London, 2013. 229 p). С другой – после Эфесского собора,

(Римской империи), монастыри должны называться «дацинскими». Термин «Дацинь» дословно он означает «Великая Цинь» в честь династии, основавшей Китайскую империю. Он использовался для наименования аналога Срединному царству (Китаю) на западе, таким образом, им можно обозначать Римскую или Византийскую империи. Далее эдикт указывает, что монастыри в столице и провинциях должны быть переименованы. За год до эдикта государь велел выдать монастырям таблички, символизирующие императорское одобрение.

Обращение Алобэня к императору и название «сияющее учение» (景教) также упоминаются в тексте знаменитой Несторианской стелы. Надпись состоит из более чем двадцати двух тысяч китайских иероглифов и небольшого количества символов сирийского алфавита. Стилем текст напоминает буддийские надписи: вся многословная проза кратко пересказывается в конце стихами. После вступительных замечаний текст отсылает к сжатой истории искупительного подвига Христа, далее идёт повествование о истории Церкви Востока в Китае, которое начинается с упоминания всё того же Алобэня. Стела была установлена в 781 г. (незадолго до начала правления императора Дэ-цзуна) в «дацинском» монастыре в Чанане. Надписи, выполненные сирийским алфавитом, упоминают, что автор – персидский хорепископ Адам, а человек, благородно пожертвовавший свои средства на создание стелы – Йазбузид из Балкха в Тохаристане. В китайском тексте первый упоминается как Цзинцзин, а второй как Исы, женатый монах,

многие радикальные сторонники Антиохийской школы ушли в Сасанидскую Персию, где их приняли как представителей оппозиции Восточной империи, несмотря на господствующий в Иране зороастризм. Для китайцев, не слишком знакомых с политическим соперничеством Рима с персами, два названия были лишь «точками пути» несториан из Средиземноморья на Дальний Восток (См.: *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Филология и история. 1978. Вып. 26 (89). С. 76–85). При этом, очевидно, дуализм наименований отражал и более сложные процессы. Прожившие почти два века в иранском окружении христиане достаточно много восприняли от новой среды, потому к эпохе Тан это были совсем не те «ромей», что покидали берега Босфора в пер. пол. V в. н. э. В то же время память о греко-романском наследии сохранялась постоянно (и бытует до сих пор, например, у Ассирийской церкви востока).

который был офицером у полководца Го Цзыи. Из этой и других надписей (найденных в гротах Дуньхуана) ясно, что бегство монахов из Персии, Бактрии и Согдианы продолжалось и спустя сто пятьдесят лет после эпохи Алобэня⁶²⁰.

С точки зрения религиозной доктрины, стела достаточно странная. Надпись на ней начинается с не совсем корректного описания Троицы, далее обсуждается творение, грехопадение и Сатана. После этого идёт рассказ о Мессии без упоминания распятия и с достаточно нечёткой характеристикой воскресения. Христианские тексты, найденные в Дуньхуане, также содержат подобную нечёткость и опущения ключевых теологических принципов. Далее в них прослеживается сильное влияние буддийских и даосских идей, тексты призывают к соблюдению китайских обычаев поклонения предкам и императору. Христианство постоянно описывается как Дао, учителем и первооткрывателем которого был Мессия. Таким образом, акцент смещается с личности Мессии на следование пути, который он открыл.

В течение эпохи Тан христианство оставалось в Китае религией чужеземцев. Крупные городские монастыри служили нуждам персидских, согдийских и тюркских христиан, а малые, более удалённые, – для монашеского уединения. Несмотря на то, что большое количество христианской литературы было переведено на китайский, а некоторые тексты были созданы на этом языке, китайский национальный элемент в церкви следует признать незначительным. Сирийский оставался языком литургии, а согдийский – общим языком христиан в Китае. Церковь была сформирована вокруг монастырей, которые, хотя и не были столь изолированными, как манихейские, всё равно должны были сохранять определённую атмосферу закрытости. Очевидно, что существование церкви зависело от имперской поддержки. Такая поддержка охотно оказывалась императорами раннего

⁶²⁰ См.: Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.

периода Тан, вероятно, по экономическим и политическим причинам. Императоры также поддерживали христианство, пока оно вписывалось в конфуцианские и даосские идеалы. Это может объяснить давление, которое оказывалось на христианских лидеров в Китае, чтобы они подчёркивали эти идеалы в своих текстах, даже в ущерб основной доктрине. На самом деле, сохранившиеся китайские тексты могли быть предназначены больше для китайских властей, чем для посвящённых. Зависимые от имперских санкций, существующие в полузакрытых, иностранных группах, христиане сильно зависели от мнений двора.

Вместе с тем, есть примеры несториан, происходящих из служилой знати. Одним из примеров является эпитафия Ми Цзифэня (714–805 гг.), обнаруженная в 1955 г. на территории одного из западных пригородов г. Сиань, в районе Тумэньцунь. Несмотря на давность находки, она практически не представлена в отечественной научной литературе (в англоязычных работах подчас фигурирует⁶²¹), являясь, при этом, ценнейшим источником как для востоковедения, так и для истории христианства. Полное название данного эпиграфического источника звучит как «唐神策军散府将游骑将军守武卫大将军兼试太常卿上柱国米继芬墓志铭», что можно перевести примерно как «Эпитафия Ми Цзифэня, командира конной дворцовой гвардии, сановника, высшей опоры государства» (рисунок 61). Далее автор приведёт художественный перевод текста:

«Носитель запретного для написания⁶²² имени Цзифэнь происходил из аристократического рода княжества Миго в Западном Крае, имел множество талантов и добродетелей. Дед достопочтенного носителя запретного имени (*имеется ввиду Цзифэнь – прим. Д.Ш.*) занимал в своей стране высокий пост помощника министра. Отец, хотя был по происхождению из народа тюргешей,

⁶²¹ Ashurov B. *Tarsākyā*. An analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources: PhD Thesis. SOAS University of London, 2013. P. 55.

⁶²² Запрет на написания имён вводился для императоров, видных сановников и философов как свидетельство почтительности. Вместо имени принято при жизни нередко вводилось «посмертное» имя.

даже находясь далеко [от Поднебесной], жаждал испытать облагораживающее влияние добродетельного царствования, он прибыл в столицу, где удостоился милостей и был приглашён ко двору, получил назначение на должность «левого»⁶²³ командующего, оберегающего государство. Сын (*имеется ввиду Цзифэнь – прим. Д.Ш.*) воспитывался в китайской традиции и унаследовал таланты и положение отца, поступив в гвардию. [Цзифэнь] с юности проявлял почтение к старшим, уважение к родственникам, ревностно служил государству, он культивировал в себе семь достоинств и четыре добродетели. Его поведение всегда было прямотушным, поступки – честными, он всегда, даже в сложных ситуациях, следовал моральному долгу. Словом, таланты и достойные подражания личные качества были подобны спелым плодам, что склоняют ветви деревьев или глубочайшим озёрам. В почтенном возрасте его сразили недуги. В конце концов, свершивший столькие подвиги и благодеяния ушёл от нас навсегда. В первый год царствования под девизом Юнчжэнь, на девятый месяц в двадцать первый день он скончался в уезде Лицюань в собственном доме. На тот момент ему было девяносто два года. Девятнадцатого числа двенадцатого месяца тело было помещено для временного погребения в столице, Чанане, у Ворот дракона. Вдова, госпожа Ми Ши вскоре последовала за мужем, не выдержав горечи утраты. У усопшего осталось два сына. Старший [по имени Гоцзин] хорошо продвинулся на государственной службе, став одним из «правых» командующих, служил в Нинъюане, а также занимался охраной столицы. Младший [по имени Сыюань] окружил себя мудростью и выбрал путь монаха, поселился при храме религии Великой Цинь. Траур по усопшему был долгим. Все предавались неподдельной скорби и соблюдали ритуалы. В конце концов, погребальные мероприятия были завершены в должной форме и была создана эта недостойная эпитафия, лишь отчасти передающая неисчислимые достоинства

⁶²³ В Китае и ряде сопредельных с ним стран в древности и средние века имели место «левые» и «правые» должности, отличавшиеся как по региону компетенции, так и по старшинству.

покойного. Говорится: судьба государства трудна, но беззаветная преданность и чувство долга остаются в веках. Доблестный и могучий всегда обретает славу. Достоин тот, кто даже рискуя жизнью стремится проявлять лучшие качества. Сокрушающий козни становится достойным почёта. Умерший был высокопоставленным военачальником, прожил долгую жизнь в уважении, и ушёл в высокие залы блаженства после болезни. Стойкий и непоколебимый, как сосна и кипарис, он ушёл в чертоги запада. И потому помещена сия эпитафия»⁶²⁴.

Перед нами, казалось бы, достаточно типичный китайский текст, с традиционными метафорами и оборотами. Запад выступает как направление, куда уходят души усопших, а сосна и кипарис являются символом непреклонности. Имеются отсылки к конфуцианству, например, принципу сыновней почтительности (*сяо*). Но четыре иероглифа, в отношении младшего сына, «住大秦寺» представляют для истории христианства в Китае колоссальный интерес. Перевод фразы – «живет в храме [религии] Великой Цинь».

⁶²⁴ Данный перевод на русский язык является, очевидно, первым, так что автор считает необходимым привести также текст на китайском языке, идентичный оригинальному, но с добавлением современных знаков препинания (даётся по публикации: Гэ Чэньюн. Тандай Чанань игэ сутэ цзятин дэ цзинцзюо синьян [葛承雍. 唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 // 历史研究 2001 年第 3 期] Несторианские верования согдийской семьи в Чанане в период династии Тан // Лиши яньцзю. 2001. №3. С. 181–182): 大唐左神策军故散副将游骑将军守左武卫大将军同正兼试太常卿上柱国京兆米府君墓志铭并序。乡贡进士翟运撰并书。公讳继芬,字继芬,其先西域米国人也,代为君长,家不乏贤。祖讳伊西,任本国长史;父讳突骑施;远慕皇化,来于王庭,邀质京师,永通国好。特承恩宠,累践班荣。历任辅国大将军,行左领军卫大将军。公承袭质子,身处禁军;孝以敬亲,忠以奉国;四善在意,七德居心;信行为远迹所称,德义实闾里咸荷。风神磊落,度量宏深;爱以尊年,因婴疾疹。何图积善无庆,奄从逝川去。永贞元年九月廿一日终于礼泉里之私第,春秋九十二。以其年十二月十九日,安厝于长安县龙门乡龙首原,礼也。夫人米氏,痛移夫之终,恨居孀之苦。公有二男,长曰国进,任右神威军散将,宁远将军,守京兆府崇仁府折冲都尉同正。幼曰僧思圆,住大秦寺。皆号慕绝,哀毁过礼;攀恩罔极,闷擗崩摧。虑陵谷迁移,以贞石永固。远奉招纪德,实惭陋于文。铭曰:国步顷艰兮,忠义建名。雄雄英勇兮,膺时间生。尝致命兮,竭节输诚。殄凶孽兮,身授官荣。位崇班兮,是居禁营。寿既尊兮,遭其疾苦。去高堂兮,永归泉户。列松柏于凤城之西,封马鬣于漕渠之浒。

Уникальность переведённой автором эпитафии заключается в том, что перед нами одно из свидетельств двойственности позиций христианства в раннесредневековом Китае. С одной стороны, у нас мало свидетельств активного включения собственно «хуася»⁶²⁵ в церковную жизнь. Но с другой – можно уверенно говорить о том, что служилые иноплеменники, сделавшие карьеру в эпоху Тан, не просто проявляли интерес к несторианству, но, уже добившись включения в наследственную аристократию, отдавали своих сыновей в монахи (или, как минимум, не порицали это и не препятствовали).

По традиции мы именуемых последователей «религии Великой Цинь» несторианами⁶²⁶, однако реконструировать их христологию, к сожалению, не представляется возможным. При этом совершенно точно, что богословие у них было, так как явно наличествовали храмы и монастыри. Весьма вероятно, что радикальный диофизитский «теологумен» Нестория о «Христородице» был уже забыт, так что по своему вероучению Ми Цзифэн⁶²⁷ и его сын-монах, равно как и христиане-тюрки⁶²⁸ были достаточно близки к халкидонскому символу веры.

§3.5.2. Манихейство в раннесредневековом Китае

С началом IX в. открытость и стабильность ранней Тан начали исчезать. Императоры превратились в марионеток, а Уйгурский каганат (на какой-то

⁶²⁵ Досл. «просвещённые люди ся», самоназвание основного этноса Центральной равнины Китая, происходящее от названия первой полулегендарной династии.

⁶²⁶ См.: *Чжан Сюйшань*. Цзинцзяо дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山。景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 // 世界历史 2005 年 6 期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае // *Шипце лиши*. 2006. №6. С. 76–88.

⁶²⁷ Справедливости ради, следует отметить, что прямых указаний на христианское вероисповедание самого Ми Цзифэна у нас нет. Китайский исследователь Гэ Чэньюн в своей работе 2001 г. считал, что к несторианам принадлежала всё семейство, Б. Ашуров в диссертации несколько осторожнее.

⁶²⁸ См.: *Ню Жуцзи*. Чжунго туцзюэ юй цзинцзяо бэймин вэньсянь гай шо [牛汝极。中国突厥语景教碑铭文献概说 // 民族语文 2000 年第 4 期] Обзор тюркских несторианских надписей в Китае // *Миньцзу юйвэнь*. 2000. №4. С. 62–67.

период принявший манихейство) серьёзно угрожал северо-западным границам Китая. Император У-цзун (840–846 гг) начал активно возвращать власть от дворцовых евнухов, противостоя уйгурской угрозе и реформируя государство. Нуждающийся в средствах для своего политического курса, У-цзун закрыл буддийские монастыри, конфисковав их имущество. В 845 г. он издал эдикт, распространяющий эту практику и на другие «чужеземные религии». Декрет утверждает, что более трёх тысяч зороастрийских священников, христианских и манихейских монахов попали под действие эдикта⁶²⁹. От таких структурных преследований церковь так и не смогла оправиться. Небольшие христианские сообщества оставались на Южно-Китайском побережье, особенно в районе современного Кантона, существуя благодаря морской ветви Шёлкового пути⁶³⁰. Также на северных рубежах кочевники ещё полтысячелетия активно внимали несторианской проповеди. В начале XI века следует помнить о важном массовом обращении кераитов, племени Западной Монголии, расположенного к юго-востоку от озера Байкал (о чем с гордостью писал митрополит г. Мерва по имени Абдишу). Они не только останутся христианами на протяжении веков, но и привнесут несторианство в монгольскую элиту эпохи Чингисхана и его ближайших преемников, создав тем самым нечто вроде моста между эпохами. Определённое влияние сохраняли несториане в Западном крае. Ещё в 1155 году городом Аксу на Шелковом пути (современный Синьцзян, КНР), управлял христианский князь.

Несколько иная судьба ждала уже упоминавшееся выше манихейство. Согласно фрагментам эпиграфических и письменных источников, обнаруженных на территории КНР, манихейство проникает в западные регионы Китая (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район) около

⁶²⁹ См.: Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.

⁶³⁰ См.: Gordy J. Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v49i1.1882>.

675 г.⁶³¹ В 694 г. н.э. персидские проповедники прибывают в центральные области империи Тан. Есть сведения, что императрица У Цзытянь (624–705 гг. н.э.) встречалась с одним из иерархов манихейства – Умэйсы (очевидно, это транскрипция некитайского имени иероглифкой). Сан его в китайской огласовке звучал как «фудодань» (拂多诞). Новое учение произвело на государыню благоприятное впечатление. Она ознакомилась с трактатами, в том числе – с «Эрцзун-цзин» (二宗经). Миссионерам предложили остаться и продолжать деятельность. На девятнадцатом году девиза правления Кайюань императора Сюань-цзуна (т.е. в 731 г. н.э.) был переведен с сирийского языка на китайский сокращённый вариант манихейского священного писания (摩尼光佛教法仪). Книга найдена среди других реликвий при раскопках важного центра Шёлкового пути – Дуньхуана. Этим в научный оборот ввели важный источник для изучения этноконфессиональной ситуации в танском Китае. Император Сюань-цзун позволил манихейству свободно развиваться и искать новых адептов в Поднебесной, что способствовало распространению вышеуказанного краткого свода⁶³². Однако уже в 732 г. императорская администрация издает указ, содержащий следующие строки: «В основе манихейства лежат неправильные взгляды, [манихейство] коварно маскируется под буддизм, вводит в заблуждение благонамеренный люд, так что это учение нужно запретить со всей строгостью». Из этого весьма ценного отрывка мы можем сделать вывод: уже в первой половине VIII в. н.э. манихеи как минимум использовали буддийскую терминологию. Это закономерно, ведь многие понятия «религий спасения» были сложно переводимы на китайский язык, и приходилось выискивать параллели в уже имеющихся

⁶³¹ См.: Сандерманн В., *Тан Лиюнь*. Мони, индуэхэмоницзяо [宗德曼, 唐莉云. 摩尼、印度和摩尼教 // 石河子大学学报 2015 年第 29 卷第 4 期] Мани, Индия и манихейство // Вестник Университета Шихэцзы (Шихэцзыдасюэсюэбао). 2015. №4. Вып. 29. С. 29–31.

⁶³² См.: Лю Цинцюань. Моницзяосиншуйиньюань цзи цилошаньцаоаньцзитайаньцзю [刘青泉. 摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究 // 世界宗教研究 1999 年第 3 期] Судьба манихейства и углублённое изучение памятника Лошаньскийцаоань // Исследование мировых религий (Шицзецзунцзяояньцзю). 1999. №3. С. 135.

учениях, например, в буддизме. Так поступали и несториане, о чем мы говорили выше⁶³³.

В 760-е годы учение Мани начинает стремительно обретать популярность в Уйгурском каганате (территория современной Монголии, прилегающих регионов Сибири и КНР). Судя по всему, этот процесс активно захватил элиту, что привело к приданию манихейству статуса государственной религии. Во время крупнейшей социально-политической катастрофы периода Тан, мятежа Ань Лушаня (бывшего, к слову, потомком выходцев из Средней Азии), императорское правительство попросило помощи у кагана-манихея Идигяня. Последний в 762 г. н.э. отправляет войска в Лоян и другие города для поддержки борьбы лоялистов против повстанцев. В обмен на помощь уйгурская сторона потребовала построить манихейские храмы в Сиане (тогда именовавшемся «Чанань» и являвшемся исторической столицей), а также в крупных городах центра Поднебесной (современные провинции Шаньси, Хэнань, Хубэй и Цзянси): Цзинчжоу, Хунчжоу, Янчжоу, Тайюань и др. Таким образом, на время манихейство стало третьей религиозной силой в Китае после буддизма и даосизма. Но во времена императора У-цзуна (840-е гг. н.э.) была инициирована борьба с буддизмом и иными иноземными учениями. Представители последующих династий Сун, Юань, Мин и Цин как минимум не проявляли интереса к манихейству (надо сказать, таковой постепенно уходил и из других регионов мира). В итоге учение Мани в Поднебесной после яркого взлёта постепенно утратило официальный статус и догматическую чистоту.

Вместе с тем, культурное влияние манихейства на Китай в IX–XIII вв. отрицать нельзя. Частное свидетельство тому – некоторые биографии выходцев из «служилого сословия». Чжу Си, основатель неоконфуцианства, видный китайский философ и государственный деятель эпохи Сун, живший в

⁶³³ См.: *Vrhovski J. Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China // Asian Studies. 2013. Vol. 1. № 2. P. 54–57.*

1130–1200 гг. н.э., совершил длительное путешествие в Цюаньчжоу к могиле манихейского наставника и проповедника Хулу (呼祿法師). Последний жил в эпоху Тан и в тяжёлый для своей религии период (сер. IX в.) совершал миссионерский подвиг на юге Китая, дойдя до побережья Тайваньского пролива, где и умер (в провинции Фуцзянь во времена Чжу Си находилась его гробница). В «Миньшу» (книга о Фуцзяни эпохи Мин) сообщается среди прочего о жизненном пути Хулу, причём манихейство лестно именуется «светлым учением» (明教). С Хулу связан ряд стихотворных произведений.

В эпоху «Пяти династий и десяти царств» (смута между периодами Тан и Сун) идеи некоторых крестьянских восстаний явно заимствованы из положений манихейского учения (в том, что касалось социальной справедливости и мобилизации населения на борьбу). Например, в удельном княжестве Поздняя Лян в 920 г. н.э. Моу И и Дун И подняли восстание бедноты под манихейскими лозунгами, собрав тысячи человек. Народная армия на некоторое время смогла захватить Чэньчжоу, Инчжоу и Цайчжоу (территория современных провинций Аньхой и Хэнань). Подобные выступления со схожими религиозными девизами были также в государствах Поздняя Тан (923–936 гг.) и Поздняя Цзинь (936–947 гг.)⁶³⁴.

В XII в. во времена Северной Сун лидер крестьянского восстания 1120–1122 гг. Фан Ла опирался на «светлое учение» (этот вариант наименования манихейства стал после Тан доминирующим). Восставшим удалось захватить семь округов и сорок восемь уездов, что было поистине грандиозным успехом. Лишь привлечение на свою сторону полуразбойничьих формирований Сун Цзяна позволило императорской администрации подавить восстание. В 1130-е гг. в Синьчжоу (ныне в провинции Цзянси) начинается движение Ван Няньцзина, которое, активно используя лозунги манихейства, вбирает в себя

⁶³⁴ См.: Лю Цинцюань. Моницзяосиншуайиньюань цзи цилошаньцаоаньицзитаньцзю [刘青泉. 摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究//世界宗教研究 1999 年第 3 期] Судьба манихейства и углублённое изучение памятника Лошаньскийцаоань // Исследование мировых религий (Шицзецзунцзяояньцзю). 1999. №3. С. 136–137.

десятки тысяч людей и охватывает территорию нынешних уездов Гуйси и Иян. Китайским феодалам пришлось собрать все ресурсы, чтобы одолеть инсургентов. Впоследствии подобные выступления вспыхивали на территории провинции Чжэцзян. Такая ситуация сохранялась по меньшей мере до эпохи Юань.

Во времена Южной Сун, когда Север Китая попал под власть чжурчжэней, деятельность адептов манихейства в прилегающих к Южно-Китайскому морю регионах была довольно активной. Учение выступает под различными наименованиями: «светлое учение» (минцзяо); учение «моуни» (牟尼, тут явная перекличка между именем «Мани» и словом «муни», означающим буддийского мудреца). Внутренняя и внешняя нестабильность династии заставляла знать опасаться «взрывоопасного» в социальном плане манихейства, становящегося часто «знаменем угнетённых». Потому издавались прямые запреты на деятельность проповедников и прочие репрессивные акты. Это заставляло последователей религии двигаться всё дальше вглубь слабо освоенного юго-востока, на юг от современного Чжэцзяна. В результате признанным центром манихейства (пусть и сильно замаскированного, чаще всего – под буддизм) становятся Фучжоу и Цюаньчжоу в Фуцзяне. Во время Южной Сун и Юань влияние «минцзяо» здесь было довольно обширным. Свидетельством тому служит значительное число находок с «манихейскими инфлюкциями».

В 1979 году в Цзиньцзяне (уезд в городском округе Цюаньчжоу провинции Фуцзянь, КНР) была найдена глазированная фарфоровая посуда сунской эпохи с манихейскими изречениями. Археологический памятник назван «Лошаньский цаоань» (досл. «Лошаньская соломенная хижина»; Лошань – улица и район в г. Цзиньцзяньпров. Фуцзянь). Очевидно, религиозная активность здесь наблюдалась с сер. XII до сер. XIV вв. н.э. Недалеко обнаружена ниша с резьбой по камню, сильно напоминающая буддийскую. Особенно это выражено в оформлении рельефного изображения человека (1,5 м в высоту, 0,83 – в ширину). Лицо фигуры полное и гладкое, с довольно

крупным и искусно сделанным носом, губы красные и тонкие, брови изогнутые, выражение лица сосредоточенное, руки лежат на коленях. Фигуру обрамляет каменный круг, имеющий волнообразную кромку (очевидно, это символ лучезарности и привнесения в мир бесконечного света). Примечательно, что каменная порода здесь неоднородна по цвету, явно выделяются три оттенка: светло-зелёный, тёмно-зелёный и красноватый. Это усиливает впечатление при созерцании фигуры. Можно говорить, что вышеописанная ниша на сегодня чуть ли не единственное в мире сохранившееся скульптурное изображение, связанное с манихейским культом (под государственной охраной с 1996 г.). Высокая важность памятника (равно как и его связь с «минцзяо») была признана на симпозиуме по изучению манихейства, прошедшему в 1987 г. в Бельгии. В 1991 г. и 1997 г. нишу посещала группа исследователей из «Группы изучения морского шёлкового пути», также пришедшая к сходным выводам.

Естественно, надо учитывать, что восприятие рассматриваемого религиозного учения в средневековом Китае было очень далёким от проповедей основателя манихейства из позднеантичного Ирана. Например, недалеко от Лошаньского цзаояня есть выбитая надпись из восемнадцати знаков, гласящая: «Воодушевляющий, чистый и светлый, всемогущий и мудрый, высочайший и истинный, Мани-Будда» («劝念清浄光明大力智慧无上至真摩尼光佛»). Надписи с подобным содержанием были найдены в 1988 г. и 1992 г. в разных частях городского округа Путянь провинции Фуцзянь (район Ханьцзян и волость Бэйгао).

Раздел 3.6. Монголы, ромеи и Китай: последний расцвет Великого Шёлкового пути

Хотя, как говорилось выше, настоящая глава в первую очередь посвящена становлению Шёлкового пути, было бы неправильным умолчать о

монгольском периоде. Естественно, мы не станем пересказывать историю завоеваний Чингисхана и его наследников. При этом отметим, что на некоторое время чингизидам удалось взять под контроль Великий Шёлковый путь на всём его протяжении.

В настоящей статье мы введём в дискуссию о взаимодействии кочевников и земледельцев новые для русскоязычной науки данные об исторически связанных (в том числе по Шёлковому пути) державах – Китае и Восточной Римской империи, которые имели весьма своеобразные отношения с кочевыми общностями. Стоит отметить, что указанных оба государства (автор считает Восточную Римскую империю прямым продолжением античной Римской державы) имели сношения между собой еще с начала новой эры⁶³⁵, и с течением времени контакты только усиливались, что подтверждают нумизматические материалы⁶³⁶.

Китайские царства еще в I тыс. до н.э. столкнулись с кочевниками, однако до подъема сюнну (хунну) в III в. до н.э. набеги с севера не угрожали существованию государств Поднебесной, нанося им лишь временный урон⁶³⁷. Квинтэссенцией концепции отношений Поднебесной с «варварами» можно считать высказывание из приписываемого деятелю III в. н.э. Чжугэ Ляну трактата «Вертоград полководца», который был несколько лет назад переведён автором настоящей диссертации. Сам отрывок называется

⁶³⁵ См.: Ян Гунлэ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинцзи шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐。丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // Collected Papers of History Studies 2011 年 1 期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шелковому пути и упадка Римской империи // Collected Papers of History Studies. 2011. № 1. С. 70–72; Комиссаров С.А., Харрис Д., Васенькин В.В. Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории). В: Томилов Н.А. (гл. ред.) Россия и Восток. Археология и этническая история. Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 26–27.

⁶³⁶ См.: Guo Yunyan. Zailun zhongguo faxiande liumei baizhanting zhongqi jinbi [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币] Re-discussing the six Byzantine mid-term Gold Coins Discovered in China // China Numismatics. 2015. № 1. P. 53–59.

⁶³⁷ См.: Тан Цзинцзе, Хань Кансинь. Чжунгобэйфан цзигэ гудай миньцзудэ тичжэн лэйсин хэ чжунцзу шусин [谭婧泽, 韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性//现代人类学通讯] Общие признаки и принадлежность нескольких древних этносов в северном Китае // Сяньдай жэньлэйсюэ тунсюнь. 2007. №1. С. 65.

«Северные *ди*», где *ди* – собирательное наименование для номадов Северного Китая (как и термин *ху*, который будет приведен ниже). «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть

врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника»⁶³⁸.

Можно сказать, что в упомянутом выше фрагменте Чжугэ Лян (если признавать его авторство) констатировал действенность подхода, выдвинутого жившим за 400 лет до него мыслителем и поэтом Цзя И. Основные его труды до сих пор полностью не изданы на русском языке, но в настоящей публикации мы приведем авторский перевод некоторых положений из «Синьшу» (新书). Выдержки из данного памятника актуальны потому, что в разделе о сюнну (хунну) ханьский философ изложил и раскрыл основу идеи об «установлении трех проявлений благоволения и пяти приманок, с помощью которых можно бороться с шаньюем за его народ». Первое проявление благоволения – это «вызвать доверие к Сыну Неба»: «услышав единое слово государя, пусть они будут такими же далекими, [как сюнну], их воля не будет [омрачена] сомнениями, пусть они даже враждебны нам, в их сердца не закрадется недоверие. Сначала необходимо сформировать образ мудрого правителя, который верен своему слову. Второе проявление благоволения – это «довести до сведения сюнну, что император их любит, нужно продемонстрировать отношение сочувствия и любви к предавшимся [под руку ханьского государя]; если позволить им [сюнну] считать, что они любимы Сыном Неба, то они [потянутся к нему], как малое дитя к любящей матери». Третье проявление благоволения выражалось в следующем: «сообщить о том, что нравится правителю, необходимо продемонстрировать предавшимся, что их таланты оценены по достоинству, нужно признавать умения хороших людей и человечность». Если император самолично добьётся «истинной любви и согласится быть терпеливым, то обязательно достигнет ожидаемой цели»⁶³⁹.

⁶³⁸ См.: Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. С. 140–144.

⁶³⁹ См.: Цзя И. Цзя И цзи [贾谊。贾谊集] Собрание трудов Цзя И. Шанхай: Жэньмин чубаньшэ, 1976. С. 70–73.

Поговорим о «пяти приманках». Первая «приманка» в дословном переводе звучит как «развратить их глаза», суть её в том, чтоб приучить кочевников к роскоши. «Прибывшие к нам сюнну от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети — в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, разукрашенных резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, с зелеными тентами. Пусть придадут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и дадут сопровождающего, [сидящего на колеснице справа]. Даже шаньюй при выездах и возвращениях [в ставку] не пренебрег бы этим.» Второй «приманкой» Цзя И призывал «развратить уста» номадов: «если среди сюнну, которых [Ваше Величество] побудили приехать, будет много предавшихся нам, то при большом скоплении народа Верховный [правитель] непременно призовет кого-то из них и пожалует еду, еда будет состоять из прекрасных блюд, где будет все, что пожелаешь». «Третья приманка» была направлена «на слух»: «что до предавшихся нам выдающихся мужей, то Верховный [правитель] непременно пусть пошлет пригласить кого-нибудь из них в качестве гостей. Пусть получают приглашение и их знакомые. Тем варварам-ху, которые пожелают посмотреть [на прием], этого отнюдь не запрещать. Четвертая приманка — это «развратить их желудки», Цзя И ратовал за то, что, всякому предавшемуся императором должен быть оказан прием и милость. К тому же ханьскому государю обязательно следует быть с некоторыми из них щедрым, сделать так, чтобы у них была высокая зала и отдельный флигель, превосходная кухня с большими кладовыми и конюшня с отборными лошадьми, боевая колесница в личном хранении. Рабы и рабыни, множество детишек, домашний скот — [всего должно быть] в достатке. И пусть они живут роскошной жизнью, которая превосходит по уровню и торжественности ту, что [они имели] прежде у сюнну. Пятой приманкой является «развратить их сердца», по отношению к тем, кто пришел предаться ханьцам, Цзя И предлагал: «Верховному [правителю Китая] непременно следует кого-нибудь милостиво удостоить приема, одарить родительской

лаской, а затем позволить определиться на службу». Приведем более подробное изложение. «Верховный [император] милостиво соизволит принять у себя с несколько десятков человек, сделает так, чтобы и на официальных приемах, и в часы досуга они сопровождали его при выездах и посменно прислуживали во внутренних покоях. Когда же Верховный [император] потчует варваров-ху, когда [учреждает] Великие ристалища и приглашает на них послов варваров-ху, силачи и воины, как всегда, будут прислуживать близ [императора] по одну сторону, а мальчикам-варварам будет дозволено приблизиться и прислуживать по другую. Знатные варвары-ху будут поочередно выступать вперед и предлагать [гостям] вино. Верховный [правитель] милостиво изволит лично распорядиться, чтобы подливали вино в чаши послов, обхаживали их. Когда Верховный [правитель] уходит на отдых, [парадное] платье расписного шелка, [украшенный драгоценными раковинами] большой пояс и другие оставшиеся предметы одежды подносятся им в качестве даров. Верховный [правитель] милостиво изволит принимать мальчиков-варваров, похлопывает их, играет с ними в кольцо. А когда подают жареное мясо, милостиво изволит кормить их. [Верховный император] снимает с себя великолепные одежды и лично одаривает их. [Когда] Верховный [правитель Китая] встает, мальчики-варвары [находятся] кто сзади, кто спереди него. Знатным варварам будет дозволено подносить вино; и они будут в платье с казенной печатью на шнурке. Знатные варвары будут стоять перед [Верховным правителем]! Пусть только некоторые люди достигают подобного, а [Верховный правитель] устанавливает им такое положение [для предавшихся ему сюнну]. В целом государстве, кто увидит и услышит [это], широко раскроют глаза от изумления, возжелают [того же]. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам»⁶⁴⁰.

⁶⁴⁰ См.: *Янь Шэнго*. Ханьчао чжаосян сюнну цэлюэ шу лунь [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论 // 军事历史研究] Краткое изложение стратегий династии Хань по склонению сюнну к капитуляции // Цзюньши лиши яньцзю. 2004. №2. С. 149–153.

Цзя И верил, что его политика, опиравшаяся на признание невозможности военной победы над «варварами» с одной стороны, а с другой – на понимание экономического превосходства империи над сюнну, даст плоды совсем скоро, и развалит державу хунну за десятилетие. Это оказалось не совсем так. Тем не менее, искусно приманивая представителей кочевой знати, а временами и нанося удары, ханьцы чуть более чем за сотню лет смогли покорить значительную часть сюнну, о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические данные⁶⁴¹. Кочевые народы на границах Китая с течением времени менялись, подчас захватывая отдельные территории на севере страны. Часто «яблоком раздора» становился контроль за Шёлковым путём. Но тут срабатывал скрытый механизм – торговля, приносившая большие барыши, действовала на вчерашних скотоводов примерно также «разлагающе», как и придворная роскошь в приведенном выше отрывке. Это дополнялось и демографическим перевесом в пользу китайского населения⁶⁴². Таким образом, заложенная Цзя И политика по «умиротворению варваров» в сочетании с выверенными действиями дипломатов и генералов (о которых писал автор «Вертограда полководца») придавала Поднебесной такую устойчивость, что только монголам удалось полностью поглотить Китай от Гоби до границ Вьетнама, да и то менее, чем на столетие.

К моменту прибытия монгольских войск к восточным берегам Средиземного моря, Восточной Римской империи как единого целого не существовало, ибо Никейская империя в 1250-х гг. еще только копила силы для ответного удара по крестоносцам. Конечно, в военном отношении ромеи

⁶⁴¹ См.: Гань Чжэньюй. Чжунго цзиннэй сюнну муцзан яньцзю чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓葬研究初探 // 赤峰学院学报] Первичное исследование погребений сюнну в пределах Китая // Чифэн сюэюань сюэбао. 2015. №2. С. 14–17; Цзян Лу. Бэйфан дицзюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐。北方地区 «南匈奴» 墓葬再探讨 // 边疆考古研究] Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае // Бяньцзян каогу яньцзю. 2011. №1. С. 244–253.

⁶⁴² См.: Ян Гуаньхуа. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэнью (Культурное наследие степи). 2016. №7. С. 4–14.

не могли тягаться с ордами Хулагу. И всё же, как мы знаем, Константинополь (с 1261 г.) успешно сохранил независимость от чингизидов (в отличие от Китая, Ирана, Средней Азии, Ближнего Востока, Поволжья и других регионов). Тому, думается, было несколько причин.

История монголо-ромейских⁶⁴³ взаимоотношений уникальна. Дело в том, что с большей частью народов Евразии Чингисхан и его потомки воевали, (за редким исключением, одерживая одну победу за другой). Удивительно, но отношения монголов с государствами-наследниками Византии были связаны скорее с черноморской торговлей, чем с военной историей региона⁶⁴⁴. В 1243 году армия наследников Чингисхана вторглась в Малую Азию и нанесла сокрушительное поражение сельджукам, в результате чего турки окончательно утратили политическое единство. В то же время, с 1250 г., Иоанн Ватац (правил в 1221–1254 гг.) усилил давление на мусульманские бейлики, добившись некоторых успехов. Продолжатель дела своего тестя, Иоанн расширил пределы Никейской державы более чем вдвое, хотя ему не удалось осуществить главную задачу – вернуть Константинополь. Это стало делом Михаила Палеолога (правил в 1259–1282 гг.), свергнувшего династию Ласкарисов. Не станем пересказывать все перипетии взаимоотношений восстановленной Восточной Римской империи с католическими государствами, отметим лишь, что немаловажной причиной самой возможности успехов Михаила было относительно стабильные взаимоотношения с улусами распадающейся Монгольской державы.

На востоке после ослабления сельджуков Константинополю приходилось учитывать три основные силы: Золотую Орду, государство Хулагуидов и Египет. Ханы «Дешт-и-Кипчака» и мамлюки не имели непосредственной

⁶⁴³ Автор сознательно упоминает данный термин, т.к. единой Восточной Римской империи (синонимом которой и является наименование «Византия») к моменту появления монголов на рубежах Малой Азии не было. Никея, Трапезунд и Эпир (а также более мелкие владения вроде складывавшегося в Крыму княжества Феодоро) представляли собой отдельные части распавшегося ромейского мира.

⁶⁴⁴ См.: *Минжин Л.* Их Монгол улсаас эрхшээлдээ байсан орнуудад явуулсан бодлого, геополитикийн асуудлууд // Монголын эзэнт гүрний логистик ба зам тээвэр. 2014. Р. 35.

границы меж собой, часто выступая фактическими союзниками против общего врага – Ильханов. Последние же пытались выстроить отношения с населением подвластных и вассальных христианских земель (Западная Грузия, Трапезунд⁶⁴⁵, несторианские общины⁶⁴⁶ и др.)⁶⁴⁷.

Очевидно, что Михаил Палеолог мог использовать выгодное географическое положение: самым быстрым путём для любых сношений (в т.ч. работорговли ⁶⁴⁸) мамлюкского Египта с Золотой Ордой был Босфор (сухопутная дорога контролировалась Хулагуидами)⁶⁴⁹. Естественно, будучи в военном отношении слабее всех трёх соседей, да еще и имея необходимость решать проблемы на западе, император вынужден вести очень осмотрительную политику, дабы не спровоцировать нападение с востока, севера или юга. Дополнительной проблемой были Великие Комнины Трапезунда, которые, относясь к старой династии (правила Восточной Римской империей в 1081–1185 гг.) и будучи вассалами Ильханов (особенно

⁶⁴⁵ См.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2017. С. 417.

⁶⁴⁶ См.: *Түмэнбаяр Г.* Христитгэлийн дэлгэрэлт: Үечлэл ба нэршлийн асуудлууд // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 7. Fasc. 8. P. 169–181.

⁶⁴⁷ Вот как справедливо описывает ситуацию С.П. Карпов: «Одновременно именно растущая заинтересованность монгольских правителей в выгодах от западноевропейской торговли на их территориях способствовала усилению итальянской колонизации как Крыма, так и Анатолии. И ханы Золотой Орды, и Ильханы в 60–80-е гг. XIII в. как бы соревновались в предоставлении привилегий генуэзцам и венецианцам на устройство факторий. В эти же годы складывается новая система противостоящих политических союзов. С одной стороны – Золотая Орда, Палеологовская Византия и мамлюкский Египет (интересы их, помимо всего прочего, объединяла работорговля через Крым и Константинополь), с другой – держава Ильханов, Западная Грузия, Трапезундская империя. При этом позиции двух греческих государств не были столь определены: как Михаил VIII, так и Великие Комнины лавировали между могущественными соперниками, временами, как при Георгии Великом Комнине, ища опору в их противоречиях» (См.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2017. С. 417). Если конкретнее, то Георгий, очевидно, состоял в переписке с султаном Бей-Барсом, победителем монголов при Айн-Джалуте, в ходе которой последний убеждал императора совместно действовать против Хулагуидов.

⁶⁴⁸ См.: *Di Cosmo N.* A note on the formation of the ‘Silk Road’ as long-distance exchange network. In: M. Bulut (ed.) *ReSilkroad*. Istanbul: Istanbul Sabahattin Zaim University Publications, 2014. P. 17–26.

⁶⁴⁹ См.: *Баярсайхан Д.* Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII-XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 7. Fasc. 3. P. 40.

явственно эта зависимость, очевидно, ощущалась с 1260-х по 1330-е гг)⁶⁵⁰, теоретически могли быть возведены на трон в Константинополе при помощи своих покровителей.

«Регулярные» отношения монгольских улусов с возрождающейся Восточной Римской империей Палеологов, таким образом, начались при Хулагу (правил в 1256–1265 гг.). Чингизид первым отправил к византийскому императору Михаилу гонца с предложением начать прямые переговоры. Михаил, фактически, согласился стать союзником монголов на Востоке, дабы противостоять сельджукам. Здесь показательна судьба Кей-Кавуса II, которого промонгольски настроенный брат вытеснил в Константинополь, по договорённости с Ильханами бывший конийский султан пребывал на положении почётного пленника, однако в итоге был освобождён силами Золотой Орды в 1265 г.⁶⁵¹

К слову, отстаивать свои интересы, используя распри улусов распадающейся Монгольской империи, пробовали и Великие Комнины. В 1254 г. Мануил I отвоёвывает у турок Синоп, при том, что за год до этого сельджукский правитель получил от Батыя ярлык на управление городом. Видимо, подобный демарш против Золотой Орды встретил со стороны Хулагу одобрение⁶⁵².

Как уже говорилось выше, Михаил был вынужден выстраивать конструктивный диалог с двумя государствами Чингизидов, а также с мамлюками. В отличие от окружённого горами компактного Трапезундского государства, империя Палеологов была куда более уязвима к внешним вторжениям, да и посредничество в торговле союзников, ордынцев и

⁶⁵⁰ См.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2017. С. 210–213.

⁶⁵¹ См.: *Баярсайхан Д.* Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII-XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 7. Fasc. 3. P. 41.

⁶⁵² См.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2017. С. 452–453.

мамлюков, сулило Константинополю немалые выгоды⁶⁵³. В итоге была избрана вполне плодотворная политика династийных браков. Две внебрачные дочери императора, Мария и Ефросинья, должны были укрепить позиции Византии на внешнеполитической арене, обезопасив восточные рубежи государства. Мария стала женой ильхана Абаги (правил в 1265–1282 гг.), её сестра же вышла замуж за могущественного беклербека Ногая, с 1270-х гг. фактически независимо правившего западными регионами Золотой Орды⁶⁵⁴.

Очевидно, что ромейские государства использовали разгром монголами сельджуков (и последующую борьбу улусов между собой) для собственного усиления. Впрочем, по мере того, как Золотая Орда и государства Хулагуидов всё более теряли централизованное управление, «регулярные» взаимоотношения между ними, Константинополем и Трапезундом ослабевали.

На основании рассмотренных выше фактов, можно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что отношения ромеев и с Китаем, и с монголами были по большей части благожелательными (и оставались таковыми даже тогда, когда Чингизиды пришли в Малую Азию). Известный своими представлениями о собственной исключительности Китай на протяжении тысячелетия (от Хань до Сун) воспринимал империю со столицей в Риме или Константинополе как равную в культурном, экономическом и политическом смысле силу. Если сопоставить описания *Фулинь* XI в. с информацией о

⁶⁵³ Естественно, государства Чингизидов также получали определённые выгоды от взаимодействия с ромеями, генуэзцам и венецианцами, т.к. при монголах Великий Шёлковый путь переживал свой последний расцвет, и азиатские товары нужно было транспортировать морем из портов на Чёрном, Азовском и Средиземном морях (См.: *Laiou-Thomadakis A. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. 1980. Vol. 34/35. P. 177–222; de Graaf W. J. The Silk Road in the Mongol Era. Tilburg University research. 2018. P. 1–30*).

⁶⁵⁴ Здесь сама собой напрашивается параллель с китайским обычаем выдавать побочных дочерей императора за правителей кочевых государств (нередко в роли таковых выступали даже удочерённые наложницы). Данная «дипломатическая традиция» прослеживается как минимум с эпохи Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.), когда Поднебесная выстраивала свои взаимоотношения с сюнну. Интересно, что отдалённые потомки подобных браков в Китае эпохи раздробленности («Шестнадцать варварских государств»), претендуя на преемственность от легендарной династии Хань основывали свои царства (напр., «Северная Хань», 304–329 гг.). См.: *Баярсайхан Д. Хүлэгү хаанаас Абу Са'ид хүртэл: Ил-Хаадын тухай өгүүллүүд. МУИС Пресс Хэвлэлийн Газар. 2016. С. 78.*

Дацинь из «Истории Поздней Хань», описывающей реалии I–II вв. н.э., то можно выделить стремление китайцев указать на достойные (с точки зрения конфуцианства) качества, например, миролюбие⁶⁵⁵ и опору на дипломатию⁶⁵⁶.

Пришедшие на запад Азии монголы, казалось бы, имели совершенно иную систему культурно-политических приоритетов. Но на деле их отношения с Трапезундом и Константинополем не так уж сильно по духу отличались от описанных выше (на их исторической прародине к северу от долины Хуанхэ). Удивительно, но от соседства с Чингизидами ромеи пострадали меньше, чем от прочих сопредельных государств и народов: персов, славян, католических правителей Европы⁶⁵⁷, тюркских народов, арабов и т.д. Сложно сказать, было ли подобное дружелюбие унаследовано Чингизидами от Китая (с которым протомонгольские племена находились в тесном контакте еще с кон. I тыс. до н.э.) или же стало следствием сложившейся на Ближнем Востоке политической ситуации. Определённую роль могло сыграть и несторианство.

Как мы уже говорили, последователи Нестория не смогли создать себе устойчивой базы в земледельческих регионах Центральной равнины, но их ждал определённый успех на севере, в среде кочевников. До начала создания Монгольской державы это было малозаметно, но в XIII–XIV веках проявилось

⁶⁵⁵ Воинственность в Поднебесной даже в военных трактатах зачастую не воспринималась как добродетель. Яркий пример – «Вертоград полководца», приписываемый деятелю III в. н.э. Чжугэ Ляну. Последний при описании кочевников запада и севера (среди которых, очевидно, были прототюркские и протомонгольские общности) с осуждением указывает на дикость и необузданность кочевников.

⁶⁵⁶ В «Истории Сун», составленной, к слову, в эпоху монгольской династии Юань на основе архивов предыдущего периода, описывается посольство в Северную Сун из «Фулинь» (очевидно, от императора Михаила Дуки (滅力沙靈改撒, Miè lì shā líng gǎi sā, т.е. «Михаил Кесарь»), правившего в 1071–1078 гг., дипломаты прибыли в Поднебесную уже в 1090-е гг.). Кроме прочего, там говорится: «они не настроены воевать с соседними странами и в случае небольших трудностей пытаются уладить дела по переписке; но, когда на карту поставлены важные интересы, они посылают армию». Иными словами, сами китайцы вполне признавали сходство своей политики с той, что была принята у ромеев.

⁶⁵⁷ См.: Tinnefeld F. Byzanz und Osteuropa – Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen // Ringvorlesung WS 2003/04: Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter. 2003. P. 1–20.

достаточно ярко. Чтоб проиллюстрировать данный тезис, ниже мы кратко представим материалы трёх несторианских могильников эпохи Юань с территории современной Внутренней Монголии.

Могильник Мухуэрсо-Буэрга (木胡儿索卜尔嘎墓群) расположен в хошуне Дархан-Муминган городского округа Баотоу (Внутренняя Монголия) на возвышенности, к северо-востоку от одноименного городища. К сожалению, практически все захоронения (их около 120) подверглись разграблению еще в средневековье. Надмогильные насыпи курганного типа не зафиксированы. Двадцать наиболее сохранившихся погребений были раскопаны между 1974 и 1996 годами. Кратко опишем погребальный обряд. Захоронения одиночные, в основном представляют собой вертикальные ямы, в нескольких случаях мы сталкиваемся с подбоями. Большая часть погребения глубиной около 1 м. Погребальная камера имеет длину 3 метра и ширину 1,2 м. Прослеживаются остатки деревянных гробов. Усопшие уложены на спину, головами на запад. Есть случаи обнаружения фрагментов шёлковой одежды. Инвентаря практически нет (вследствие деятельности грабителей). В связи с этим, наиболее информативными находками являются каменные надгробия с несторианской символикой, таковых более десяти, различной степени сохранности (рисунок 62–2, 4). Часть камней на момент обнаружения выступали на поверхности, остальные были обнаружены в результате раскопок. Помимо этого, на территории могильника присутствовало христианское святилище, от которого на данный момент осталось скопление битого кирпича. Стоит отметить, что по заявлениям китайских исследователей, подобные строения имеются и на соседнем городище. В северо-западной части некрополя была найден конусовидный камень с резьбой (в т. ч., с характерным крестом). Судя по всему, это купол несторианской башни⁶⁵⁸ (рисунок 62–1).

⁶⁵⁸ См.: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. [魏坚、张晓玮. 阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究] Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. 2013. Вып. 4. С. 203.

Могильник Ванмулян (王墓梁墓地) находится на возвышенности у восточного берега реки Шара-Мурэн. Регулярные раскопки здесь были начаты в 1973 г. Наземной часть погребальных конструкций прослеживается, несмотря на последствия сильной эрозии. Некрополь имеет квадратную форму (примерно 75 м на 75 м). В период функционирования его окружала стена с воротами на южной стороне и каменными столбами по углам. Весьма примечательны скульптуры животных (рисунок 63–1), а также стелы и антропоморфные изваяния. Специально хочется выделить семнадцать надгробных камней с символикой «сирийского христианства» (например, кресты) (рисунок 63–3). Камень обычно представляет собой параллелепипед, надмогильная насыпь не прослеживается. Основания надгробий сверху имеют бортик (рисунок 63–4), либо, наоборот, центральная часть несколько выступает (рисунок 63–5). В общей сложности выявлено двадцать одно погребение. Захоронения располагаются цепочками с севера на юг. Расстояние между могилами неравномерное, от 1,2 м до 7,8 м. Большая часть гробниц была разграблена еще в средневековье. В одиннадцати случаях прослеживаются внутримогильные конструкции из кирпича. Погребения по большей части одиночные, нередко видны следы деревянных гробов (некоторые из них имеют железные обручи (обычно по 2–3 шт.) с колечками, видимо, служащие для продевания шнуров, использующихся при опускании гроба в могилу). Интересно, что в двух случаях китайские исследователи столкнулись с двойными гробами. Стандартное положение усопших – на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад. Примечательно, что женские погребения содержат в среднем больше артефактов, чем мужские, потому остановимся на них подробнее. У черепа прослеживаются остатки головных уборов из бересты с ажурными железными бляшками. В районе таза есть случаи находок бронзовых зеркал, остатков деревянных гребней и мешочков с порошком-пигментом. Серьги, обнаруженные на могильнике Ванмулян, изготовлены из золота или бронзы. Кроме этого, в отдельных погребениях имеются золотые кольца, раковины улиток, остатки вышивки из

бисера, монеты, фарфоровые лампы и фрагменты золотой парчи. Судя по эпиграфическим данным, некрополь принадлежал клану Елюй, при этом основатель местной ветви, Елюй Цзычен (耶律子成) пришел из «Западного края» (в известной мере это объясняет вероисповедание усопших, ведь, как уже говорилось, несторианство пришло через Среднюю Азию⁶⁵⁹). Видимо, он был каракитаем, а не потомком той части киданьской знати, что продолжала жить на территории бывшей империи Ляо.

Могильник Аолуньсуму (敖伦苏木古城东北墓群) (хошун Дархан-Муминган городского округа Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР) расположен примерно в километре к северо-востоку от одноименного городища. Погребений здесь выявлено несколько сотен (точную цифру установить сложно, в том числе из-за отсутствия чёткой планировки некрополя). На поверхности могил присутствуют невысокие каменные кольца 3–6 м в диаметре. При раскопках были обнаружены каменные плиты со слабо выраженными канавками. Возможно, это несторианские надгробия, подвергшиеся эрозии. Часть плит сохранилась лучше, на их торце прослеживается характерный растительный орнамент с христианскими символами. В 1974 г. было вскрыто одно из наиболее представительных погребений. Диаметр каменного кольца здесь сравнительно невелик – 3,2 м. Могила представляет собой вертикальную яму глубиной 2,2 м. Захоронение было ограблено еще в средневековье, из-за чего в заполнение попало большое количество камней. Судя по многочисленным сохранившимся кирпичам, погребальная камера была выстроена именно из них. Обнаружены фрагменты бересты, которые китайские исследователи трактовали как стельки. К северу от погребения найден сломанный надгробный памятник высотой 1,2 см и шириной 0,4 см. На нём сохранилась трёхязычная надпись (на китайском, монгольском и сирийском языках) и изображение креста (рисунок 62–3).

⁶⁵⁹ См.: Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., ГРВЛ, 1984. С. 121–130.

Иероглифы расположены в два ряда, текст гласит: «亡化年三十六岁，泰定四年六月二十四日», что можно перевести как «почил в тридцать шесть лет, в двадцать четвёртый день шестого месяца четвёртого года правления Тайдинди». Напомним, что последний правил в 1323–1328 гг. Усопший принадлежал к племени онгутов, его имя по-китайски передано как «阿兀刺编帖木剌思» (Аулабянь Темуцзясы). Он сделал хорошую карьеру и долгое время имел звание *даругачи*, очевидно, контролировал чиновников не-монголов в пригородах столицы ⁶⁶⁰. Перед нами яркий (и не единичный) пример жизненного успеха монголоязычного несторианина в эпоху Юань.

Две средневековые империи, одна на востоке, другая западе Азии, исповедавшие совершенно различные религиозно-философские учения, весьма сходным образом действовали в условиях столкновения с кочевым миром. Не в силах подчас победить на поле битвы, ромеи и китайцы опирались на те методы воздействия (торговлю, дипломатию, культуру), в которых традиционно превосходили соседей. Нестабильность кочевых форм государственности способствовала успеху «старых» земледельческих цивилизаций, которые были способны «переждать» усиление номадов на 50–100 лет, за которыми неизбежно следовала «великая замятня». Также важен тот факт, что Китай и Империя Ромеев были многонациональными державами, в которых на первом месте стояла не национальная принадлежность, а государственная идеология (в религиозной православной или философской конфуцианской форме). Это позволяло довольно эффективно инкорпорировать выходцев из других, в том числе скотоводческих, народов в структуру государства. Наличие подобных «инструментов», несмотря на кажущуюся их эфемерность, дало возможность ромеям и ханьцам куда легче переносить удары из степи (вспомним, что Китай и Восточная Римская

⁶⁶⁰ См.: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. [魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究] Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. 2013. Вып. 4. С. 204–205.

империя к моменту нашествия монголов также были раздроблены и переживали не лучшие времена).

Заключение

Работа над диссертационным исследованием проведены автором в соответствии с утверждённым планом. Был обработан крупный блок материалов (тексты и иллюстрации) по истории Великого Шёлкового пути (прежде всего, на территории Северного Китая), неизвестных или мало известных русскоязычным исследователям. На основе системного подхода, обобщения опыта зарубежных и отечественных трудов, посвященных становлению и развитию Великого Шёлкового пути, в диссертации выявлены основные этапы развития Великого Шёлкового пути, также раскрыты механизмы этнокультурного и хозяйственного взаимодействия на нём.

В ходе анализа материалов древних письменных исторических источников была получена значимая информация по теме исследования, а также рассмотрена проблема достоверности нарративных источников и правомерности их использования. В исторической науке (китайской, «западной» и российской) имеется несколько подходов к письменным источникам древности – от гиперкритики до безусловного доверия. В отечественной нomaдистике нередко принимаются абсолютно все тезисы древнекитайских «летописцев»⁶⁶¹, в том числе об отсутствии у «варваров» стационарных поселений и земледелия, поскольку они «постоянно кочуют за водой и травой». Критичный обзор имеющихся письменных и археологических источников не позволяет принять эти односторонние заключения. Данный вопрос рассмотрен в предлагаемой диссертации в разделе по хозяйству населения Северного Китая в раннем железном веке (вторая глава), где приведены результаты анализа свидетельств наиболее объективных китайских летописей и исторических трудов.

Особое внимание уделено чрезвычайно сложной проблеме интерпретации «этнонимов», содержащихся в китайских письменных

⁶⁶¹ Строго говоря, многие из авторов являлись скорее философами, составителями рекомендаций правителям или историками, чем летописцами в привычном нам смысле.

источниках, а также проблеме соотнесения археологических культур с этносами древних «летописей». Необходимо признать их условность, поскольку согласно китайской традиции, одно и то же название могло столетиями использоваться для обозначения «варваров», проживавших к северу или к западу от Поднебесной, несмотря на происходившие там смены этносов. При этом частота использования того или иного названия «варваров» далеко не всегда отражала реалии. Например, одна из известных общностей северных варваров в источниках именуется «дунху». Ряд исследователей воспринимают его как этноним. Но это слово можно перевести с китайского языка и как «восточные варвары» – тогда речь идет только о конгломерате племен, близких между собой лишь географически. Можно воспринять «дунху» как «восточные ху», где «ху» есть название некоего союза племен или народа, а «восточные» – указание на определенную ветвь единой общности. Аналогичная ситуация с «линьху» («лесные ху», «лесные варвары»).

Распространенные экзоэтнонимы «жун» и «ди» бытуют у китайских летописцев с эпохи Западной Чжоу (IX в. до н. э.) до периода Троецарствия (хотя отнесение трактата, приписываемого Чжугэ Ляну, к эпохе Троецарствия спорно, книга даже по легендарной удрежняющей версии была создана не ранее III в. н.э.). Разумеется, со времен первых свидетельств об этих народах население степей успело поменяться несколько раз, хотя бы в рамках образования и падения державы сюнну. Чаще всего это были политонимы, и частота их появления и использования в источнике зависела отнюдь не от исследовательского интереса летописца, а от полезности или опасности того или иного кочевого объединения для Поднебесной. Из этого следует, что содержание, вкладываемое древними «летописцами» в сообщения о «варварах», могло существенно отличаться от реального и должно восприниматься критически современными исследователями, что, конечно же, не отменяет полезности такого рода письменных свидетельств.

В российской археологии всё чаще идет дискуссия о сопоставлении археологических культур и этносов, связь между ними, как правило,

малодоказуемая, даже при наличии нарративных свидетельств о проживании на той или иной территории определённого «народа» или племени. Известно, что фиксируемая археологами материальная культура и даже погребальный обряд в рамках одного этноса может существенно различаться. И наоборот, различные этносы могут иметь очень близкую материальную культуру и погребальную обрядность. Согласно же сложившейся в Китае традиции, все археологические культуры северных варваров соотносятся с тем или иным этнонимом, зафиксированным в письменных источниках. По нашему мнению, общие описания степени сплочённости кочевых масс из древнекитайских исторических трудов, с одной стороны, дают ценные свидетельства современников; с другой, по описанным выше причинам, мало сопоставимы с той или иной археологической культурой.

Хозяйственный и политический уклад населения Северного Китая в эпоху раннего железа исследован на основе всестороннего изучения археологических материалов с привлечением комментариев древнекитайских авторов. По находкам жертвенных животных в захоронениях видно, что скотоводство занимало значительное место у носителей культур янлан и маоцингоу. Вместе с тем, редкая встречаемость костей домашних животных в погребениях культуры шацзин, скорее свидетельствует об особенностях погребального обряда, а не о слабом развитии скотоводства, что подтверждается материалами поселенческих комплексов. Результаты полученной реконструкции хозяйства номадов эпохи ранних кочевников подтверждаются материалами позднего средневековья, по которому имеется значительное количество информации из письменных источников. Такой подход может считаться корректным, поскольку изменения в хозяйстве номадов за этот период были сравнительно небольшими.

В отличие от большинства культур скифского мира и царств Китая, захоронения ранних номадов Северного Китая слабо дифференцированы по размерам погребально-поминальных конструкций и инвентарю. Показательно, что в распространённых на огромной территории длительно существовавших

культурах маоцингоу, янлан и шацзин нет ни одного элитного захоронения, многократно превосходившего по трудозатратам и инвентарю рядовые. Различия между ними сравнительно небольшие, и, в основном, выражаются в количестве помещаемых в могилу черепов и костей жертвенных животных (янлан, маоцингоу). В культуре шацзин различий ещё меньше, поскольку жертвенных животных в могилы, как правило, не помещали. Тем не менее, определённая социальная дифференциация в кочевой среде «варваров» фиксируется уже в VI в. до н.э. как по археологическим данным, так по письменным источникам.

В ходе диссертационного исследования подтверждена научная гипотеза, согласно которой, с одной стороны, основы Шёлкового пути складывались в раннем железном веке (период Сражающихся царств на Центральной равнине Китая, классическая и эллинистическая эпоха в Греции, царский и раннереспубликанский Рим), а с другой – ВШП развивался и функционировал под равновеликим воздействием трёх основных акторов: Китая, кочевников и греко-римской цивилизации. По итогам проведенного исследования представляется возможным сделать ряд выводов, подтверждающих положения, выносимые на защиту:

1. Население, оставившее после себя культуры ранних кочевников Северного Китая в VI–III вв. до н. э. эпохи бронзы поддерживали тесные связи в меридиональном направлении. На севере – с кочевниками Монголии, Забайкалья, и, опосредованно, с Минусинской котловиной. На юге, в на завершающем этапе эпохи Чжаньго связи пролегли вплоть до бассейна р. Янцзы, влияя на расположенные там царства (например, Дянь). «Широтные» контакты с населением, проживавшем на территории, ныне входящей в СУАР, до кон. III–нач. II в. до н. э. практически не фиксируются. Например, не выходила на запад за пределы Ганьсу культура шацзин.

2. Хозяйство носителей культур маоцингоу и янлан, судя по археологическим, и, косвенно, нарративным источникам, было комплексным, но в основном базировалось на скотоводстве. Культура шацзин имела более

выраженный сельскохозяйственный компонент в экономике. Во всех трех культурах наблюдалась социальная и имущественная дифференциация.

3. На границах государств «хуася» в VI–IV вв. до н. э. существовало несколько полуварварских государств типа Чжуншань, служивших, с одной стороны, передаточным звеном между Центральной равниной Китая и степью, а с другой – заложивших традицию создания на Севере Поднебесной царств с не-ханьской элитой (рисунок 64–1). Так или иначе, малоизученные в науке монархии Чжуншань и Чою⁶⁶² оказали заметное влияние на обе стороны – «хуася» и скотоводов (рисунок 64–2). Например, именно распространение верховых наездников в армии Чжуншань заставило китайское царство Чжао (в лице Улин-вана, 325–300 гг. до н.э.) проводить известные военные реформы⁶⁶³. Эти мероприятия и общее усиление земледельцев привели к тому, что в течение VI–IV вв. происходило неуклонное продвижение оседлого населения царств «хуася» в северном и западном направлениях, к III в. до н. э. вытеснявшего и ассимилировавшего скотоводческое население наиболее плодородных земель в районе Ганьсу, Ордоса и Нинся. В то же время, происходило культурное смешение, яркий пример которого – периферийное западное царство Цинь, основавшее первую империю⁶⁶⁴. В дальнейшем потомки китаизированных номадов основали массу сильных государств в истории Китая. Из этого видно, что взаимоотношения оседлого и скотоводческого элемента в Китае были весьма сложными, комплексными, и

⁶⁶² Станьева В.В. Историческое развитие белых ли и государства Чою (Северный Китай). И.М. Прищепа (главный редактор). Молодость. Интеллект. Инициатива. Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. Витебск: ВГУ им. Машерова, 2016. С. 138-139.

⁶⁶³ An Zhongyi. The beginning and development of cavalry in pre-Qin period // Kaogu Yu Wenwu, 2003. №4. Pp. 34–39.

⁶⁶⁴ Государственность на стыке оседлой цивилизации и мира кочевников зачастую обладает рядом специфических черт. В сопоставимое время на западных рубежах «скифского мира» развивался Боспор. Более подробно см.: *Иванчик А.И.* Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности. Материалы международной научной конференции: Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 69–75.

отнюдь не сводились к постоянному антагонизму. Можно говорить о том, что именно династии китаизированных инородцев наиболее активно действовали на ВШП (Тоба Вэй, Суй, Тан, в развитое средневековье – Юань).

4. Время кон. VI – III вв. до н.э. (период Чжаньго в Китае, «скифское время» Сибири, классический и македонский периоды в Греции) стало прологом Великого Шёлкового пути, когда складывались его основные акторы. В кон. II в. до н.э. Центральная равнина Китая объединяется под властью империи Хань, у номадов складываются государства сюнну и сяньби, в этот же период Рим добивается гегемонии в Средиземноморье. С этого момента можно вести отсчет собственно ВШП.

5. Всё более обоснованным выглядит предположение, что в Бактрии или сопредельных регионах, по крайней мере, в пер. пол. I тыс. н.э. существовал очаг эллинистической культуры, сохранявший известную «чистоту» и сравнительно слабо подвергшийся ориентализации. Иными словами, в то время как в Средиземноморье христианство активно вытесняло прежние культы, в глубине Азии античная мифология продолжала воспроизводиться. Предметы с христианской (от ромейских монет с крестами и ангелами до несторианских артефактов) и «эллинистической» символикой сосуществовали на Шёлковом пути по крайней мере до периода Суй (581–618 гг.). Наряду с весьма «греческими» экземплярами, параллельно в Китай поступал и куда более «ориентальные» (вроде «Диониса» и его спутников, изображённых на боках керамических верблюдов). Несмотря на очевидную актуальность изучения контактов греко-романского мира с Дальним Востоком, на данный момент работ в этом направлении на русском языке очень немного. Можно также предполагать, что эллинизированное восточное население по греческой традиции периода поздней классики поставляло наёмников соседям (что, в т.ч., объясняет участие пехотинцев, построившихся в виде «рыбьей чешуи» на поле Таласской битвы).

6. Римская империя (сначала Единая, а затем – Восточная) воспринималась в Китае как «уравновешивающая» держава на западе, что

выразилось в наименовании «Великая Цинь» (大秦, Да Цинь, семантический перевод «Великое западное государство, равное Поднебесной»). Другое, параллельное название 拂菻 (Фулинь), видимо, является любопытным примером транскрипции топонима Рим (через иранские языки). Данные архаичные наименования, в современной исследовательской литературе, насколько мы можем судить, используются только в цитатах средневековых китайских источников, либо как сознательный архаизм с довольно широкой палитрой смыслов, связанных с культурой греко-римского ареала.

7. Наше диссертационное исследование включает первый в российской науке опыт систематизации восточно-римской нумизматики в Китае, потому отдельно приведём полученные в этой сфере выводы. Налицо крайняя неравномерность распространения монет и их копий по регионам Китая. Самая высокая плотность наблюдается в Нинся, и Шэньси (особенно если брать отдельно район г. Сиань), наибольшее количество – в Синьцзяне. Куда меньше монет на севере (современная Внутренняя Монголия) и востоке (от Пекина до Лояна). Почти не обнаружена ромейская нумизматика на юге (единственное исключение – единичная находка в пров. Чжэцзян). Подобная география, на наш взгляд, напрямую указывает, что монеты Восточной Римской империи были распространены именно в центрах Великого Шёлкового пути. Это означает, что несмотря на возможные «похоронные» функции⁶⁶⁵ (типа «обола Харона»), солиды в Поднебесной (равно как и их золотые неполновесные копии) были связаны с международной торговлей раннего средневековья. При этом копии (вплоть до «брактеатов») вполне могли служить средством обмена, так как возможность их взвесить была всегда, а золото, из которого они изготавливались, ценилось всеми народами, через земли которых пролегал Шёлковый путь. До сих пор под вопросом хронологические рамки, в которые укладывается ромейская нумизматика в

⁶⁶⁵ На которые указывает ряд авторов, например, Шмонеvский (2016).

Китае. С одной стороны, уверенно можно говорить о том, что в Западный Край и долину Хуанхэ поступали (и параллельно копировались на месте) солиды императоров от Аркадия (395–408 гг.) до Константина Копронима (741–775 гг.). Однако значительное количество музейных экспонатов, контекст обнаружения которых уже не восстановить, расширяют вышеуказанный промежуток времени примерно в два раза – от Грациана (367–383 гг.) до Михаила VII (1071–1078 гг.). И такая «длинная» периодизация теоретически не столь невероятна – мы знаем, как о функционировании Шёлкового пути в римское время, так и о посольстве XI в. в Китай из «Фулинь».

Таким образом, выполненное диссертационное исследование является одним из первых трудов в данной области, позволяющих закрыть «белые пятна» в истории Великого Шёлкового пути⁶⁶⁶. Изложенные материалы, равно как и выводы, будут неизбежно пополняться и корректироваться⁶⁶⁷ по мере новых раскопок в КНР, публикации материалов изысканий и последующего перевода их на русский язык.

⁶⁶⁶ Понимаемого, таким образом, как сеть маршрутов между Дальним Востоком и Средиземноморьем.

⁶⁶⁷ Часть рассматриваемых нарративных источников, например, «Чжаньгоцэ», «Цзян юань», «Гуаньцзы», «Шуй цзин чжу», до сих пор вызывает дискуссии по поводу авторства, достоверности в деталях и времени создания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон М.Г., Трейстер М.Ю.* Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории. 2015. С. 194–201.
2. *Абсалямов М.Б.* О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. 1977. Вып. 9. С. 34–42.
3. *Азбелев П.П.* Пазырыкское наследство и юэчжийская проблема // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №4. С. 23–55.
4. *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
5. *Алексеев В.П., Лобода П.Г.* Религиозные мотивы некоторых монет Ольвии и Кизика как средство социально-политических прокламаций // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2013. №6. С. 109–125.
6. *Алексеев В.П.* Статер с именем Лисимаха и буквами ТΥ, найденный в Белгороде-Днестровском // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2005–2009. №6. С. 287–289.
7. *Алкин С.В.* К вопросу о связи культуры плиточных могил Забайкалья и культур эпохи раннего металла внутренней Маньчжурии // Евразийское культурное пространство: Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии. Иркутск, 2010. С. 4–11.
8. *Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К.* Находка ахеменидской мебельной фурнитуры в сакском погребении Семиречья // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. №3. С. 329–334.
9. *Анохин В.А., Сон Н.А.* Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса // Археологія і давня історія України. 2016. № 1. С. 92–95.
10. *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. СПб., 2009. 488 с.

11. *Баярсайхан Д.* Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII-XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 7. Fasc. 3. P. 33–48.
12. *Баярсайхан Д.* Хүлэгү хаанаас Абу Са'ид хүртэл: Ил-Хаадын тухай өгүүллүүд. МУИС Пресс Хэвлэлийн Газар. 2016. 245 с.
13. *Безруков А.В., Улитин В.В.* Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н. э. – II в. н. э. // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2017. №3. С. 239–257.
14. *Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения в Центральном Казахстане. В: Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (отв. ред.) Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 103–108.
15. *Бейсенов А.З.* Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднетасмолинского времени в Восточной Сарыарке). В: Тишкин А.А. (отв. ред.) Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Сборник научных статей. Вып. V, ч. 2. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1995. 221–226.
16. *Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 89–94.
17. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Пер. с нем. И. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
18. *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
19. *Боровкова Л.А.* Царства Западного края во II–I вв. н.э. М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001. 368 с.

20. *Бородовский А.П.* Золотое изделие эпохи эллинизма из Зеравшана (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2017. Т. 45. № 2. С. 107–112.
21. *Бородовский А.П.* Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н. э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае). В: Васильевский Р.С., Мазин А.И. (отв. ред.) Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука СО, 1988. С. 73–80.
22. *Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.
23. *Бородовский А.П.* Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катунь (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2001. № 7. С. 56–67.
24. *Бородовский А.П., Телегин А.Н.* Роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 2 (30). С. 52–62.
25. *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.
26. *Ван Айху.* Цунхайшансычоучжилудэфачжань ши хэвэньсяньяньцзю кань синь хайшансычоучжилуцзяньшэ дэ цзячжихэ и [王爱虎。从海上丝绸之路的发展史和文献研究看新海上丝绸之路建设的价值和意义 // 华南理工大学学报] Взгляд на значение создания Нового морского шелкового пути с позиции исторического и литературного наследия // Хуананьлигундасюэбао (Журнал Южно-китайского технологического университета). 2015. Вып. 17. №1. С. 2–14.
27. *Ван Инь.* Бэйчао ваньци муцзан синчжи яньцзю — и Бэй Вэй Лоян шидай чжи Бэй Ци дучэн дицзюйдэ муцзан вэй ли [王音。北朝晚期墓葬形制研究——

以北魏洛阳时代至北齐都城地区的墓葬为例 // 故宫博物院院刊 2018 年第 3 期]

Исследование конструкции погребений позднего периода эпохи Северных династий на примере погребений Северной Вэй лоянского периода — погребений столичного района Северной Ци // Гугун боугуань юанькань (Журнал музея Гугун). 2018. № 3. С. 92–104.

28. Ван Саньсань. Патияюйсилахуавэньхуа дэ дунцзянь [王三三。帕提亚与希腊化文化的东渐 // 世界历史] Парфия и постепенное проникновение эллинистической культуры на восток // Шицзе лиши (Всемирная история). 2018. №5. С. 95–110.

29. Ван Фэйфэн. Гуаньюй Юнгулин дэ цзигэ вэньти [王飞峰。关于永固陵的几个问题 // Journal of National Museum of China, 2012 年第 2 期] Несколько вопросов, касающихся комплекса Юнгулин // Journal of National Museum of China. 2012. №2. С. 19–32.

30. Ван Хуэй. Ганьсу фасяньдэ лянчжоу шицидэ «ху жэнь» синсян [王辉。甘肃发现的两周时期的“胡人”形象 // 考古与文物] Найденные в провинции Ганьсу изображения «варваров ху» эпохи Чжоу // Каогу юй вэньбу. 2013. № 6. С. 59–68.

31. Ван Цюаньцзя. Лундэ сянь чуту дэ сюнну вэньбу [王全甲。隆德县出土的匈奴文物 // 考古与文物] Находки изделий сюнну в уезде Лундэ // Каогу юй вэньбу. 1990. № 2. С. 44–48.

32. Ван Чанци. Сиань чуту тан фан дун лома цзиньби (Найденные в Сиане имитации восточно-римских монет эпохи Тан) // Чжунго цянби (Китайская нумизматика). 1992. № 4. С. 72–75.

33. Ван Чанци, Гао Мань. Сиань синь фасянь дэ дун лома цзиньби [王长启、高曼。西安新发现的东罗马金币 // 文博 1991 年第 1 期] Недавно обнаруженные восточно-римские золотые монеты в Сиане // Вэньбо. 1991. № 1. С. 38–39.

34. Ван Юншэнь. Сычоу чжилу цянби дэ вэньхуа нэйхань цзи ци цзячжи [王永生。丝绸之路钱币的文化内涵及其价值 // 古代晚期世界的拜占庭金币。

长春: 东北师范大学] Культурный смысл и ценность монет Шелкового пути // International Symposium on “Byzantine Gold Coins in the World of Late Antiquity”. Чанчунь: Северо-восточный педагогический университет. С. 62–69.

35. *Варёнов А.В.* Датировка оружия, изображённого на оленных камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сюнну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан Удэ, 1996. Ч. 1. С. 3–6.

36. *Варёнов А.В., Бауло И.А.* Керамика могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. 9. С. 294–298.

37. *Варёнов А.В.* Парадоксы скифских памятников Ордоса и проблема происхождения культуры сюнну // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сборник научных статей. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 150–163.

38. *Варёнов А.В.* Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т.9. Вып. 4: Востоковедение. С. 39–46.

39. *Варёнов А.В.* Чудзяюй – комплекс с «карасукским» ножом в уезде Шилоу пров. Шаньси в северном Китае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. 15. С. 167–172.

40. *Вдовченков Е.В.* Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III—I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 197–215.

41. *Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.* Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плёсы 2 // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 88–114.

42. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
43. Вэй Цзинь. Гуюань вэньу каогучжун дэ сылу ци чжэнь [魏瑾。固原文物考古中的丝路奇珍//宁夏师范学院学报] Артефакты Шёлкового пути среди гуюаньских древностей // Нинься шифан сюэюань сюэбао. 2015. №26. Вып. 2. С. 105–107.
44. Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй. [魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究] Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. 2013. Вып. 4. С. 193–212.
45. Вэй Цзянь. Лянчэн госянь яоцзы муди [魏坚。凉城崞县窑子墓地 // 考古学报] Могильник Госянь яоцзы в уезде Лянчэн // Каогу сюэбао. 1989. № 1. С. 57–81.
46. Галданова Г.Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука СО, 1992. 173 с.
47. Гань Чжэньюй. Чжунго цзиннэй сюнну муцзан яньцзю чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓葬研究初探 // 赤峰学院学报] Первичное исследование погребений сюнну в пределах Китая // Чифэн сюэюань сюэбао. 2015. №2. С. 14–17.
48. Го У. Гуюань ши хэ дань фу цихэцзанмусо чу баошииньчжан ту анькао[郭物。固原史诃耽夫妻合葬墓所出宝石印章图案考//考古与文物] Исследования узоров на печатях из драгоценных камнях, найденных в совместном погребении супругов в Гуюане // Каогуюйвэньу. 2015. №5. С. 96–101.
49. Го Юньянь, Цао Линь. Гуаньюй Сиань бэйчжоу Ши Цзюнь му чуту цзиньби фанчжи пинь дэ идянь бу чун. (Дополнительные сведения об имитациях золотых монет, найденных в погребении Ши Цзюня в Сиане) // Вэнь бо (Культурные и музейные ценности). 2007. № 6. С. 41–44.

50. *Го Юньян*. Лунь Мэнгуто Баяннээр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 // 草原文物 2016 年第 1 期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаюань вэньу (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 115–123.
51. *Го Юньян*. Лян мэй Байчжаньтин цзиньби фанчжи пинь бяньси (Анализ двух имитаций византийских золотых монет) // Каогу юй вэньу («Археология и культурное наследие»). 2008. № 3. С. 87–91.
52. *Го Юньян*. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. 286 с.
53. *Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
54. *Голенко К.В.* Монетное дело Боспора в I в. до н. э. // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2005–2009. №6. С. 240–270.
55. *Гомер Г. Дебс.* Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 45–50.
56. *Горбунов В.В. Серов В.В.* Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1 (88). С. 72–78.
57. *Горин А.Н., Двуреченская Н.Д.* Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент, Издательство журнала “San‘at”. 2018. Вып. 11. 176 с.
58. *Городище Цзяохэ.* Бюро реконструкции и охраны древнего городища Цзяохэ. Цзяохэ гучэн: 1993, 1994 няньду каогуфацзюэ баогао [交河故城保护修缮办公室。交河故城: 1993, 1994 年度考古发掘报告。北京: 东方出版社] Городище Цзяохэ – отчёт об археологических раскопках за 1993–1994 годы. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1998. 254.

59. *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.
60. *Гришин Ю.С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья: историческая литература. АН СССР, Институт археологии. М.: Наука, 1981. 203 с.
61. *Гун Инъянь.* Сифан цзаоци сычоудэ фсянь юй чжунси вэньхуа цзяолю[龚缨晏。西方早期丝绸的发现与中西文化交流//浙江大学学报(人文社会科学版)] Появление шёлка на западе и развитие связей Китая с западными странами // Чжэцзяндасюэсюэбао (Журнал Чжэцзянского университета). 2001. Вып. 31. №5. С. 76–84.
62. *Гэ Чэньюн.* Тандай Чанань игэ сутэ цзятин дэ цзинцзяо синьян [葛承雍。唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 // 历史研究 2001 年第 3 期] Несторианские верования согдийской семьи в Чанане в период династии Тан // Лиши яньцзю. 2001. №3. С. 181–186.
63. *Гэ Чэньюн.* Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍。“醉拂秣”：希腊酒神在中国 // 文物 2018 年第 1 期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. Вэньу. 2018. №1. С. 58–69.
64. *Гэ Чэньюн.* Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015 年第 3 期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боуюанькань. 2015. №3. С. 111–125.
65. *Гэн Чжицянь, Фан Цзюнь, Ду Липин, Нинго Ян, Чэнь Фэнцзюан.* Нинся Пэнъян сянь Чжанцзецунь чунцю чжаньго муди [耿志强、樊军、杜李平、杨宁国、陈凤娟。宁夏彭阳县张街村春秋战国墓地] Могильник Чжанцзецунь в уезде Пэнъян периода Чуныцю-Чжаньго // Каогу. 2002. № 8. С. 14–24.
66. *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Художественная бронза сюнну: Новые открытия в России. СПб., 2008. 120 с.

67. *Дружинина А.П.* Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории Древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. № 3 (19). С. 98–105.
68. *Ду Линьюань.* Ханьдай бэйфан бяньцзян дицюй иминь муцзан тиянь дудэ лишивэньти линьюань [杜林渊。汉代北方边疆地区移民墓葬反映的历史问题 杜林渊 // 考古与文物] Историческая проблема переселенцев в эпоху Хань по погребениям из Северного Китая // Археология и культурное наследие. 2011. №. 1. С. 69–72.
69. *Ду Сяоцин.* Цаюаньсычоучжилусиншэн дэ лиши гочэнкао шу [杜晓勤。草原丝绸之路兴盛的历史过程考述 // 西南民族大学学报 (人文社会科学版)] Степной шёлковый путь и сведения о его историческом развитии // Синаньминьцзудасюэсюэбао (Журнал Северо-западного университета национальностей). 2017. №12. С. 2–7.
70. *Ефремов Н.В.* Dynasteia sacrosancta: к вопросу о династической идентичности карийских Гекатомнидов // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №6. С. 17–41.
71. *Залеская В.Н.* Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб: Славия, 1998. № 1. С. 18–21.
72. *Иванов С.С.* К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 67–86.
73. *Иванов С.С.* Новые находки наконечников дротиков сакского времени из Кыргызстана // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2014. №3. С. 283–289.
74. *Иванчик А.И., Куланда С.В.* Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза. Архаическое общество: узловые проблемы

социологии развития. Сборник научных трудов. Москва: Институт истории СССР, 1991. С. 192–216.

75. *Иванчик А.И.* К вопросу о скифском языке // Вестник древней истории. 2009. № 2 (269). С. 62–88.

76. *Иванчик А.И.* Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности. Материалы международной научной конференции: Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 69–75.

77. *Избаш-Гоцкан Т.А.* Типы монет как отражение религиозных культов // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2009. №6. С. 293–295.

78. Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэнсянь Синьчжоуяоцзы муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县忻州窑子墓地发掘简报] Отчет о раскопках могильника Синьчжоуяоцзы в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. 2009. Вып. 3. С. 3–48.

79. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна. Синьцзян Чауху: дасин шиццу муди фацзюэ баогао [新疆文物考古研究所。新疆察吾呼：大型氏族墓地发掘报告。北京：东方出版社] Чауху в Синьцзяне – отчёт о раскопках больших родовых могильников. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. 416 с.

80. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна. Шаньшаньсянь Янхай эрхао муди фацзюэ цзяньбао [新疆文物考古研究所。鄯善县洋海二号墓地发掘简报 // 新疆文物] Отчёт о раскопках могильника Янхай-2 в уезде Шаньшань // Культурное наследие Синьцзяна. 2004. № 1 (73). С. 28–49.

81. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна. Баликуньсянь Дунхэйгоу ичжи [新疆文物考古研究所、西北大学文化遗产与考古学研究中

心、哈密地区文物局。新疆巴里坤县东黑沟遗址// 2009 年东天山文化研究] Исследования культуры Восточного Тянь-Шаня в 2009 году. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 1–42.

82. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна, бюро памятников материального культуры г. Урумчи. Улумуци Саэньсаи муди фацзюэ цзяньбао [新疆文物考古研究所, 乌鲁木齐文物管理所. 乌鲁木齐市萨恩萨伊墓地发掘简报 // 新疆文物 2010] Отчет о раскопках могильника Саэньсаи в г. Урумчи // Наследие Синьцзяна (Синьцзян Вэнь У). 2010. № 2. С. 1–24.

83. Институт археологии и культурного наследия пров. Ганьсу. Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао [甘肃省文物考古研究所. 永昌西岗柴湾岗: 沙井文化墓葬发掘报告] Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан: отчет о раскопках захоронений культуры Шацзин. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2001. 270 с.

84. Институт археологии и материальной культуры провинции Ганьсу. Сижун ичжэнь мацзяюань чжаньго муди чуту вэнь у [甘肃省文物考古研究所. 西戎遗珍马家塬战国墓地出土文物] Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2014. 356 с.

85. Институт археологии и материальной культуры провинции Хэнань. Синьчжэн Сияци Дунчжоу муди [河南省文物考古研究所编. 新郑西亚斯东周墓地] Могильник эпохи Восточной Чжоу Сиясы (городской уезд Синьчжэн, провинция Хэнань). Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2012. 264 с.

86. Институт археологии и материальной культуры провинции Цинхай. Шаньсуньцзя чжай Ханьцзинь му [青海省文物考古研究所. 上孙家寨汉晋墓. 北京: 文物出版社. 1993] Могильник ханьско-цзиньского времени у деревни Шаньсуньцзя. Пекин: Вэньбу чубаньшэ. 1993. 358 с.

87. Институт археологии Китайской академии общественных наук. Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [中国考古学。两周卷] Археология Китая: период Чжоу. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. 563 с.
88. Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэн сянь синьдяньцзы муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县新店子墓地发掘简报 // 考古] Отчет о раскопках могильника Синьдяньцзы в уезде Хорингер Внутренней Монголии // Каогу. 2009. № 3. С. 3–14.
89. Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Нэймэнгу Лянчэнсянь Сяошуан гучэн муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所。内蒙古凉城县小双古城墓地发掘简报 // 考古] Отчет о раскопках могильника у городища Сяошуан в уезде Лянчэн Внутренней Монголии // Каогу. 2009. № 3. С. 15–27.
90. *Калашиник Ю.П.* Пантикапейские индикации // Фидития. Памяти Ю.В. Андреева, 2013. С. 85–99.
91. *Кан Ин Ук.* Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 82–96.
92. *Кан Ин Ук.* Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути. В: Онгарулы А. и др. (отв. ред.) Золото властелинов Казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Сеул: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея. 2018. С. 376–417.
93. *Карпов С.П.* История Трапезундской империи – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2017. 744 с.

94. *Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.* Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 115–134.
95. *Киселёв В.И.* Армия Рима (от Цезаря до Константина) // Военно-исторический альманах Новый солдат. 2002. № 27. 52 с.
96. *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
97. *Клейн Л.С.* Миграция: археологические признаки // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 1. С. 52–71.
98. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 346 с.
99. *Ковалёв А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82.
100. *Ковалёв А.А.* Синьчжуантоу М30 – погребение знатного представителя пазырыкцев – «лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н.э.) // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 229–242.
101. *Ковалёв А.А.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб: Культ-информ-пресс. 1998. С. 122–131.
102. *Ковалёв А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 138–180.
103. *Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб: 2002. С. 150–194.

104. *Козинцев А.Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
105. *Козлов С.А.* «Скипетроносцы» скифской элиты // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 351–368.
106. *Колесниченко А.Н.* Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2014. №3. С. 343–350.
107. *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.
108. *Комиссаров С.А.* Всадники Синьцзяна. В: Данилов С.В., Коновалов П.Б. (отв. ред.) Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 116–118.
109. *Комиссаров С.А.* Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР). В: Молодин В. И., Хансен С. (отв. ред.) «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2011. 121–129 с.
110. *Комиссаров С.А., Хачатурян О.А., Черемисин Д.В.* Циньская черепица с рисунками в «зверином стиле» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. 15. С. 297–301.
111. *Комиссаров С.А., Васенькин В.В., Харрис Д.* Римляне в Китае: перспективы поиска // *Общество и государство в Китае: Тез. докл. XXII науч. конф.* 1991. Ч. 1. С. 92–94.
112. *Комиссаров С.А., Соловьев А.И.* Культура Каяо (сопоставительный анализ) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 152–160.

113. *Комиссаров С.А., Васенькин В.В., Харрис Д.* Римляне в Китае: перспективы поиска // Общество и государство в Китае: Тез. докл. XXII науч. конф. 1991. Ч. 1. С. 92–94.
114. *Комиссаров С.А., Семёнова М.В.* Изучение «оленных камней» в японской археологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 37–41.
115. *Комиссаров С.А., Харрис Д., Васенькин В.В.* Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории). В: Томилов Н.А. (гл. ред.) Россия и Восток. Археология и этническая история. Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 26–27.
116. *Коновалов П.Б.* О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 58–63.
117. *Копылов В.П., Коноваленко А.Н.* К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н. э. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 33–54.
118. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука СО, 1987. 299 с.
119. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука СО, 1991. 190 с.
120. *Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. 282 с.
121. *Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш.* Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 323–327.

122. *Кузнецова Е.В.* Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2014. №3. С. 187–194.
123. *Кузнецова Т.М.* Скифские цари и номархи – «держатели котлов» // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2018. №3. С. 17–56.
124. *Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига. 2010. 240 с.
125. *Кушакова Н.А., Чугунов К.В.* Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве В: Цыбиктаров А.Д. (отв. ред.) Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 2010. С. 148–156.
126. *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Филология и история. 1978. Вып. 26 (89). С. 76–85.
127. *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
128. *Лантева М.Ю.* Археология Ионии начала XXI в. в диалоге и конфликте с нарративной традицией // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2017. №3. С. 381–390.
129. *Ларичев В.Е.* О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 1. С. 63–73.
130. *Латов Ю.В.* Великий шёлковый путь — Пролог мировой экономики глобализации (к 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. 2010. Т.11. №1. С. 123–140.
131. *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 4–28.
132. *Ли Сяоцун.* Чжунго цюйюй лиши дили [李孝聰. 中国区域历史地理—地缘政治、区域经济开发和文化景观。北京：北京大学出版社 2004]

Региональная историческая география – геополитика Китая, региональное экономическое развитие и культурный ландшафт. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2004. 503 с.

133. *Ли Цзунцзюнь*. Жунсиньцзянсяншэн «Сычоучжилуюйдунсивэньхуацзяюлю» пинцзе [李宗俊。荣新江先生《丝绸之路与东西文化交流》评介//西域研究 2016 年第 2 期] Рецензия на книгу господина Жун Синьцзяна «Культурный обмен Востока и Запада по Шёлковому пути» // Изучение западного края (Сиюйяньцзю). 2016. №2. С. 135–139.

134. *Ли Цзунцзюнь*. Минцзяо: чжагэньЧжунго дэ моницзяо [李宗俊。明教：扎根中国的摩尼教 // 寻根 2006 年第 1 期] Светлое учение: подъём манихейства в Китае // Поиск исторических корней (Сюньгэнь). 2006. №1. С. 10–14.

135. *Ли Цян*. Оуя цаюань сылу юй шамо люйчжоу сы лушан фацзюэ дэ байчжаньтин цянби яньцзю шу лунь (Исследование византийских монет, раскопанных на Шелковом пути в степях и оазисах) // Цаюань вэнью (Культурное наследие степи). 2016. №1. С. 109–114.

136. *Ли Шуйчэн*. Шацзин вэньхуа яньцзю [李水城。沙井文化研究 // 国学研究] Исследование материалов культуры Шацзин // Госюэ яньцзю. Пекин, 1994. Т. 2. С. 493–523.

137. *Линь Дань*. Цун дунвэй жужу гунчжу мучжун чжи цзиньби кань бэйчао байчжаньтин цзиньби дэ люжу [林丹。从东魏茹茹公主墓中之金币看北朝拜占庭金币的流入 // 魅力中国 2010 年第 11 期] От золотых монет в могиле жужаньской принцессы эпохи Восточная Вэй до анализа импорта византийских солидов в Китай // Charming China. 2010. № 11. С. 58–61.

138. *Линь Ин*. Цзюсинху юй Чжунъюань дицзюй чуту дэ фанчжи байчжаньтин цзиньби [林英。九姓胡与中原地区出土的仿制拜占庭金币 // 欧亚学刊 2004 年第 4 辑] Варвары и имитации византийских золотых монет,

- обнаруженных на Центральной равнине // Оуя сюэкань. 2004. Вып. 4. С. 119–129.
139. *Линь Мэйцунь*. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути / Пер. с кит. Перловой А.А. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2017. 375 с.
140. *Лифантий О.В.* Орнитоморфные изображения на золотых аппликативных украшениях одежды скифов // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 167–182.
141. *Ло Фэн*. Бэйчжоу Ши Цзюнь мучуту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжи пиньси (Анализ имитаций византийских золотых монет, обнаруженных в гробнице Шицзюня эпохи Северная Чжоу) // *Вэньу* (Культурное наследие степи). 2005. №3. С. 57–65.
142. *Ло Фэн*. Гуаньюй си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь [罗丰。关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 // 中国钱币 1993 年 4 期]. Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане // *Чжунго цянъби* (Китайская нумизматика). 1993. №4. С. 17–19.
143. *Ло Фэн*. Нинся Гуюань Шилацунь фасянь ицзо чжаньгому [罗丰。宁夏固原石喇叭村发现一座战国墓 // 考古学集刊] Отчет с раскопок могильника эпохи Чжаньго – Шилацунь в уезде Гуюань, Нинся // *Каогу сюэцзикань*. 1983. Вып. 3. С. 20–34.
144. *Ло Фэн*. Нэймэнгу цзиньжун яньцзю – цянъби вэньцзи (Финансовые исследования Внутренней Монголии – Нумизматические коллекции). 2003. №4. С. 46–49.
145. *Ло Фэн*. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [羅丰。胡漢之間：“絲綢之路”與西北歷史考古。北京：文物出版社] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 515 с.

146. *Ло Фэн*. Чжунго цзиннэй фасяньдэ дунлома цзиньби [罗丰。中國境內發現的東羅馬金幣《新疆钱币》2004 年第 3 期] Восточно-римские золотые монеты, найденные в Китае. Синьцзян цянъби. 2004. №3. С. 78–103.
147. *Ло Фэн, Хань Кунлэ*. Нинся Гуюань цзиннянь фасянь дэ бэйфанси цинтунци [罗丰, 钟侃, 韩孔乐。宁夏固原近年发现的北方系青铜器 // 考古] Северные бронзы, найденные в последние годы в уезде Гуюань, Нинся // Каогу. 1990. № 5. С. 403–414.
148. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М.: Наука, 1975. 170 с.
149. *Лубо-Лесниченко Е.И.* «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии. Труды Государственного Эрмитажа XXVII (Культура и искусство народов Востока. 9). Л.: «Искусство». 1989. С. 4–9.
150. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с.
151. *Лысенко А.В.* Индикация с римской монеты из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2019. С. 131–150.
152. *Лю Бинь, Янь Хуэй*. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэй Вэй му фацзюэ цзяньбао [刘斌、严辉。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物2016年第7期] Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян // Вэньу (Памятники культуры). 2016. № 7. С. 4–14.
153. *Лю Дэчжэнь*. Ганьсу Цинян Чуныцю Чжаньго муцзан дэ цинли [刘得祯, 许俊臣。甘肃庆阳春秋战国墓葬的清理 // 考古] Исследование захоронений периода Чуныцю–Чжаньго в уезде Циньян провинции // Каогу. 1988. № 5. С. 413–423.
154. *Лю Сюэтан*. Синьцзян шицянь цзунцзяо яньцзю [刘学堂。新疆史前宗教研究] Изучение доисторической религии Синьцзяна. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2009. 378 с.

155. Лю Сюэтан. Сылу Тяньшань дицюй цинтунци яньцзю [刘学堂。丝路天山地区青铜器研究。西安：三秦出版社] Исследование бронз тяньшаньского района Шёлкового пути. Сиань: Саньцинъ чубаньшэ. 2017. 282 с.
156. Лю Цинцюань. Моницзяосиншуайиньюань цзи цилошаньцаоаньицзитаньцзю [刘青泉。摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究//世界宗教研究 1999 年第 3 期] Судьба манихейства и углублённое изучение памятника Лошаньскийцаоань // Исследование мировых религий (Шицзецзунцзяояньцзю). 1999. №3. С. 134–137.
157. Люй Цзинь. Лома цзиньби сюнь чжэ сычоу чжи лу лай Лоян [吕进。罗马金币循着丝绸之路来洛阳 // 大河报 2014 年 4 月 22 日] Римские монеты прибывают в Лоян по Шелковому пути // Дахэ бао 22.04.2014. С. 27.
158. Мамадазимов А. Расширение торговых связей между крупными центрами цивилизации древности до шёлкового пути // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. №2. С. 7–13.
159. Ма Цзяньцзюнь. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао [马建军。宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 // 中国钱币 2016 年第 6 期] Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся // Чжунго цянъби. 2016. № 6. С. 31–35.
160. Мао Синьсинь, Ли Цян. Байчжаньтин «Шиччжэн гуань фа» ичжу [毛欣欣、李强。拜占庭《市政官法》译注 // 古代文明 2012 年第 3 期] Перевод и аннотация византийской "Книги епарха" // Гудай вэньмин. 2012. №3. С. 13–34.
161. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
162. Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 5–12.

163. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 191 с.
164. *Мельников О.Н.* Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского (около 543–438 гг. до н.э.) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2009. №6. С. 174–234.
165. *Мельников О.Н.* Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2010. №6. С. 159–184.
166. *Мин Вэнь, Линь Чжан.* Гомэнь говай [明闻, 林张。国门国外。北京: 中国环境科学出版社 2006] За рубежами Китая. Пекин: Чжунго хуаньцзин кэсюэ чубаньшэ, 2006. 84 с.
167. *Минжсин Л.* Их Монгол улсаас эрхшээлдээ байсан орнуудад явуулсан бодлого, геополитикийн асуудлууд // Монголын эзэнт гүрний логистик ба зам тээвэр. 2014. Р. 33–54.
168. *Миняев С.С.* К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 122–124.
169. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. 671 с.
170. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. 917 с.
171. Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著.一北京: 文物出版社] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ. 2010. 850 с.
172. Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо. Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Юйхуанмяо [北京市文物研究所编. 军都山墓地: 玉皇庙. 北京: 文物出版社] Могильники в горах

Цзюньдушань: Юйхуанмяо Пекин: Вэнь У чубаньшэ (в 4-х томах) 2007. 1660 с.

173. *Могильников В.А.* Курганы Кер-Кечу. В: Суразаков А.С. (отв. ред.) Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Сборник статей. Горно-Алтайск: б. и., 1988. 60–107 с.

174. *Молодин В.И., Комиссаров С.А., Соловьев А.А.* Ещё раз о китайских источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.) Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11. Ч. I. С. 394–399.

175. *Молодин В.И., Черемисин Д.В.* Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: тезисы доклада международной конференции. Улан-Удэ, 1996. Ч. I. С. 47–49.

176. *Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воеводин М.И., Чикишева Т.А.* Мультидисциплинарный анализ носителей пазырыкской культуры (археология, антропология, генетика) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 59–60.

177. *Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф.* Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. 286 с.

178. *Мышкин В.Н.* В поисках торгового «пути Геродота»: северопричерноморский импорт из кочевнических погребений скифского времени в Заволжье и на Южном Урале, переправы через Волгу и

«Московская дорога» // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. №3. С. 291–310.

179. *Ни Жунъань*. Бэйвэй Лоян шидай муцзан вэньхуа фэньси [倪润安。北魏洛阳时代墓葬文化分析 // 故宫博物院院刊 2010 年第 4 期] Культурный анализ гробниц Северной Вэй лоянского периода // Гугун боугуань юанькань (Журнал музея Гугун). 2010. №4. С. 96–97.

180. *Никитин А.Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., ГРВЛ, 1984. С. 121–137.

181. *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 384 с.

182. *Новгородова Э.А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука. ГРВЛ, 1970. 191 с.

183. *Новикова О.Г. Степанова Е.В., Хаврин С.В.* Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. (1/7). 112–124 с.

184. *Носова Л.В.* Тира середины I в. н. э.: политическая история по данным нумизматики // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2014. №6. С. 315–326.

185. *Ню Жуцзи*. Чжунго туцзюэ юй цзинцзяо бэймин вэньсянь гай шо [牛汝极。中国突厥语景教碑铭文献概说 // 民族语文 2000 年第 4 期] Обзор тюркских несторианских надписей в Китае // Миньцзу юйвэнь. 2000. №4. С. 62–67.

186. *Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян*. Вэй ме Чжуншань чжи чжань као люэ [牛俊法、陈建强。魏灭中山之战考略 // 军事历史 2008 年第 2 期] Исследование покорения царством Вэй государства Чжуншань // Цзюньши лиши (Военная история). 2008. №2. С. 46–48.

187. *Очир-Горяева М.А.* Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 2018. №3. С. 57–86.
188. *Переводчикова Е.В., Таиров Е.Д.* Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 121–141.
189. *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.
190. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Москва; Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1951. 410 с.+илл.
191. *Погребова Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // *КСИИМК*. 1948. Вып. 22. С. 62–67.
192. *Подушкин А.Н.* К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2012. №4. С. 31–53.
193. *Полосьмак Н.В.* Стерегищие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
194. *Полосьмак Н.В.* Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна. В: Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.) Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. IV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 337–343.
195. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
196. *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
197. *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // *Китай в эпоху древности*. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 101–107.

198. *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
199. *Полторацкая В.Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова. Л.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1966. С. 78–102.
200. *Полторацкая В.Н.* Могильник Берёзовка-I. Л.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 74–88.
201. *Попов А.А.* Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 240 с.
202. *Постнова Т.А.* К проблеме хронологии культуры Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 55–58.
203. *Пу Чаофу, Пан Юэсянь.* Юнчан Саньцзяочэн юй Гэмодунь Шацзин вэньхуа ицунь [蒲朝绂, 庞跃先. 永昌三角城与蛤蟆墩沙井文化遗存 // 考古学报] Памятники культуры Шацзин в Саньцзяочэн и Хамодунь у. Юнчан, пров. Ганьсу // Каогу сюэбао. 1990. № 2. С. 205–237.
204. *Пшеничнюк А.Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2012. 280 с.
205. *Ртвеладзе Э.В.* Посольства к Александру Македонскому в Бактры и Мараканду царей левобережного и правобережного Хорезма Фарасмана и Фратаферна // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 343–349.
206. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. 402 с.
207. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Издательство АН СССР. 1960. 360 с.

208. *Савельев О.К.* Римский импорт I в. н. э. в Тире и некоторые вопросы римско-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2017. №4. С. 119–134.
209. *Савинов Д.Г.* Могильник Бертек-33 // *Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок)*. Новосибирск, 1994. С. 39–49.
210. *Сальников С.К.* Истории распространения несторианства в Китае // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2002. № 1. С. 110–117.
211. *Сандерманн В., Тан Лиюнь.* Мони, индужэмоницзяо [宗德曼, 唐莉云. 摩尼、印度和摩尼教 // 石河子大学学报 2015 年第 29 卷第 4 期] Мани, Индия и манихейство // *Вестник Университета Шихэцзы (Шихэцзыдасюэсюэбао)*. 2015. №4. Вып. 29. С. 29–34.
212. *Светлов Р.В.* Пирр и военная история его времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 355 с.
213. *Семененко А.А.* Эталон колесничного погребения или почему уралоказахстанские погребения с повозками эпохи бронзы не являются колесничными? Воронеж: Электронная монография на правах рукописи, 2020. 677 с.
214. *Серегин Н.Н., Тишин В.В.* Некоторые аспекты интерпретации монетных индикаций (брактеатов) из погребальных комплексов тюрок Центральной Азии // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2 (94). С. 255–262.
215. *Син Итянь.* Хуавэй синьшэн – хуасянши, хуасян чжуань юй бихуа [邢义田. 画为心声 — 画像石、画像砖与壁画] Изображения в каменных барельефах, погребальных рельефах и стенных росписях. Пекин: Чжунхуа шущэнь, 2011. 724 с.
216. *Скрипкин А.С.* Гибель Скифии. Сарматский фактор // *Stratum plus: Археология и культурная антропология*. 2016. №3. С. 17–31.
217. *Слюсаренко И.Ю.* Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая. Новосибирск, 2010. 34 с.

218. *Соёнов В.И., Эбель А.В.* Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш. В: Соёнов В.И. (отв. ред.) Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Сборник статей. Вып. 3. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского государственного университета, 1998. С. 88–97.
219. *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
220. *Сорокин С.С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. АСГЭ 1966. С. 39–60.
221. *Станьева В.В.* Историческое развитие белых ли и государства Чоую (Северный Китай). И.М. Прищепа (главный редактор). Молодость. Интеллект. Инициатива. Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. Витебск: ВГУ им. Машерова, 2016. С. 138–139.
222. *Страбон.* География. М.: Наука, 1964. 944 с.
223. *Су Бай.* Вэйцзинь наньбэйчао тансун каогу вэньгао цзи цун [宿白。魏晉南北朝唐宋考古文稿輯叢。北京：文物出版社2011] Собрание эпиграфических источников эпох Вэй, Цзинь, Наньбэйчао, Тан и Сун. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 2011. 431 с.
224. *Сутягина Н.А.* Китайские истоки погребального обряда хунну // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №4. С. 57–71.
225. *Сутягина Н.А.* История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР). Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. С. 133–137.
226. *Сутягина Н.А.* Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР) // Всероссийский археологический съезд. Суздаль, 2008. С. 76–78.

227. *Сыма Цянь*. Исторически записки: Ши цзи в 9 т. / Пер. с кит. Вяткин Р.В. и Карапетьянца А.М., коммент. Вяткина Р.В., Вяткин А.Р. и Карапетьянца А.М., вступ. ст. Вяткина Р.В. М.: Вост. лит., 2002. Т. 8. 510 с.
228. *Сюй Баолин*. Чжунго биншу тунцзе [许保林. 中国兵书通览. 解放军出版社] Обзор книг по китайскому военному искусств. Пекин: Цзефаньцзюньчучубаньшэ, 2002. 182 с.
229. *Сюй Годун*. Ханьдай сиюй духуфуцзун дучжэн цзи дуй лома шан дуй дэ баоху [徐国栋. 汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 // 法治研究] Охрана караванов с римскими товарами со стороны ханьского генерал-губернатора Чжэн Цзи в Западном крае // Фачжияньцзю (Исследования правового управления). 2014. №3. С. 126–131.
230. *Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн*. Дунчжоу шици дэ жунди цинтун вэньхуа [许成, 李进增. 东周时期的戎狄青铜文化 // 考古学报] Бронзовая культура жунов и ди в период Восточного Чжоу // Каогу сюэбао. 1993. № 1. С. 1–11.
231. *Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун*. Нинся Гуюань Янлан вэньхуа муди [许成, 李进增, 卫忠, 韩小忙, 延世忠. 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 // 考古学报] Могильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся // Каогу сюэбао. 1993. № 3. С. 13–56.
232. *Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: «Рифей», 2003. 68 с.
233. *Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Издательство ЮУрГУ. 2007. 274 с.
234. *Таиров А.Д.* Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н.э. В: Ваулин С.Д. (отв. ред.) Наука ЮУрГУ. Материалы 60-й юбилейной научной конференции. Секции естественно-научных и гуманитарных наук. Т. 1. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2008. 160–164 с.

235. *Тан Хуэйшэн, Чжан Вэньхуа*. Цинхай яньхуа [汤惠生、张文华。青海岩画。北京：科学出版社 2001] Петроглифы Цинхая. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. 280 с.
236. *Тан Цзинцзе, Хань Кансинь*. Чжунгобэйфан цигэ гудай миьцзудэ тичжэн лэйсин хэ чжунцзу шусин [谭婧泽，韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性//现代人类学通讯] Общие признаки и принадлежность нескольких древних этносов в северном Китае // Сяньдай жэньлэйсюэ тунсюнь. 2007. №1. С. 58–66.
237. *Таскин В.С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука. 1984. 486 с.
238. *Телегин А.Н., Бородовский А.П.* Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2005. Т. 11. Ч. 1. С. 470–475.
239. *Тихонов Р.В.* Греческие типы в эллинистической керамике Бактрии // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2012. №3. С. 275–289.
240. *Томилов Н.А.* Этноархеология и метод конструирования этнографо-археологических комплексов // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 179–181.
241. *Топал Д.А.* Грифовые кинжалы Евразии: восточные параллели одной причерноморской традиции // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. №3 С. 113–130.
242. *Тот Ф.М.* Зооморфный псалий скифского времени из рога косули с поселения в Среднем Потисье в Венгрии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 297–306.
243. *Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

244. *Туровский Е.Я.* Некоторые вопросы монетной типологии античного Херсонеса в IV–II вв. до н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2003–2004. №6. С. 356–363.
245. *Түмэнбаяр Г.* Христитгэлийн дэлгэрэлт: Үечлэл ба нэршлийн асуудлууд // *Historia Mongolarum.* 2013. Vol. 7. Fasc. 8. P. 169–181.
246. *Тэн Минъю.* Гудайцихоу шицзянь юй вэньхуа цзянь гуанси дэ цзай сыкао [滕铭予。古代气候事件与古代文化间关系的再思考 // 边疆考古研究] К вопросу о связях между климатическими изменениями в древности и археологическими культурами // *Археологические исследования приграничья.* 2010. № 9. С. 238–246.
247. *Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.* Алучайдэн фасяньдэ цзинь иньци [田广金, 郭素新。阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Золотые и серебряные предметы, найденные в могильнике Алучайдэн // *Бронзы ордосского стиля Пекин: Вэньу, 1986. 402 с.*
248. *Тянь Гуанцзинь.* Нэймэнгу чанчэн дидай бутун ситун каогусюэ вэньхуадэ фэньбу цюйюй цзи сяньху инсян [田广金。内蒙古长城地带不同系统考古学文化的分布区域及 相互影响 // 中国生存环境历史演变规律研究] Исследования взаимного влияния культур, сопредельных с районом Великой стены, во Внутренней Монголии // *Чжунго шэнцунь хуаньцзин лиши яньбянь гуйлюй яньцзю (Исследование исторического развития условий жизни в Китае).* 1993. № 1. С. 123–126.
249. *Тянь Гуанцзинь.* Нэймэнгу чжуньгээрци юйлунтай дэ сюнну му [田广金。内蒙古准格尔旗玉隆太的匈奴墓 // 考古] Сюннуское погребение Юлунтай аймака Чжунгээр во Внутренней Монголии // *Каогу. 1977. № 2. С. 366–371.*
250. *Тянь Гуанцзинь.* Таохунбала дэ сюнну му [田广金。桃红巴拉的匈奴墓 // 考古学报] Сюннуский могильник – Таохунбала // *Каогу сюэбао. 1976. №1. С. 138–142.*

251. У Энъ. Бэйфан цаюань каогусюэ вэньхуа яньцзю цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化研究:青铜时代至早期铁器时代] Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.
252. У Энъ. Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзяо яньцзю – цинтун шидай чжи цзаоци сюнну шици [乌恩岳斯图。北方草原考古学文化比较研究 –青铜时代 至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: с Синьдяньцзы эпохи бронзы до периода ранних сюнну. Пекин: Кэсюэчубаньшэ 2008. 363 с.
253. У Энъ. Бэйфан цаюань каогу сюэвэньхуа яньцзю цинтун шидай жи цзаоци теци шидай [乌恩。北方草原考古学文化研究青铜时代至早期铁器时代] Исследование северных степных археологических культур бронзового и раннего железного веков. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. Т. 3. С. 357–386.
254. У Энъ. Лунь вого бэйфан гудай дунъю вэньши дэ юаньюань [乌恩。论我国北方古代动物纹饰的渊源 // 考古与文物] Происхождение древних украшений северной части Китая, орнаментированных в зверином стиле // Каогу юй вэньу. 1984. № 4. С. 46–59.
255. У Энъ. Янлан вэньхуа // Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань [乌恩。杨郎文化 // 中国考古学。两周卷] Культура Янлан // Археология Китая. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. С. 540–548.
256. Фань Ян. Лоян Хэншаньлу Бэйл Вэй да му чуту таобо минци као [范杨。洛阳衡山路北魏大墓出土陶帛明器考 // 中原文物。2018 年第 5 期] Исследование модели шелкового свитка из крупного севлеровэйского погребения на ул. Хэншаньлу в Лояне // Чжунъюань вэньу (Памятники культуры Центрального Китая). 2018. № 5. С. 113–124.
257. Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1973. С. 207–222.

258. *Франкфор А.П.* Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2002. № 4 (12). С. 62–68.
259. *Франкфор А.П.* Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тысячелетии до нашей эры. В: Массон В.М. (отв. ред.) Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Сборник научных статей. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 203–217.
260. *Фролов Я.В.* Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 211–219.
261. *Фролов Я.В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
262. *Хаврин С.В.* Китайские импорты в материалах могильника Догээ-Баары-II. В: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А. А. (отв. ред.). Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета. 2009. С. 342–344.
263. *Хаврин С.В.* Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. 1994. Вып. 8. С. 104–113.
264. *Хань Цзябин.* Доюань вэньхуа, вэньхуа доюаньчжуи, доюаньвэньхуачжуи бяньси – и Мэйго вэйле [韩家炳。多元文化、文化多元主义、多元文化主义辨析——以美国为列 // 史林] Детальный анализ мультикультуры, культурного плюрализма, мультикультурализма – на примере Америки // Шилинь. 2006. № 5. С. 185–188.
265. *Хань Цзянье.* Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цзаотеци шидай вэньхуа [韩建业。新疆的青同时代和早铁器时代文化。北京：文物出版社] Культуры

Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэнь У чубаньшэ 2007. 128 с.

266. Хань Цзянье. Чжунгосибэй дицюй сяньцинъ шицидэ цзыжань хуаныцзин юй вэньхуа фачжань [韩建业。中国西北地区先秦时期的自然环境与文化发展] Природная среда и культурное развитие Северо-Западного Китая до эпохи Цинь. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. 484 с.

267. Харрис Д., Васенькин В.В., Комиссаров С.А. Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории). В: Россия и Восток. Археология и этническая история. Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 26–27.

268. Хельмут-Крамбергер А. Хронология и распространение золотых нашивных бляшек в раннескифское время (VIII–VII вв. до н. э.) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 143–166.

269. Хуан Хуаньминь. Сычоу сисяо юй Лома диго дэ шуайло [黄欢敏。丝绸西销与古罗马帝国的衰落 //文史 2012 年 9 期] Угасание Шёлкового пути на западе и упадок Римской империи // Вэньши. 2012. №9. С. 97–102.

270. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. 2002. 157 с.

271. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Особенности этнокультурогенеза кочевников Восточного Туркестана в древности и средневековье В: Бойко В.С. (отв. ред.) Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы IV международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Аз Бука, 2003. Вып. 4. С. 314–321.

272. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн [河北省文物研究所。战国中山国灵寿城] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с.

273. Цай Давэй, Тан Чжовэй, Чэнь Цюаньцзя, Хань Лу, Чжоу Хуэй. Чжунго мяньян цюаньдэ фэньцзы каогусюэ яньцзю [蔡大伟, 汤卓炜, 陈全家, 韩璐, 周 慧. 中国绵羊起源的分子考古学研究 // 边疆考古研究] Молекулярные исследования возникновения домашних овец в Китае по археологическим материалам // Археологические исследования приграничных регионов. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010. С. 291–300.
274. Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинци фачжань тедянь фэньси [曹迎春. «飞跃»与«同步»中山国经济发展特点分析// 河北师范大学学报] Стремительный скачок и «шаг в ногу» – анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 137–140.
275. Цзин Чжунвэй. Чоцэ динчи бяоюй дисянь и гунюань цянь эрцянь цзи чжи цянь сань шицзи чжун сифан юй маци бицзяо яньцзю [井中伟. 輶策、钉齿镞与镞銜—公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究 // 考古学报] Стрекала, псалии с шипами и удила – исследование средств управления лошадей в Китае со второго тысячелетия до н.э. по 3 в. до н.э. // Каогу. 2013. Вып. 3. С. 297–324.
276. Цзя И. Цзя И цзи [贾谊. 贾谊集] Собрание трудов Цзя И. Шанхай: Жэньмин чубаньшэ, 1976. 296 с.
277. Цзян Лу. Бэйфан дицзюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐. 北方地区 «南匈奴» 墓葬 再探讨 // 边疆考古研究] Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае // Бяньцзян каогу яньцзю. 2011. №1. С. 244–253.
278. Цзян Лу. Бэйфан дицзюй сихань цзаоци муцзан яньцзю [蒋璐. 北方地区 西汉早期墓葬研究 // 边疆考古研究] Исследования погребений эпохи Западная Хань в Северном Китае // Археологические исследования приграничья. 2010. № 9. С. 126–137.

279. *Цуй Лимин*. Нэймэнгу Юйхэсянь гоулитоу сюннуму [崔利明。内蒙古兴和县沟理头匈奴墓 // 考古] Сюннуское погребение в Гоулитоу уезда Юйхэ во Внутренней Монголии // Каогу. 1994. № 5. С. 473.
280. *Черемисин Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.
281. *Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 192 с.
282. *Черных Е.М.* На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2018. №3. С. 267–290.
283. *Чжан Сюйшань*. Цзинцзяо дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山。景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 // 世界历史 2005 年 6 期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае // Шицзе лиши. 2006. №6. С. 76–88.
284. *Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи*. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江•尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地。北京: 科学出版社] Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с.
285. *Чжоу Синхуа*. Нинся Чжунвэйсянь Ланвоцзыкэн дэ цинтун дуаньцзянь муцюнь [周兴华。宁夏中卫县狼窝子坑的青铜短剑墓群 // 考古] Бронзовые кинжалы могильника Ланвоцзыкэн в уезде Чжунвэй, Нинся // Каогу. 1989. № 11. С. 971–980.
286. *Чжугэ Лян*. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮。诸葛亮兵书。北京: 北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. 322 с.
287. *Чжун Кань, Хань Кунлэ*. Нинся наньбу чуныцю чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа [钟侃, 韩孔乐。宁夏南部春秋战国时期的青铜文化] Культура бронз

- периода Чуньцю-Чжаньго в южной части Нинся. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. 253 с.
288. *Чжун Кань, Чэн Сяохуа, Янь Шичжун.* Нинся Пэнпу Юйцзячжуан муди [钟侃, 陈晓桦. 宁夏彭阳于家庄墓地 // 考古学报] Могильник Юйцзячжуан в волости Пэнпу уезда Гуюань, Нинся // Каогу сюэбао. 1995. № 1. С. 79–107.
289. *Чжун Кань.* Нинся Чжундин сянь цинтун дуаньцзянь му цинли цзяньбао. [钟侃. 宁夏中宁县青铜短剑墓清理简报 // 考古] Краткое сообщение о раскопках могилы с бронзовым кинжалом в у. Чжуннин, Нинся // Каогу. 1987. № 9. С. 773–777.
290. *Членова Н.Л.* О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 7. С. 49–77.
291. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
292. *Чореф М.М.* Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. №3. С. 213–221.
293. *Чореф М.М.* Следы Великого Шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2016. №6. С. 319–327.
294. *Чугунов К.В.* Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы. Старожитності раннього залізного віку // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). С. 484–499.
295. *Чугунов К.В.* Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные. В: Кочкаров Ю.У. (отв. ред.) Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции «XXX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа». Карачаевск: Изд.

Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, 2018. С. 272–275.

296. Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (К постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 457–486.

297. Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 167–169.

298. Чэн Лун. Дэго ханьсюэцзя Сядэ цзи цичжун госюэ яньцзю [程龙。德国汉学家夏德及其中国学研究 // Social Science Journal, 2011 年第 5 期] Немецкий синолог Ф. Хирт и его исследования Китая // Social Science Journal. 2011. №5. С. 169–174.

299. Чэнь Бинъин. Гудай миныйцу [陈炳应。古代民族。兰州：敦煌文艺出版社 2003。212 页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. 212 с.

300. Чэнь Вэй. Нинся Гуюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао [陈伟。宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 // 文物2012年10期] Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуюань, Нинся. Вэнью. 2012. № 10. С. 58–65.

301. Чэнь Лян. Шаньшань Субэйси муцзан жэньгу яньцзю [陈靓。鄯善苏贝希墓葬人骨研究鄯善县洋海二号墓地发掘简报 // 新疆文物] Изучение костных останков людей с могильника Субэйси в Шаньшане // Культурное наследие Синьцзяна Урумчи. 1998. № 4 (52). С. 65–78.

302. Чэнь Сывэй. Айцзи юй инду цыдалудэ хайшан маои цзи циззай лома дигоцзинцзичжун ди дивэй [陈思伟。埃及与印度次大陆的海上贸易及其在罗马帝国经济中的地位 // 历史研究] Морская торговля между Египтом и

- Индийским субконтинентом и ее статус в экономике Римской империи // Лиши яньцзю (Исторические исследования). 2018. №1. С. 113–133.
303. Чэнь Цзяньвэнь. Юэчжи чжун шу вэньти цзай яньцзю [陳健文。月氏種屬問題再研究 // 史耘, №1, 1995 年。49-68 页] Ещё раз к вопросу об этнической принадлежности юэчжей // Шиюнь. 1995. №1. С. 49–68.
304. Чэнь Цзяньвэнь. Лунь Чжунго юй гудай Наньсиболия цзяньдэ вэньхуа ходун [論中國與古代南西伯利亞間的文化互動] Обсуждение культурного обмена Китая и Южной Сибири в древности // Сборник конференции к 80-летию Чжан Гуанда. Тайбэй: АО Синьвэньфэн чубань. 2010. С. 961–964.
305. Шао Хуэйцзю. Сяньцинъ шици бэйфан дицзюй цзиньшу масянь яньцзю [邵会秋。先秦时期北方地区金属马衔研究 // 边疆考古研究] Исследование металлических удиц доцинъской эпохи Северного региона Китая // Археологические исследования приграничья. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2005. С. 96–114.
306. Шмонеvский Б.Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI-VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. №. 244. С. 254–274.
307. Шувалов П.В. Скрутка, строп, лестница, ступень, кольцо. Размышления о первых стремянах // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. №4. С. 89–96.
308. Шувалов П.В., Шульга Д.П., Кудинова М.А. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 253–260.
309. Шульга А.А., Шульга Д.П. Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации (на примере могилы Кан Е в Северном Китае) // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 205–209.

310. *Шульга Д.П.* К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2008. Вып. 4. С. 137–145.
311. *Шульга Д.П.* Международный выставочный проект «Терракотовая армия – восьмое чудо света: путь оружия в судьбе Поднебесной» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 4. С. 216–218.
312. *Шульга Д.П.* Социокультурная среда бытования раннесредневековых согдийских торговцев в северо-западном Китае (по материалам гробницы Кан Е) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1 (14). С. 46–53.
313. *Шульга Д.П.* Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском автономном районе // Византийский временник, 2020. № 104. С. 104–112.
314. *Шульга Д.П.* Копия восточно-римской монеты из погребения Ши Цзюня. В: Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции. Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: ДонНУ, 2020. С. 242–244.
315. *Шульга Д.П.* Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 774–788.
316. *Шульга Д.П., Кальбинур М.* Опыт использования артефактов, оформленных в виде образов хищных птиц, для определения времени создания археологических памятников раннего железного века Синьцзяна (по материалам могильника Дунхэйгоу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2011. С. 132–136.
317. *Шульга Д.П., Мерзликин А.А.* «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.

318. Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синыцзян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т.16. №4: Востоковедение. С. 24–29.
319. Шульга Д.П., Гирченко Е.А., Филатова М.О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 695–701.
320. Шульга Д.П., Чень Ц., Головкин Н.В. Кочевой мир, Греко-Бактрийское царство и Китай: этнокультурная ситуация на юге Центральной Азии // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14. № 2. С. 587–608.
321. Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 1991. С. 155–159.
322. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 48–60.
323. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. 204 с.
324. Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 135–140.
325. Шульга П.И. Синыцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.
326. Шульга П.И. О контактах населения верхней Оби и Горного Алтая с Синыцзяном и Северным Китаем в VIII–III вв. до н.э. В: Молодин В. И., Хансен С. (отв. ред.) «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 370–378.

327. *Шульга П.И.* Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н. э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 319–323.
328. *Шульга П.И.* Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартянова). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2013. 149 с.
329. *Шульга П.И.* Конское снаряжение VIII–V вв. до н.э. в восточной части Евразии // Всадники Великой степи: традиции и новации: труды филиала Института археологии им. А.Х.Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х.Маргулана в г. Астана, 2014. С. 248–263.
330. *Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.
331. *Шульга П.И.* О захоронениях коргантасского типа. В: А. Бейсенов (отв. ред.) Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 405–418.
332. *Шульга П.И.* Этнокультурная ситуация на востоке скифского мира в III в. до н. э. // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2016. №3. С. 87–98.
333. *Шульга П.И.* Об истоках погребального обряда хунну // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 389–398.
334. *Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. 329 с.
335. *Шульга П.И., Гирченко Е.А., Шульга Д.П.* О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 316–325.

336. Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. I (XX). С. 321–324.
337. Шульга П.И., Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.) Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 272–285.
338. Шульга П.И., Слюсаренко И.Ю. Датировка погребальных комплексов на периферии пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 473–477.
339. Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Саэнсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // Труды Государственного Эрмитажа. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. Т. 77. С. 512–533.
340. Шульга П.И., Шульга Д.П. Новые данные о хронологии и связях культуры чауху (Синьцзян, Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 376–379.
341. Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. I (XX). С. 321–324.
342. Шульга П.И., Шульга Д.П., Хаснулина К. А. Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 4: Востоковедение. С. 19–29.
343. Юй Вэйчао. Гуаньюй каяо вэньхуа дэ синь жэньши [俞伟超。关于卡约文化的新认识 // 青海考古学会会刊 第 3 期 1981 年] К вопросу о новых

находках культуры каяо // Цинхайский археологический журнал. 1981. №3. С. 11–23.

344. Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2015. №3. С. 101–119.

345. Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 2007. С. 16–23.

346. Ян Гуаньхуа. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // 文物 2016 年第 7 期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньбу (Культурное наследие степи). 2016. №7. С. 4–14.

347. Ян Гунлэ. «Дацинь цзинцзяо люсин чжунго бэй» жогань шиши као си [杨共乐. 《大秦景教流行中国碑》若干史实考析 // 史学史研究 2009 年第 2 期] Анализ некоторых исторических фактов о несторианской стеле в Китае // Шисюэши яньцзю. 2009. №2. С. 120–121.

348. Ян Гунлэ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинцзи шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐. 丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // Collected Papers of History Studies 2011 年 1 期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шелковому пути и упадка Римской империи // Collected Papers of History Studies. 2011. № 1. С. 69–74.

349. Ян Цзюнь. Сяньбэй жэнь чжун байчжунжэнь лайюанькао [杨军. 鲜卑人中白种人来源考 // 辽宁师范大学学报(社会科学版). 第 30 卷第 6 期 2007 年 11 月] Исследование источников, повествующих о европеоидах среди сяньби // Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition). 2007. №6. С. 108–111.

350. *Ян Цзюпин*. Ялишань дадунчжэн юйсычоучжилу кайтун [杨巨平。亚历山大东征与丝绸之路开通 // 历史研究] Восточный поход Александра и открытие Шёлкового пути // Лиши яньцзю (Исторические исследования). 2007. №4. С. 150–161.
351. *Ян Цзяньсинь*. Чжунго сибэй шаошу миныйцу ши [杨建新。中国西北少数民族史。北京：民族出版社。2003 年] История северо-западных национальных меньшинств в Китае. Пекин: Миныйцу чубаньшэ, 2003. 499 с.
352. *Ян Цзяньхуа*. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华。春秋战国时期中国北方文化带的形成] Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 219 с.
353. *Ян Нинго, Ци Юэчжан*. Нинся Пэнянсянь цзиннянь чуту дэ бэйфанси цинтунци [杨宁国，祁悦章。宁夏彭阳县近年出土的北方系青铜器 // 考古] Северные бронзы, найденные в последние годы в у. Пэньян, Нинся // Каогу. 1999. № 12. С. 28–38.
354. *Янь Шичжун*. Нинся Люйпинцунь фасянь ицзо дунжоу му [延世忠。宁夏吕坪村发现一座东周墓 // 考古] Захоронение эпохи Восточного Чжоу в Люйпинцунь, Нинся // Каогу. 1992. № 5. С. 469–470.
355. *Янь Шичжун, Ли Хуайжэнь*. Нинся сици фасянь ицзо цинтун шидай муцзан [延世忠、李怀仁。宁夏西吉发现一座青铜时代墓葬 // 考古] Захоронение бронзового века в д. Сици, Нинся // Каогу. 1992. № 6. С. 573–575.
356. *Янь Шэнго*. Ханьчао чжаосян сюнну цэлюэ шу лунь [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论 // 军事历史研究] Краткое изложение стратегий династии Хань по склонению сюнну к капитуляции // Цзюньши лиши яньцзю. 2004. №2. С. 148–154.
357. *Яценко С.А.* Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу В: Алексеев А.Ю. и др. (ред. колл.) Жречество и шаманизм в

- скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1996. С. 154–158.
358. *An Zhongyi*. The beginning and development of cavalry in pre-Qin period // *Kaogu Yu Wenwu*, 2003. №4. Pp. 34–39.
359. Ancient Coins of the Silk Road. A 20 Silver Coin Set. URL: [https://www.educationalcoin.com/media/amfile/files/\(3\)imagesboxesoptsilkroads120cnbox-d.pdf](https://www.educationalcoin.com/media/amfile/files/(3)imagesboxesoptsilkroads120cnbox-d.pdf).
360. *Andersson J.G.* Researches into the Prehistory of the Chinese. Stockholm: BMFEA, 1943. 304 p.
361. *Aperghis G.* The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. New York: Cambridge University Press, 2004. 379 p.
362. *Aruz J.* The Golden Deer of Eurasia Scythian and Sarmatian Treasure from the Russian Steppes. N.Y.: Yale University Press, 2000. 301p.
363. *Ashurov B.* Tarsākyā. An Analysis of Sogdian Christianity Based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis. London: SOAS University of London, 2013. 229 p.
364. *Bayarsaikhan D.* Mongolian-Byzantine Multilateral Relations (XIII-XIV century) // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 12. Fasc. 3. P. 33–48.
365. *Bayarsaikhan D.* Where Does Hulegu Come From? Articles about the Kings. NUM Press Publishing House. 2016. 245 p.
366. *Beckwith C.I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009. 472 p.
367. *Bogdanović J.* The Relational Spiritual Geopolitics of Constantinople, the Capital of the Byzantine Empire // *Political Landscapes of Capital Cities*. 2016. P. 97–153.
368. *Bopearachchi O.* New numismatic evidence on the Pre-kushan history of the Silk Road. URL: https://en.unesco.org/silkroad/sites/silkroad/files/knowledge-bank-article/recent_discoveries_of_coin_hoards_from_central_asia_and_pakistan.pdf

369. *Boulnois L.* La «route de la Soie»: Histoire du commerce et des transferts de techniques avant le XIe siècle // Ingénieur de recherche au CNRS. 2008. P. 1–5.
370. *Briant P.* Highways, Byways, and Road Systems in the Premodern World. First edition, edited by Susan Alcock E., Bodel J., and Richard J. A. Talbert. Chichester: John Wiley & Sons Inc., 2012. 388 p.
371. *Brown P.* The Silk Road in Late Antiquity // Reconfiguring the Silk Road: New Research on East – West Exchange in Antiquity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2014. P. 15–22.
372. *Brüggemann T.* Vom Machtanspruch zur Herrschaft. Prolegomena zu einer Studie über die Organisation königlicher Herrschaft im Seleukidenreich // *Studia Hellenistica et Historiographica*. Festschrift für Andreas Mehl. 2010. P. 19–57.
373. *Bueno A.* Roman Views of the Chinese in Antiquity // *Sino-Platonic papers*. 2016. № 261. P. 1–21.
374. *Bunker E.C.* Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 p.
375. *Bunker E.C.* Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // *Bulletin of the Asia Institute. New Series*. 1992. Vol. 6. P. 99–115.
376. *Bunker E.C.* The Chinese Artifacts among the Pazyryk Finds // *Source. Notes in the History of Art*. 1991. Vol. X. №. 4. P. 20–24.
377. *Campbell D.B.* Did the Romans have links with the Far East? // *Ancient Warfare*. 2016. Vol. 10. № 2. P. 45–49.
378. *Chen Bingying, Lu Dong.* Ancient Peoples. Lanzhou: Dunhuang Literature and Art Publishing House. 2000. P. 48–57.
379. *Cheng Linqun, Zhang Xiangyu.* Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology*, 2008. Vol. 9. P. 23–38.
380. *Christopher M.A.* Greek Hoplites in an Ancient Chinese Siege // *Journal of Asian History*. 2011. Vol. 45. P. 17–37.
381. *Christopoulos L.* Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // *Sino-Platonic papers*. 2012. № 230. P. 1–90.

382. *Chen Bingying*. Ancient ethnic groups. Lanzhou: Dunhuang Literary and Art Publishing House, 2003. 212 p.
383. *Chung-Yang Kim*. Um das Antikebild auf der Seidenstraße zu gewinnen // Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät. 1997. Vol. 18. № 3. P. 109–114.
384. *Curtis J., Tallis N.* Forgotten empire. The world of Ancient Persia. L.: The British Museum Press, 2005. 272 p.
385. *de Graaf W. J.* The Silk Road in the Mongol Era. Tilburg University research. 2018. P. 1–30.
386. *Debin Ma*. The Great Silk Exchange: How the World was Connected and Developed // Textiles in the Pacific, 1500–1900. 2005. Vol. 12. P. 1–32.
387. *Di Cosmo N.* Black Sea Emporia and the Mongol Empire: A Reassessment of the Pax Mongolica // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2010. Vol. 53. № 1–2. P. 83–108.
388. *Di Cosmo N.* A note on the formation of the ‘Silk Road’ as long-distance exchange network. In: M. Bulut (ed.) ReSilkroad. Istanbul: Istanbul Sabahattin Zaim University Publications, 2014. P. 17–26.
389. *Dickens M.* Nestorian Christianity in Central Asia. URL: https://www.academia.edu/398258/Nestorian_Christianity_In_Central_Asia.
390. *Ecsedy I.* Links between China and Rome through Byzantium and Persia: The Nomadic Mediation // Studia Uralo-Altaica. 1997. Vol. 39. P. 99–106.
391. *Enoki K., Koshelenko G.A., Haidary Z.* The Yue-chih and their migration // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations. 700 B.C. – 250 A.D. Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. P. 165–183.
392. *Feltham H.B.* Justinian and the International Silk Trade // Sino-Platonic papers. 2009. № 194. P. 1–34.
393. *Freewalt J.* Justinian and China Connections between the Byzantine Empire and China during the Reign of Justinian I // Late Antiquity and Byzantium. American Military University. 2015. P. 1–8.

394. *Freewalt J.* Rome and China: Connections between Two Great Ancient Empires // The Roman Republic and Empire. American Military University. 2014. P. 1–23.
395. *Gan Zhenyu.* Zhongguo jingnei xiongnu muzang yanjiu chutan [干振瑜。 中国境内匈奴墓 葬研究初探] Preliminary Study of the Xiongnu Tombs in China. Chifen xueyuan xuebao // Journal of Chifeng Institute. 2015. № 2. P. 14–17.
396. *Ge Chengyun.* Cong chutu han zhi tang wenwu kan ou ya wenhua jiaoliu yi hen [葛承雍。 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊] Remains of Eurasian Cultural Exchange from Unearthed Han to Tang Cultural Relics // Bowuyuan yuankan. 2015. № 3. P. 111–125.
397. *Gordy J.* Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v49i1.1882>.
398. *Gontier É., Kostov R. I., Strack E.* A Han-dated 'hydra'-type nephrite scabbard slide found in Chatalka (Bulgaria): the earliest and most distant example of Chinese nephrite distribution in Europe // *Arkéolog*, 2014. Vol. 65/4. Pp. 5-12.).
399. Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm.T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb.. Mainz am Rhein. 1992. 127 p.
400. *Green J.* The Silk Road and Ancient Trade: Crash Course World History // World History Project. 2012. № 9. P. 1–5.
401. *Grenet F.* Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. 2007. Vol. 27. No. 2. P. 463–478.
402. *Guo Yunyan.* A General Overview of Byzantine Coins. Their Imitations Found in China // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2005. Vol. 41. P. 87–116.
403. *Guo Yunyan.* A little supplement to gold coin imitations unearthed in the tomb of Shi Jun of the Northern Zhou Dynasty in Xi'an // Ningxia Institute of Cultural Relics and Archeology. 2018. P. 1–5.

404. *Guo Yunyan*. Another Discussion on the Six Mid-Byzantine Gold Coins Found in China // *Ningxia Institute of Cultural Relics and Archeology*. 2018. P. 1–12.
405. *Guo Yunyan*. Lun Mengguguo bayannuoer tujue bihua musuo chujin yinbi de xingzhi tezheng [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征] On the Forming Characteristics of Gold and Silver Coins in the Tomb of Murakami Mural in Mongolia // *Steppe Cultural Relics*. 2016. № 1. P. 115–123.
406. *Guo Yunyan*. Study of Byzantine Coins and Their Imitations Discovered in China. Tianjin: Department of Graduate Studies at Nankai University, 2006. 286 p.
407. *Guo Yunyan*. Zailun zhongguo faxiande liumei baizhanting zhongqi jinbi [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币] Re-discussing the six Byzantine mid-term Gold Coins Discovered in China // *China Numismatics*. 2015. № 1. P. 53–59.
408. *Gupta A*. An Outline of Ancient Silk Route in Central Asian Region: Reference with Buddhism // *Journal of Advances in Humanities and Social Sciences*. 2020. № 6(1). P. 19–26.
409. *Hamblin W.J*. Warfare in the Ancient near East to 1600 BC. N.Y.: Routledge P., 2006. 544 p.
410. *Harris A*. Archaeological Methodology and Long-distance Contacts in the Sixth Century // *Reading Medieval Studies*. 2006. № 32. P. 91–104.
411. *Hirth F*. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as Represented in old Chinese Records. Munich: Georg Hirth, 1885. 368 p.
412. *Hirth F*. The Mystery of Fu-lin // *Journal of the American Oriental Society*. 1913. Vol. 33. P. 193–208.
413. *Høisæter T*. Politics and Nomads: The Emergence of the Silk Road Exchange in the Tarim Basin Region During Late Prehistory (2000–400 BCE) // *Bulletin of SOAS, University of London*. 2017. Vol. 80. № 2. P. 339–363.

414. *Hoppál K.* Chinese Historical Records and Sino-Roman Relations a Critical Approach to Understand Problems on the Chinese Reception of the Roman Empire // *Res Antiquitatis*, 2nd series. 2019. Vol. 1. P. 63–81.
415. *Hoppal K.* Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations // *Acta Archaeologica*. 2016. Vol. 67. № 1. P. 99–114.
416. *Hoppal K.* The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources // *Acta Antiqua*. 2011. Vol. 51. № 3. P. 263–306.
417. *Hsing I.T.* Heracles in the East: The Diffusion and Transformation of His Image in the Arts of Central Asia, India, and Medieval China // *Asia Major* (Third series). 2005. Vol. 18. № 2. P. 103–154.
418. *Hughes G.* Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf>.
419. *Jacoby D.* Silk Economics and Cross-Cultural Artistic Interaction: Byzantium, the Muslim World, and the Christian West // *Dumbarton Oaks Papers*. 2004. Vol. 58. P. 197–240.
420. *Jan Romgard.* Questions of Ancient Human Settlements in Xinjiang and the Early Silk Road Trade, with an Overview of the Silk Road Research Institutions and Scholars in Beijing, Gansu, and Xinjiang // *Sino-Platonic Papers*. 2008. № 185. 123 p.
421. *Jean-Noël Robert.* Les relations entre le monde romain et la Chine: la tentation du Far East. 2002. URL: https://www.clio.fr/BIBLIOTHEQUE/pdf/pdf_les_relations_entre_le_monde_romain_et_la_chine_la_tentation_du_far_east.pdf
422. *Jia Yi.* Anthology of Jia Yi. Shanghai: Renmin Publ., 1976. 296 p.
423. *Jiang Lu.* Beifang diqu nan xiongnu muzang zai tantao [蒋璐。北方地区 «南匈奴» 墓葬 再探讨] Re-discussion on the Tombs of the Southern Xiongnu in the North // *Bianjiang kaogu yanjiu*. 2011. № 1. P. 244–253.

424. *Jones R.A.* Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // *The Silk Road Journal*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 23–32.
425. *Juliano Annette L.* The Warring States Period – the State of Qin, Yan, Chu, and Pazyryk: A Historical Footnote // *Source. Notes in the History of Art*. 1991. Vol. X. № 4. P. 25–29.
426. *Jui-Man Wu.* Mortuary Art in the Northern Zhou China (557-581 CE): Visualization of Class, Role, And Cultural Identity // Doctor of Philosophy dissertation, University of Pittsburgh. 2010. 245 p.
427. *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980. Vol. 34/35. P. 177–222.
428. *Kuzmina E.E.* The Prehistory of the Silk Road. Edited by Victor H. Mair. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 264 p.
429. *Larson K.A.* From Luxury Product to Mass Commodity: Glass Production and Consumption in the Hellenistic World // Doctor of Philosophy dissertation, University of Michigan. 2016. P. 350–388.
430. *Leeuwen B., Li J., Pirngruber R.* The Standard of Living in Ancient Societies: A Comparison between the Han Empire, the Roman Empire, and Babylonia // *Working Papers*. 2013. Iss. 0045. P. 1–29.
431. *Leontsini M.* Proceedings of the first International Conference of Sino-Greek Studies “Relations between the Greek and Chinese world”. *Byzantine Mixed*. 2011. Vol. 20. P. 349–355.
432. *Lerner J.A.* Zoroastrian Funerary Beliefs and Practices Known from the Sino-Sogdian Tombs in China // *Silk Road Journal*. 2011. Vol. 9. P. 18–25.
433. *Li Qiang, Kordosis S.* The Geopolitics on the Silk Road: Resurveying the Relationship of the Western Türks with Byzantium through Their Diplomatic Communications // *Medieval Worlds*. 2018. Vol. 8. P. 109–125.
434. *Li Qiang.* A Reflection of the Global History: The Persian Empire’s Role in the Relations between the Roman Empire and China (1st – 7th century CE) // *Journal of Research in Education and Training*. 2016. Vol. 9. P. 141–149.

435. *Li Qiang*. Comments on the Byzantine Coins Unearthed on the Eurasian Steppe and Desert's Silk Routes // *Caoyuan Wenwu*. 2016. № 1. P. 109–114.
436. *Li Qiang*. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road // *Steppe Cultural Relics*. 2016. № 1. P. 109–112.
437. *Li Qiang*. Roman Coins Discovered in China and their Research // *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2015. Vol. 51. P. 279–299.
438. *Lin Ying, Bilig S*. Ethnicity and Rank: A Preliminary Study on the Tomb of the Turkic Murals in Bayan Nur, Mongolia // *Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology*. 2017. P. 1–5.
439. *Lin Ying*. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road // *The Silk Road Journal*. 2005. Vol. 3. № 2. P. 16–19.
440. *Liveri A*. Fu-lin dances in medieval Chinese art – Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. P. 69–94.
441. *Lung R*. *Interpreters in Early Imperial China*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011. 181 p.
442. *Luo Feng*. *Between Foreigners and Hans: The Silk Road and Historical and Archaeological Research of the Northwest*. Beijing: Wenwu Chubanshe, 2004. 515 p.
443. *Luo Feng*. *Between Hu and Han: "Silk Road" and Northwest Historical Archeology*. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004. 515 p.
444. *Luo Feng*. East Roman Gold Which Was Founded in China // *Xinjiang Qianbi*. 2004. № 3. P. 78–103.
445. *Ma Jianjun*. A Brief Study of the Ancient Gold and Silver Coins of the Silk Road Archaeological Discoveries in Ningxia // *Zhongguo Qianbi*. 2016. № 6. P. 31–35.
446. *MacMaster T. J*. *News from the East: The seventh century crises as reflected in western sources*. Classics and Archaeology Masters Programme Dissertation. University of Edinburgh, 2011. P. 1–63.

447. *Maria Adelaide Lala Comneno*. Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence // *Journal of the Assyrian Academic Society*. 1997. Vol. 11. № 1. 20–67.
448. *McLaughlin R.* The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd., 2016. 468 p.
449. *Minjin L.* Policy and geopolitical issues in countries under occupation of Greater Mongolia // *Logistics and Road Transport in the Mongolian Empire*. 2014. P. 33–54.
450. *Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province*. The Cultural Relics and Art of the Ancient Zhongshan Kingdom. Taiyuan: Shanxi publishing group, 2015. 141 p.
451. *Muthesius A.* Byzantine Influences along the Silk Route: Central Asian Silks Transformed // *Contact, Crossover, Continuity: Proceedings of the Fourth Biennial Symposium of the Textile Society of America*. 1994. P. 181–191.
452. *Proceedings of the International Symposium on “Byzantine Gold Coins in the World of Late Antiquity”*. 2017. 78 p.
453. *Rawdson J.* Carnelian Beads, Animal Figures and Exotic Vessels: Traces of Contact between the Chinese States and Inner Asia, c. 1000–650BC // *Archaeologie in China*. 2010. Vol. 1: Bridging Eurasia. P. 1–42.
454. *Richey J.L.* Teaching Early China and Ancient Rome Comparatively // *Education about Asia*. 2008. Vol. 13. № 2. P. 38–43.
455. *Rong Xinjiang*. New Light on Sogdian Colonies along the Silk Road: Recent Archaeological Finds in Northern China // *Berichte und Abhandlungen*. 2009. № 10. P. 147–160.
456. *Salmony A.* 1933. Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. Paris: C.T. Loo. 119 p.
457. *Scheidel W.* The Monetary Systems of the Han and Roman Empires // *Princeton/Stanford Working Papers in Classics*. 2008. P. 1–55.

458. *Schreiner P.* Byzanz – die Brücke zum Osten // Proceedings of the International Conference, Vienna. 2012. 29 p.
459. *Seregin N. Tishin V., Serov V.* “Forgotten” Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai). // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. № 14 (1). P. 85–97.
460. *Sevillano-López D., González F.J.* Mining and Minerals Trade on the Silk Road to the Ancient Literary Sources: 2 BC to 10 AD Centuries // History of Research in Mineral Resources. International Commission on the History of Geological Sciences. 2011. P. 43–58.
461. *Stouraitis Y.* Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions. Transformations of Romanness in the Early Middle Ages: Early Medieval Regions and Identities // Millennium Studies. 2018. № 71. P. 123–139.
462. *Stouraitis Y.* State War Ethic and Popular Views on Warfare // A Companion to the Byzantine Culture of War. 2018. Vol. 3. P. 59–91.
463. *Svenshon H.* Das Bauwerk als “aistheton soma” // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. 2010. Vol. 2(1). P. 59–90.
464. *Tan Jingjie, Han Kangxin.* Signs and Ethnicity of Several Ancient Nationalities in the North // Xiandai renleixue tongxun. 2007. № 1. P. 58–66.
465. *Tansen Sen, Victor H. Mair.* Traditional China in Asian and World History // Ke Issue in Asian Studie. 2012. № 9. 108 p.
466. *Temin P.* The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press, 2013. 320 p.
467. *Temin P.* Wheat Prices and Trade in the Early Roman Empire // The Roman Market Economy. 2012. P. 22–40.
468. *Thierry F.* Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Res Orientales. 1993. Vol. 5. P. 89–139.
469. *Tinnefeld F.* Byzanz und Osteuropa – Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen // Ringvorlesung WS 2003/04: Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter. 2003. P. 1–20.

470. *Tumenbayar G.* Christian Preaching: Issues of Periodicity and Nomenclature // *Historia Mongolarum*. 2013. Vol. 7. Fasc. 8. P. 169–181.
471. *Vrhovski J.* Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China // *Asian Studies*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 53–70.
472. *Walker A.* Patterns of Flight: Middle Byzantine Appropriation of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2010. Vol. 37. P. 188–216.
473. *Wang Yong.* On the Unique mode of Cultural exchange in East Asia // “Silk Road” and “Road of Books”. P. 1–9.
474. *Wei Jin.* Silk Road Artifacts among Guyuan Antiquities // *Ningxia shifang xueyuan xuebao*. 2015. № 26. Vol. 2. P. 105–107.
475. *Wei Lanhai, Li Hui, Xu Wenkan.* The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics. In: M. Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illés (eds.) *Tocharian Texts in Context: International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture*, June 25-29th, 2013. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 277–300.
476. *White W.C.* Byzantine Coins in China // *Bulletin of the Royal Ontario Museum of Archaeology*. № 10. 1931. P. 9–10.
477. *Wu Changxing.* Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text // *Journal for the Study of Christian Culture*. 2015. № 34. P. 187–215.
478. *Wu Jui-Man.* Mortuary art in the Northern Zhou China (557-581 CE). Pittsburgh, 2010. 245 p.
479. *Xinru Liu.* The Silk Road in World History // *China Review International*. 2011. Vol. 18. № 4. P. 530–532.
480. *Xu Guodong.* The Protection of Roman Caravans by Zheng Ji, the Governor of the Western Regions in the Han Dynasty // *Fazhi yanjiu*. 2014. № 3. P. 126–131.
481. *Xu Jialing.* Narratives of the Roman-Byzantine World in Ancient Chinese Sources // *Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott*. Edited by J. Burke et al. Melbourne, 2006. P. 497–504.

482. *Yan Guanhua*. Excavation Briefing of the Northern Wei Tomb of Hengshan Road, Luoyang. *Wenwu*. 2016. № 7. P. 4–14.
483. *Yan Shengguo*. On the Strategy of Recruiting the Xiongnu in the Han Dynasty // *Junshi lishi yanjiu*. 2004. № 2. P. 148–154.
484. *Yang Gongle*. Analysis of the Origin and Development of the Roman Empire's Economic Decline // *Collected Papers of History Studies*. 2011. № 1. P. 69–74.
485. *Yang Juping*. Alexander the Great and the Emergence of the Silk Road // *The Silk Road*. Vol. 6. №2. 2009. P. 15–22.
486. *Yang J., Linduff M. K.* A Contextual Explanation for «Foreign» or «Steppic» Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor // *Asian Archaeology*. 2013. № 1. P. 73–84.
487. *Yatsenko S.A.* Image of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tombs in Mongolia // *The Silk Road*. 2014. Vol. 12. P. 115–123.
488. *Zhang Xushan*. The Spread of Nestorianism to the East and the Greco-Byzantine Cultural Influence in China // *Shijie lishi*. 2006. № 6. P. 76–88.
489. *Zheng Yan*. Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou // *Chinese Archaeology*. 2009. Vol. 9. P. 39–46.
490. *Zhou R., An L., Wang X. et al.* Testing the Hypothesis of an Ancient Roman Soldier Origin of the Liqian People in Northwest China: a Y-chromosome Perspective // *J Hum Genet*. 2007. № 52. P. 584–591.
491. *Żuchowska M.* “Roman Textiles” in the Hou Han Shu. A 5th Century Chinese Vision versus Roman Reality // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2015. Vol. 6. P. 216–238.

Приложение 1: развёрнутая аннотация к иллюстрациям

Рисунок 1. Схема расположения скифоидных археологических культур в Центральной Азии. 1 – ареал пазырыкской культуры (втор. полов. VI–III вв. до н. э.); 2 – территория, предположительно заселявшаяся в V–III вв. до н. э. племенами, близкими пазырыкцам; 3 – тагарская культура; 4 – уюкско-саглынская культура (втор. полов. VI–III вв. до н. э.); 5 – основной ареал культуры плиточных могил (по: Цыбиктаров, 1998); 5а – дворцовая культура (VII–VI вв. до н. э.) (по: Малая энциклопедия ..., 2011, с. 110–111); 6–11 – места наибольшей концентрации памятников скифоидных археологических культур «варваров» IX–III вв. до н. э. на территории Китая: 6 – культура верхнего слоя Сяцзядянь (около IX–VII вв. до н. э.); 7 – культура юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.); 8 – культура маоцингоу (конец VI–III вв. до н. э.); 9 – «культура» таохунбала (VI–III вв. до н. э.); 10 – культура янлан (VI–III вв. до н. э.); 11 – культура шацзин (VI–IV вв. до н. э.).

Рисунок 2. Схема связей царств древнего Китая и торговых путей в раннем железном веке и средневековье (по: Лубо-Лесниченко, 1994, рисунок 116). ЦКР – Центральная Китайская равнина.

Рисунок 3. Схема расположения скифоидных могильников в Северном Китае (по: Bunke, 1997, с. 33): 1 – зона №1 (памятники типа янлан); 2 – зона №2 (памятники типа таохунбала); 3 – зона №3 (памятники типа маоцингоу); 4 – зона №4 (памятники типа юйхуанмяо).

Рисунок 3а. Схема расположения могильников скифоидной культуры юйхуанмяо (по: Пекинский городской институт...2007; Варёнов, 2011; и др.):

1 – Юйхуанмяо; 2 – Хулугоу; 3 – Силянгуан; 4 – Баймяо; 5 – Сяобайян; 6 – Паотайшань; 7 – Лишигоумэнь; 8 – Бэйсиньбао.

Рисунок 3б. Схема расположения скифоидных могильников культуры маоцингоу и памятников типа таохунбала (по: Варёнов, 2010; и др.): 1 – Маоцингоу; 2 – Инъюгоу; 2а – Синьчжоуяоцзы; 2б – Сяошуангучэн; 3 – Госяньяоцзы; 4 – Сяоцзы; 4а – Синьдяньцзы; 5 – Гоулитоу; 6 – Сиюань; 7 – Хулусытай; 8 – Шуйцзяньгоумэнь; 9 – Таохунбала; 10 – Гунсухао; 11 – Алучайдэн; 12 – Сигоупань; 13 – Юйлунтай; 14 – Шихуэйгоу; 15 – Суцзигоу; 16 – Баохайшэ; 17 – Минъаньмуду; 18 – Няньфанцзюй; 19 – Налиньгаоту; 20 – Лицзяпань; 21 – Лаолунчи; 22 – Чжунгоу.

Рисунок 4. Схема расположения скифоидных могильников культуры маоцингоу и памятников типа таохунбала (по: Варёнов, 2010; и др.): 1 – Маоцингоу; 2 – Инъюгоу; 2а – Синьчжоуяоцзы; 2б – Сяошуангучэн; 3 – Госяньяоцзы; 4 – Сяоцзы; 4а – Синьдяньцзы; 5 – Гоулитоу; 6 – Сиюань; 7 – Хулусытай; 8 – Шуйцзяньгоумэнь; 9 – Таохунбала; 10 – Гунсухао; 11 – Алучайдэн; 12 – Сигоупань; 13 – Юйлунтай; 14 – Шихуэйгоу; 15 – Суцзигоу; 16 – Баохайшэ; 17 – Минъаньмуду; 18 – Няньфанцзюй; 19 – Налиньгаоту; 20 – Лицзяпань; 21 – Лаолунчи; 22 – Чжунгоу.

Рисунок 5. Культура янлан. Могильник Юйцзячжуан, планы могил М2, М15 и М20. Могильник Чжанцзецунь, план могилы М2 (по: У Энь, 2007, и др.).

Рисунок 6. Культура янлан. Предметы искусства. Сцены терзания. Погребение Янлан в уезде Гуянь (1), Чэньянчуаньцунь (2, 7), Байяньлиньцунь (3), Яохэцунь (4), Шантайцунь (5), Мачжуан (6, 8, 9), Самэньцунь (11), Гучэн (13), уезд Циньань (14), Ванцзяпин (15) (по: У Энь, 2007; и др.).

Рисунок 7. Памятники «культуры» таохунбала. Карта-схема расположения могильника Таохунбала (1). Планы могил М1 и М2 (2, 3) Инвентарь из могилы М1: 1 – керамический сосуд; 2 – бронзовый чекан; 3 – бронзовый черешковый наконечник стрелы; 4 – бронзовое шило; 5–9 – бронзовые сбруйные бляхи (не менее 12 шт.); 10 – бронзовые удила с кольчатыми внешними окончаниями (в одно окончание вставлен псалий №26);

11 – бронзовая ручка кисти (?); 12 – железный нож; 13 – бронзовая поясная пряжка; 14 – бронзовые кольцевидные пронизки; 15, 16 – бронзовые бабочковидные бляшки двух типов; 17 – бляшки в виде морды зверя с ушами; 18 – бронзовые орнаментированные пуговицевидные бляшки двух типов; 19 – бронзовое кольцо; 20, 21 – два подпрямоугольных в сечении бронзовых игольника; 22 – рифлёные трубочки (не менее 2 шт.); 23 – бронзовые пуговицевидные бляшки; 24 – четырёхсекционные бляшки; 25 – трубчатый костяной распределитель с четырьмя отверстиями; 26 – деревянный псалий в окончании удил; 27 – деревянный брусок.

Инвентарь из могилы М2: 1 – каменный сосуд (кружка); 2 – керамический сосуд; 3 – бронзовое навершие посоха (?); 4, 5 – бронзовые кольца; 6 – бронзовая поясная пряжка; 7 – бронзовые рифлёные трубочки; 8 – бронзовые пуговицевидные бляшки; 9 – миниатюрный железный нож; 10 – роговое изделие (сосуд ?); 11 – костяное изделие в виде бабочки; 12, 13, 15 – несколько крупных изделий из кости; 14 – костяное кольцо; 16 – бирюзовая бусина; 17 – цилиндрические каменные бусины; 18 – костяные бусины. (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007).

Рисунок 8. Памятники «культуры» таохунбала. Могильник Таохунбала. Инвентарь из могилы М1: 1, 2 – игольники; 3, 4 – рифлёные трубочки; 5 – четырёхсекционная бляшка; 6 – шило; 7–10 – каменные бусины; 11 – кольчатая пронизка; 12 – бляшка в виде личины; 13, 14 – орнаментированные бляшки; 15, 16 – бронзовые бабочковидные бляшки; 17 – орнаментированное кольцо; 18, 19 – сбруйные бляхи; 20 – трубчатый костяной распределитель с четырьмя отверстиями; 21 – сбруйная (?) пронизка; 22 – бронзовая ручка кисти (деталь сбруи); 23 – керамический сосуд. Бронза – 1–6, 11–19, 22; кость (рог) – 20, 21; керамика – 23; камень – 7–10 (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007).

Рисунок 9. Памятники «культуры» таохунбала. Инвентарь из могилы М1 в Гунсухао (1–12), а также из могил М2 (19–22), М5 (14–18) и М6 (13) могильника Таохунбала: 1–5 – кинжал, нож, чекан, кельт, «долото»; 6 – шило;

7 – сбруйная бляха; 8, 9 – бабочковидная и пуговицевидная бляшки; 10 – коническое изделие; 11, 12, 21, 22 – сосуды; 13 – бляшка в виде личины; 14 – нож; 15–17 – игольники; 18 – бляшка с изображениями лошадей; 19 – поясная пряжка; 20 – навершие посоха (?). Бронза – 1–10, 13–20; керамика – 11, 12, 21, 22 (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007).

Рисунок 10. Памятники «культуры» таохунбала. Сводные таблицы инвентаря: А – керамические и ритуальные бронзовые сосуды (1–4), детали конского снаряжения (5–14), Таохунбала (1, 2, 5, 8, 9, 11, 12), Баохайшэ (3, 4), Шихуйгоу (7, 13, 14), Гунсухао (10), Икэчжоумэн (6). Бронза – 3, 4, 6, 7, 9–14; бронза, дерево – 5; керамика – 1, 2; кость (рог) – 8. Б – оружие и другие предметы снаряжения воина: кинжалы (1–3), наконечники стрел (4, 5), ножи (6–8), чеканы (9, 10), «долото» (11), кельты (12, 13), шило (14), игольники (15–18), меч и ножны (19, 20). Бронза – 1–18; железо, золото – 19, 20. Гунсухао (1, 9, 11), Хулусытай (2), Сигоупань (3–6, 20, 21), Таохунбала (7, 14, 15, 16–18), Баохайшэ (8, 13), Юйлунтай (10) (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007, др.). Масштаб разный.

Рисунок 11. Памятники «культуры» таохунбала. Карта-схема расположения могильников Сигоупань и Суцзыгоу (А). Золотые пластины с изображениями из могильника Сигоупань (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 356). Масштаб разный.

Рисунок 12. Памятники «культуры» таохунбала. Могильник Сигоупань. Бронзовые изделия (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 360). Масштаб разный.

Рисунок 13. Памятники «культуры» таохунбала. Золотые украшения в зверином стиле. Могильники Сигоупань (1, 2, 7, 15, 16, 18, 19), Алучайдэн (3–6, 8–13), Няньфанцзюй (17). Золото, серебро, бронза. (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007; и др.). Масштаб разный.

Рисунок 14. Памятники «культуры» таохунбала. Предметы, украшенные в зверином стиле. Алучайдэн (1, 2, 9, 11), Шихуйгоу (3, 7, 16), Налингаоту (6,

8, 10, 12–14), Сигоупань (4, 15) (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007; и др.). Масштаб разный.

Рисунок 15. Памятники «культуры» таохунбала. Сводная таблица предметов звериного стиля. Икэчжоумэн (1, 2, 13, 16), Таохунбала (3, 4, 6, 7, 10–12, 14, 17, 18), Хулусытай (5), Баохайшэ (19), Лицзяпань (9, 15), Сигоупань (22, 25), Суцзигоу (20, 23, 24), Ваэртугоу (21, 27, 28), Юйлунтай (26, 29) (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007; и др.). Масштаб разный.

Рисунок 16. 1 – Схема перемещения населения в VII–IV вв. до н. э. культур кочевников Монголии (а), верхнего слоя Сяцзядянь (b), юйхуанмяо (с), шацзин (d), янлан (е): 1 – культуры Монголии; 2 – культура верхнего слоя Сяцзядянь; 3 – культура юйхуанмяо; 4 – культура маоцингоу; 5 – культура янлан; 6 – культура шацзин. **2** – расположение могильника Маоцингоу относительно других памятников. **3** – расположение могильника Синьдяньцзы.

Рисунок 17. Культура маоцингоу. Могильник Маоцингоу. Могила М6. План (А), инвентарь. Бронза – 3–8, 11–15; железо – 1; рог – 2 (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; Graberkatalog Maoqinggou, 1992).

Рисунок 18. Культура маоцингоу. Могильник Маоцингоу. Могила с северной ориентацией умерших М25 и М21. Инвентарь из М21 (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; Graberkatalog Maoqinggou, 1992).

Рисунок 19. Культура маоцингоу. Поясная фурнитура из бронзы: бабочковидные бляшки и концевые бляхи (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007; и др.).

Рисунок 20. Культура маоцингоу. Керамические сосуды (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; У Энь, 2007; и др.).

Рисунок 21. Сравнительная таблица погребального обряда и инвентаря из могильников Юйхуанмяо и Маоцингоу (по: Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; Цзюньдушань муди, 2007).

Рисунок 22. Материалы к разделу по древним ху, обитавшим в I тыс. до н. э. на территории Северного Китая (по: Ван Хуэй, 2013).

Рисунок 23. Материалы к разделу по древним ху, обитавших в I тыс. до н. э. на территории Северного Китая (по: Ван Хуэй, 2013).

Рисунок 24. Планы погребений, типичных для культур юйхуанмяо, маоцингоу и янлан (1, 4, 8, 9). Керамические сосуды из могильников Юйхуанмяо (2, 3) и Маоцингоу (5–7).

Рисунок 25. Сравнительная таблица деталей поясной фурнитуры (1–9, 12–25) и копытных грифонов (10, 11, 26–29): 1–3 – Фирсово-14 (по: Фролов, 1999); 2 – Обские Плёсы-2 (по: Ведянин, Кунгуров, 1996); 4 – Берёзовка-1 (по: Полторацкая, 1961); 5 – Бурла (по: Фролов, 2008); 6 – Башадар-2 (по: Руденко, 1960); 7 – Бердск (по: Фролов, 2008); 8, 9 – Староалейка-2 (по: Кирюшин, Кунгуров, 1996); 10, 11 – Пазырык-2, Катанда (по: Руденко, 1953, 1960); 12–14, 17–20 – Ордос (по: У Энъ, 2007); 21, 22 – Байянлинь, Шихуйгоу (по: Ковалёв, 1999); 15, 16, 23–25 – Ганьсу (по: Институт археологии и культурного наследия пров. Ганьсу..., 2001); 26 – Налиньгаоту (по: Ковалёв, 1999); 27 – Северный Китай (по: Богданов, 2006); 28, 29 – Дунхэйгоу (по: Шульга П.И., 2010).

Рисунок 26. Классификация изображений орлов и грифонов: 1 – орёл; 2 – мифический орёл; 3 – головка грифона; 4 – орёл–грифон; 5 – синкретические существа с чертами слона или волка; 6 – копытный грифон; орлиный и львиный грифоны (по: Шульга Д.П., 2008).

Рисунок 27. Стилизованные изображения орлов и грифонов из Южной Сибири и сопредельных территорий (по: Шульга Д.П., 2008).

Рисунок 28: планы чжуншаньский погребений M8003, M8011, M8009, M8012.

Рисунок 29: планы чжуншаньский погребений M8204, M8304, M8007, M8008.

Рисунок 30: планы чжуншаньский погребений M8010, M8205.

Рисунок 31: Сцены терзания на бляхах из Китая (1–4) и изображения верблюдов с наездниками (5–6): 1 – раннеханьское погребение в селе Сюфэнцунь (уезд Ушань, город центрального подчинения Чунцин); 2 –

погребение Шицзышань (городской округ Сюйчжоу в провинции Цзянсу); 3 – погребении правителя Наньюэ (г. Гуанчжоу, эпоха Западной Хань); 4 – могильник Сигоупань скифоидной общности Таохунбала (север сомона Джунгар АР Внутренняя Монголия); 5 – могильник Чжанцзецунь скифоидной культуры Янлан (село Цаомяо уезда Пэнъян Нинся-Хуэйского автономного района); 6 – погребение № 2 могильника Ваншаньшачжун в Цзянлине (уезд городского округа Цзинчжоу в провинции Хубэй) (1, 2, 3, 6 по: Чэнь Цзяньвэнь, 2010, с. 940–947; 5 по: Гэн Чжицян и др., 2002, с. 15–20; 4 по: Bunker, 1997, с. 51).

Рисунок 32: Копытные грифоны центрального и Южного Китая IV–III вв. до н. э.: 1 – гребень из погребения Шуйхуэ III в. до н.э. на севере пров. Хубэй; 2 – роспись гроба из западноханьского погребения №1 могильника Мавандуй (г. Чанша); 3 – декорированная бляха из погребения Гунцзян (северный пригород г. Сиань); 4 – деталь головного убора из района Линьцзы (городской округ Цзыбо провинции Шаньдун); 5 – декорированная бляха из западноханьского погребения Саньдяньцунь (восточный пригород г. Сиань) (по: Чэнь Цзяньвэнь, 2010, с. 938–948).

Рисунок 33: Копытные грифоны Саяно-Алтая, Северного Китая и Синьцзяна IV–III вв. до н. э.: 1 – АкАлаха-3; 2, 5 – Пазырык-2; Верх-Кальджин-2; 4 – Локоть-4а; 6 – Катанда; 7 – Монголия, случ. находка; 8 – Северный Китай, случ. находка; 9 – Забайкалье (?), случ. находка; 10–12 – Северный Китай (Налиньгаоту, Сигоупань). (1, 3 – по: Полосьмак, 2001, рис. 151; 2, 5 – по: Руденко, 1953, рис. 82, 83; 4 – по: Шульга П.И., 2003, рис. 36; 6 – по: Руденко, 1960, рис. 151; 7–9 – по: Богданов, 2006, табл. XL, 5; LIV, 1, 4; 10–12 – по: Ковалёв, 1999, рис. 2. – 1–3; 13–16 – по: Шульга П.И., 2010).

Рисунок 34: 1 – трубящий кентавр – изображение на ткани, могильник Сампул, Синьцзян-Уйгурский АР (радиоуглеродная датировка – I в. до н.э.) (по: Jones, 2009, с. 23); 2 – серебряное блюдо, найденное в волости Бэйтань пров. Ганьсу, в центре – фигура бога (вероятно, Диониса), восседающего на

кошачьем хищнике, вероятная датировка – III в. н.э. (по: Гэ Чэньюн, 2015, с. 117).

Рисунок 35: 1 – копьеносец – изображение на ткани, могильник Сампул, Синьцзян-Уйгурский АР (радиоуглеродная датировка – I в. до н.э.) (по: Jones, 2009, с. 23); 2 – серебряная бляха из Двадцатого ноин-улинского кургана (по: Полосьмак и др., 2011, с. 111).

Рисунок 36: Серебряная позолоченная ваза и перстень из гробницы Ли Сяня и его жены (район Юаньчжоу, г. Гуюань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР).

Рисунок 37: керамический верблюд из погребения M21 могильника Маопо; 1 – вид слева, 2 – вид справа.

Рисунок 38: изображения на «мешках» по бокам керамической скульптуры верблюда из погребения M21 могильника Маопо; 1 – изображение хмельного божества и сопровождающих, 2 – изображение амфоры античного типа крупным планом.

Рисунок 39: изображения античных колонн коринфского ордера (1) и растительного орнамента (2) из погребения суйского Чжан Линя.

Рисунок 40: изображение хмельного божества и сопровождающих в окружении коринфских колонн; 1 – с «мешка» на боку керамического верблюда из собрания Метрополитен-музея, 2 – из погребения суйского Чжан Линя.

Рисунок 41: керамический верблюд из собрания Метрополитен-музея, Нью-Йорк; 1 – вид слева, 2 – вид справа.

Рисунок 42: Изображения всадников и бородатых героев-укротителей льва, саркофаг наложницы У (по: Гэ Чэньюн, 2015)

Рисунок 43: Монеты греко-бактрийских царей с изображением Геракла на реверсе. 1 – Тетрадрахма Евтидема I; 2 – Коммеморативная тетрадрахма Агафокла в честь Евтидема Теоса; 3 – Коммеморативная тетрадрахма Антимаха I в честь Евтидема Теоса (по: Попов, 2008, с. 59, 77)

Рисунок 44: образы Геракла в Азии. 1 – Хатра, Сирия; 2 – гроты Кызыл, Синьцзян; 3 – гроты Юйлинь, пров. Ганьсу; 4 – Коммагена, север Передней Азии (по: Hsing, 2005).

Рисунок 45: образы Геракла в Азии. 1 – искусство Гандхары, скульптура выставлена в Британском Музее; 2 – Тапа-Шотор, Хадда, Афганистан; 3 – искусство Гандхары, скульптура из коллекции Института изучения Шёлкового пути, Камакура, Япония (по: Hsing, 2005).

Рисунок 46: 1 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Феофила (музейный экспонат), 2 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Романа III (музейный экспонат).

Рисунок 47: 1 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Константина IX (музейный экспонат), 2 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Михаила VII (музейный экспонат).

Рисунок 48: гробница в окрестностях г. Лоян (вероятно, погребение императора Северной Вэй Цземинь-ди), откуда происходит монета императора Анастасия I (1 – разрез с масштабом, 2, 3 – общий вид) (по: Шувалов, Шульга, Кудинова, 2020).

Рисунок 49: 1 – найденная в Китае монета императора Юстиниана (могила Кан Е), 2 – найденная в Китае монета императора Анастасия I (г. Лоян, вероятно, погребение императора Северной Вэй Цземинь-ди).

Рисунок 50: гробница Кан Е в окрестностях г. Сиань, 1 – вид сверху с масштабом (по: Шульга, Шульга 2018).

Рисунок 51: копии солида Анастасия I. 1 - брактеат, найденный в районе г. Сиань (по: Ло Фэн, 2004, с. 156); 2 - аверс качественной копии из г. Лоян (по: Шувалов, Шульга, Кудинова, 2020); 3 – реверс качественной копии из г. Лоян (по: Люй Цзинь, 2014).

Рисунок 52: имитации ромейских монет из погребений клана Ши, исследованных в Нинся-Хуэйском АР. 1 – из погребения Ши Сояня; 2 – из погребения Ши Хэдяня; 3 – из погребения Ши Тебана; 4 – из погребения Ши Даодэ (по: Ма Цзяньцзюнь, 2016).

Рисунок 53: ромейские монеты и их имитации из тюркской гробницы в Байаннууре, аймак Булган, Монголия (по: Го Юньянь, 2016).

Рисунок 54: карта КНР с указанием количества найденный на территории каждого региона ромейских монет.

Рисунок 55: 1, 2 – монеты Константа II, вероятно, найденные на территории КНР (музейный экспонат).

Рисунок 56: План погребения 2004YKJM4 (по: Чэнь Вэй, 2012, с. 59–60).

Рисунок 57: Керамические и фарфоровые изделия из погребений M4 и M33 могильника Цзюлуншань. M4:2, M4:3, M4:4, M4:7 – фарфоровые чашечки; M4:5 – фарфоровое блюдо (тарелка); M4:6 – фарфоровый сосуд с крышкой; M33:1 – керамический горшок; M33:2 – керамическая тарелка (по: Чэнь Вэй, 2012, с. 60).

Рисунок 58: Ромейские золотые монеты из могильника Цзюлуншань и аналогии им из других памятников Гуюаня. А – золотая монета Юстина I (вероятно, качественная имитация) из погребения Тянь Хуна (эпоха Северная Чжоу, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), подобная той, что была обнаружена в погребении 2004YKJM4 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (по: Ло Фэн, 2004, с. 136). В – золотая монета Юстина I (вероятно, качественная имитация) из погребения 2004YKJM4 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (по: Гэ Чэньюн, 2015, рис. 21). С – золотая монета Юстиниана I (возможно, качественная имитация) из погребения 2004YKJM33 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (по: Чэнь Вэй, 2012, с. 64).

Рисунок 59: Золотые артефакты из погребения M33 могильника Цзюлуншань. 1 – деталь головного убора (по: Гэ Чэньюн, 2015, рис. 21:1); 2 – детали поясной фурнитуры (по: Чэнь Вэй, 2012, с. 67).

Рисунок 60: А — общий вид гробницы Кан Е; Б — внешний вид доски с эпитафией; В — один из рельефов с плит каменной кушетки; Г — восточноримская золотая монета из погребения Кан Е (по: Cheng, Zhang, 2008).

Рисунок 61. Эпитафия Ми Цзифэня (протирка), представленная на выставке по истории династии Тан в Национальном музее Китая в сентябре 2018 г.

Рисунок 62: Элементы надмогильных сооружений с нестоианских кладбищ в горах Иньшань: 1 – вершина каменной пагоды с могильника Мухуэрсо-Буэрга; 2 – надгробный камень с могильника Мухуэрсо-Буэрга; 3 – каменное надгробие с надписями на сирийском, китайском и монгольском языках (могильник у городища Аолуньсуму); 4 – надгробный камень с надписью на сирийском языке (могильник Мухуэрсо-Буэрга) (по: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013, с. 203).

Рисунок 63: Элементы надмогильных сооружений с несторианских кладбищ в горах Иньшань: 1 – каменная черепаха с несторианского могильника Ванмулян; 2 – общий вид на несторианский могильник клана Елюй (некрополь Ванмулян); 3 – надгробный камень с несторианского могильника клана Елюй (некрополь Ванмулян); 4 – фрагмент основания надгробия с несторианского могильника Ванмулян; 5 – расколотое основание надгробия с несторианского могильника Ванмулян (по: Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013, с. 204–205).

Рисунок 64: 1 – общий вид раскопок гробницы чжуншаньского вана Цо; 2 – изображение кошачьего хищника с крыльями, сочетающее «степные» и «китайские» черты, пример чжуншаньского синкретизма в искусстве. Созданная в IV в. до н.э. в культурном пространстве Древнего Китая, она отображает ту сцену звериного стиля, которая на артефактах скифоидных культур появляется только как плоскостное или рельефное изображение на небольших изделиях (в бронзе, золоте, кости, роге и дереве). Здесь же мы видим полноценную объемную скульптуру высотой полметра и массой 26 кг. Изначальное двумерное изображение преобразовано в трехмерную форму. (по: Museum of Shanxi province..., 2015, с. 126).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

(иллюстрации)

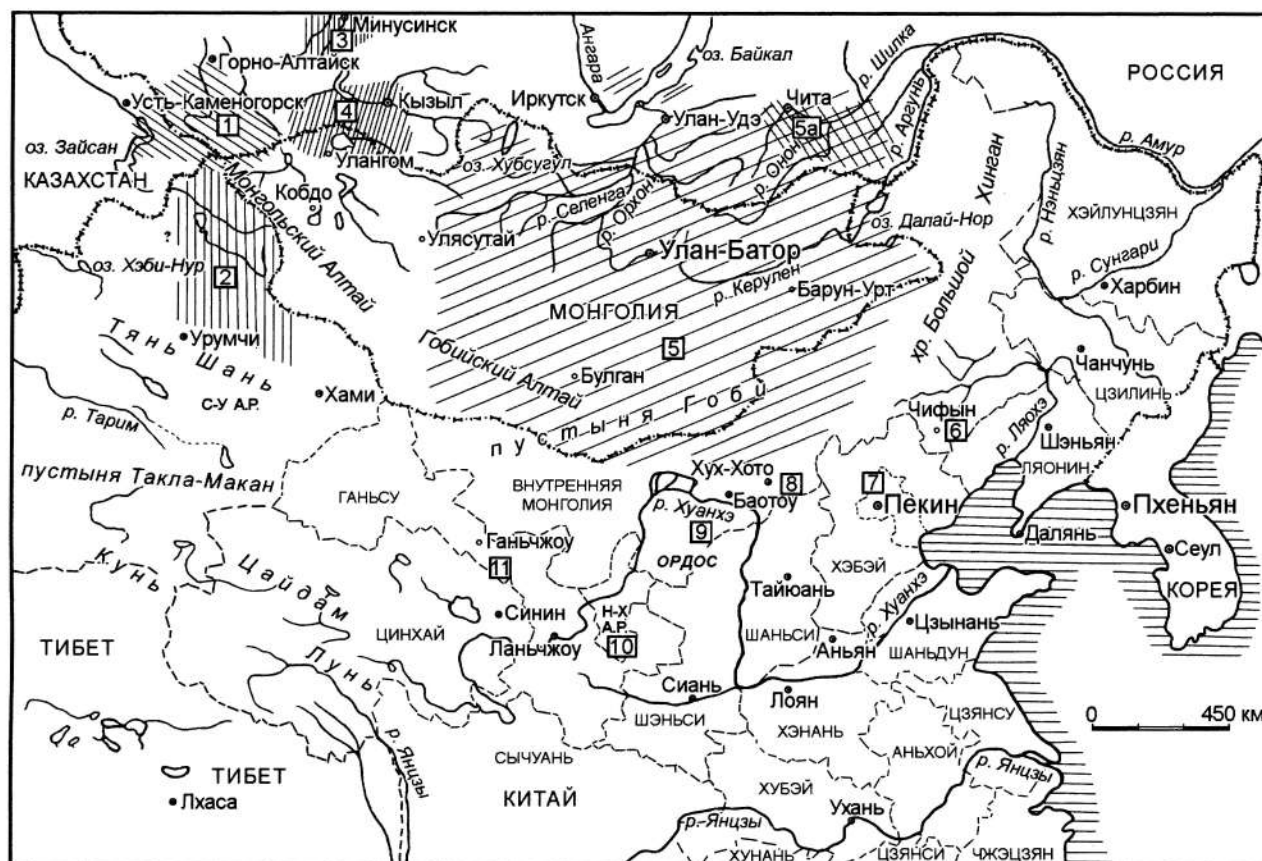

Рисунок 1. Схема расположения скифоидных археологических культур в Центральной Азии.

- 1 – ареал пазырыкской культуры (втор. полов. VI–III вв. до н. э.); 2 – территория, предположительно заселявшаяся в V–III вв. до н. э. племенами, близкими пазырыкцам; 3 – тагарская культура; 4 – уюкско-саглынская культура (втор. полов. VI–III вв. до н. э.); 5 – основной ареал культуры плиточных могил; 5а – дворцовая культура (VII–VI вв. до н. э.); 6–11 – места наибольшей концентрации памятников скифоидных археологических культур «варваров» IX–III вв. до н. э. на территории Китая: 6 – культура верхнего слоя Сяцзядянь (около IX–VII вв. до н. э.); 7 – культура юйхуанмяо (VII–VI вв. до н. э.); 8 – культура маоцингоу (конец VI–III вв. до н. э.); 9 – «культура» таохунбала (VI–III вв. до н. э.); 10 – культура янлан (VI–III вв. до н. э.); 11 – культура шацзин (VI–IV вв. до н. э.).

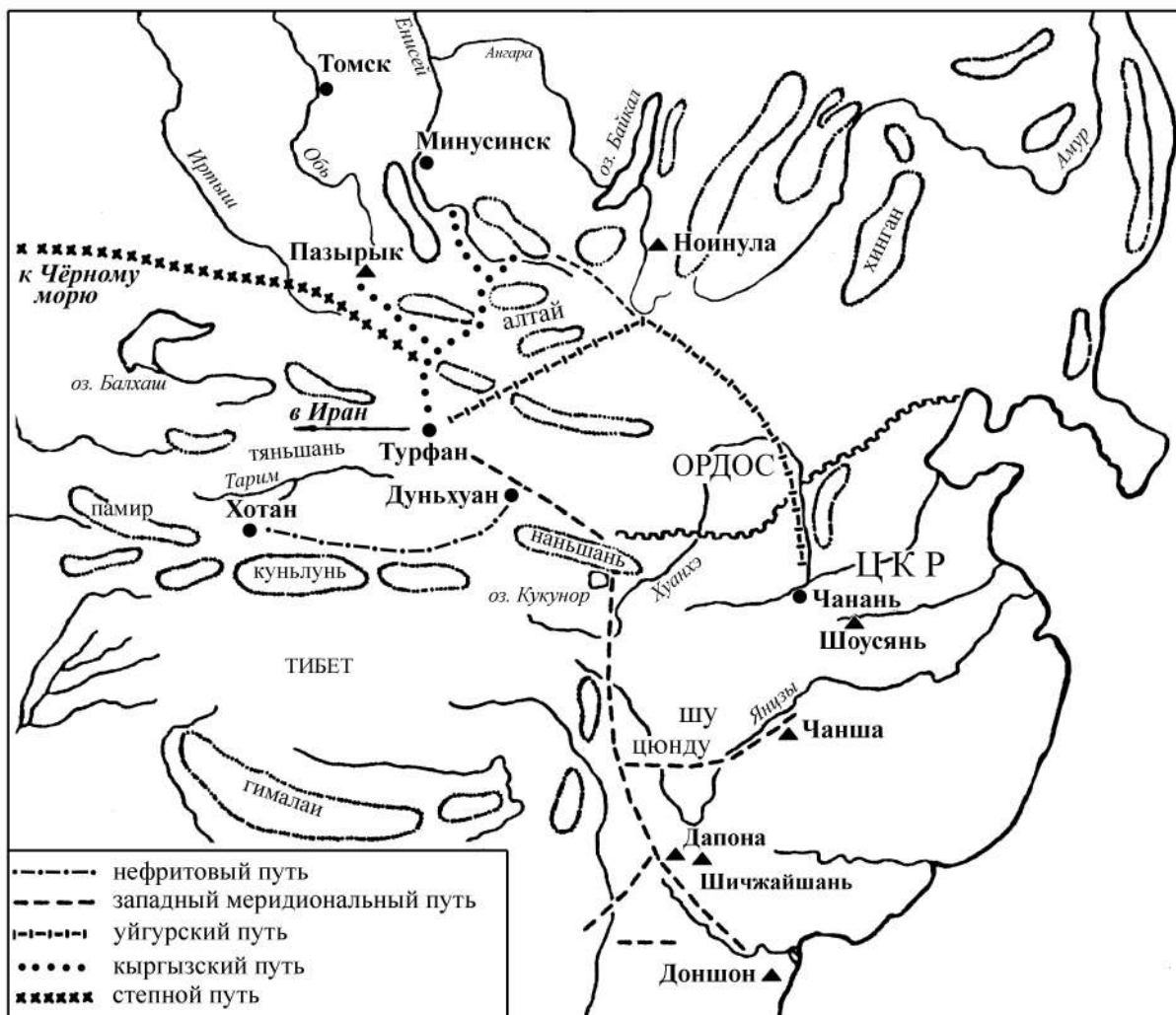

Рисунок 2. Схема связей царств древнего Китая и торговых путей в раннем железном веке и средневековье

Рисунок 3. Схема расположения скифоидных могильников в Северном Китае:

- 1 – зона №1 (памятники типа янлан);
- 2 – зона №2 (памятники типа таохунбала);
- 3 – зона №3 (памятники типа маоцингоу); 4 – зона №4 (памятники типа юйхуанмяо).

Рисунок 3а. Схема расположения могильников скифоидной культуры юйхуанмяо: 1 – Юйхуанмяо; 2 – Хулугоу; 3 – Силянгуан; 4 – Баймяо; 5 – Сяобайян; 6 – Паотайшань; 7 – Лишигоумэнь; 8 – Бэйсиньбао.

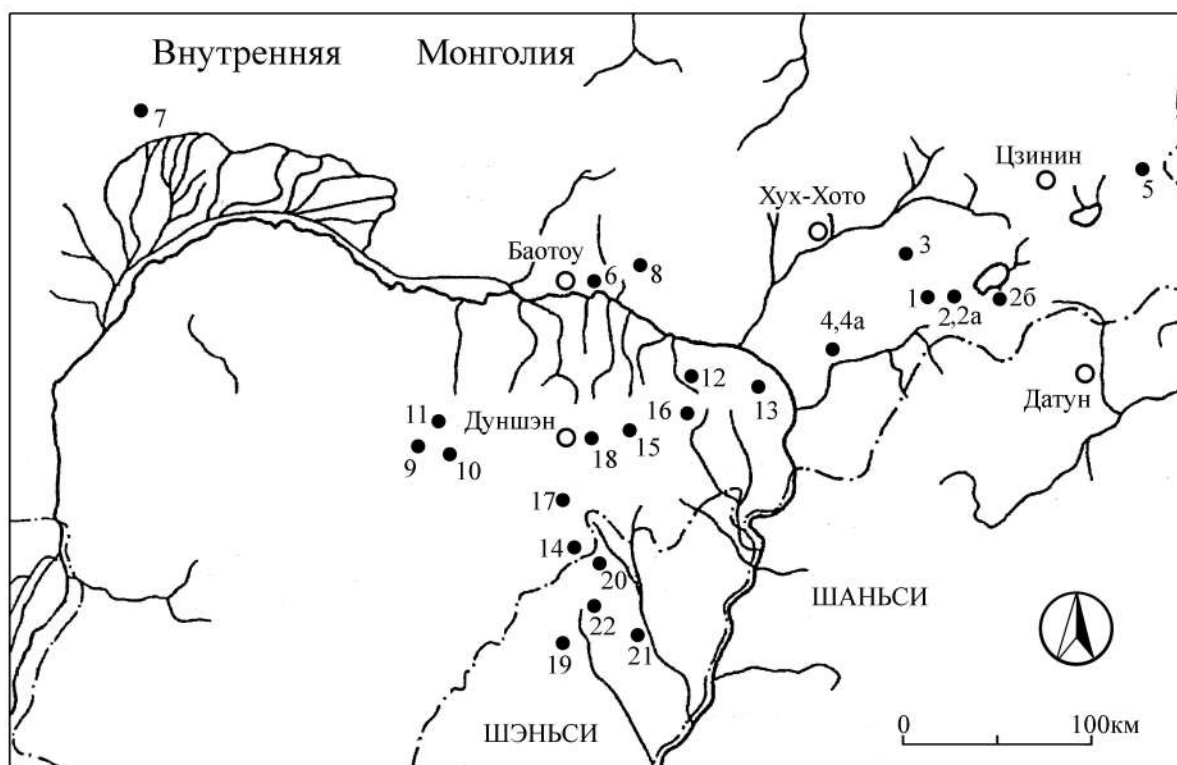

Рисунок 3б. Схема расположения скифоидных могильников культуры маоцингоу и памятников типа таохунбала:

- 1 – Маоцингоу; 2 – Инъюгоу; 2а – Синьчжоуяоцзы;
 2б – Сяошуангучэн; 3 – Госяньяоцзы; 4 – Сяяоцзы; 4а – Синьдяньцзы;
 5 – Гоулитоу; 6 – Сиюань; 7 – Хулусытай; 8 – Шуйцзяньгоумэнь;
 9 – Таохунбала; 10 – Гунсухао; 11 – Алучайдэн; 12 – Сигоупань;
 13 – Юйлунтай; 14 – Шихуэйгоу; 15 – Суцзигоу; 16 – Баохайшэ;
 17 – Минъаньмуду; 18 – Няньфанцзюй; 19 – Налиньгаоту;
 20 – Лицзяпань; 21 – Лаолунчи; 22 – Чжунгоу .

Рисунок 4. Схема расположения скифоидных могильников культуры маоцингоу и памятников типа таохунбала: 1 – Маоцингоу; 2 –Иньнюгоу; 2а – Синьжоуяоцзы; 2б – Сяошуангучэн; 3 – Госяньяоцзы; 4 –Сяюцзы; 4а – Синьдяньцзы; 5 – Гоулитоу; 6 – Сиюань; 7 – Хулусытай; 8 –Шуйцзяньгоумэнь; 9 – Таохунбала; 10 – Гунсухао; 11 – Алучайдэн; 12 –Сигоупань; 13 – Юйлунтай; 14 – Шихуэйгоу; 15 – Суцзигоу; 16 – Баохайшэ; 17 – Минъаньмуду; 18 – Няньфанцзюй; 19 – Налиньгаоту; 20 – Лицзяпань; 21 – Лаолунчи; 22 – Чжунгоу.

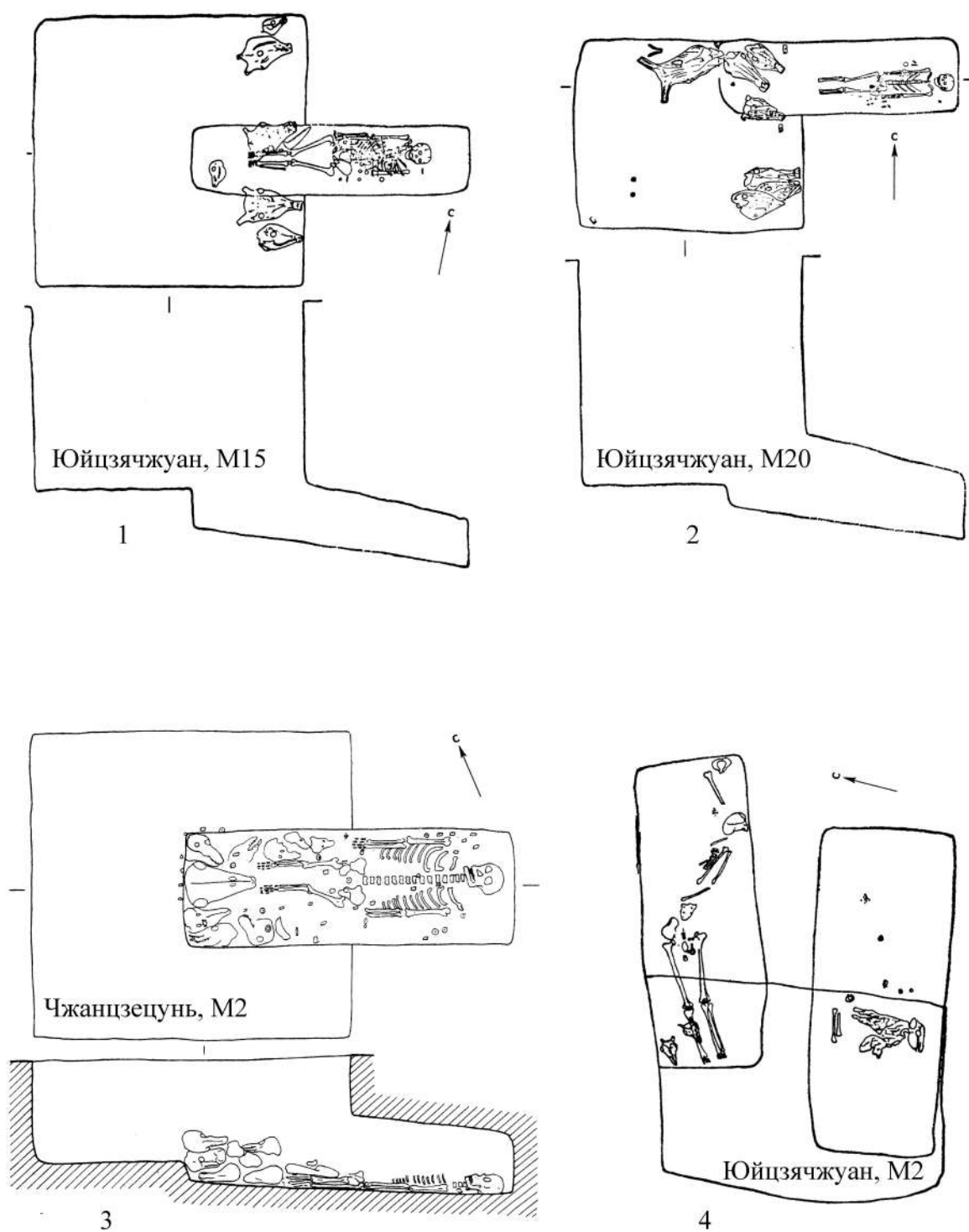

Рисунок 5. Культура янлан. Могильник Юйцзячжуан, планы могил M2, M15 и M20. Могильник Чжанцзецунь, план могилы M2.

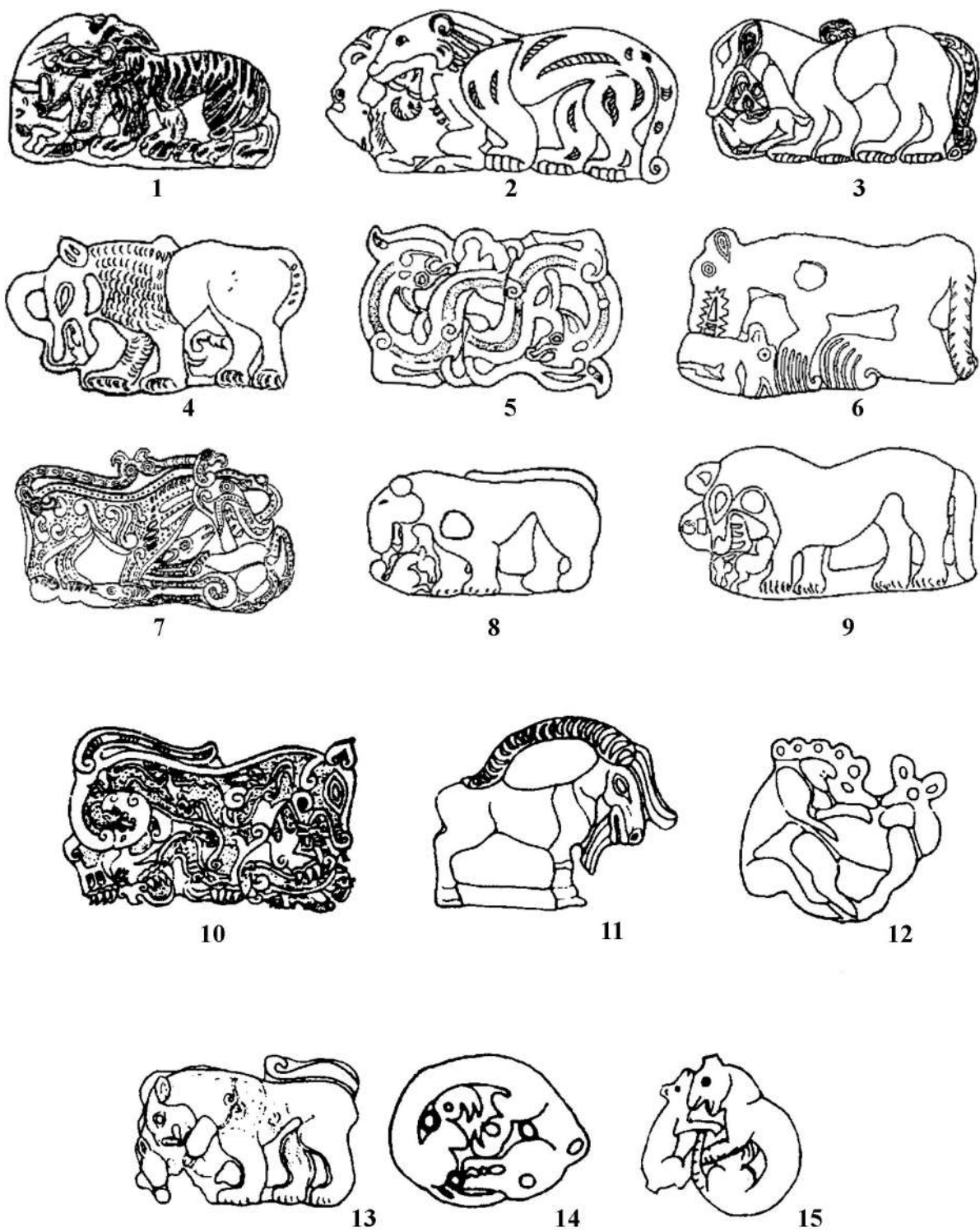
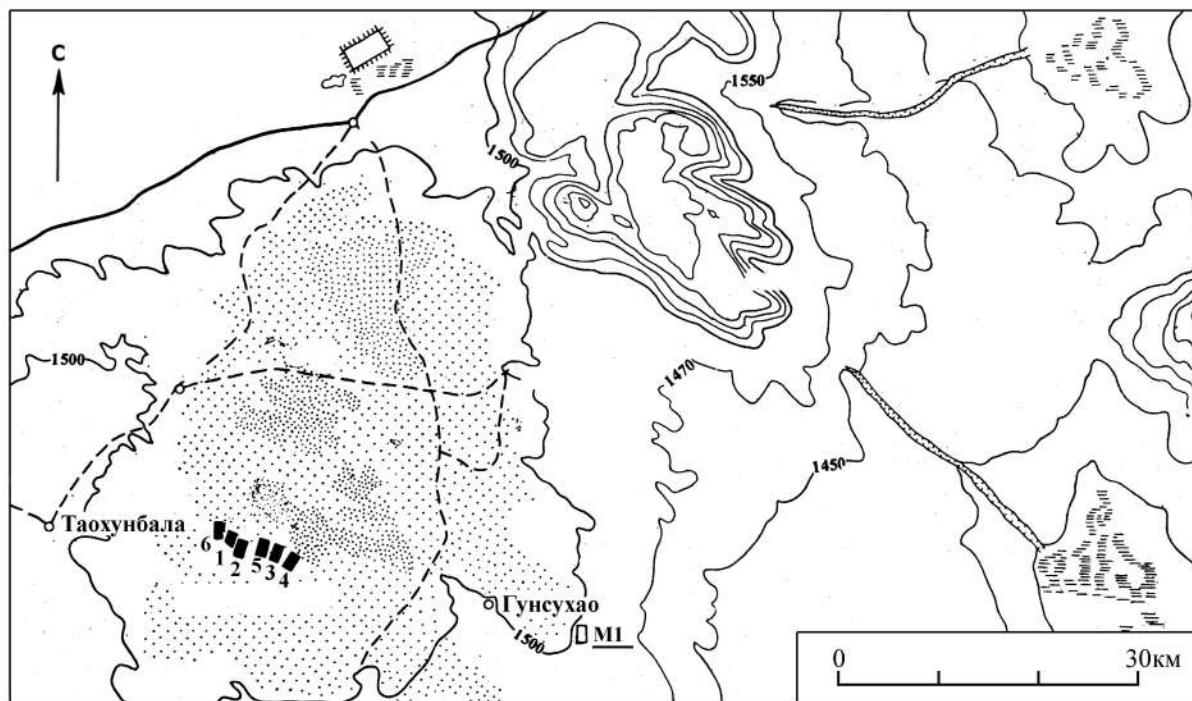

Рисунок 6. Культура янлан. Предметы искусства. Сцены терзания.

1

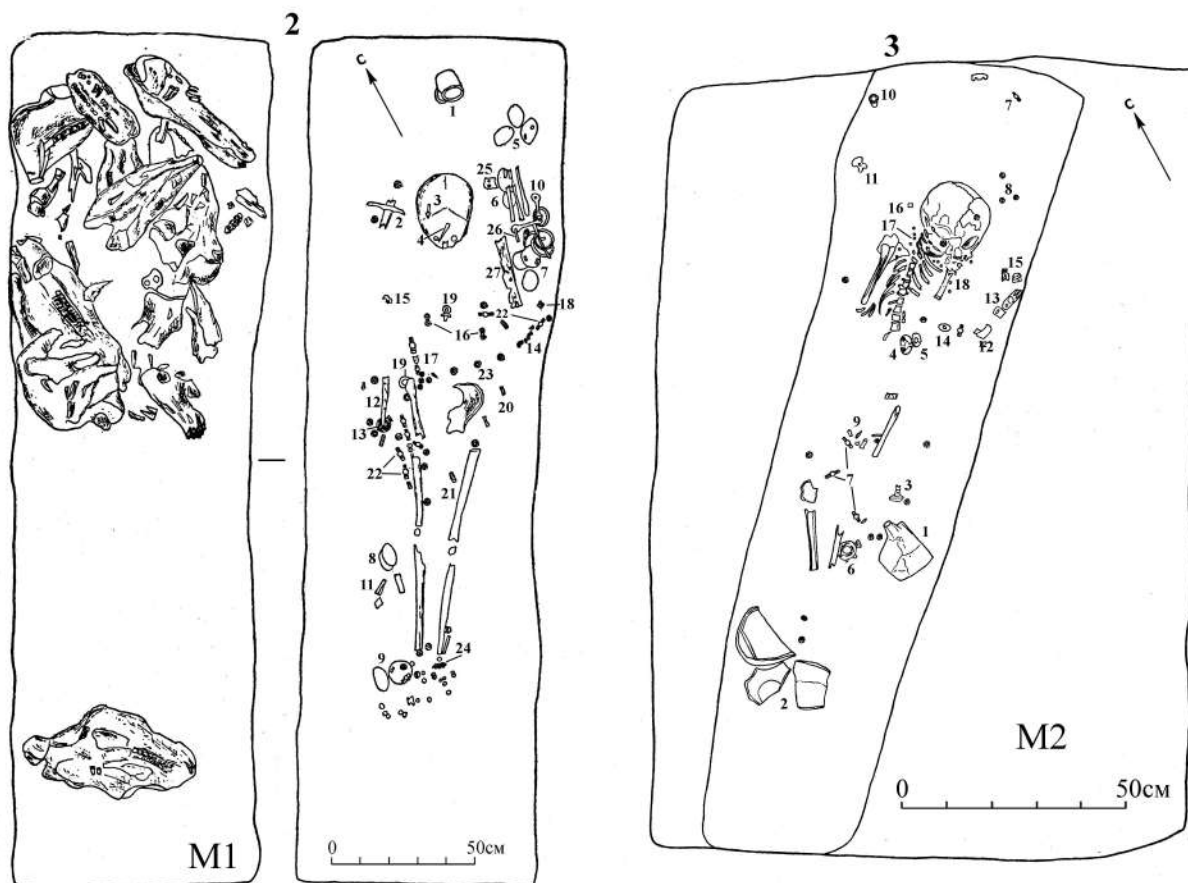

Рисунок 7. Памятники «культуры» таохунбала. Карта-схема расположения могильника Таохунбала (1). Планы могил M1 и M2 (2, 3).

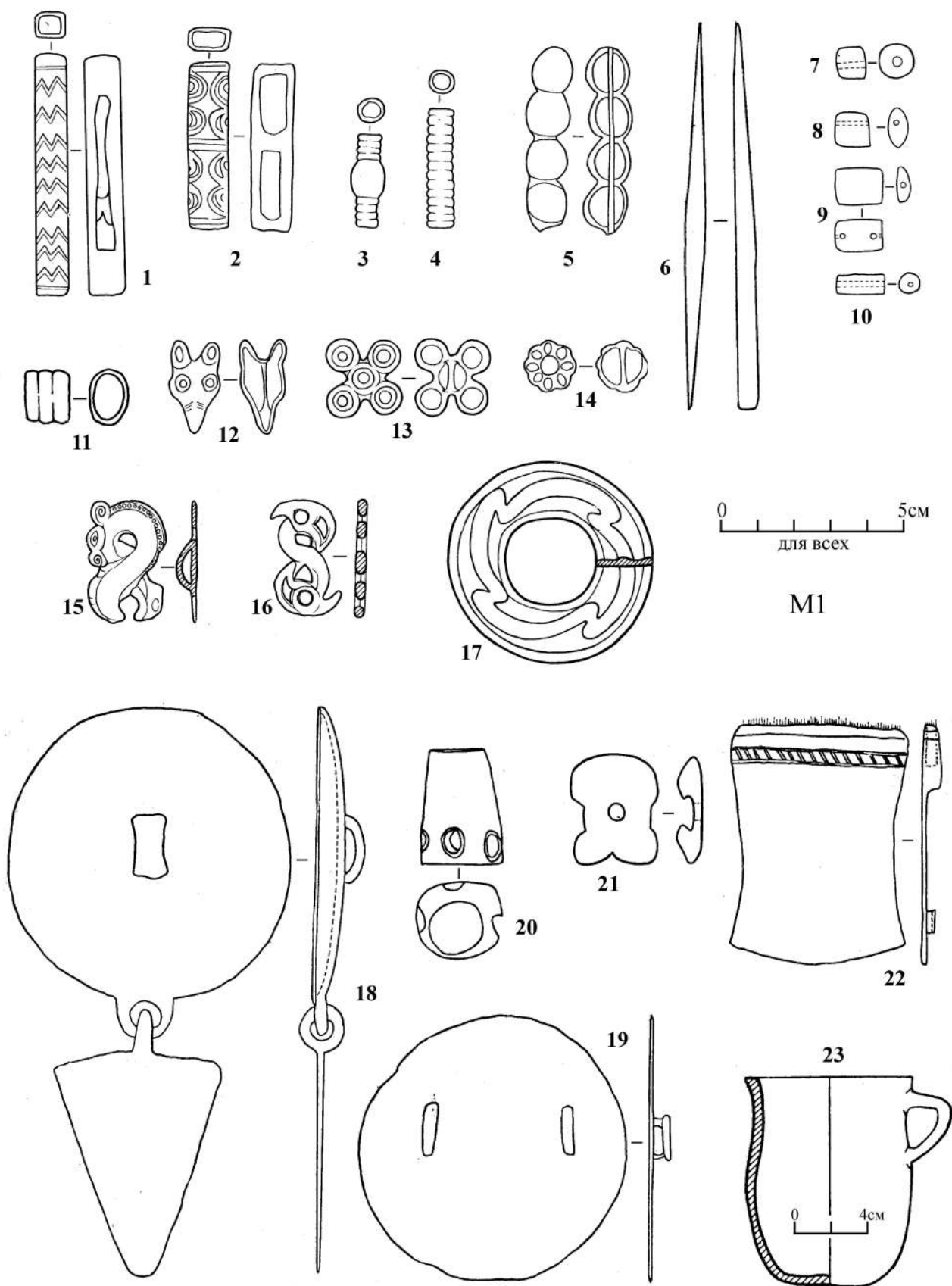

Рисунок 8. Памятники «культуры» таохунбала. Могильник Таохунбала.
Инвентарь из могилы M1.

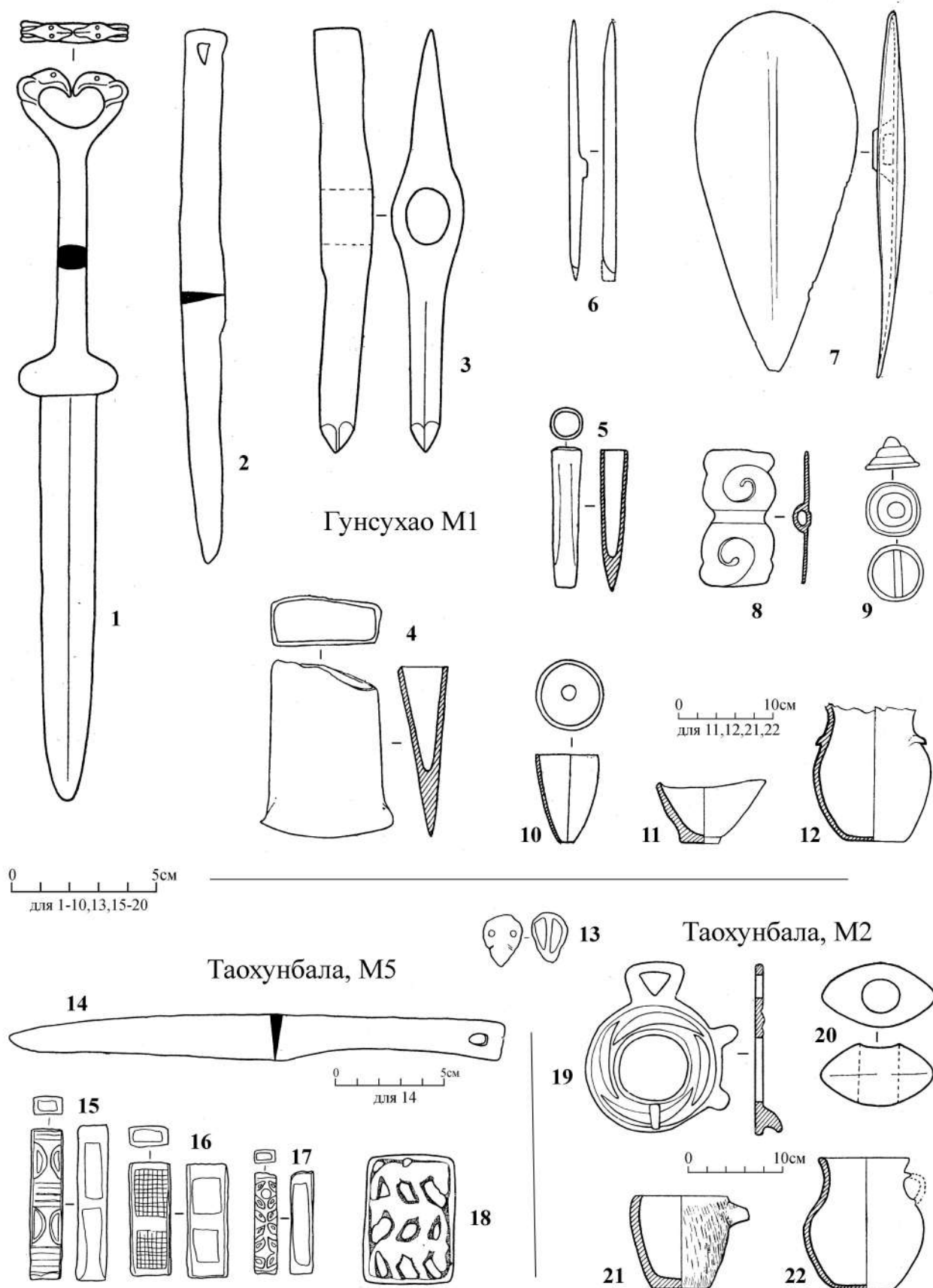

Рисунок 9. Памятники «культуры» таохунбала. Инвентарь из могилы M1 в Гунсухао (1–12), а также из могил M2 (19–22), M5 (14–18) и M6 (13) могильника Таохунбала.

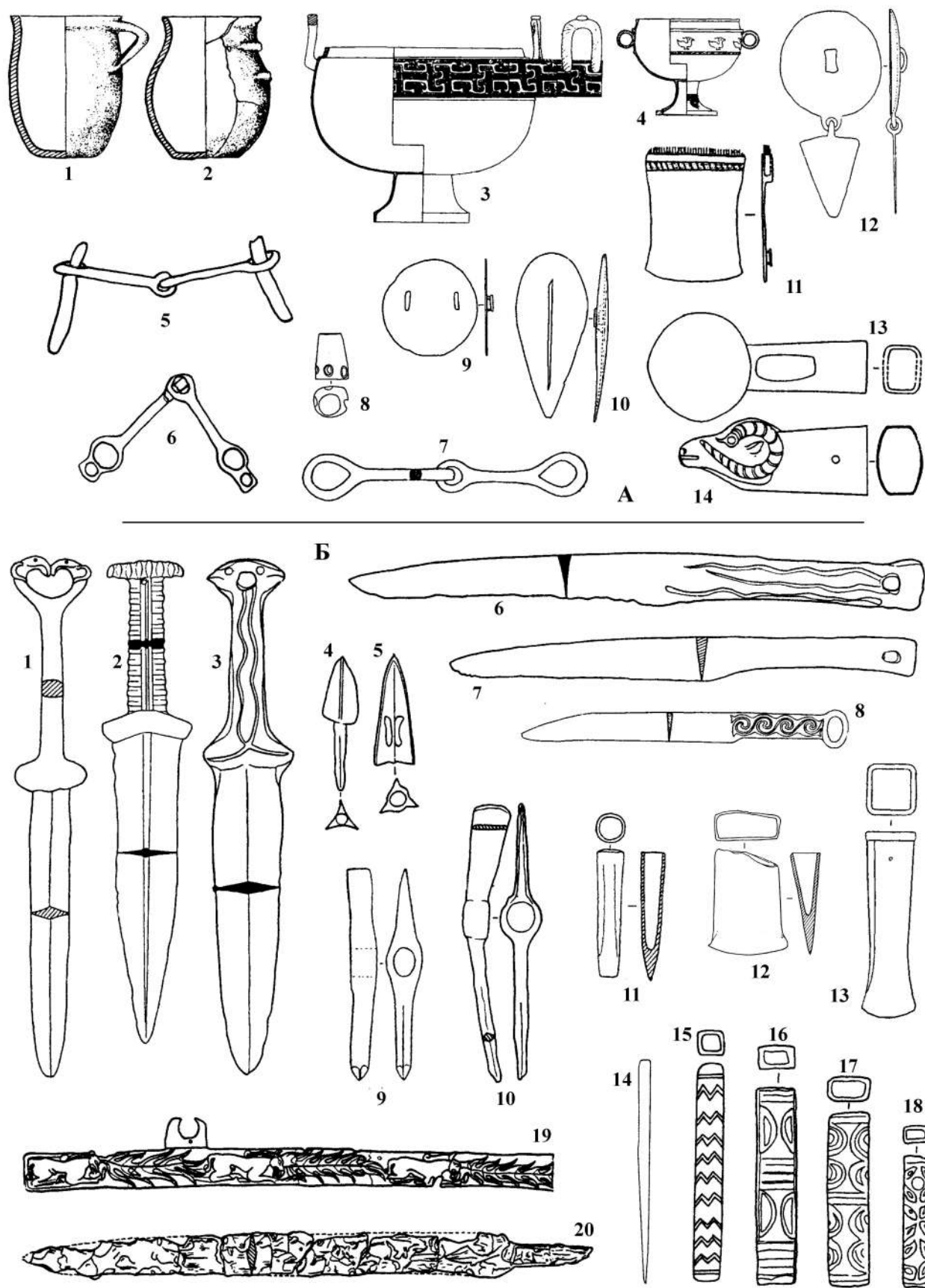

Рисунок 10. Памятники «культуры» таохунбала. Сводные таблицы инвентаря:

А – керамические и ритуальные бронзовые сосуды (1–4), детали конского снаряжения (5–14), Таохунбала (1, 2, 5, 8, 9, 11, 12),

Баохайшэ (3, 4), Шихуйгоу (7, 13, 14), Гунсухао (10), Икэчжоумэн (6).

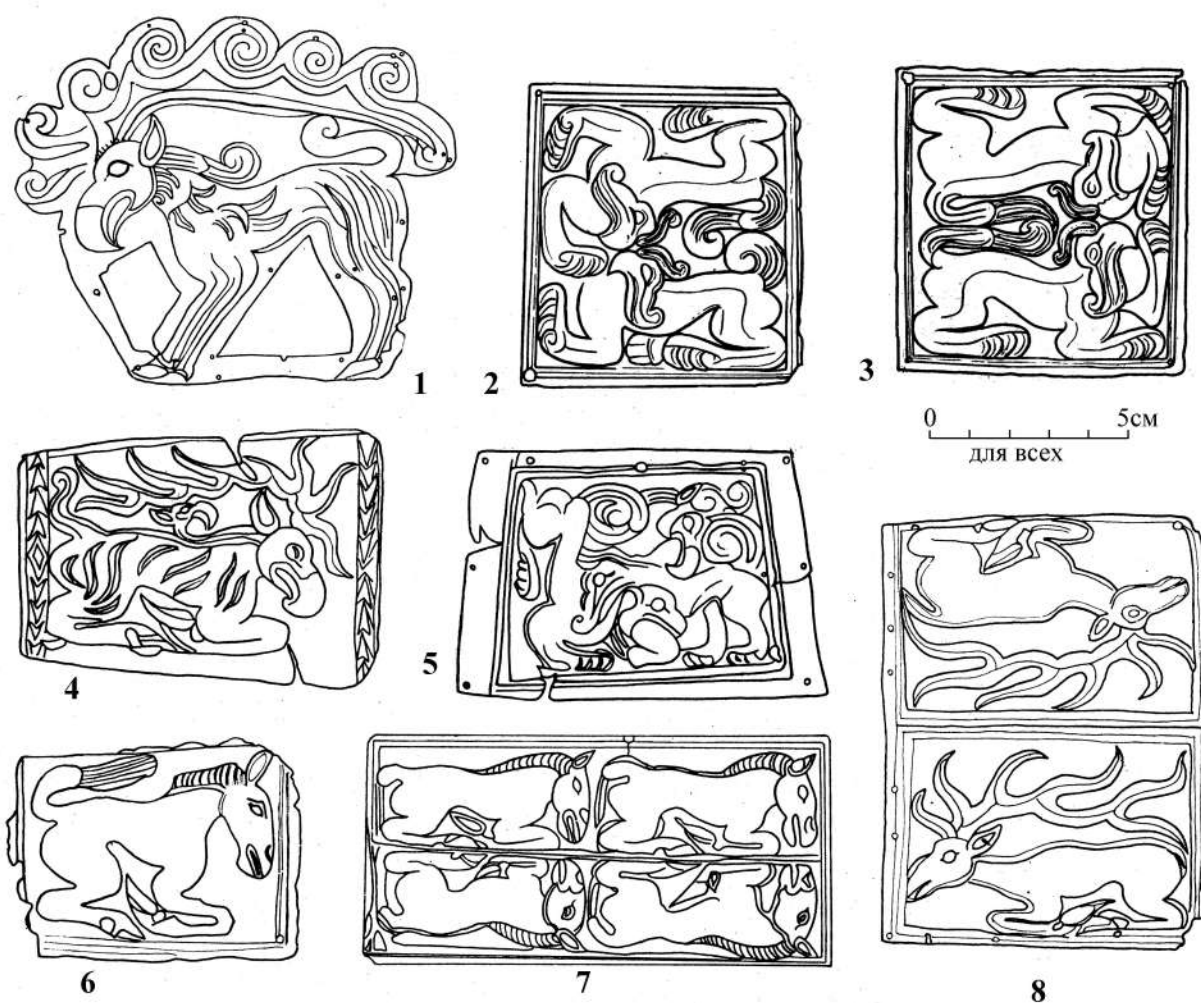

Рисунок 11. Памятники «культуры» таохунбала. Карта-схема расположения могильников Сигоупань и Суцзыгоу
(А). Золотые пластины с изображениями из могильника Сигоупань.

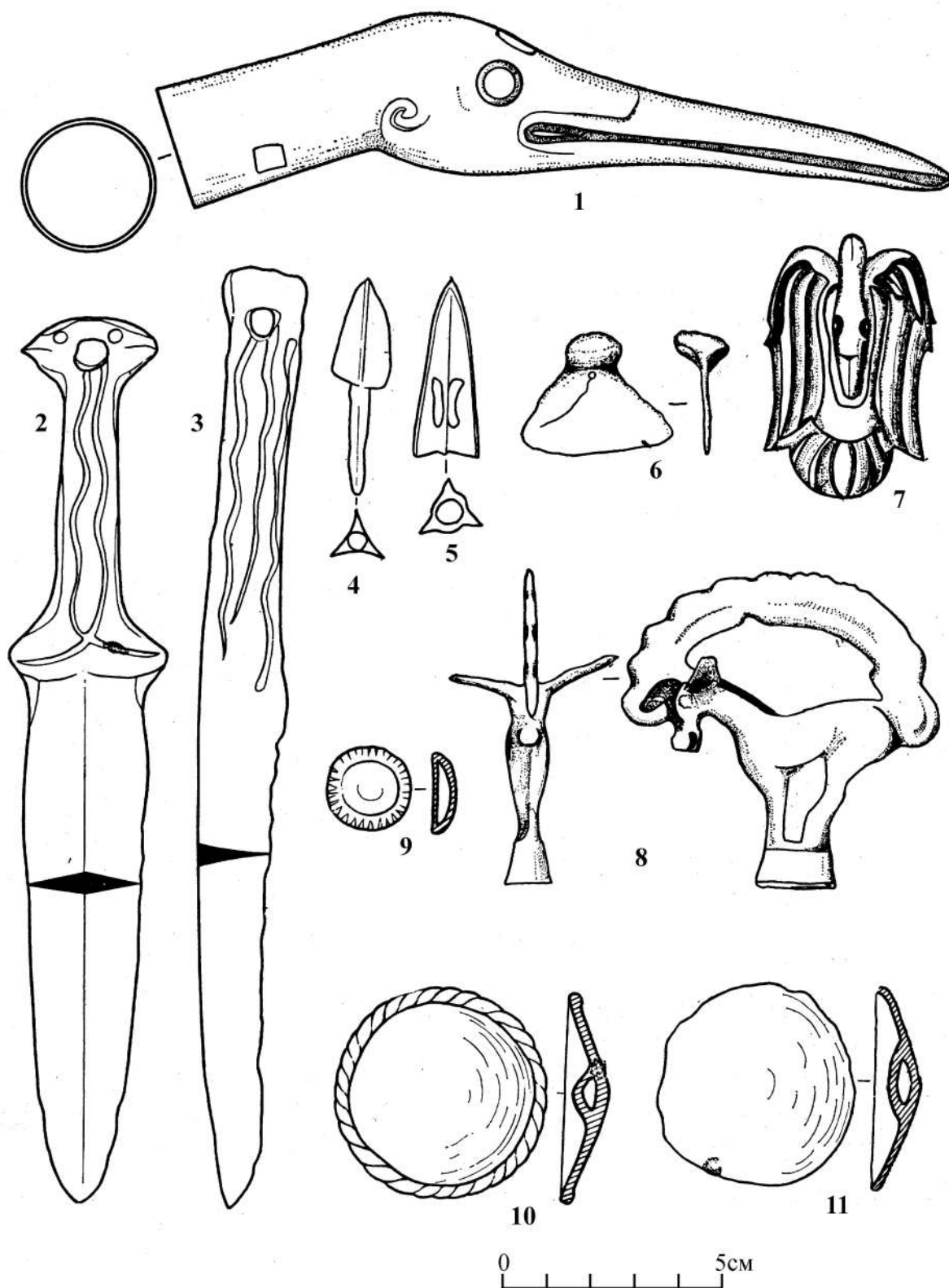

Рисунок 12. Памятники «культуры» таохунбала. Могильник Сигоупань.
Бронзовые изделия.

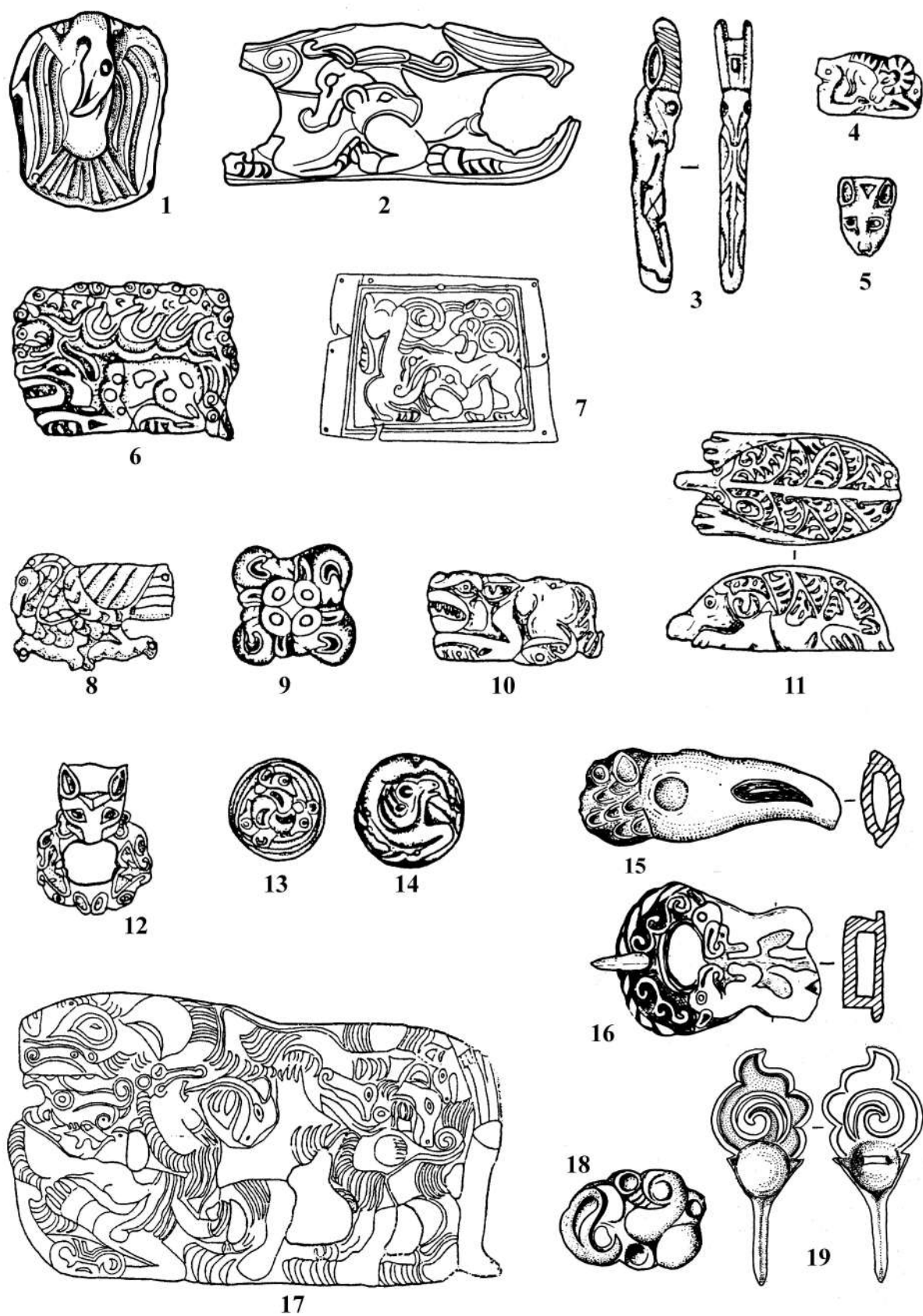

Рисунок 13. Памятники «культуры» таохунбала. Золотые украшения в зверином стиле.

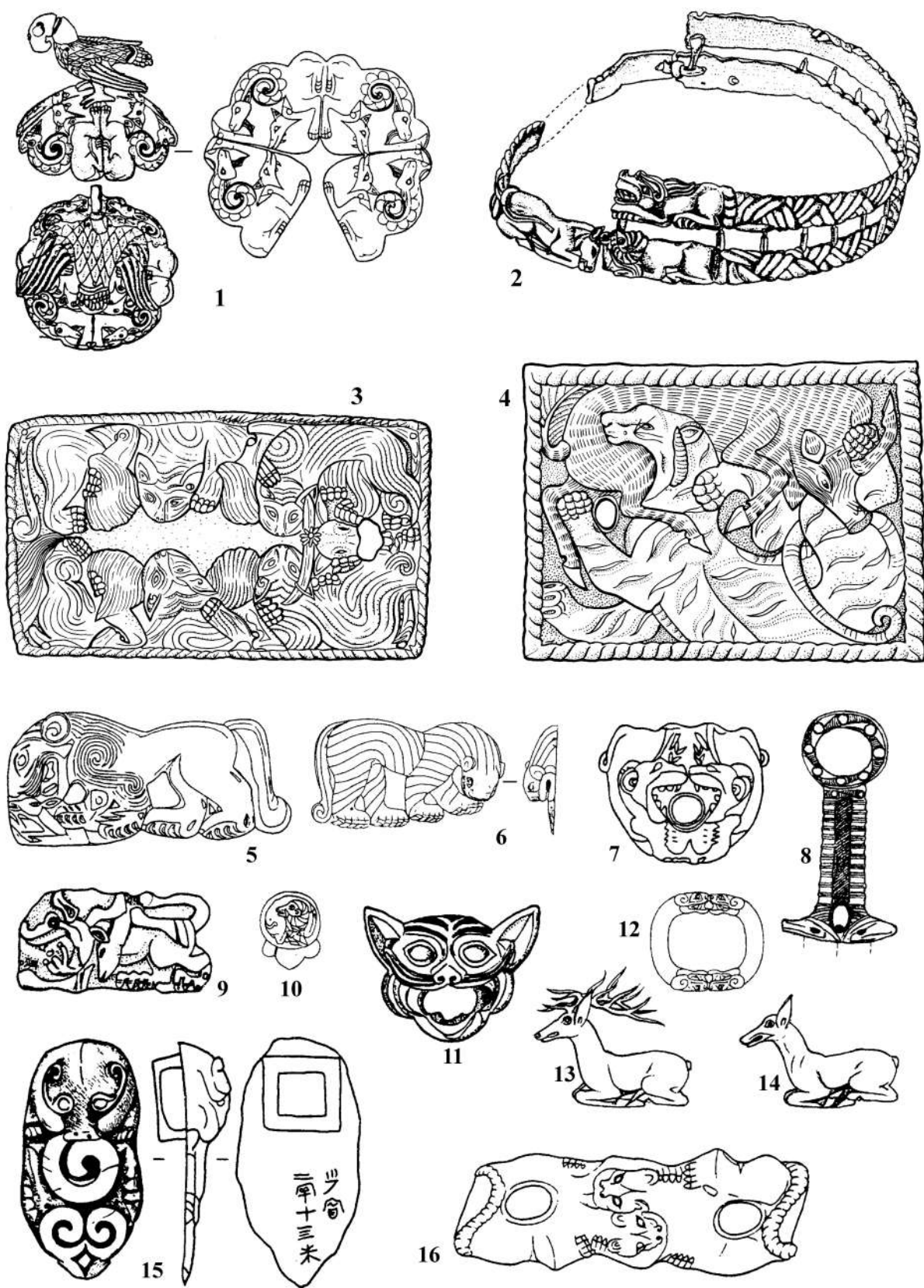

Рисунок 14. Памятники «культуры» таохунбала.

Предметы, украшенные в зверином стиле. Алучайдэн (1, 2, 9, 11), Шихуйгоу (3, 7, 16), Налингаоту (6, 8, 10, 12–14), Сигоупань (4, 15).

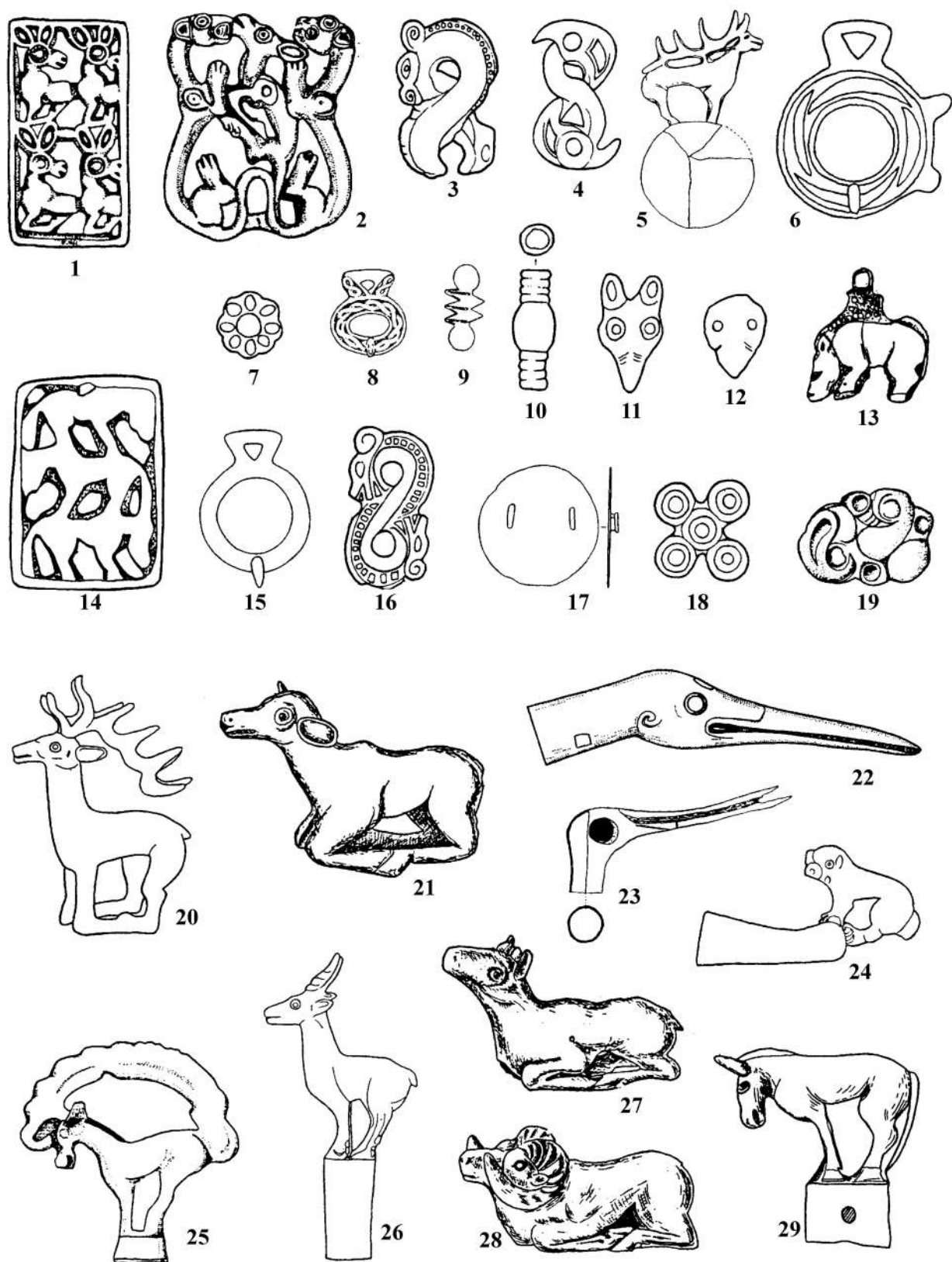

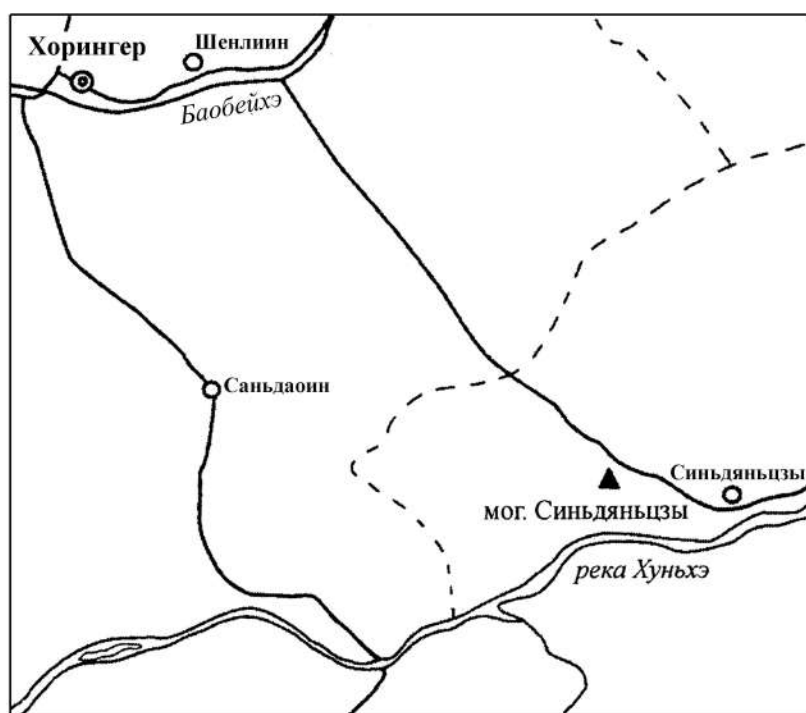
Рисунок 15. Памятники «культуры» таохунбала. Сводная таблица предметов звериного стиля.

1

2

3

Рисунок 16. 1 – Схема перемещения населения в VII–IV вв. до н. э. культур кочевников Монголии (а), верхнего слоя Сяцзядянь (б), юйхуанмяо (с), шацзин (д), янлан (е). 2 и 3 – расположение памятников Маоцингоу, Синьдяньцзы и др.

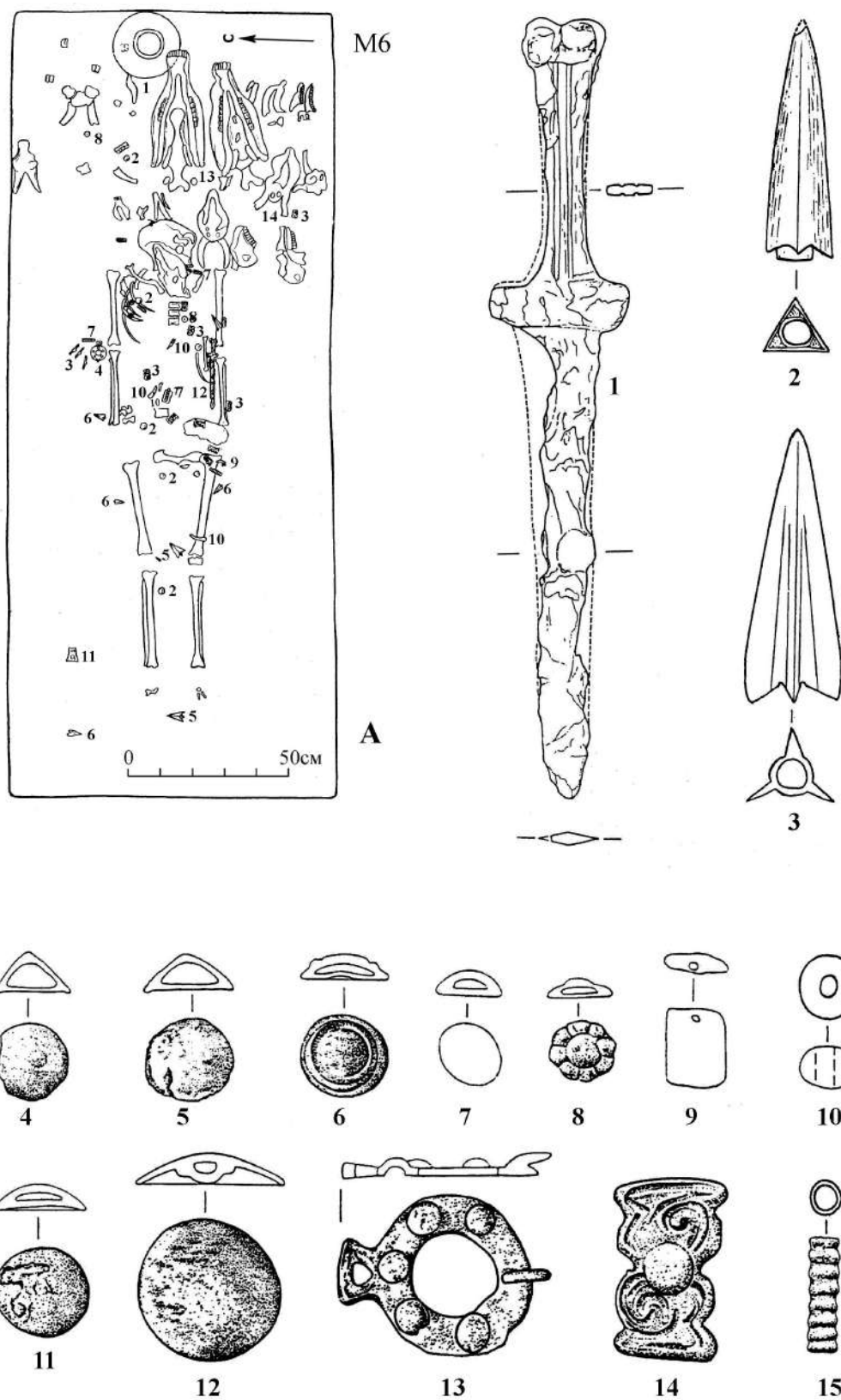

Рисунок 17. Культура маоцингоу. Могильник Маоцингоу. Могила М6.
План (А), инвентарь. Бронза – 3–8, 11–15; железо – 1; рог – 2.

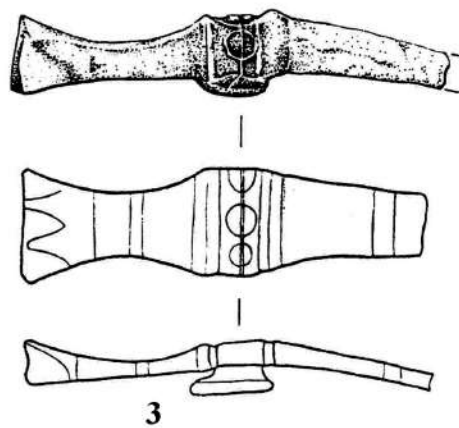
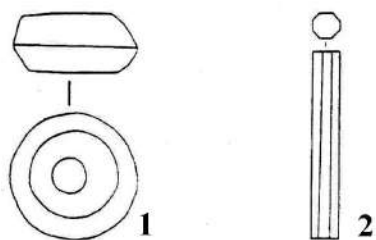
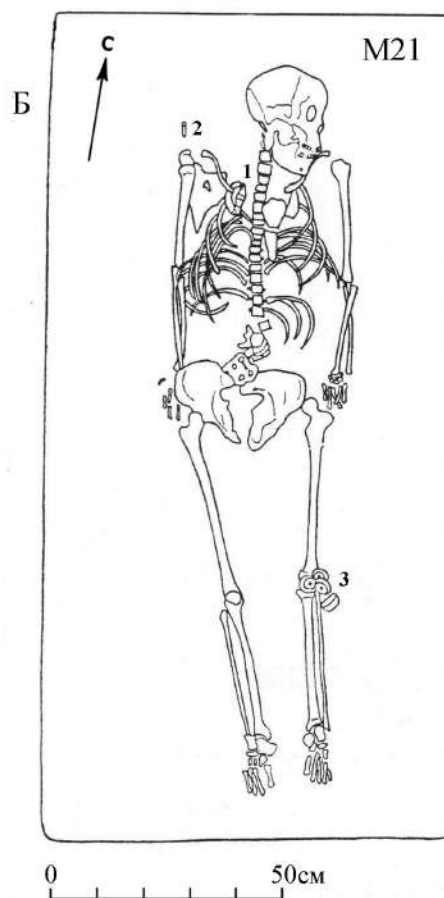
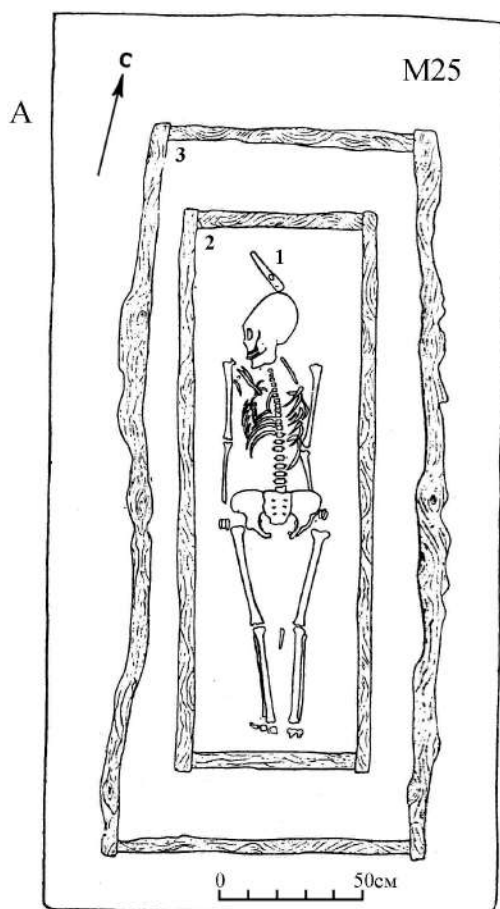

Рисунок 18. Культура маоцингоу. Могильник Маоцингоу.
Могилы с северной ориентацией умерших M25 и M21. Инвентарь из M21.

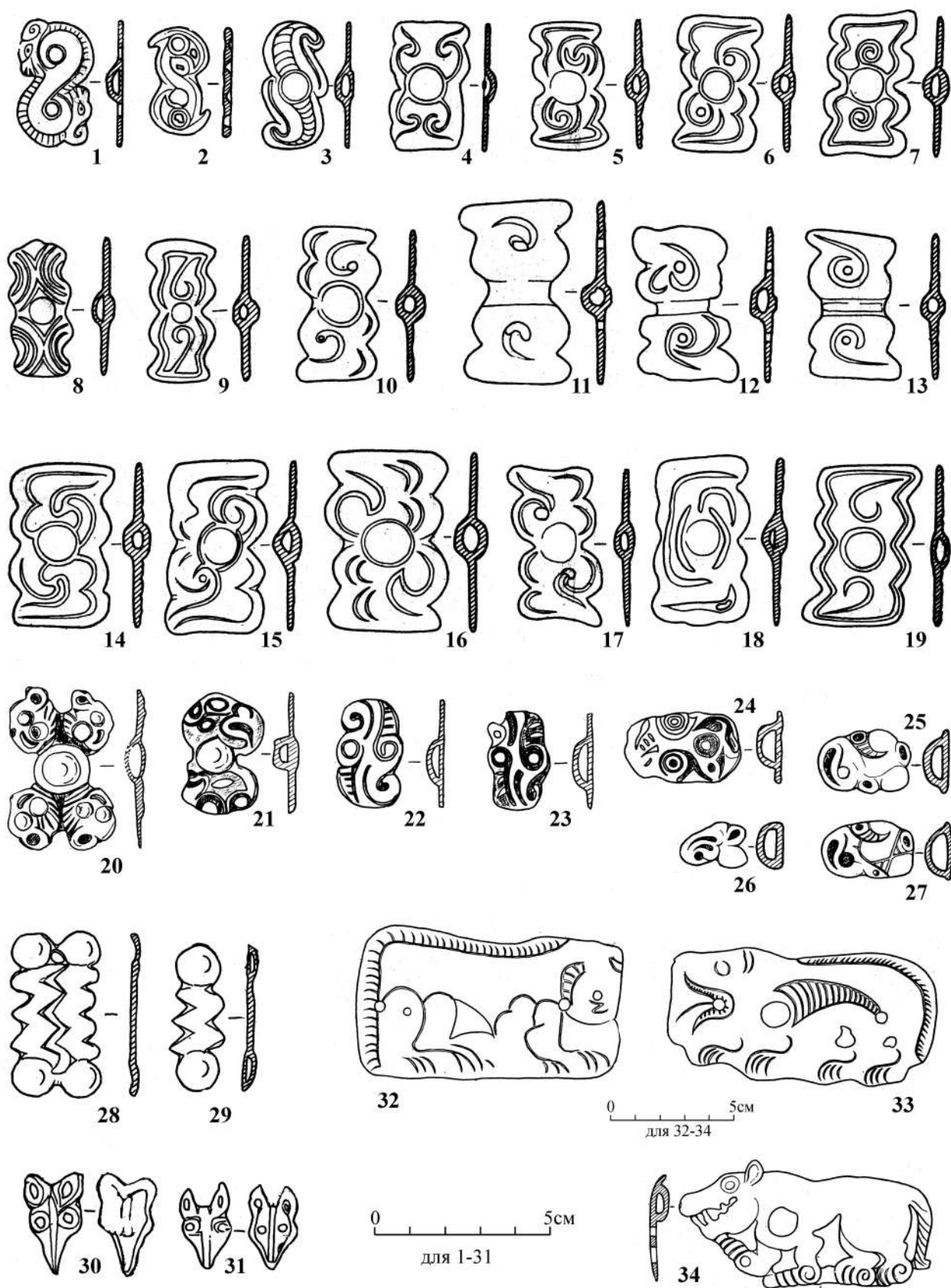

Рисунок 19. Культура маоцингоу. Поясная фурнитура из бронзы: бабочковидные бляшки и концевые бляхи.

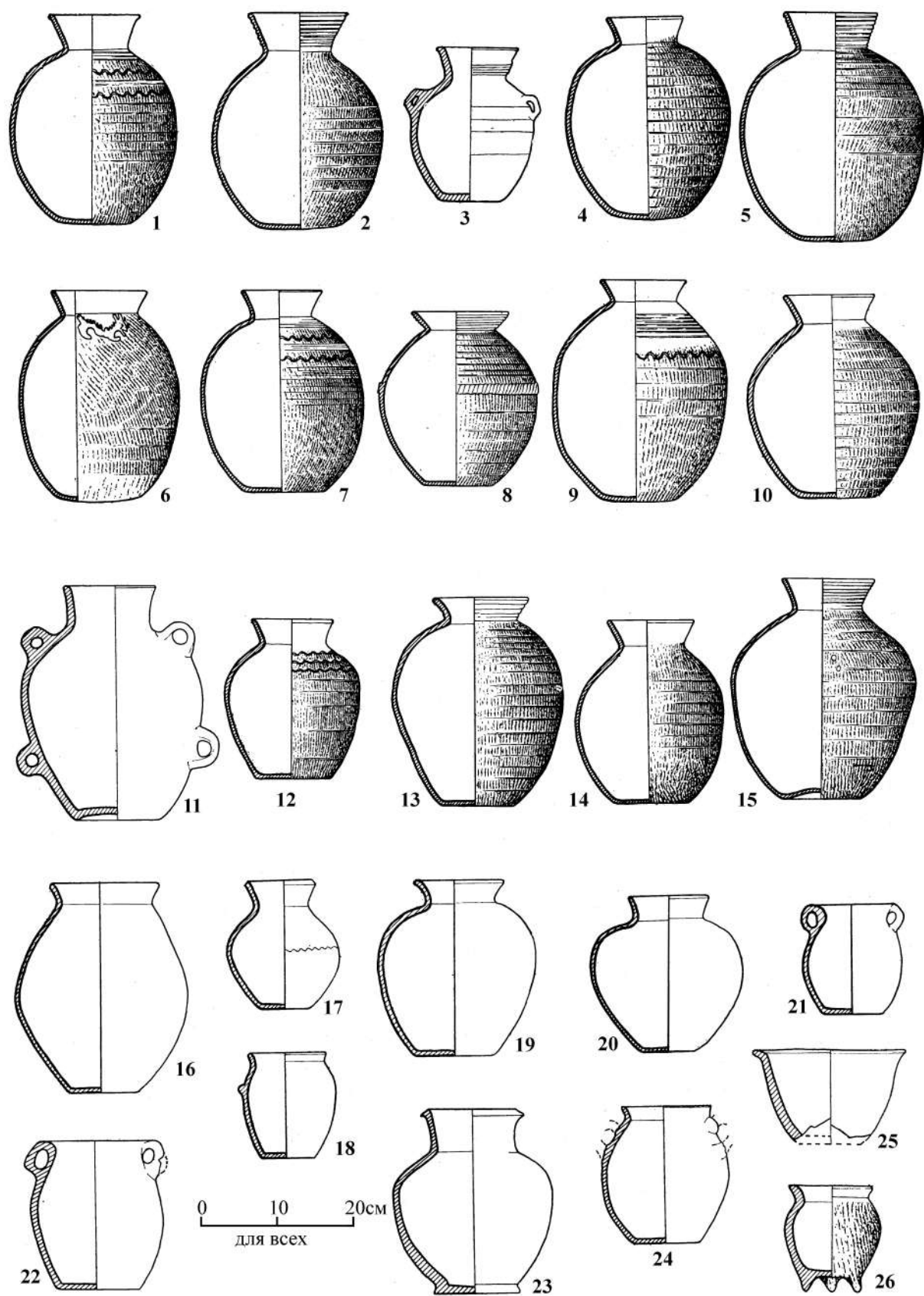

Рисунок 20. Культура маоцингоу. Керамические сосуды.

могильник (культура) Маоцингоу

могильник (культура) Юйхуанмяо

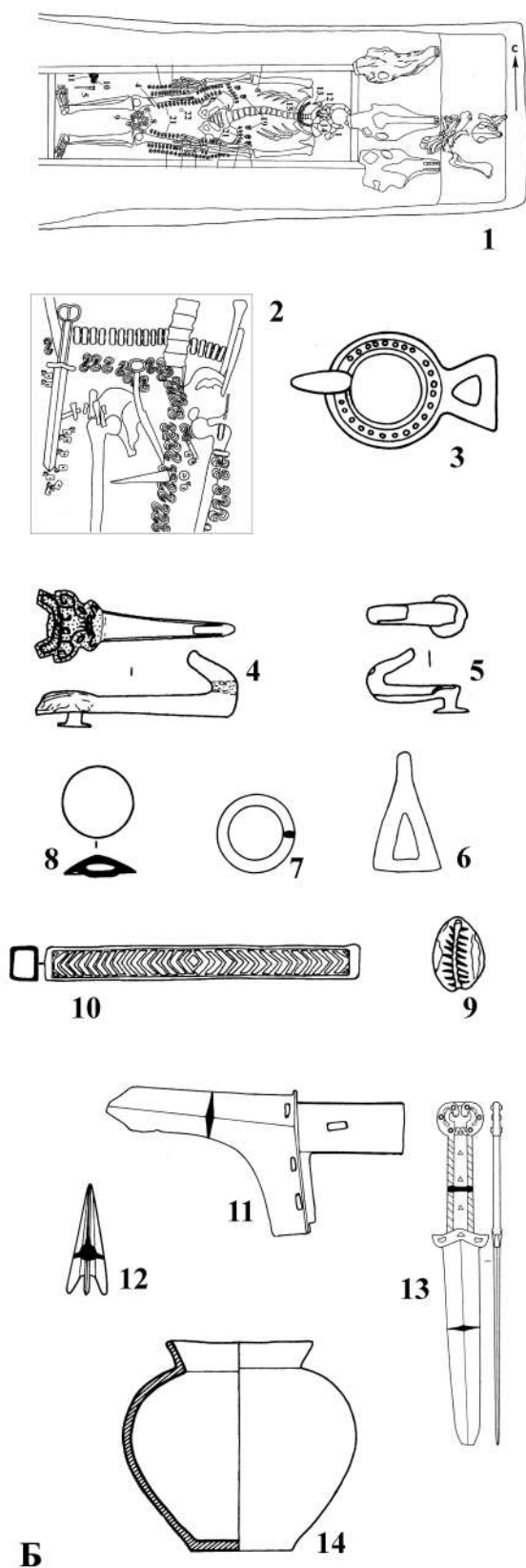
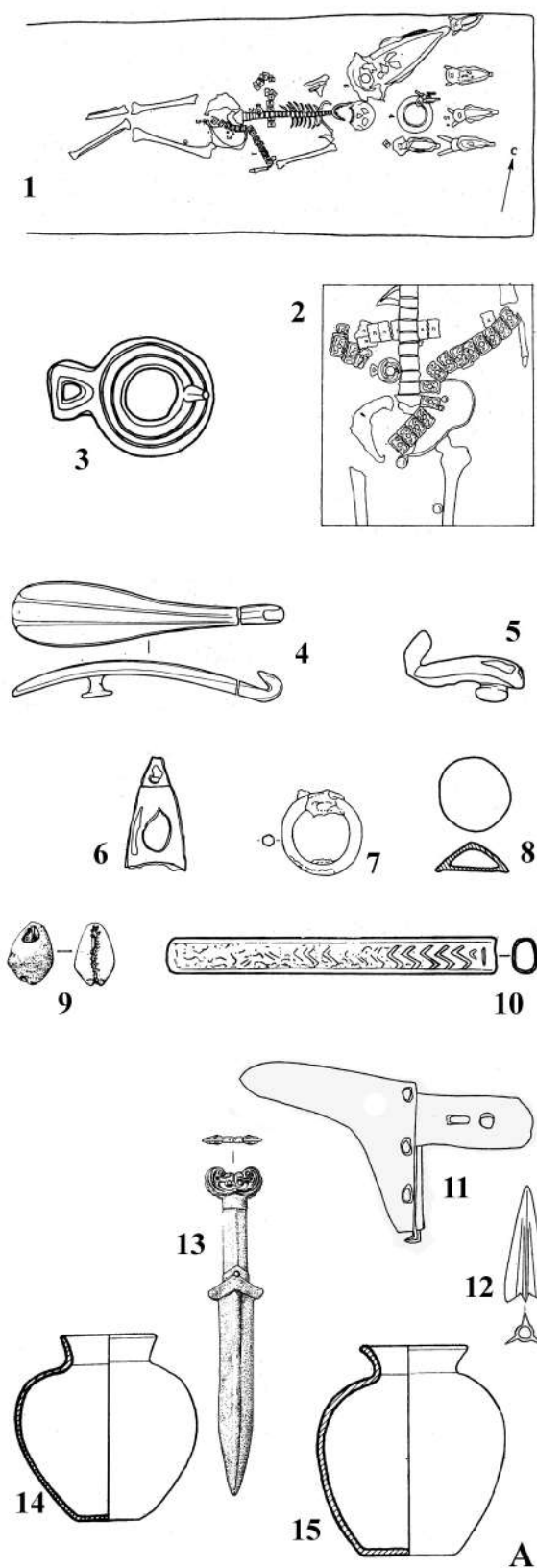

Рисунок 21. Сравнительная таблица погребального обряда и инвентаря из могильников Юйхуанмяо и Маоцингоу.

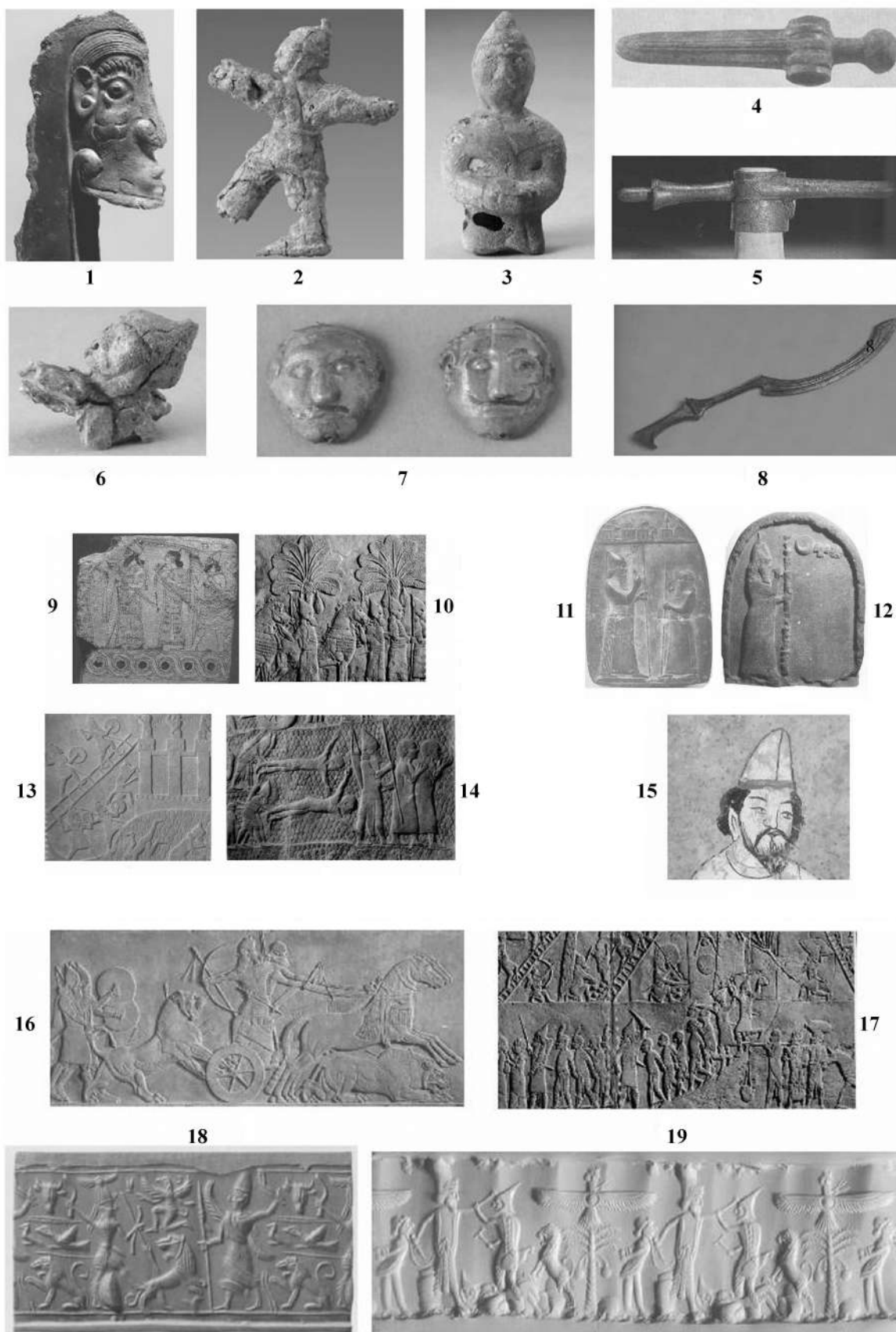

Рисунок 22. Материалы к разделу по древним ху, обитавшим в I тыс. до н. э. на территории Северного Китая.

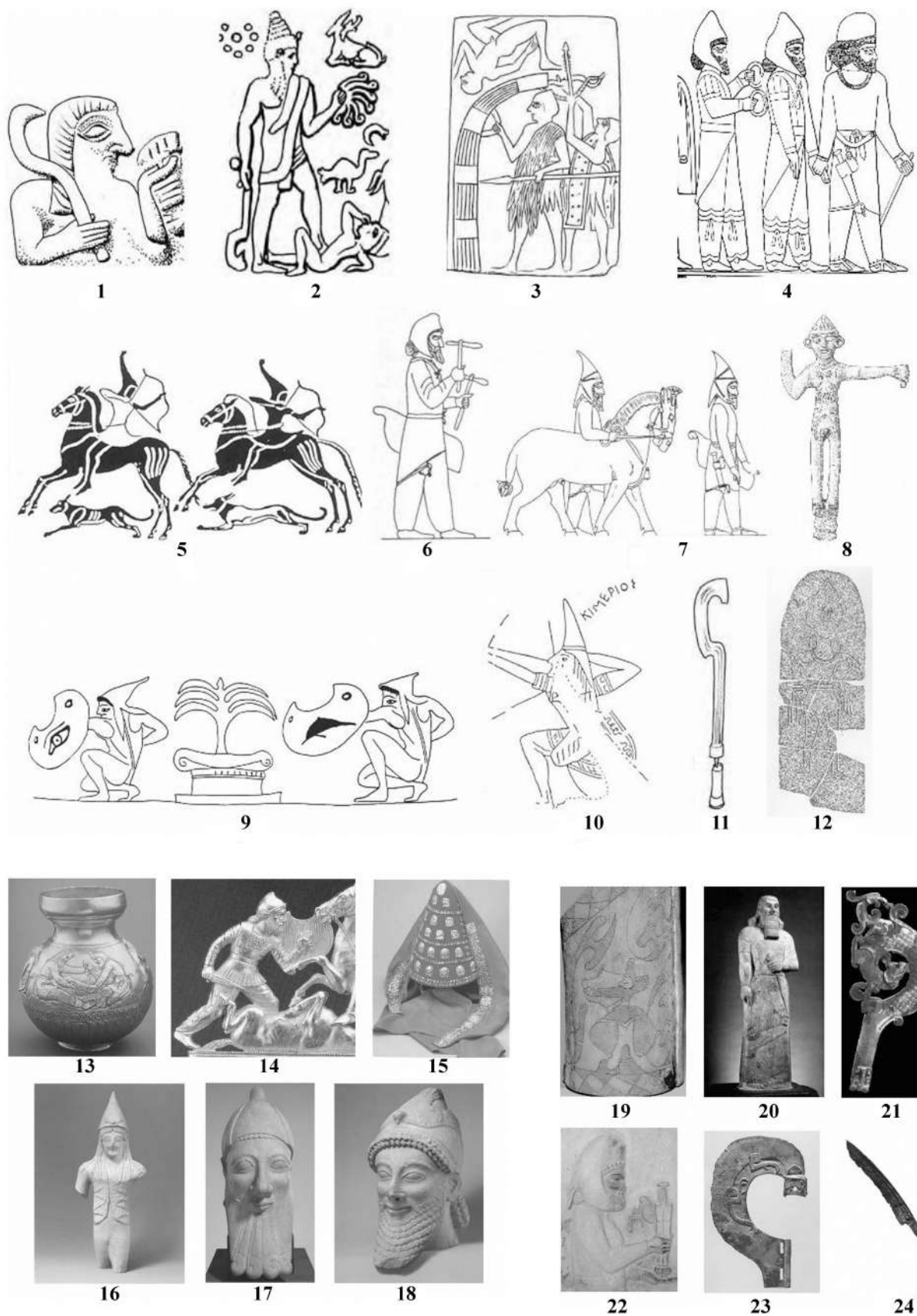

Рисунок 23. Материалы к разделу по древним ху, обитавших в I тыс. до н. э. на территории Северного Китая (в сравнении их с саками).

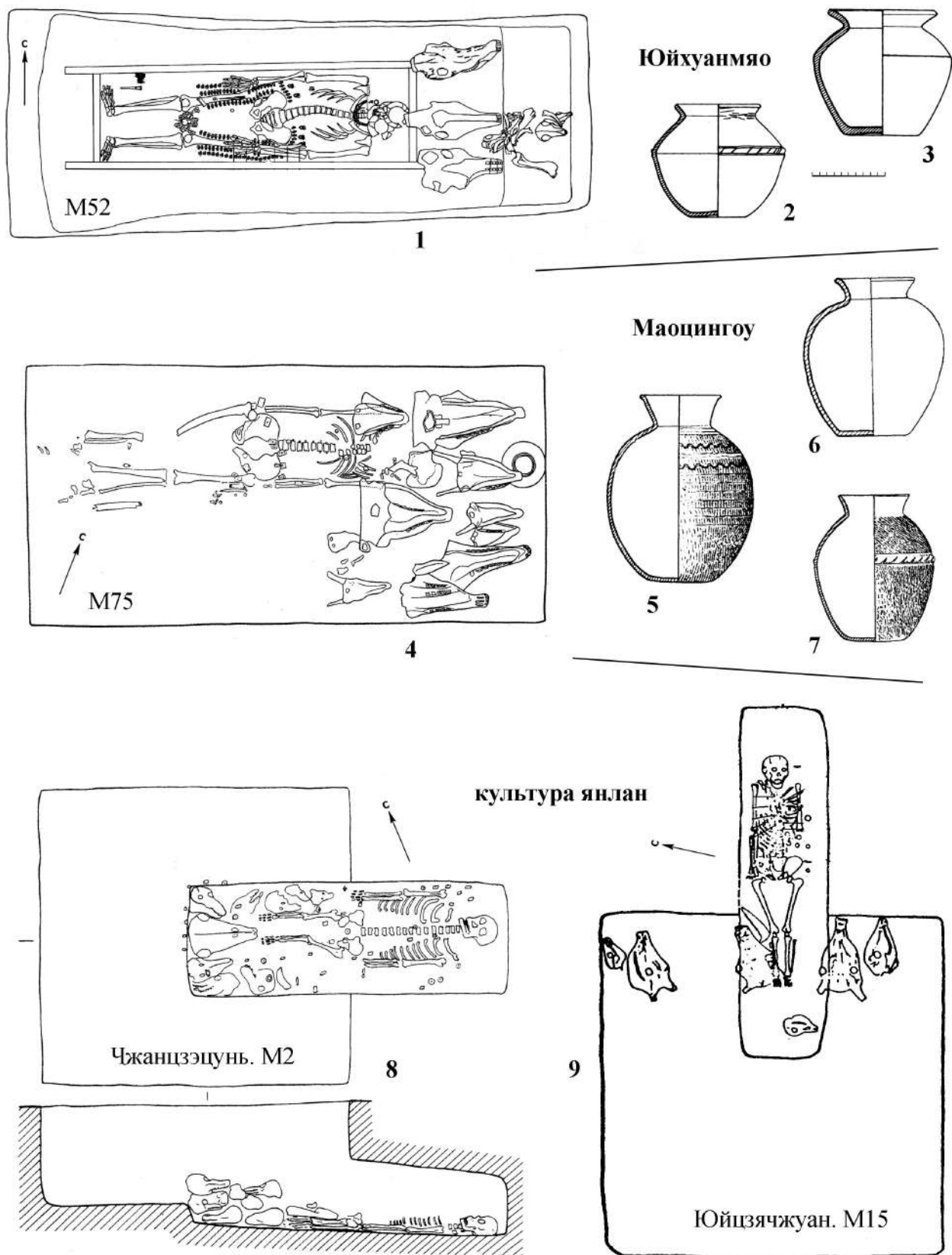
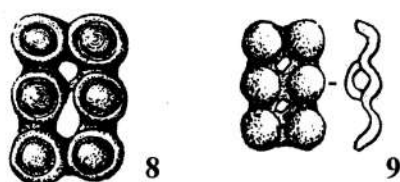
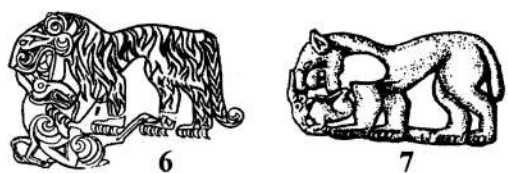
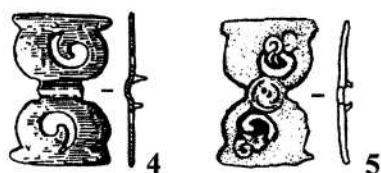
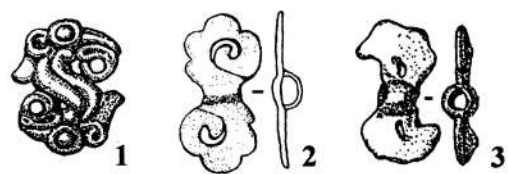

Рисунок 24. Планы погребений, типичных для культур юйхуанмяо, маоцингоу и янлан (1, 4, 8, 9). Керамические сосуды из могильников Юйхуанмяо (2, 3) и Маоцингоу (5–7).

Верхняя Обь, Алтай

Китай

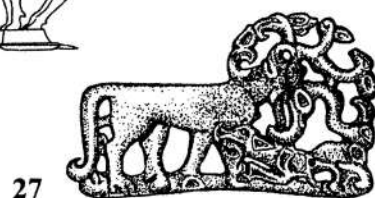
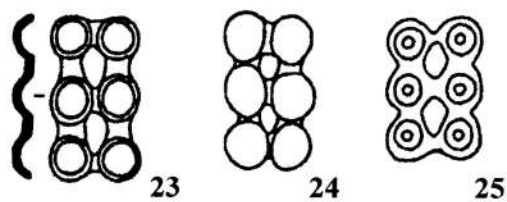
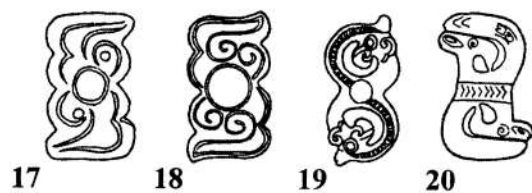

Рисунок 25. Сравнительная таблица деталей поясной фурнитуры (1–9, 12–25) и копытных грифонов (10, 11, 26–29).

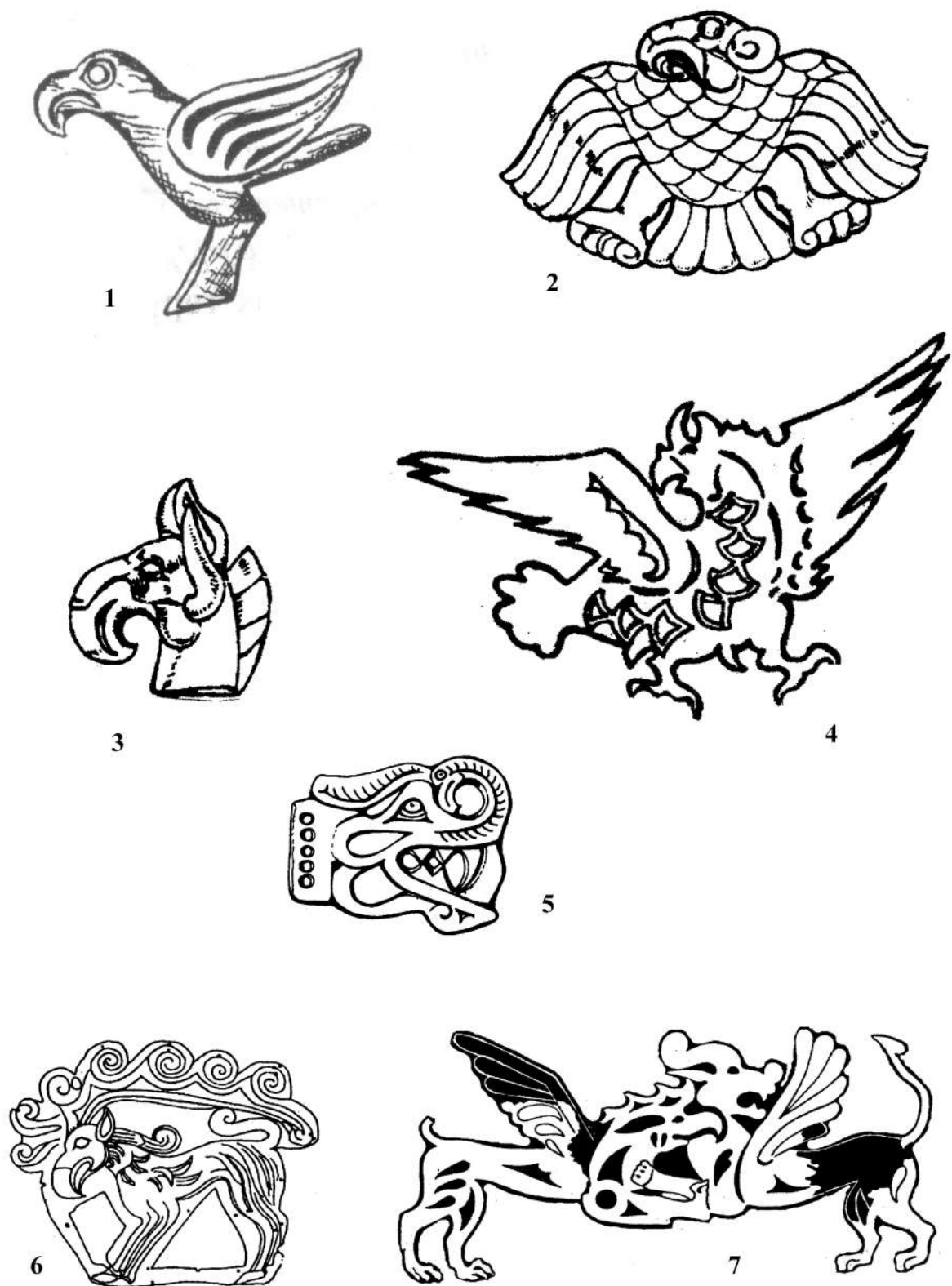

Рисунок 26.Классификация изображений орлов и грифонов.

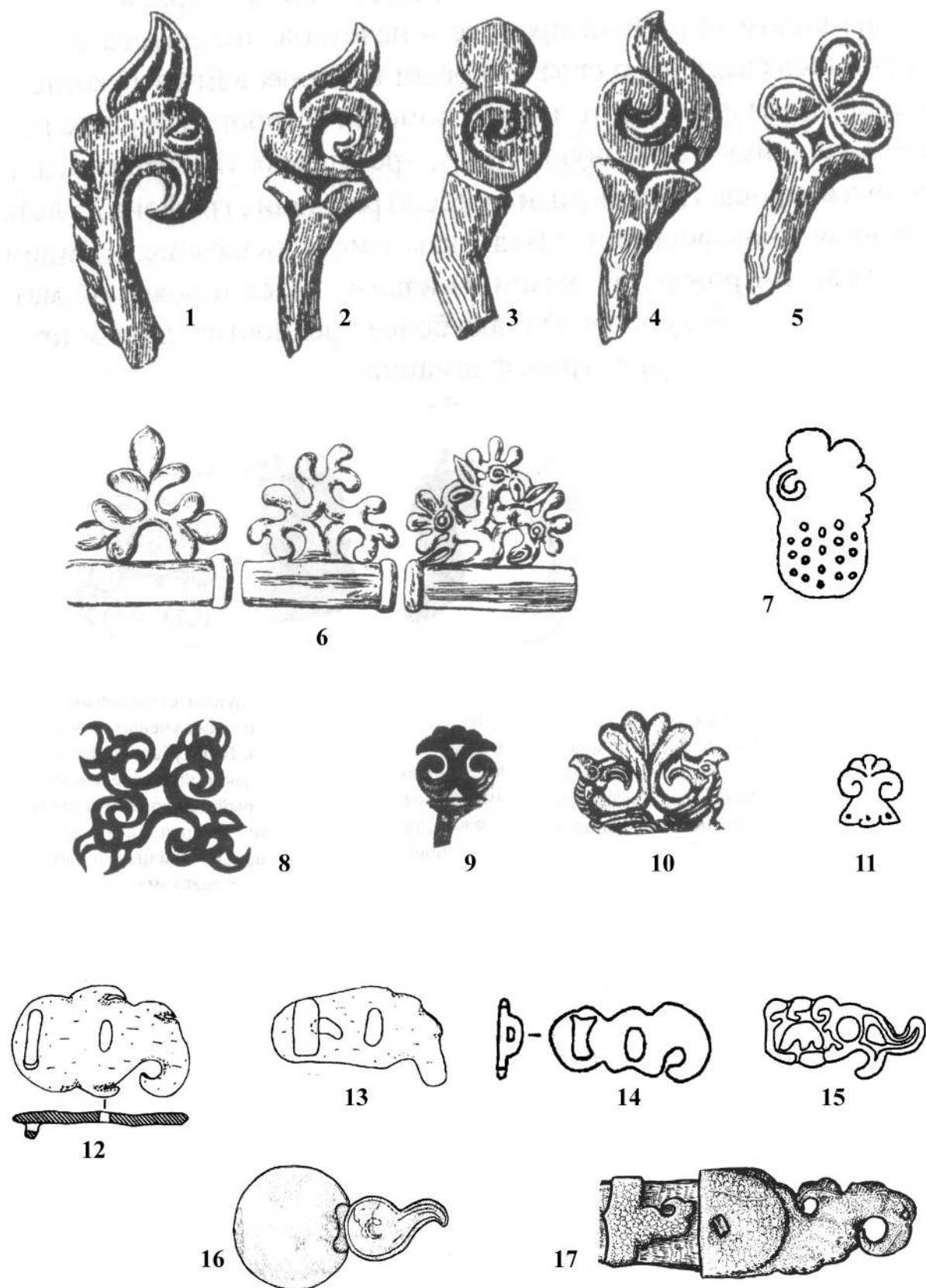
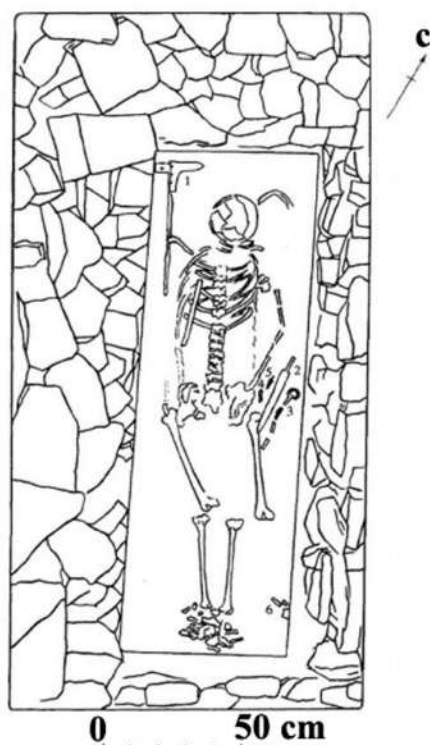
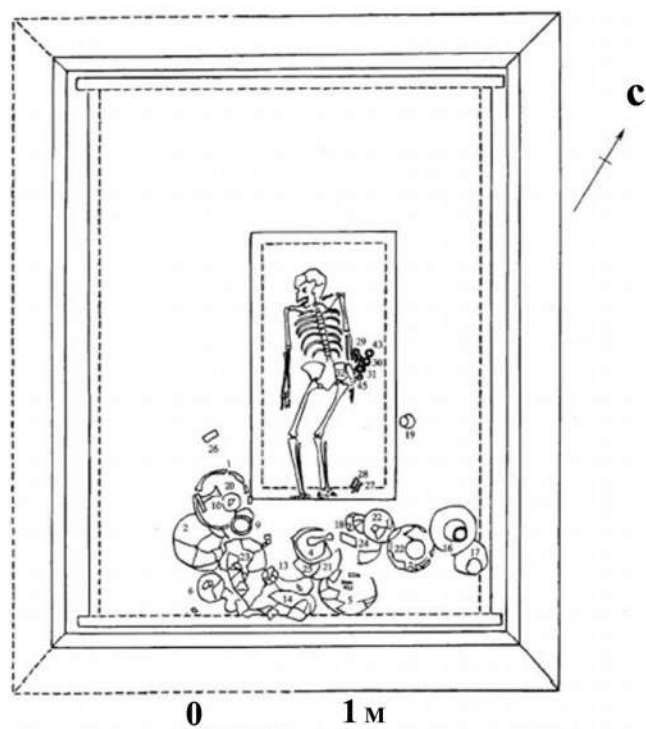

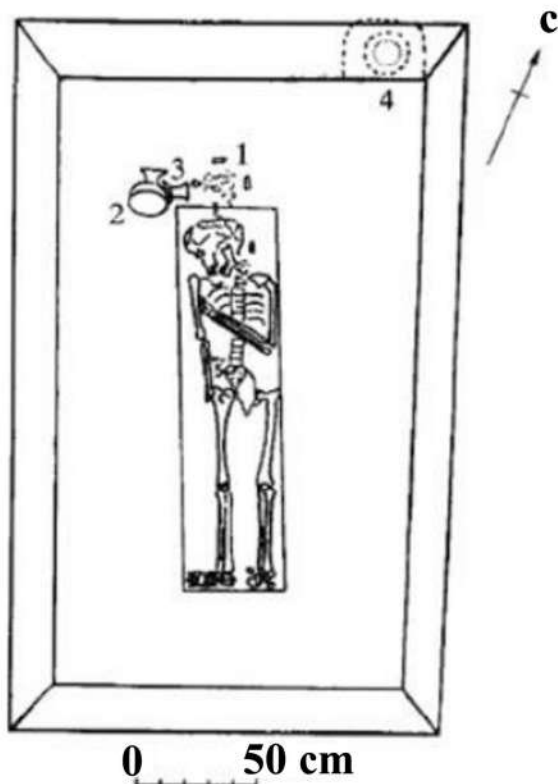
Рисунок 27. Стилизованные изображения орлов и грифонов из Южной Сибири и сопредельных территорий.

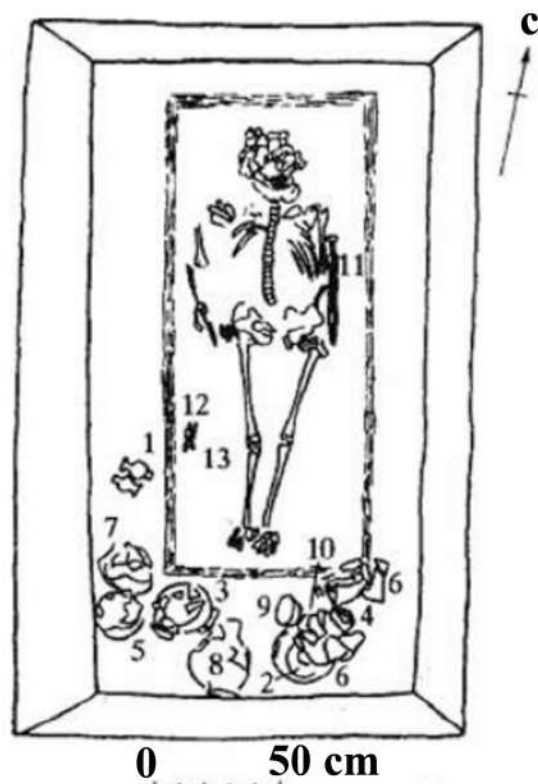
M 8003

M 8011

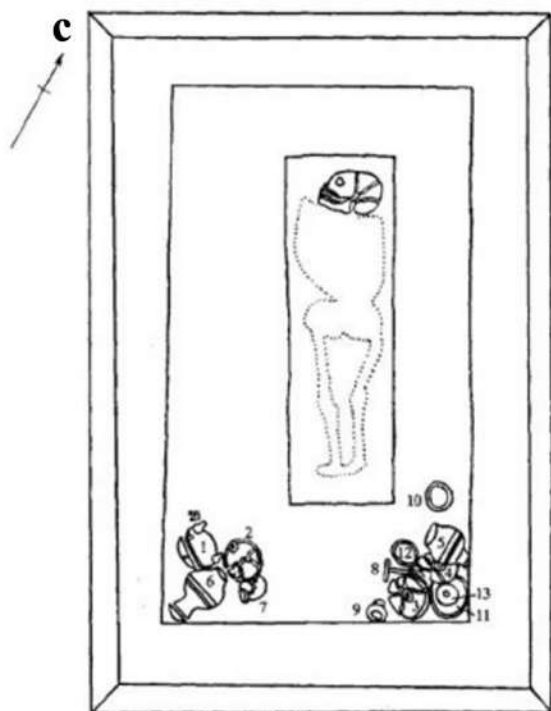

M 8009

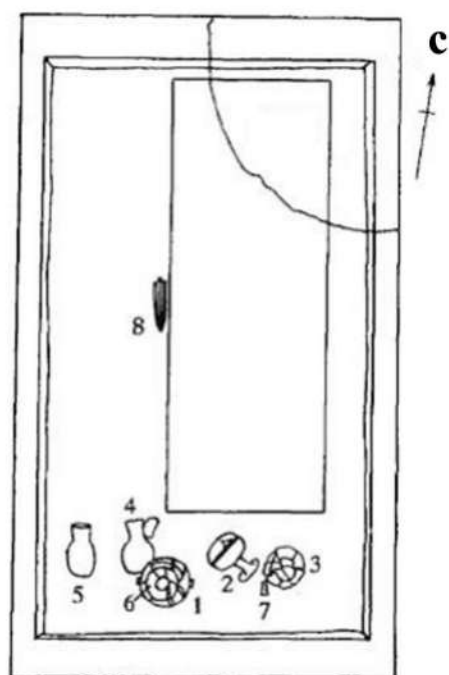
M 8012

Рисунок 28: планы чжуншаньский погребений M8003, M8011, M8009, M8012.

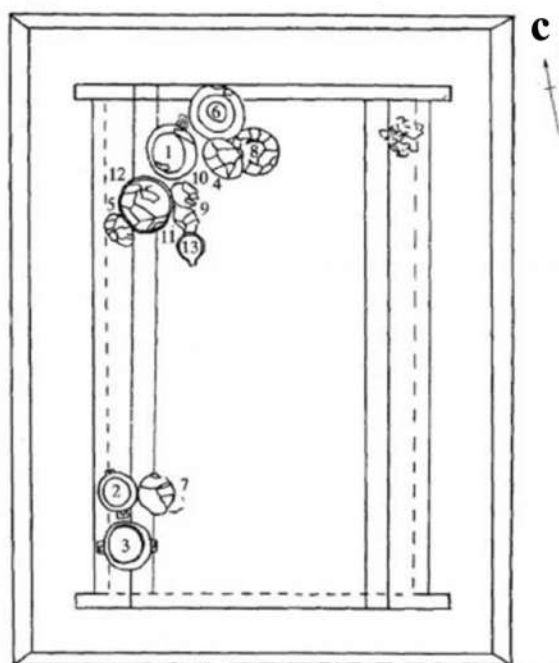
0 50 cm

M 8204

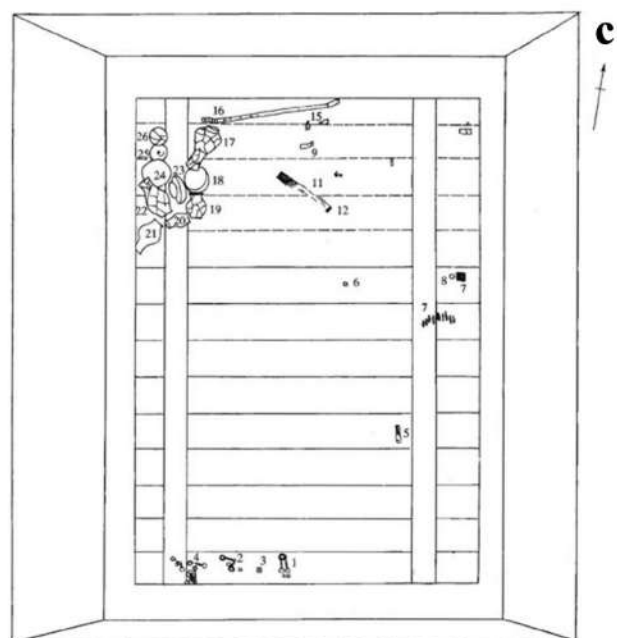
0 50 cm

M 8304

0 50 cm

M 8007

0 50 cm

M 8008

Рисунок 29: планы чжуншаньский погребений M8204, M8304, M8007, M8008.

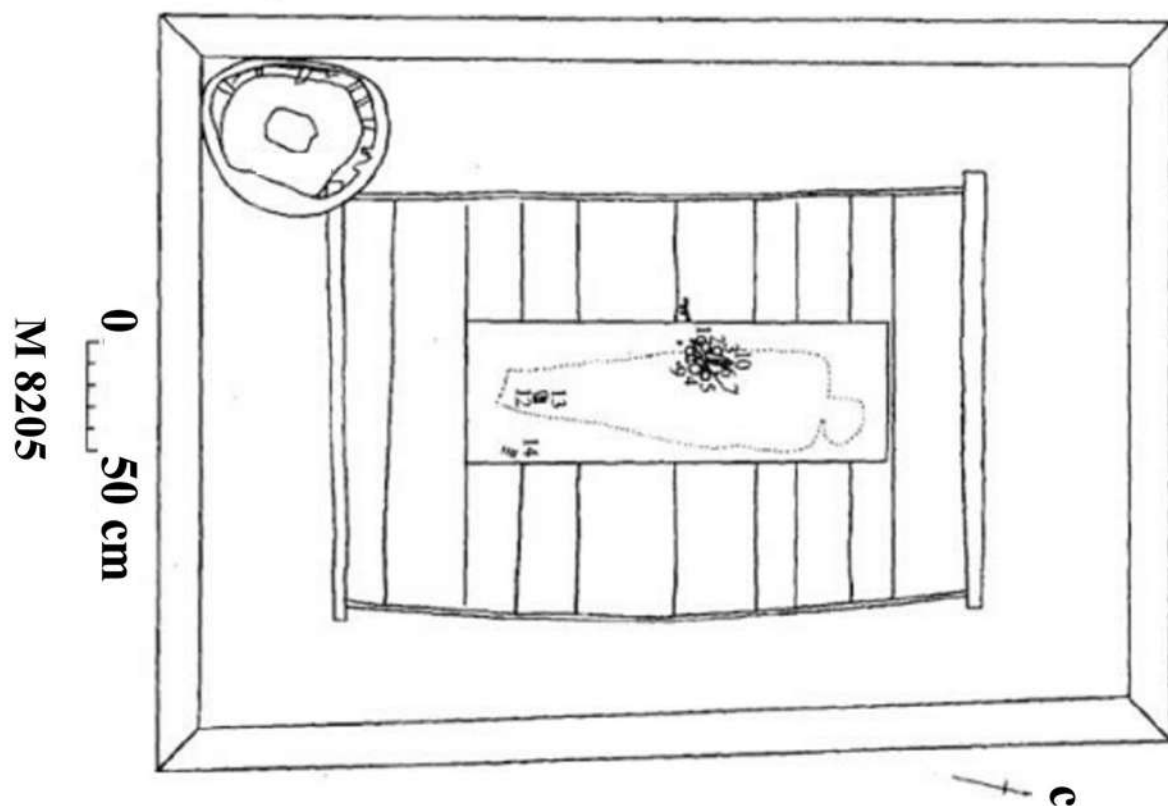
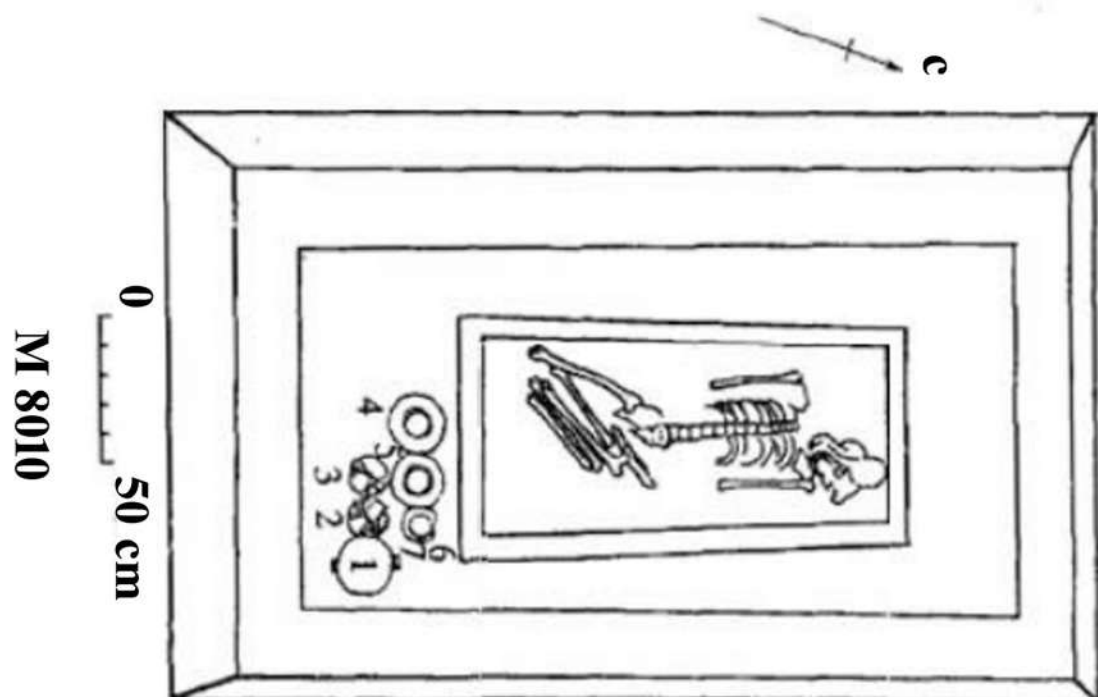

Рисунок 30: планы чжуншаньский погребений M8010, M8205.

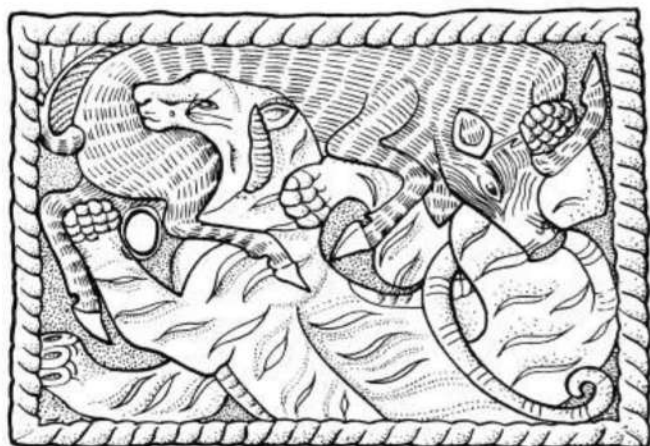
1

2

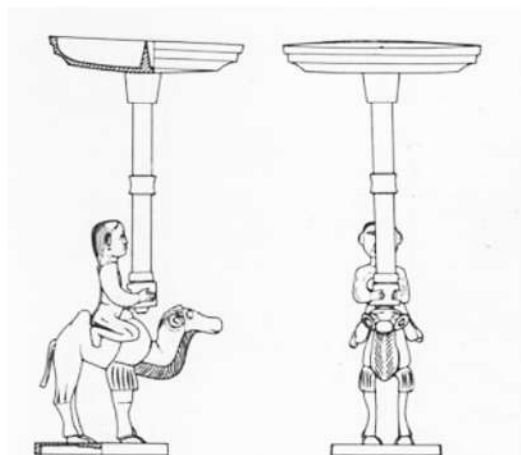
3

4

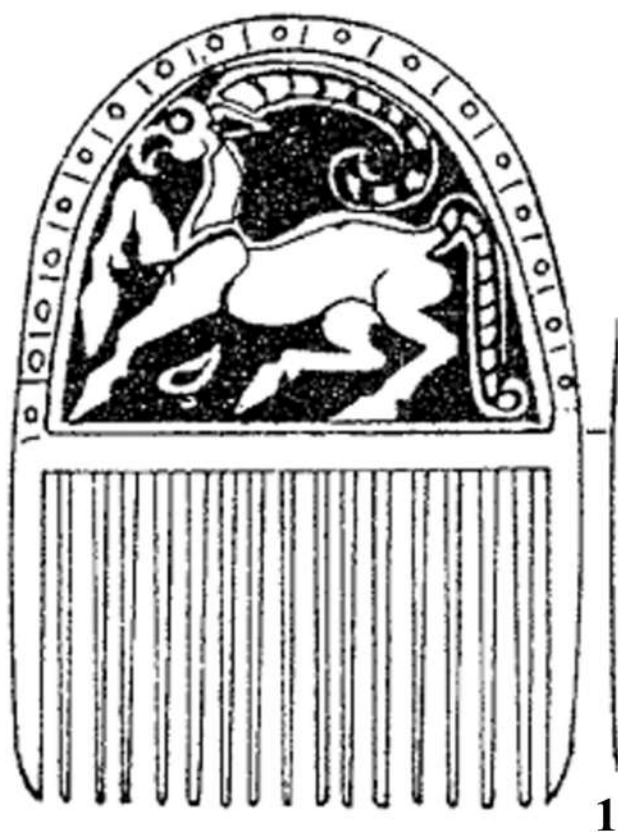

5

6

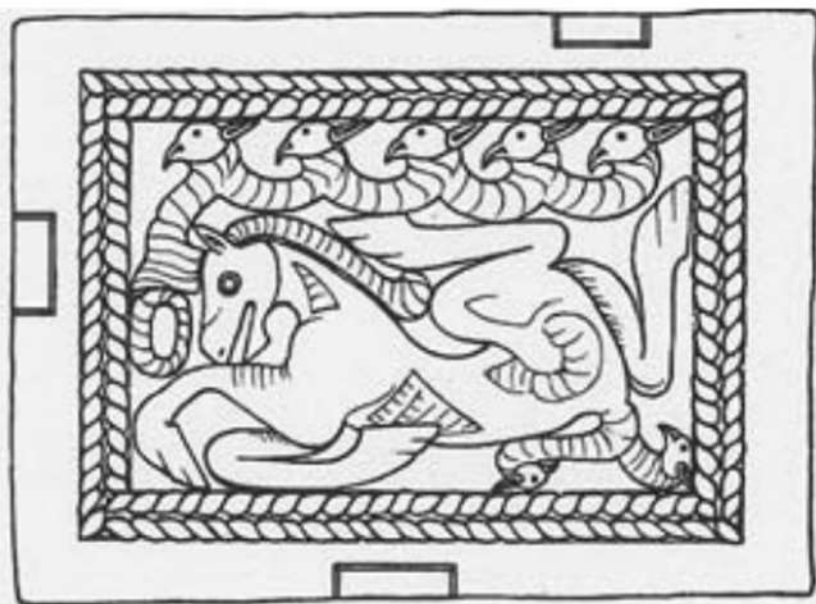
Рисунок 31: Сцены терзания на бляхах из Китая (1–4) и изображения верблюдов с наездниками (5–6).

1

2

3

4

5

Рисунок 32: Копытные грифоны центрального и Южного Китая IV–III вв. до н. э.

Алтай

Северный Китай

Дунхэйгоу (Синьцзян)

Рисунок 33: Копытные грифоны Саяно-Алтая, Северного Китая и Синьцзяна IV–III вв. до н. э.

1

2

Рисунок 34: 1 – трубящий кентавр, 2 – серебряное блюдо, найденное в волости Бэйтань пров. Ганьсу, в центре – фигура бога (вероятно, Диониса).

1

2

Рисунок 35: 1 – копьеносец – изображение на ткани,
2 – серебряная бляха из Двадцатого ноин-улинского кургана.

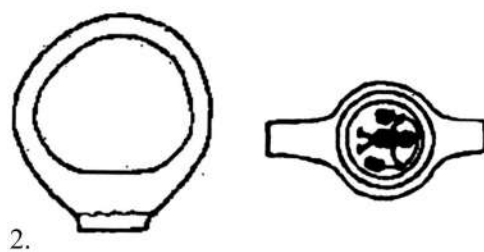

Рисунок 36: Серебряная позолоченная ваза и перстень из гробницы Ли Сяня и его жены.

1.

2.

Рисунок 37: керамический верблюд из погребения М21 могильника Маопо;
1 – вид слева, 2 – вид справа.

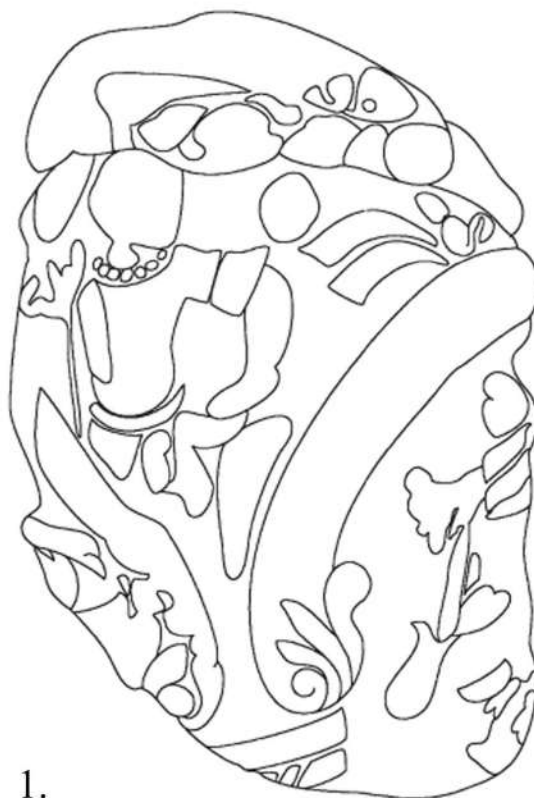

1.

2.

Рисунок 38: изображения на «мешках» по бокам керамической скульптуры верблюда из погребения М21 могильника Маопо.

1.

2.

Рисунок 39: изображения античных колонн коринфского ордера (1) и растительного орнамента (2) из погребения суйского Чжан Линя.

1.

2.

Рисунок 40: изображение хмельного божества и сопровождающих в окружении коринфских колонн; 1 – с «мешка» на боку керамического верблюда из собрания Метрополитен-музея, 2 – из погребения суйского Чжан Линя.

Рисунок 41: керамический верблюд из собрания Метрополитен-музея, Нью-Йорк; 1 – вид слева, 2 – вид справа.

Рисунок 42: Изображения всадников и бородатых героев-укротителей льва, саркофаг наложницы У.

1

2

3

Рисунок 43: Монеты греко-бактрийских царей с изображением Геракла на реверсе.

1

2

3

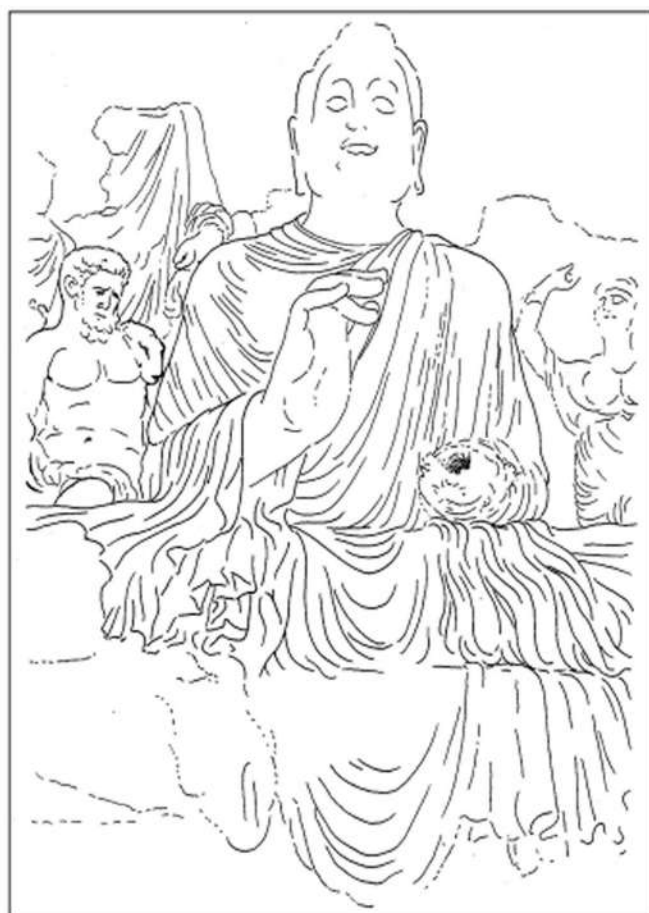

4

Рисунок 44: Образ Геркала в Азии, 1 – Хатра, Сирия; 2 – гроты Кызыл, Синьцзян; 3 – гроты Юйлинъ, пров. Ганьсу; 4 – Коммагена, север Передней Азии.

1

2

3

Рисунок 45: образы Геракла в Азии. 1 – искусство Гандхары, скульптура выставлена в Британском Музее; 2 – Тапа-Шотор, Хадда, Афганистан; 3 – искусство Гандхары, скульптура из коллекции Института изучения Шёлкового пути, Камакура, Япония.

1

2

Рисунок 46: 1 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Феодила (музейный экспонат), 2 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Романа III (музейный экспонат).

1

2

Рисунок 47: 1 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Константина IX (музейный экспонат),
2 – найденная (вероятно) в Китае монета императора Михаила VII (музейный экспонат).

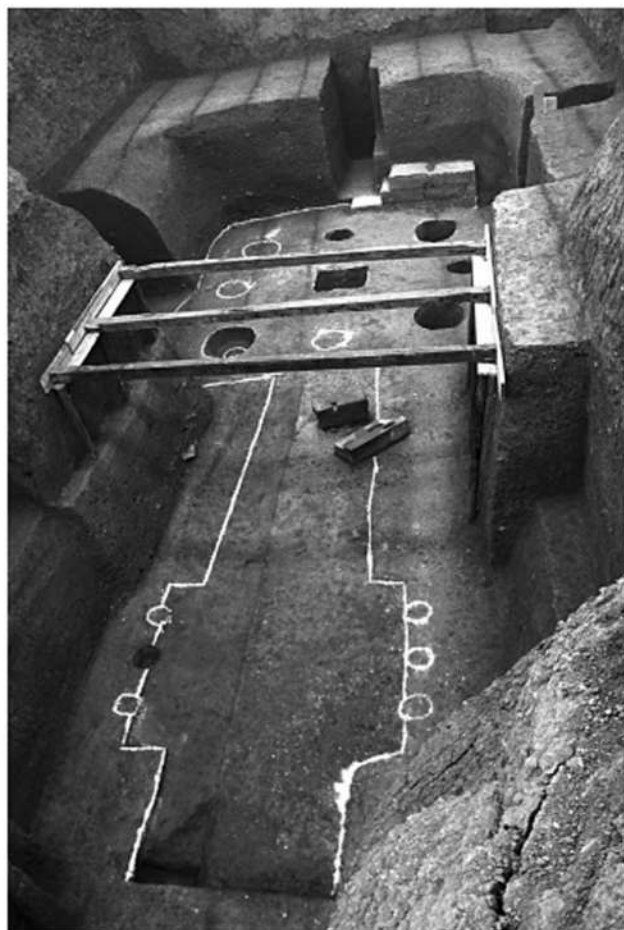
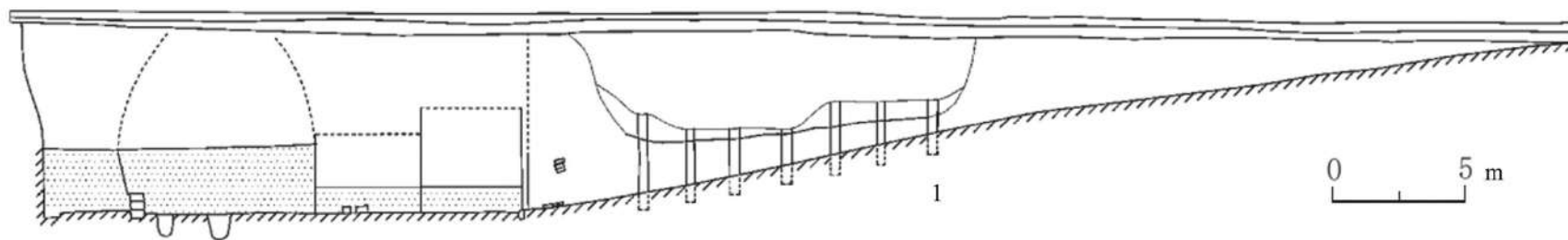

Рисунок 48: гробница в окрестностях г. Лоян (вероятно, погребение императора Северной Вэй Цземинь-ди), откуда происходит монета императора Анастасия I (1 – разрез с масштабом, 2, 3 – общий вид).

1

2

Рисунок 49: 1 – найденная в Китае монета императора Юстиниана (могила Кан Е),
2 – найденная в Китае монета императора Анастасия I
(г. Лоян, вероятно, погребение императора Северной Вэй Цземинь-ди).

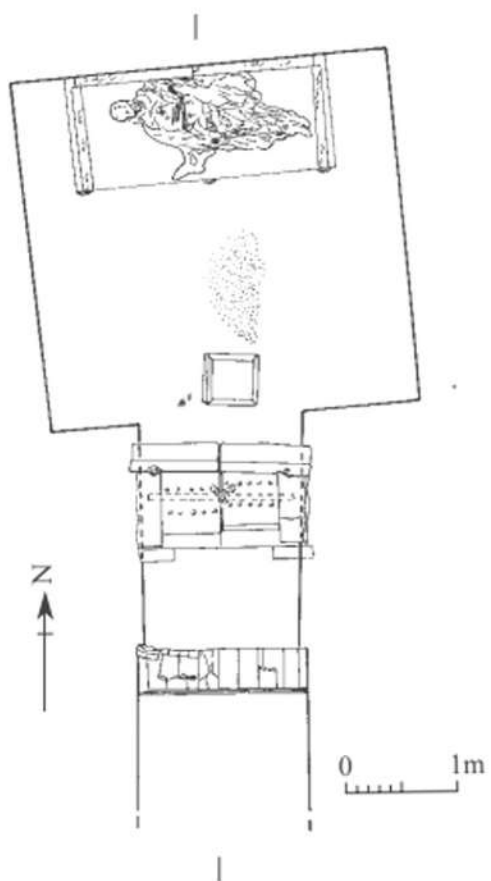

Рисунок 50: гробница Кан Е в окрестностях г. Сиань, 1 – вид сверху с масштабом.

1

2

3

Рисунок 51: копии солида Анастасия I. 1 - брактеат, найденный в районе г. Сиань; 2 - аверс качественной копии из г. Лоян; 3 – реверс качественной копии из г. Лоян.

1

2

3

4

Рисунок 52: имитации ромейских монет из погребений клана Ши, исследованных в Нинся-Хуэйском АР. 1 – из погребения Ши Сояня; 2 – из погребения Ши Хэдяня; 3 – из погребения Ши Тебана; 4 – из погребения Ши Даодэ.

Рисунок 53: ромейские монеты и их имитации из тюркской гробницы в Байаннууре, аймак Булган, Монголия.

Рисунок 54: карта КНР с указанием количества найденный на территории каждого региона ромейских монет.

Рисунок 55: 1, 2 – монеты Константа II, вероятно, найденные на территории КНР (музейный экспонат).

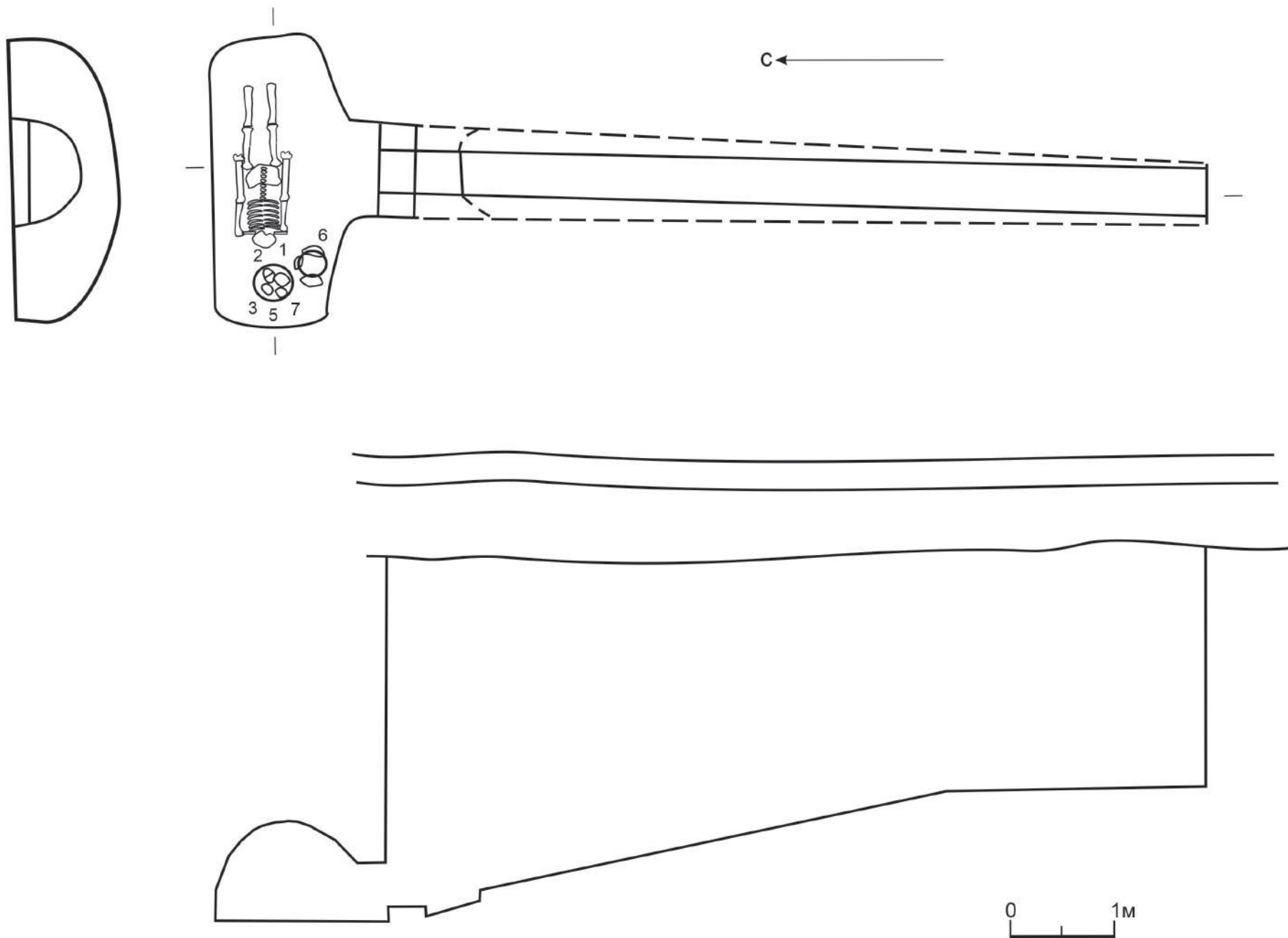

Рисунок 56: План погребения 2004YKJM4 (могильник Цзюлуншань).

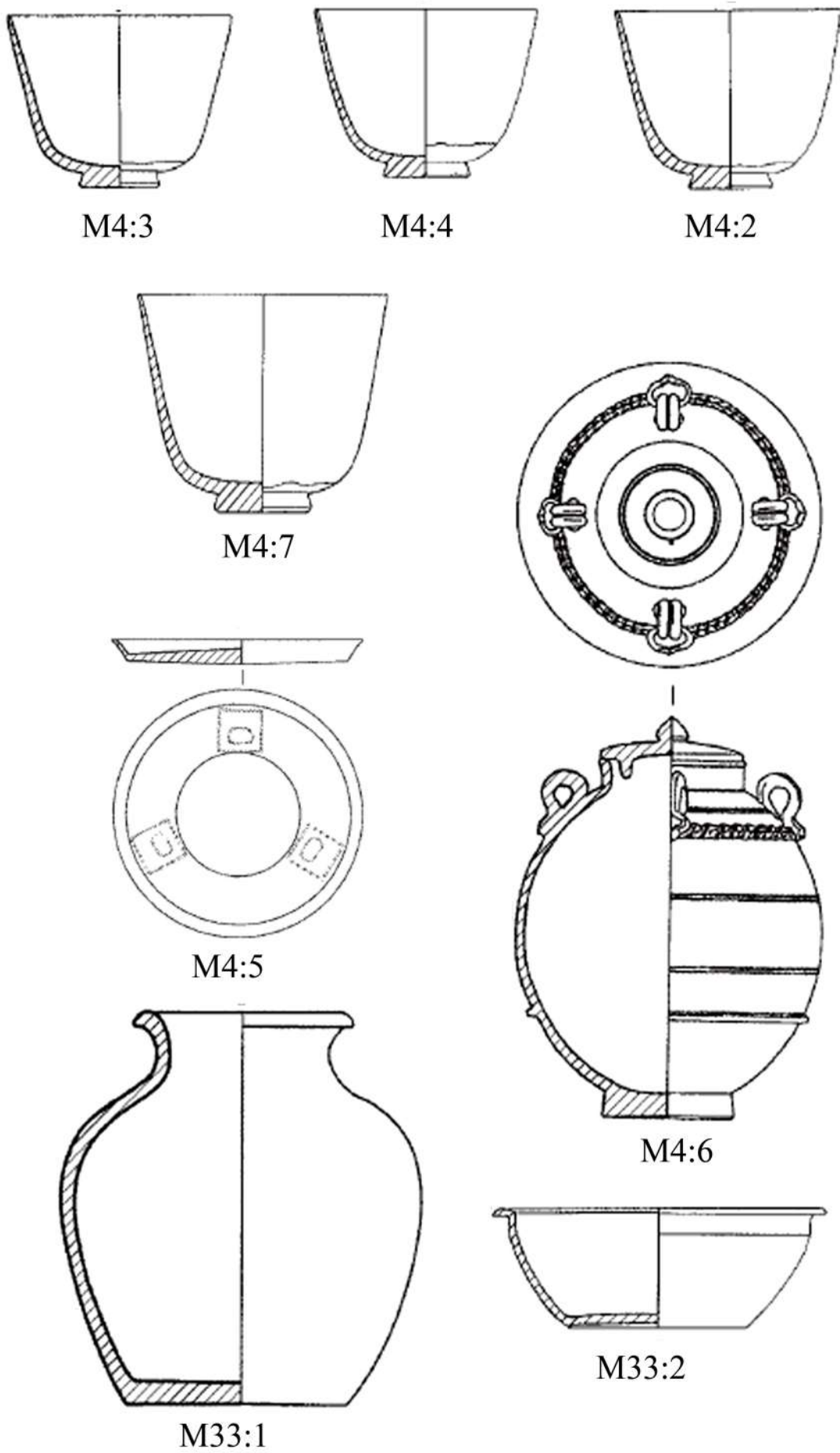

Рисунок 57: Керамические и фарфоровые изделия из погребений М4 и М33 могильника Цзюлуншань.

А

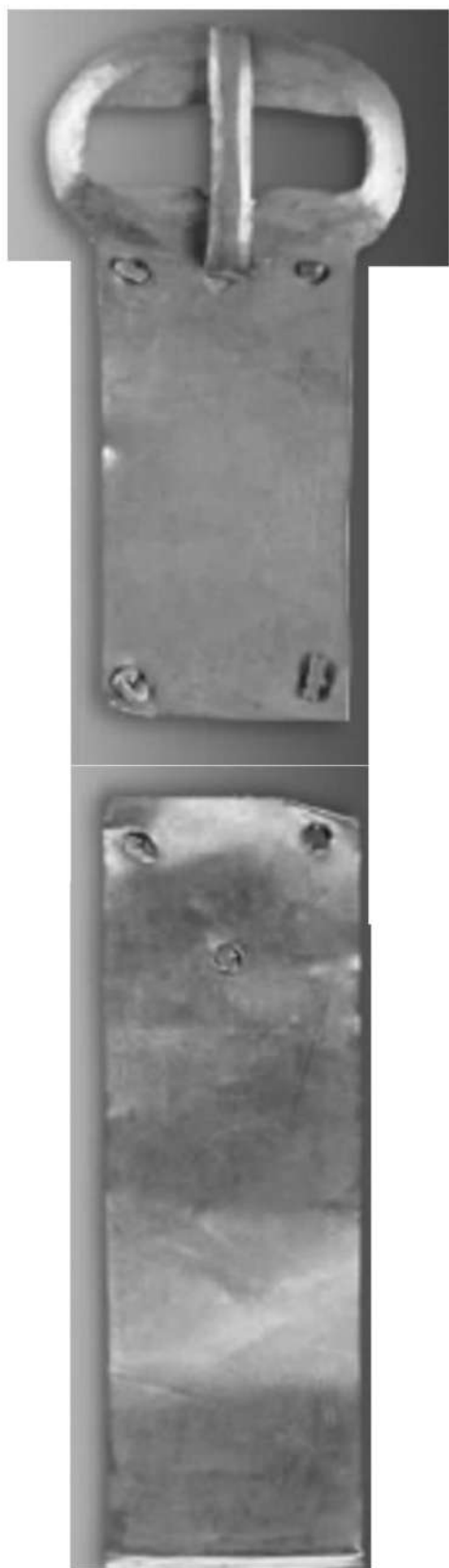
В

С

Рисунок 58: Римские золотые монеты из могильника Цзюлуншань и аналогии им из других памятников Гуюаня.

2

1

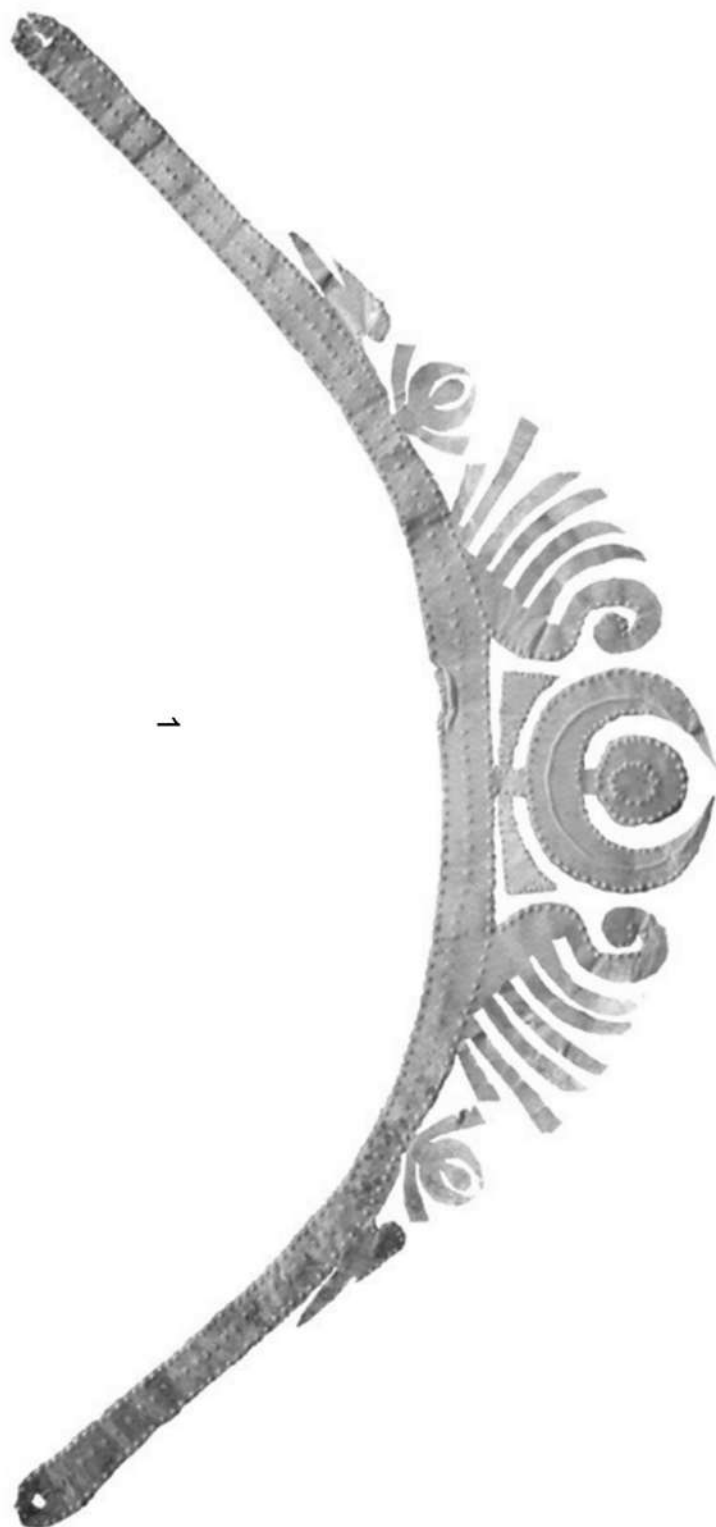

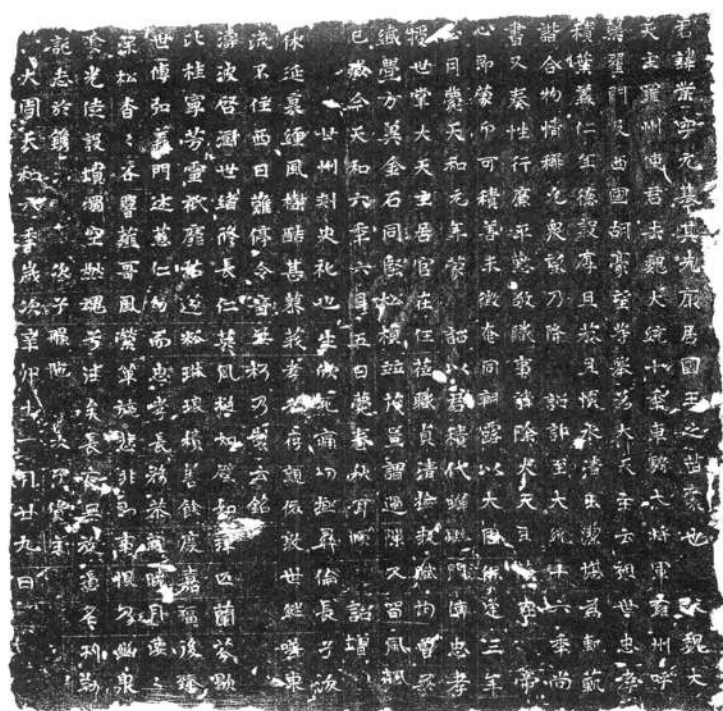
Рисунок 59: Золотые артефакты из погребения М33 могильника Цзюлуншань.
1 - деталь головного убора ; 2 - детали поясной фурнитуры.

A

B

Б

Г

Рисунок 60: А — общий вид гробницы Кан Е; Б — внешний вид доски с эпитафией;
В — один из рельефов с плит каменной кушетки;
Г — восточноримская золотая монета из погребения Кан Е.

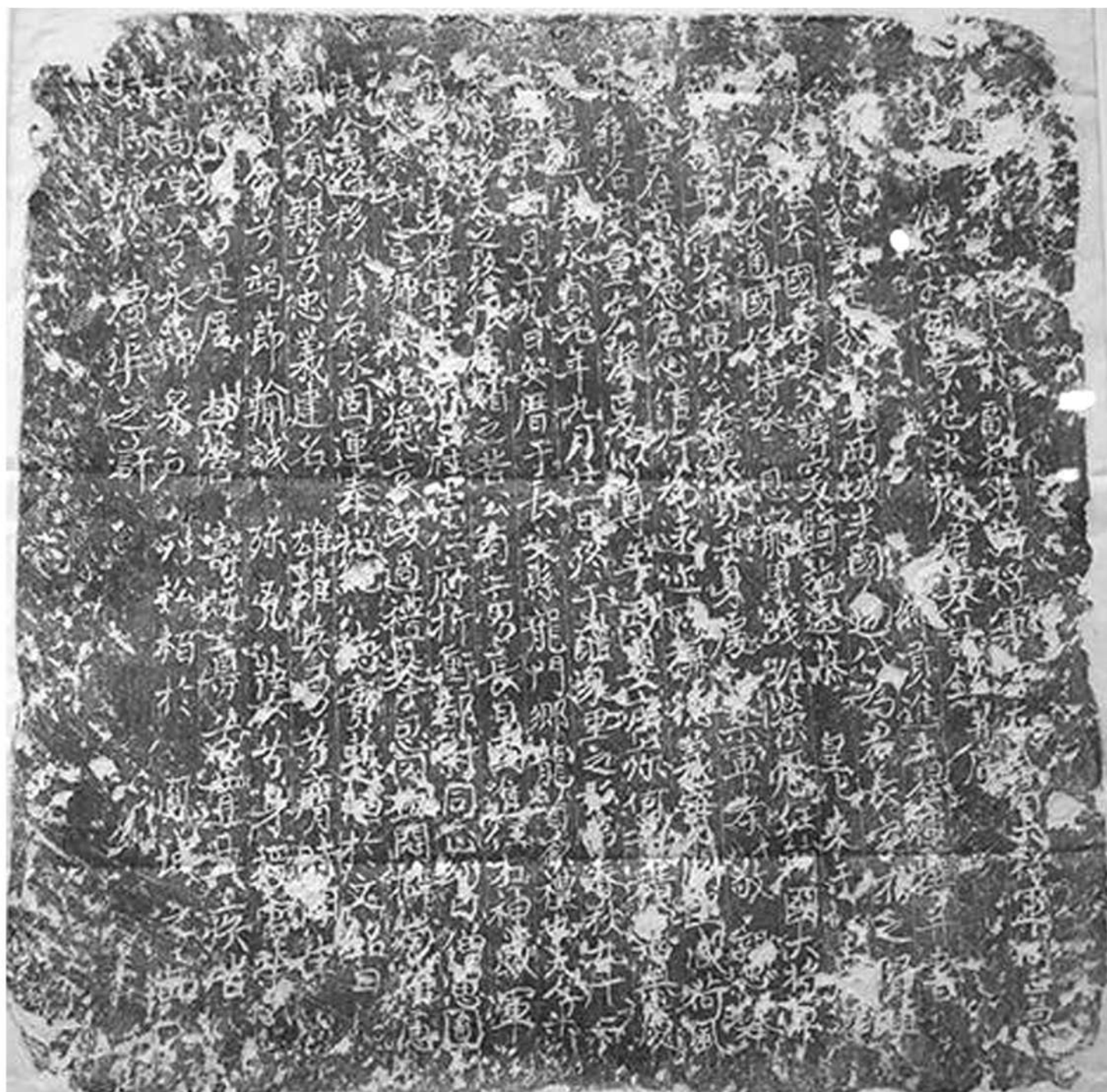

Рисунок 61. Эпитафия Ми Цифэня (протирка), представленная на выставке по истории династии Тан в Национальном музее Китая в сентябре 2018 г.

1.

2.

3.

4.

Рисунок 62: Элементы надмогильных сооружений с нестоианских кладбищ в горах Инышань.

1.

2.

3.

4.

5.

Рисунок 63: Элементы надмогильных сооружений с несторианских кладбищ в горах Иньшань

1

2

Рисунок 64: 1 – общий вид раскопок гробницы чжуншаньского вана Цо;
2 – изображение кошачьего хищника с крыльями, сочетающее
«степные» и «китайские» черты.

Приложение 3: основные научные работы Д.П. Шульги

Статьи в журналах, включенных в список изданий, рекомендованных ВАК

1. *Shulga P.I., Shulga D.P.* The cultures of the early iron age in China as a part of the Scythian world // *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2020. № 12. С. 111–147. **(ВАК, WoS, SCOPUS)**
2. *Shulga P.I., Shulga D.P.* New materials on sacrificial animals in Yanglang culture burials of the 5th — 3rd cc. BCE (China) // *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2021. № 13. Pp. 111–125. **(ВАК, WoS, SCOPUS)**.
3. *Shulga P.I., Shulga D.P., Hasnulina K.A.* Genesis of the Silk Road and its northern directions // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. Т. 14. № 8. С. 1167–1180. **(ВАК, SCOPUS)**
4. *Комиссаров С.А., Шульга Д.П.* Аварские древности как возможная основа для выделения археологических памятников жужаней // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2009. Т. 8. № 5. С. 186–188. **(ВАК)**
5. *Шульга П.И., Шульга Д.П., Хаснулина К.А.* Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2019. Т. 18. № 4. С. 19–29. **(ВАК)**

6. Шульга Д.П. Античные мифологические сюжеты на артефактах, найденных на территории КНР // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. № 2. С. 894–910. **(BAK, WoS, SCOPUS)**
7. Шульга Д.П. Наскальные рисунки Гуйгу - новый источник по хозяйственной и духовной жизни древнего населения Внутренней Монголии // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 7–15. **(BAK)**
8. Шульга Д.П. К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая) // Теория и практика археологических исследований. 2008. № 4. С. 137–145. **(BAK)**
9. Шульга Д.П. Общность Таохунбала: краткое описание и вопрос статуса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 10. С. 246–252. **(BAK)**
10. Шульга Д.П. Проблема определения этнической принадлежности ранних кочевников Северного Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 7. С. 61–67. **(BAK, RSCI WoS)**
11. Шульга Д.П., Кальбинур М. Опыт использования артефактов, оформленных в виде образов хищных птиц, для определения времени создания археологических памятников раннего железного века Синьцзяна (на примере могильника Дунхэйгоу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 3. С. 132–136. **(BAK)**
12. Шульга Д.П. Монеты Восточной Римской империи в Китае как отражение ситуации на Шёлковом пути // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 774–788. **(BAK, WoS, SCOPUS)**.
13. Шульга Д.П. Основные интеграции древнего населения Нинся в общекитайское культурное пространство // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 4. С. 42–46. **(BAK)**

14. Шульга Д.П., Чень Ц., Головкин Н.В. Кочевой мир, Греко-Бактрийское царство и Китай: этнокультурная ситуация на юге Центральной Азии в III-II вв. до н.э. // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14. № 2. С. 587–608. **(BAK, WoS, SCOPUS)**
15. Шульга Д.П., Шульга П.И. Данные о формировании культуры маоцингоу (Северный Китай) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 166–168. **(BAK, WoS)**
16. Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Сяньцзян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 4. С. 24–29. **(BAK)**
17. Шульга П.И., Шульга Д.П. К вопросу о вооружении кочевников Монголии и сопредельных территорий Китая в VII-VI вв. до н. э. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 4. С. 40–45. **(BAK, WoS)**
18. Шульга Д.П., Хаснулина К.А. Кочевые и оседлые империи на Шёлковом пути: модели взаимодействия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 10. С. 51–58. **(BAK)**
19. Шульга Д.П., Дурова М.В. Несторианство: путь «светлого учения» через четыре империи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 4. С. 51–58. **(BAK, SCOPUS)**
20. Шульга Д.П. Международный выставочный проект "Терракотовая армия - Восьмое чудо света: путь оружия в судьбе Поднебесной" // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 216–218. **(BAK)**
21. Шульга Д.П. О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 4. С. 96–107. **(BAK)**

22. Шульга Д.П. Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском автономном районе // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 104–112. (WoS, BAK).

23. Шульга Д.П. Китайская византистика: особенности используемых наименований // Византийский временник. 2021. Т. 105. С. 127–140. (WoS, BAK).

Статьи в иных изданиях, индексируемых в Web of Science и SCOPUS

1. Варёнов А.В., Митько А.О., Шульга Д.П. Погребение с комбинированными серьгами на могильнике сяньбийского времени Циланшань во Внутренней Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 138–141. (RSCI WoS).

2. Комиссаров С.А., Шульга Д.П., Сулягина Н.А. Культура шацзин (Ганьсу, Китай): основные памятники и вопросы хронологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 336–340. (RSCI WoS).

3. Шувалов П.В., Шульга Д.П., Кудинова М.А. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 253–260. (WoS, SCOPUS)

4. Шульга А.А., Шульга Д.П., Сидорова М.О. Рисоводческие обряды "малых народов" юго-западного Китая (Юньнань) как возможный ключ к семантике наскальной композиции в уезде Цаньюань // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 657–664. (RSCI WoS)

5. Шульга Д.П. Основные тенденции становления "кочевых" государств Северного Китая в V в. до н. э. - III в. н. э // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 4. С. 81–88. (WoS, SCOPUS)

6. Шульга Д.П., Гирченко Е.А., Филатова М.О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 695–701. **(RSCI WoS)**

7. Шульга Д.П., Кудинова М.А. Межэтнические взаимодействия и культурный синкретизм в раннесредневековом Гуюане (по материалам погребения с лаковым гробом эпохи Северная Вэй) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 4. С. 193–201. **(WoS, SCOPUS)**

8. Шульга Д.П., Шульга П.И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 649–656. **(RSCI WoS).**

9. Шульга П.И., Шульга Д.П. О миграциях ранних кочевников в Китае и на соседних территориях // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 3. С. 15–30. **(WoS, SCOPUS)**

10. Шульга П.И., Шульга Д.П. Снаряжение лошади и всадника (колесничего) в восточной части скифского мира // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 3. С. 17–35. **(WoS, SCOPUS)**

11. Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 321–324. **(RSCI WoS).**

12. Шульга П.И., Шульга Д.П. Скифоидные культуры на территории Китая в VII–III веках до н.э. и их связи с номадами Саяно-Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 466–469. **(RSCI WoS).**

13. Шульга Д.П. Исследование "северных варваров" Китая по материалам отечественных исследователей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 462–465. **(RSCI WoS).**

14. Шульга Д.П. Погребения китайских поселенцев на северных рубежах империи Хань // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 470–472. **(RSCI WoS)**.

15. Шульга П.И., Шульга Д.П. Новые данные о хронологии и связях культуры чауху (Синьцзян, Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 376–379. **(RSCI WoS)**.

16. Шульга А.А., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. К вопросу об источниках изучения ритуальных жертвоприношений у ранних земледельцев Восточной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 689–694. **(RSCI WoS)**.

17. Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Доместикация кур в раннем голоцене северного и центрального Китая // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 127–135. **(WoS, SCOPUS)**

18. Шульга Д.П., Гирченко Е.А. О просоводческой обрядности аборигенов острова Тайвань // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. С. 730-736. **(RSCI WoS)**.

19. Шульга Д.П., Филатова М.О. Суйские погребения с фарфором и золотыми ромейскими монетами (могильник Цзюлуншань в округе Гуюань) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. С. 737-741. **(RSCI WoS)**.

Монографии:

1. Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 259 с.

2. Шульга Д.П. Ранние кочевники Северного Китая: социум и хозяйство накануне становления Шёлкового пути. Новосибирск НГУ, 2019. 160 с.+илл.

3. Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.

4. Шульга Д. П., Комиссаров С. А., Богданов Е. С. (Культуры раннего железного века за пределами исторического региона Восточная Азия): Север современной КНР // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. С. 876–885. **(коллективная монография).**

Учебные пособия:

1. Шульга Д.П., Комиссаров С.А. У Энь (Приложение 1) // История археологических исследований в Китае (учебное пособие для вузов). Новосибирск: НГУ. 2018. С. 139–141.

2. Шульга Д.П., Азаренко Ю.А. Портреты ведущих учёных, изучавших археологию Китая (Приложение 2) // История археологических исследований в Китае (учебное пособие для вузов). Новосибирск: НГУ. 2018. С. 154–160.

3. Комиссаров С.А., Соловьёв А.И., Кудинова М.А., Варёнов А.В., Черемисин Д.В., Азаренко Ю.А., Николаева Н.Ш., Шульга Д.П. Петроглифы Китая: история изучения и важнейшие памятники (учебное пособие). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 218 с., илл.